МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 9, № 1 (2022)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

Volume 9, No. 1 (2022)

Published four times a year

Stavropol
2022

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследию западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: https://humanitieslaw.elpub.ru/jour

Адрес издательско-полиграфического комплекса ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора
Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь
Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет
Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);
Карасик В. И. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия);
Крюссман Т. – д-р юрид. наук, профессор, руководитель Центра Восточно-Европейских исследований, Университет Карла-Франца (г. Грац, Австрия);
Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);
Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);
Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);
Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);
Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);
Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия
Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);
Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);
Грушевская Т. М. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия);
Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);
Манаенко Г. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Мехди Хоссейни Тагиабад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Ходус В. П. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Цихорацкий П. – доктор исторических наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
Цибенко В. В. – к-т ист. наук, доцент, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
Чичман Л. – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапешт, Венгрия);
Шаронов С. А. – д-р юрид наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия);
Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
Шевчук С. С. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Яценко Т. С. – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Переводчик-редактор
Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal Research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanitarian and Law Research»

Circulation: 500 copies

Free price

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: https://humanitieslaw.elpub.ru/jour

The address of the publishing and printing complex of the North Caucasus Federal University:
2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

© FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", 2022.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education “North-Caucasus Federal University”

Editor-in-Chief
Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief
Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor
Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council
Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);
Vladimir I. Karasik – Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia);
Thomas Kruessmann – Doctor of Law, Professor, Head of the Centre for East European Studies, University of Karl Franz (Graz, Austria);
Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);
Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan, Armenia);
Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);
Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvar University (Kaposvar, Hungary);
Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board
Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);
Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor of of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);
Tatiana M. Grushevskaya – Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of French Philology, Kuban State Univesity (Krasnodar, Russia);
Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Gennadii N. Manaenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Anatolii Ya Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Saratov, Russia);
Vyacheslav P. Hodus – Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wroclaw, Poland);
Veronika V. Tsibenko – PhD in History, Associate Professor, Director of the Center for Interdisciplinary Humanities Research, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University «Corvinus» (Budapest, Hungary);
Sergey A. Sharonov – Doctor of Law, Professor of of Civil and Labor Law, Civil Society Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Moscow, Russia);
Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the «North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia);
Svetlana S. Shevchuk – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil Law and Process Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Oksana S.Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of of Criminal Law and Procedure Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
Tatiana S.Yatsenko – Doctor of Law, Associate Professor, Head of Civil Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

Translator-editor
Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акопян В. З. Национальные подразделения в органах власти Терского округа (1920 – 1930). 11

Бицоти Б. Б. К вопросу об авторстве газетного очерка об экспедиции П.Я. Ренненкампфа в Южную Осетию 23

Дубинин И. В., Иванцов И. Г. «Я возвращаюсь в свое псекупское владение». Жизнь и деятельность И.Д. Попко на посту командира Псекупского полка (1864–1871 гг.) 31

Карташев И. В. Медицинские образовательные учреждения в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР 39

Киселев И. В. Людские потери германских войск в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 50

Клычников Ю.Ю. Кавказ как «школа войны» для российской армии (к оценке опыта первой половины XIX столетия) 57

Наумова Н. А. Систан и Белуджистан в противостоянии России и Великобритании в Восточной Персии в последней трети XIX – начале XX вв. 65

Покотилова Т. Е., Оборский Е. Ю. Личность, общество и власть в развитии женского образования в Российской империи 72

Сыч А. И. О культуре в контексте российской истории 81

Хубулова С. А., Хубулова Э. В. Население малых городов Северной Осетии: между селом и городом 87

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Афонина Е. Г. Меры, способствующие предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма: совершенствование правового регулирования 96

Вышеславова Т. Ф., Диреганова А. В. Теоретико-исторические предпосылки возникновения и развития института трудовых конфликтов в фабричном законодательстве России (XIX век – начало XX столетия). 103

Дехтярь И. Н., Конина Е. Н. Вопросы применения положений антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ 111

Кирпа А. С. Финансово-правовые аспекты инновационных кластеров 118

Погожева О. В., Плиев С. М. Психологическое сопровождение подростков: проблемы институционального и нормативного характера в образовательном пространстве России и Южной Осетии 124

Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Основы правовой политики в сфере антимонопольного регулирования в условиях цифровизации экономики 131

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бекоева И. Д., Тамерьян Т. Ю., Рахматулаева Т. Г. Предвыборный дискурс: новые этнические модели 137

Грязнова В. М. Идея предопределения в русской языковой картине мира (на материале словарей и текстов XVIII–XIX вв.) 145

Зубкова Е. Н. Лексико-семантическая группа «Фантастические птицы» как фрагмент русской языковой картины мира 152

Уланова Е. Э. Исследование языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода 159

РЕЦЕНЗИИ

Колосовская Т. А. Новая книга о казачьем историке генерале И.Д. Попко.

[Рецензия: Трехбратов Б.А. Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. Краснодар: Традиция, 2021. 208 с., ил. ISBN 978-5-91883-395-7: 300 экз.] 167

CONTENTS

HISTORY

Akopyan V. National divisions in government bodies of Tersk district (1920–1930) 11

Bitsoti B. On the authorship of the essay on P.J. Rennenkampf's military expedition to South Ossetia..... 23

Ivantsov I., Dubinin I. «I am back to my Psekups possession». life and activity of I.D. Popko in the office of commander of the Psekupsky regiment (1864–1871) 31

Kartashev I. Medical educational institutions under the conditions of German fascist occupation of the USSR..... 39

Kiselev I. Death toll of German troops during the battle of the Caucasus in 1942–1943 50

Klychnikov Yu. The Caucasus as a «school of war» for the Russian army (on the assessment of the experience of the first half of the 19th century)..... 57

Naumova N. Sistan and Balochistan in the confrontation between Russia and Great Britain in Eastern Persia in the last third of the 19th – early 20th centuries 65

Pokotilova T., Oborsky E. The individual, society and power in the development of women's education in the Russian Empire..... 72

Sych A. On the culture in the context of Russian history..... 81

Khubulova S., Khubulova E. Population of small towns of North Ossetia: between the village and the city 87

LEGAL SCIENCES

Afonina E. Measures contributing to the prevention of child road traffic injuries: improvement of legal regulation 96

Vysheslavova T., Direganova A. Theoretical and historical prerequisites for the emergence and development of the institution of labor conflicts in the factory legislation of Russia (XIX century – early XX century) 103

Dekhtiar I., Konina E. Issues of application of anti-monopoly legislation provisions to the activities of digital platforms 111

Kirpa A. Financial and legal aspects of innovation clusters..... 118

Pogozheva O., Pliev S. Psychological support of teenagers: institutional and regulatory problems in the educational space of Russia and South Ossetia 124

Sokolov A., Lakaev O. Fundamentals of legal policy in the field of antimonopoly regulation in the conditions of digitalization of the economy 131

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bekoeva I., Tameryan T., Rakhmatulaeva T. Pre-election discourse: new ethnic models..... 137

Gryaznova V. The idea of predestination in the Russian language picture of the world (based on dictionaries and texts of the XVIII–XIX centuries) 145

Zubkova E. Lexico-semantic group «fantastic birds» as a fragment of the russian language picture of the world 152

Ulanova E. Study of language personality of a conference interpreter in a moment of interpretation..... 159

REVIEW

Kolosovskaya T. The new book about the cossack historian general I.D. Popco [Review: Trekhbratov B.A. The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region. Krasnodar: Tradition publ., 2021. 208 p., ill. ISBN 978-5-91883-395-7: 300 copies.] 167

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

CC BY

УДК 94(470.61)”1920/1930”(047)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.1

В. З. Акопян

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ ТЕРСКОГО ОКРУГА (1920–1930)

Статья посвящена деятельности национальных подразделений во властных структурах Терской губернии, преобразованной в 1924 г. в округ, входивший в состав Северо-Кавказского края. Административным центром Терской губернии (округа) являлся город Пятигорск. В статье рассматривается система власти в этом регионе Северного Кавказа и то место, которое занимали в ней национальные подразделения, решавшие вопросы по проблемам национальных меньшинств: национальные партийные секции, советы национальных меньшинств при отделах народного образования, уполномоченные по делам национальных меньшинств и другие.

Советская власть в годы нэповской либерализации вынуждена была использовать, официально не признавая, идею культурно-национальной автономии, которую идеологи большевизма считали несовместимой с идеей «пролетарского интернационализма». Важнейшим элементом этой экстерриториальной автономии являлась система представительства нацменьшинств в органах власти. Национальные структуры призваны были учитывать культурные и бытовые особенности проживавших в регионе представителей дисперсных этносов, содействовать властям в проведении мероприятий по вовлечению их в советское, культурное и хозяйственное строительство. Наибольшую активность на Тереке проявляли окружная и районные армянские секции. Они вели работу среди 25-тысячного армянского населения округа, по численности уступавшего только русским и украинцам. Проанализированы причины создания, формы и методы работы национальных секций, причины их ликвидации. Тогда перед армянскими секциями были поставлены задачи: нейтрализовать религиозные организации и национальные партии, действовавшие в досоветский период, переориентировать армянское население от «буржуазных организаций» в сторону большевиков и советской власти. В работе анализируется, как удивительным образом по времени совпали упразднение Терского округа и ликвидация национальных секций не только на Тереке и Северном Кавказе, но и по всей стране.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терский округ, советская власть, национальная политика, национальные меньшинства, дисперсные этносы, национальные секции.

Для цитирования: Акопян В. З. Национальные подразделения в органах власти Терского округа (1920–1930) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 11–22. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.1

Victor Z. Akopyan

NATIONAL DIVISIONS IN GOVERNMENT BODIES OF TERSK DISTRICT (1920–1930)

The article is devoted to the activities of national divisions in the power structures of the Tersk province, which was transformed into a district that was part of the North-Caucasus Region in 1924. The administrative center of the Tersk province (district) was the city of Pyatigorsk. The article examines the system of power in this region of the North Caucasus and the place occupied in it by national units that resolved issues on the problems of national minorities: national party sections, councils of national minorities under the departments of public education, commissioners for national minorities, and others.

During the years of the new economic policy, the Soviet government was forced to use, without officially recognizing, the idea of cultural and national autonomy, which the ideologists of Bolshevism considered incompatible with the idea of «proletarian internationalism». The most important element of this extraterritorial autonomy was the system of representation of national minorities in government bodies. National structures were called upon to take into account the cultural and everyday characteristics of representatives of dispersed ethnic groups living in the region, to assist the authorities in carrying out measures to involve them in Soviet, cultural and economic construction.

The most active on the Terek were district and province Armenian sections. They worked among the 25,000 Armenian population of the district, which was second only to Russians and Ukrainians in number. The reasons for the creation, forms and methods of work of national sections,

the reasons for their liquidation are analyzed. At that time, the Armenian sects were assigned the tasks to neutralize religious organizations and national parties that operated in the pre-Soviet period, to reorient the Armenian population from «bourgeois organizations» towards the Bolsheviks and the Soviet government. It is analyzed how the abolition of the Tersk District and the liquidation of national sections coincided in an amazing way, not only in the Terek and the North Caucasus, but also throughout the country.

Key words: North Caucasus, Tersk district, Soviet power, national policy, national minorities, dispersed ethnic groups, national sections.

For citation: Akopyan V. National divisions in government bodies of Tersk district (1920–1930) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 11–22. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.1

В настоящей статье рассматривается деятельность национальных подразделений, во властных структурах Терской губернии (1921–1924) и округа (1924–1930), административным центром которых являлся город Пятигорск. Особое внимание уделено армянским национальным партийным секциям, выделявшимся своей активностью среди других национальных подразделений в партийных и государственных органах рассматриваемого региона.

В первое десятилетие советской власти процесс национально-государственного строительства охватил и национальные меньшинства (в терминологии того времени). Государство в период НЭПа вынуждено было использовать наряду с территориальной и экстерриториальную автономию.

В рассматриваемый период были созданы условия для прямого представительства нацменьшинств в органах власти, прежде всего в Советах разного уровня. Это представительство достигалось практикой кооптации «национальных кадров» в исполнительные органы власти (в национально «смешанных» сельсоветах выборы проходили на паритетной основе, когда в составе будущего Совета за каждой национальностью закреплялись квоты, соответствующие их численности; в ряде городов во время перевыборов Советов, кроме введения их представителей почти во все избирательные комиссии, создавались национальные избирательные участки, в которых представители соответствующих этносов избирали своих депутатов) [2].

Увеличению представительства нацменьшинств в органах власти должны были способствовать национальные сельсоветы – «низовая» форма автономии. В Терской губернии (округе) активнее всего работой по выделению национальных сельсоветов было охвачено немецкое население, в большинстве проживавшее в колониях. Потребность в большом количестве товарного хлеба, особые отношения, сложившиеся у советского государства с Германией, обуславливали более внимательное отношение властей к колонистам. К концу 1928 г. в Терском округе имелось 7 немецких сельсоветов [3].

Важным направлением в системе прямого представительства нацменьшинств в органах власти стала организация при партийных и советских органах национальных подразделений (подотделы нацменьшинств, национальные секции, совнацмены, нацменкомиссии, уполномоченные по делам нацмен), которые призваны были учитывать языковые и культурно-бытовые особенности нацменьшинств, содействовать властям в проведении мероприятий по вовлечению их в советское строительство.

По Терскому округу о росте численности представителей различных народов в местных советах свидетельствовали такие данные: в 1923–1924 гг. было избрано 1243 человека; в 1924–1925 – 3237; в 1926–1927 – 12527. По тому же округу имеются следующие данные об участии нацменьшинств в руководящей работе: председатели сельсоветов – русские – 79; нацменьшинства – 31; члены ревизионных комиссий – соответственно 248 и 125; состав президиумов сельсоветов – 295 и 138; состав президиумов горсоветов – 52 и 14; состав президиумов райисполкомов – 65 и 15 [26, с. 35].

Считаем необходимым предварить материал, посвященный национальным подразделениям и органам власти региона, характеристикой Терской губернии (округа), где они осуществляли свою деятельность.

До 1888 г. Пятигорск, получивший в 1830 г. городской статус и свое нынешнее название (вместо Горячих Вод), являлся уездным, а потом окружным центром в составе Терской области. Город-курорт 21 марта 1888 г. становится центром Пятигорского отдела Терского казачьего войска (ТКВ), включавшего 14 станиц и 99 хуторов [1]. Курорты КМВ, включая окружной центр, непосредственно управлялись Дирекцией [28].

В годы Революции 1917 г. и Гражданской войны г. Пятигорск, в зависимости от того, кто в тот или иной отрезок времени контролировал территорию, являлся административным центром государственных образований разной политической ориентации. А с августа 1918 г. до января 1919 г. даже имел статус центра Северо-Кавказской советской республики (СКСР). Более года регион находился под контролем правительства генерала А.И. Деникина. 16 марта 1920 г. Пятигорск занял отряд Красной армии.

После установления советской власти внутренняя конфигурация Юга России изменяется в результате осуществления политики расказачивания и автономизации горцев. В ноябре 1920 г. съезды народов Дагестана и Терека провозгласили создание Дагестанской и Горской автономных республик.

В состав Горской АССР (ГАССР) вошли национальные территории бывшей Терской области и части Кубанской области [1]. В период с 1921 по 1925 гг. народы ГАССР образовали свои автономные области.

После отделения от Терской области горских округов и городов Грозный и Владикавказ оставшаяся территория составила Терскую губернию, образованную в соответствии с декретом ВЦИК от 4 апреля 1921 года. Территория Терской губернии протянулась с запада на восток: от Кавминвод вдоль р. Терек до побережья Каспия с городами: Пятигорск, Георгиевск, Святой Крест, Моздок, Кизляр. Вскоре 30% ее восточной части (кизлярские степи и каспийское побережье) передали Дагестану, а от Ставропольской губернии приарезали небольшие части и в таком виде декретом ВЦИК от 27 апреля 1923 г. разделили на четыре уезда: Георгиевский, Моздокский, Пятигорский и Прикумский (Святокрестовский до 1921 г.). В результате начавшегося районирования уезды стали называться районами [1].

Этнический состав населения Терской области по переписи 1920 года был таков: русские (велико- и малороссы) – 498,5 тыс.; армяне – 21,3[1]; немцы – 15 тыс.; осетины – 7,5 тыс. (в основном в Моздокском р-не); евреи – 3,4 тыс. (горские и европейские); кабардинцы и черкесы – 2,9 тыс. (Моздокский р-н); ногайцы – ок. 2 тыс. (Минераловодский р-н); грузины – 1,4 тыс.; греки – 1,3 тыс.; карачаевцы – 1,2 тыс.; туркмены – 1,2 тыс.; татары – 1 тыс. и др. [41]. Перепись не учла тысячи беженцев, особенно из Западной Армении, захваченной Турцией.

В решении о создании Терской губернии ее центром вначале был определен г. Георгиевск. Однако к сентябрю 1921 г. центр был переведен в Пятигорск [12, с. 744]. Впрочем, губернские власти из города и не выезжали.

В отличие от Георгиевска, в Пятигорске имелась разветвленная инфраструктура для размещения губернских, а с 1924 г. и окружных учреждений. После проведенной тотальной национализации множество великолепных зданий, принадлежавших частным лицам, перешли в государственную собственность. Такие комфортные условия и в придачу целебные воды, грязи, здоровый климат, аристократический дух курорта, пыльный и неухоженный Георгиевск, открытый всем степным ветрам, предоставить не мог. Новая советская бюрократия стремилась в полной мере насладиться победой в гражданском противостоянии, долго жить и укреплять свое здоровье на курортах.

Пятигорск всегда оставался центром курортов КМВ. Причем новые власти, особенно в период нэпа, использовали опыт управления курортами досоветского периода. Указанная преемственность в советский период сохранялась в созданной системе управления: Большой Совет КМВ, Управление Вод, Ответственный Президиум, Директор Вод, Комиссар КМВ, Управление КМВ, Кавминводздравтрест, Управление курортами КМВ [28].

Параллельно с автономизацией и районированием происходила интеграция всех территорий Юго-Востока России в единый край. Итогом проведения административно-территориальной реформы стало создание Северо-Кавказского края площадью 293 тыс. кв. км, включавшего 20 административных единиц: 6 автономных областей и 14 округов. Административным центром края стал Ростов-на-Дону.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 2 июня 1924 г. и постановлением Краевого экономического совещания (ЭКОСО) от 10 июня 1924 г. Терская губерния была преобразована в одноименный округ [29].

Площадь округа составляла 28,5 тыс. кв. км. В соответствии с Всесоюзной переписью населения 17 декабря 1926 г. в округе проживало 641,6 тыс. чел., в том числе: русские – 375,5 тыс., украинцы – 195 тыс., армяне – 21,4 тыс., немцы – 18 тыс., осетины – 7,3 тыс., черкесы и кабардинцы – 3,3 тыс., ногайцы – 2,6 тыс., евреи (в т. ч. горские) – 2,1 тыс., грузины – 1,7 тыс., карачаевцы – 1,5 тыс., калмыки – 1,6 тыс. и др. [10].

С 1924 г. округ состоял из 16 районов: Александрийский, Арзгирский, Архангельский, Воронцово-Александровский, Георгиевский, Горячеводский, Ессентукский, Кисловодский, Левокумский, Минераловодский, Моздокский, Наурский, Прикумский, Прохладненский, Суворовский, Степновский. Некоторые из этих районов были упразднены в 1928–1929 гг. [29].

Центром округа был определен город Пятигорск. Его население в 1926 г. составило 53 487 человек, а с пригородами – около 60 тысяч[7, с. 150].

В Терской губернии (округе) высшей властью, как во всей стране, был губернский комитет (губком) РКП(б), а с 1924 г. – окружной комитет (окружком) РКП(б), в 1924 г. переименованный в ВКП(б). Губком подчинялся Юго-Восточному бюро ЦК РКП(б), в марте 1921 г. выделившемуся из Кавказского бюро ЦК. Значение Бюро значительно возросло с назначением в июле 1922 г. первым секретарем А.И. Микояна[2]. Руководимое

1 Несколько тысяч западноармянских беженцев, считавшихся турецкоподданными, не были учтены этой и последующей переписью. Это же касалось понтийских греков и ассирийцев.

2 Микоян Анастас Иванович (1895-1978) – член РСДРП с 1915 г. В 1916 г. окончил духовную семинарию в г. Тифлисе. В период февральской революции был одним из организаторов Совета солдатских депутатов в Эчмиадзине. В 1918 г. по заданию партии, в Баку, защищая коммуну, командовал боевой дружиной большевиков. Накануне вторжения турецких интервентов в город Микоян освободил С. Шаумяна и других коммунаров из тюрьмы. Из захваченного турецкими восками Баку коммунары вместе с беженцами и солдатами на пароходе «Туркмен» пытались перебраться в Астрахань, но команда направила судно в Красноводск, оккупированный англичанами. Местные власти по случайному списку

им Бюро на II Юго-Восточной краевой партконференции (5–8 мая 1924 г.) было преобразовано в Северо-Кавказский крайком [11, с. 180]. Первыми секретарями крайкома являлись А. Микоян, Г. Орджоникидзе (в сентябре 1926 г.), М. Чудов, А. Андреев и др.

Терскому губкому подчинялись уездные комитеты: Георгиевский, Кизлярский, Моздокский, Пятигорский и Сунженский. Все они были представлены на 1-й губернской партконференции (8–9 июля 1921 г.). Только Минераловодский район, территориально находясь в составе Терского округа, по партийной линии относился к Ставропольскому окружкому ВКП(б) [6].

В структуру губкома РКП(б) входили отделы: общий, организационно-инструкторский с подотделами; агитационно-пропагандистский с подотделами – агитационный, пропагандистский, национальных меньшинств; по работе среди женщин. Структура губкома постоянно изменялась. Так, в июне 1922 г. ликвидирован подотдел нацменьшинств, восстановленный в составе окружкома. На 1 марта 1924 г. в губернской парторганизации состояло 1460 членов партии и 361 кандидат [6].

В связи с образованием округа губком РКП(б) был реорганизован в Терский окружком, руководивший районными комитетами – райкомами.

Ведущей парторганизацией являлся Пятигорский городской райком. Согласно постановлению первого пленума Терского окружкома ВКП (б) от 18 декабря 1926 г. в структуре окружкома он значился в качестве самостоятельной единицы – Пятигорский городской подотдел ВКП(б). В 1929 г. в Пятигорской организации числилось 1200 членов ВКП(б). До 1928 г. городскую парторганизацию возглавлял Айказ Сергеевич Месропов [17, л. 72 об., 90, 130].

Учредительная конференция Терского окружкома, состоявшаяся 27 ноября 1924 г. наметила формы и методы деятельности. По состоянию на 1 ноября в состав окружной парторганизации входило 123 ячейки. Они объединяли 2731 члена и кандидатов в члены РКП(б) [18, л. 4–6, 24, 28–33].

В 1924 г. в структуру окружкома РКП(б) – ВКП(б) входили следующие отделы: организационно-распределительный, агитационно-пропагандистский, женский, а при них подотделы и комиссии [18, л. 16–23; 20; 19, л. 64]. При агитпропотделе окружкома (АПО), кроме прочих, работал постоянно действующий подотдел национальных меньшинств, при котором состояли национальные секции [18, л. 50; 19, л. 38–51]. Подотдел нацменьшинств 11 апреля 1928 г. упразднили, однако национальные секции: армянская, украинская, немецкая и др. непосредственно подчинялись АПО и работали до упразднения окружкома [16, л. 108]. Впрочем, упоминание о подотделе нацменьшинств встречалось и после 1928 г. О деятельности национальных партсекций речь будет идти ниже.

После ликвидации в 1930 г. округа и соответственно окружкома райкомы и горкомы стали напрямую подчиняться крайкому ВКП(б).

Терская партийная организация являлась либо трамплином для восхождения на советский политический Олимп, либо местом политической ссылки или «перевоспитания» кадров, вызывавших у высшего политического руководства сомнения в абсолютной лояльности. В разное время губком/окружком возглавляли: И. П. Румянцев (ответсекретарь оргбюро); Каменский, Сокирко, Ткачев, С. О. Котляр (1923 – август 1927), И. Н. Крайнев (август 1927 – 3 января 1928), Е.И. Гурин (и.о. в январе 1928), С. С. Захаров (1928 – сентябрь 1930). С 18 марта 1930 г. исполнял обязанности секретаря Терского окружкома З. М. Беленький [31], возглавлявший до этого Северо-Кавказский краевой совет профсоюзов.

Из этого списка секретарей (неполного в «губернский период») в качестве «долгожителя» на данной должности выделялся Соломон Осипович Котляр (1890–1967) – секретарь Терского губкома, а затем окружкома ВКП(б). Он оказался одним из немногих партийных и государственных функционеров того времени, избежавших гибель в годы массовых репрессий.

Одновременно с созданием краевых партийных органов шло и формирование исполнительного комитета Терского губернского (окружного) Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Решения, принимаемые советскими органами, копировали партийные резолюции. Они же претворяли в жизнь установки партийного руководства.

арестовали 26 большевиков и левых эсеров. В указанных списках не значились Микоян и другие деятели коммуны, что позволило им избежать гибель. После ухода турецких интервентов из Закавказья Микоян вновь возглавил подпольную организацию РКП(б) в Баку. Осенью 1919 г. он прибыл с отчетом в Москву, где познакомился с Лениным, Кировым, Орджоникидзе, но особенно сблизился со Сталиным. Тогда же он был избран во ВЦИК. Весной 1920 г. молодого Микояна направили на работу в Нижегородский губком. Он действовал умело и решительно и вскоре стал фактическим руководителем губернии. В мае 1922 г. Микоян был избран в состав ЦК РКП(б), а вскоре возглавил Юго-Восточное бюро ЦК (с 1924 г. – крайком). При нем самый сложный регион РСФСР в условиях нэпа быстро оправился от разрухи и вновь стал житницей страны. Микоян предпринял решительные шаги по превращению «казачества в опору советской власти». Он требовал от коммунистов гибко относиться к религии, соблюдать экономические права, предоставленные зажиточным крестьянам и нэпманам. Национальные споры и трения преодолевались на основе компромисса. Взвешенная, гибкая и дальновидная политика закрепила за ним репутацию умелого и опытного руководителя. На Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 г. Микоян был избран кандидатом в члены Политбюро. С 1926 г. возглавлял наркоматы внутренней и внешней торговли, снабжения, пищевой промышленности и т.д. Одновременно с 1937 г. являлся зам. председателя СНК СССР, первым зам. председателя Совмина. В 1964-1965 гг. председатель Президиума ВС СССР, в 1965-1974 гг. член Президиума ВС СССР. Член ЦК с 1922 г. и Политбюро в 1935-1966 гг. [4].

Первые месяцы после советизации Северного Кавказа действовали чрезвычайные органы советской власти – революционные комитеты (ревкомы), которые подготавливали выборы в Советы и передавали власть исполкомам.

В апреле 1920 г. краевым советским правительственным органом вместо ревкома был утвержден Революционный Совет Армии Труда Юго-Востока (Ревсовтрударм), преобразованный в марте 1921 г. в Краевой экономический совет (КЭС) Юго-Востока, а в августе 1924 г. – в Краевой исполнительный комитет (КИК, Крайисполком) во главе с президиумом и его председателем. Вторую по значимости должность в крае занимали Н. Б. Эйсмонт, В. Н. Толмачев, П. А. Богданов, И. Н. Пивоваров и др. [4].

К началу июня 1921 г. закончились выборы сельских, станичных и волостных Советов Терской губернии. 13–14 июня 1921 г. состоялся I съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Терской губернии, на котором констатировался переход власти от ревкома к исполкому. До начала работы съезда советскую власть представлял губревком (председатель М.А. Коробкин). В губернский и окружной периоды Терский исполком возглавляли М. Ф. Болдырёв (ноябрь 1921 – октябрь 1922 г.), М. М. Карклин (октябрь 1922 – октябрь 1925 г.), Цветков, Ищенко и др.

Официальными печатными органами губернии были «Известия Терского губисполкома и губкома» и ежедневная газета «Терек», первый номер которой вышел 15 января 1922 г. [19, л. 4]. С осени 1927 г. в Пятигорске начало издаваться двухнедельное официальное издание «Бюллетень Терского Окружного Исполнительного комитета и Пятигорского горсовета».

Губисполком контролировал уездные исполкомы. В мае 1924 г. в связи с преобразованием губернии в округ Терский губисполком был реорганизован в исполком Терского окружного Совета рабочих, крестьянских красноармейских и казачьих депутатов [25, л. 84]. Окрисполком избирал из своей среды президиум во главе с председателем. Для разрешения наиболее важных для округа вопросов созывались расширенные заседания окрисполкома [36].

Окрисполком осуществлял руководство хозяйственной и культурной жизнью округа через отраслевые отделы. В окружкоме имелась штатная единица уполномоченного по работе среди нацменьшинств. Периодически она становилась вакантной. Как в округе, так и в районах работу среди дисперсных этносов (в т. ч. и по советской линии) вели партийные национальные секции и подотделы [21, л. 32–54; 22, л. 1–2; 24, л. 21].

В то же время в структуре ряда райисполкомов (РИК), например, в Моздокском, была создана штатная единица уполномоченного по работе среди национальных меньшинств [14, л. 30; 15, л. 25]. В 1927 г. были предприняты меры по введению такой должности и в других райисполкомах. В газете «Терек» в заметке «Улучшаем работу среди нацменьшинств» сообщалось, что окрисполком, назначил члена президиума окрисполкома Лупандина окружным уполномоченным по работе среди нацменьшинств и предложил Степновскому, Моздокскому, Арзгирскому, Прохладненскому, Минераловодскому, Георгиевскому и Прикумскому РИКам и горсоветам также выделить уполномоченных. Окрисполком поручил Лупандину выработать план работы среди нацменьшинств округа и другие «необходимые материалы руководящего характера» и выслать их в районы [39].

В контексте рассматриваемой темы важным отраслевым подразделением Терского окрисполкома являлся Отдел народного образования (ОНО). Структура губОНО состояла из управлений, в числе которых был Совет просвещения национальностей (Совнацмен), отвечавший за образование на родных языках дисперсных этносов [20, л. 66–67]. После преобразования губернии в округ в структуре окрОНО окружной Совнацмен не упоминался. Впрочем, совнацмены функционировали на уровне ряда райОНО. Например, в 1925 г. при Моздокском райОНО была введена штатная единица инструктора совнацмен. Ее возглавлял немец Обот. Такое решение было принято по инициативе агитпропотдела окркома 16 марта 1925 г. по докладу Михаила Месропова, предложившего сформировать в районе совнацмен, в котором предполагалось сосредоточить всю работу по «обслуживанию и углублению культурных нужд национальных меньшинств» [13, л. 133].

«Инструментами, приводными ремнями и щупальцами» партии (по словам Сталина) были профсоюзы, кооперативы и комсомол [38, с. 141–144].

Первый «инструмент» партии – Терский губернский совет профсоюзов оформился в мае 1921 г. на I губернском съезде профсоюзов. Профсоюзная сеть губернии (округа) включала: губернский/окружной совет профсоюзов, его отраслевые отделы, уездные/районные отделы, первичные ячейки. Функции окружного профсоюзного Совета определялись задачами, поставленными партией [27]. Одной из таких задач являлось вовлечение в производство женщин из числа нацменьшинств. При профотделах предпринимались попытки наладить работу среди них через штатных работников. Основное внимание обращалось на немок и мусульманок.

В Пятигорске размещались руководящие структуры губернского (окружного) союзов потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Их деятельность также направлялась партийной организацией. Интересно отметить, что в период нэпа власти вынуждены были разрешить

деятельность «национальных» кооперативов, например, немецкой сельхозкооперации. Полным доверием у колонистов пользовалось Суворовское отделение Всероссийского Меннонитского сельскохозяйственного общества, в правление которого входили П. Фрезе (председатель), Г. Мартенс, Г. Винс, Я. Левен [23, л. 41–43]. В условиях «либерального» нэпа окружная немецкая секция (Капитульник, Штальберг) и уполномоченный окрисполкома (Обст, Кютемайер) вынуждены были проявлять гибкость во взаимоотношениях с правлением. При этом власти предпринимали меры для установления контроля за деятельностью «независимой» кооперации.

Наконец партийный резерв – Терский губком (окружком) комсомола (РЛКСМ – ВЛКСМ). Он в полной мере копировал организационную структуру своих шефов. В мае 1920 г. в Пятигорске создано временное Северо-Кавказское бюро РКСМ, решением которого созданы Терский губком РКСМ. Губком РКСМ в июне 1924 года реорганизовался в окружком ВЛКСМ [32]. Терский комсомол возглавляли секретари: Адмиральский, Кузнецов, Краснов, Спиридонычев и др. Они, как и их партийные кураторы, долго не задерживались на своих местах.

Подведомственную сеть окружкома составляли Пятигорский и Железноводский горкомы и 16 райкомов ВЛКСМ. Аппарат окружкома состоял из отделов почти таких же, как в партии (кроме бюро юных пионеров).

Партия ставила перед комсомолом в качестве главной цели систематическую работу по «ленинскому воспитанию несоюзной молодежи». Комсомол занимался антирелигиозной пропагандой (причем, не брезгуя даже действиями, нарушающими советские законы), организацией «детского движения», военно-шефской работой и т.д., но, главное, комсомольские активисты ожидали своей очереди у номенклатурной лестницы для занятия важных партийных и государственных должностей. Но для этого необходимо было вступить в партию и получить образование. Без комсомольского направления невозможно было получить направление в учебные заведения, продвинуться по служебной карьере и, конечно, вступить в партию.

Копируя структуру партийных организаций, комсомольские комитеты в ряде мест также имели свои национальные секции. Так, например, на завершающем этапе истории армянской секции окружкома (1930) ее возглавлял Степанян, до 1928 г. руководивший национальной секцией окружкома комсомола. Если армянская молодежь в целом стремилась активно участвовать в общественной жизни, в том числе через комсомол, то многие молодые люди немецкого, польского и греческого происхождения, как и их родители, мечтали эмигрировать на свою «буржуазную» родину. Членство в комсомоле для них стало бы ненужной страницей в «жизненном портфолио». Так, несмотря на то что Кисловодскому райкому ВЛКСМ была выделена штатная единица для работы среди греческой молодежи, место так и осталось вакантным [40].

Национальных подразделений не было только в правоохранительных органах Терской губернии (округа), например, в прокуратуре, органах внутренних дел, органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ и суде[1].

С конца 1920-х гг. начался «великий перелом», укрепивший тоталитарные основы общества. Первым отражением коллективизации и индустриализации в административно-территориальном строительстве стало упразднение округов. Ликвидация Терского и других округов в крае начинает осуществляться в августе 1930 г. на основе решения XVI съезда ВКП(б), постановления Президиума ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. и постановления Северо-Кавказского крайисполкома от 13 августа 1930 г. Укрупненные районы стали напрямую подчиняться крайисполкому. Причем город Пятигорск 28 ноября 1930 г. был включен в состав Ессентукского района, в 1934 г. переименованного в Суворовский [1; 29].

Теперь перейдем к вопросу о национальных секциях, в частности, об армянских секциях, действовавших при Терском окружкоме ВКП(б).

Специальные институты: национальные партийные секции, отделения, или секции, Наркомната действовали в ряде городов Терской области еще в начальный период существования советской власти до занятия региона Белой армией генерала А.И. Деникина.

Они создавались в противовес национальным партиям и организациям и действовали там, где власть принадлежала советам. Отделы и уполномоченные Наркомнаца на местах проводили организационную работу в армянских, польских, еврейских и других общинах с целью привлечения своих соотечественников в большевистскую партию, Красную армию и в создаваемые местные органы власти. Кроме того, они брали под свой контроль учебные заведения, отстраняя от руководства и преподавания дисциплин духовенство

1 В рассматриваемый период самым известным председателем Терского губернского суда был Арутюн Саруханович Богдасаров (1891 – после 1956). Член РСДРП(б) с 1912 г. В период революции 1917 г. являлся членом Василеостровского райкома РСДРП(б) в Петрограде. С 1918 г. работал следователем Московского губернского революционного трибунала, в 1922–1923 гг. – прокурор Донской области, в 1923–1926 гг. – председатель Терского губернского (окружного) суда, редактор Северо-Кавказской краевой газеты «Молот». После перевода в Москву работал ответственным редактором газеты «Гудок». После окончания Института Красной профессуры и присвоения профессорского звания занимался преподавательской работой, читал лекции в ВПШ при ЦК ВКП(б), где находился на должности заместителя заведующего кафедрой истории партии. Многочисленные научные публикации посвящены истории партии [8].

и учителей, состоявших в других партиях. Наибольшую активность проявлял отдел армянского комиссариата, упразднивший, например, в Пятигорске национальный Армянский комитет (Арменком), руководимый местным комитетом Дашнакцутюн. Своеобразным руководящим ядром отдела стала газета «Кармир орер» («Красные дни»). Ответственным секретарем и членом редколлегии газеты была утверждена В. С. Тарахчян, до этого руководившая армянской секцией Наркомнаца в Армавире.

С восстановлением советской власти на Юге России центр тяжести в работе с армянским населением и другими дисперсными этносами перемещается в национальные секции РКП(б).

Благодаря энергичной деятельности бывшего секретаря Святокрестовского уездного комитета Михаила Макаровича Аракелова, возглавлявшего в 1921 г. работу среди национальных групп, сформировался подотдел нацменьшинств в составе губернского агитпропа (заведующий С. Друян) и в ряде уездов Терской губернии. Национальные подотдел и секции функционировали на основе соответствующего раздела «Положения о Юго-Восточном бюро ЦК РКП(б)», утвержденного 12 мая 1921 г. Национальные секции действовали на основе планов АПО губкома РКП(б) и решений подотдела нацменьшинств и секций при Юго-Восточном бюро ЦК. Окружная армянская секция являлась самой многочисленной и активной [35, л. 18–21].

Сложное экономическое положение и голод привели к резкому сокращению штатов нацсекций на всем Северном Кавказе. Ситуация изменилась после объединения региона в рамках единого края.

В марте 1925 г. после обстоятельного обсуждения на заседании бюро Крайкома ВКП(б) был утвержден проект Положения о национальных секциях. В Положении отмечалось, что национальные секции создаются при АПО окружкомов для ведения политико-просветительной и партийно-воспитательной работы среди нацменьшинств. Вопрос о необходимости создания секций решался соответствующими окружкомами, исходя из местных условий и с ведома крайкома партии, в лице его подотдела нацменьшинств. Для ведения секционной работы Положение предусматривало выделение бюро в составе до 7 чел. Члены бюро намечались совещанием членов партии соответствующей национальности и утверждались окружкомом РКП(б). Ответственным за работу бюро являлся секретарь. Для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью секций, предусматривался созыв конференций, совещаний и собраний членов и кандидатов данной национальности. Бюро должно было систематически отчитываться о своей работе перед собранием коммунистов данной национальности. Кроме того, отмечалось в документе, «бюро секций в необходимых случаях обсуждает в партийном порядке советские, кооперативные и прочие вопросы внепартийного характера, касающиеся специально нацменнаселения, подготовляя таковые для решения бюро окружкома» [43, л. 5, 11].

В феврале 1925 г. состоялось I Краевое (организационное) совещание секретарей армянских секций. На нем было принято решение организовать краевую армянскую секцию. 10 марта Крайком утвердил краевое бюро армсекции в составе: Мурадьяна, Чубаря, Меликовой, Достьяна, Тонянца, Папазьяна и Гадзиева [42, л. 5]. Печатным органом краевой секции являлась газета «Мурч-Мангах» («Серп и Молот»).

В обширной резолюции этого совещания определялись цели и задачи армянских секций. Причем этот документ стал модельным и для других национальных секций края и регионов.

До середины 1924 г. отчеты о состоянии работы среди нацменьшинств на Тереке слово в слово повторяли информацию заведующего агитпропом Терского губкома РКП(б) Ионаса за предыдущий (1923) «кризисный» год [44, л. 11]. В отчете губкома за 1924 г. говорилось: «…работа среди нацменьшинств с начала отчетного периода характеризовалась как слабая и оставалась таковою в течение летнего периода. Это объяснялось отсутствием постоянного организатора нацменовской работы при агитпропе губкома и неимением необходимого количества работников («партийных сил») нацменьшинств на местах. Лучше обстояло дело в Прикумском уезде, где работа среди армянского населения, поселившегося в регионе еще в XVIII в., проводилась более или менее регулярно» [9, с. 14]. Заметим, что г. Прикумск (Святой Крест) был передан Терскому округу из состава Ставропольской губернии, по всей видимости, для того, чтобы разбавить казачье население Терской губернии [5].

Что касается «партийных сил», которые могли бы войти в восстанавливаемые национальные партсекции, то на 1 апреля 1924 г. численный состав Терской губернской организации РКП(б) «в национальном разрезе» имел следующую картину: русских – 2073 членов и кандидатов (соответственно 1292 члена и 781 кандидат); армян – 56 (38 и 18); немцев – 16 (10 и 6); украинцев – 26 (21 и 5); грузин – 15 (11 и 4); белорусов – 9 (7 и 2) и других – 128 (81 и 47) [9, с. 23]. Значительная часть «национальных партийцев» была сосредоточена в городах КМВ, особенно в окружном центре.

К началу 1925 г. при окружкоме РКП(б) функционировали армянская, греческая, еврейская, немецкая и польская секции. 7 февраля состоялось общегородское собрание членов и кандидатов РКП(б), состоящих в указанных секциях. На собрании были предложены кандидатуры в состав образованной нацменколлегии при агитпропе Терского окружкома ВКП(б) [13, л. 118].

К лету 1925 г. работа среди национальных меньшинств по партийной линии активизировалась. Немалая заслуга в этом принадлежала известному общественному деятелю Сукиасу Ильичу Серебрякяну, исполнявшему обязанность заведующего окружным подотделом нацменьшинств, но по состоянию здоровья подавшему заявление о переводе на другую работу.

Осенью 1925 г. АПО окружкома (заведующий Г. Деньгин) пытался найти кандидатуру на должность руководителя подотдела нацменьшинств. На заседании 11 ноября окружком утвердил заведующим подотделом работника Моздокского райкома Азниева. В конце февраля 1925 г. там проходила «конференция нацмен», на которую от окружкома был направлен член АПО Михаил Месропов [13, л. 119]. Представленная им информация о состоянии работы в районе сыграла решающую роль при выдвижении Азниева. Однако это решение было отменено в связи с тем, что Моздокский райком категорически потребовал оставить Азниева на прежнем месте работы [15, л. 8]. В этой связи бюро Терского окружкома в начале февраля 1926 г. обратилось в Крайком с просьбой «о присылке работника среди нацмен, дополнительно установив штатную единицу Зав п/о Нацмен при АПО Окружкома». Крайкому удалось уговорить Серебрякяна вновь возглавить «подотдел Нацмен». В тот период он участвовал в работе краевой комиссии, «определявшей целесообразность выделения туркмен из Ставропольского и части Терского округов в самостоятельную административную единицу» [14, л. 62; 15, л. 36].

17 февраля окружком утвердил кандидатуру С.И. Серебрякяна [13, л. 134]. Проделав в течение полугода значительную работу по укреплению подотдела и нацсекций, 7 августа Серебрякян написал заявление «о снятии его с работы» из-за состояния здоровья. Окружком решил «в связи с болезнью разрешить ему взять 3-месячный отпуск с сохранением содержания для подыскания ему другой работы» [15, л. 41]. Тем не менее, 24 ноября Серебрякян был назначен инструктором орготдела окружкома, а заведующим подотделом был утвержден А. Вараков [15, л. 122]. После него вплоть до начала 1930-х гг. подотделом руководили Тодрес, Штальберг и Кютемайер.

Что касается работы по отдельным национальным секциям, то она, как и прежде, велась неравномерно. Даже наиболее деятельная окружная армянская секция (секретарь Каприелов) не могла похвастаться значительными достижениями. Направление деятельности этой секции характеризуется в отчетном докладе о ее работе, заслушанном на заседании окружной нацменколлегии при агитпропе Терского окружкома 15 января 1926 г.

В докладе Каприелова отмечалось, что за отчетный период с 21 ноября 1925 г. на высоком организационном уровне в г. Пятигорске были проведены три кампании: пятилетие советизации Армении, 20-летие революции 1905 г. и отчетная перевыборная кампания горсовета. В этот период перед общественностью выступали с докладами лекторы, ставились художественные постановки. «Работа среди женщин проводится путем бесед по программе Женотдела. Организованных женщин 50 человек» [15, л. 182]. Проводилась подписная кампания на краевую армянскую газету «Мурч-Мангах», хотя «слабо ведется работа по вербовке подписчиков» [14, л. 30]. Секция курировала работу семи армянских школ в Пятигорске, Прикумске, Кисловодске, Моздоке, Георгиевске и Эдиссии. В них работало 50 учителей. Многие из них прошли переподготовку, но, несмотря на это, школы испытывали недостаток в квалифицированных учителях.

Нацменколлегия АПО в составе Деньгина, Лобановского, Захарес, Каприелова, Бахатского, Суходольского, Полукард, Челобьянц, Попандопуло в принятом постановлении констатировала, что работа армянской секции «выполнена достаточно, [но] закрепление работы по округу не достигнуто». Секции предложено провести следующие мероприятия: а) Дать указания по линии АПО Райкомов о необходимости постановки учета работы армянских секций, а также распространения газеты краевой армянской секции; б) Затребовать от районов сведения о количестве армянского населения, о количестве армян-партийцев и о постановке работы в существующих секциях; в) Инструктору нацмен при Окрисполкоме дать задание по сбору сведений о работе армянских секций, а также и других секций и соответствующего их инструктирования о постановке работы, предварительно связавшись с секретарями Бюро Окружных секций: немецкой, греческой, армянской, польской; г) Центр тяжести по работе армянской секции перенести по Округу...; е) Дать указания АПО Райкомов о необходимости обратить внимание на постановку школьного дела нацмена, работу школьных советов и снабжения учебными пособиями на родном языке; ж) Войти с ходатайством во фракцию Окрисполкома об использовании инструктора т. Обот для работы среди всех нацмен секций» [14, л. 30].

Похожие постановления (с учетом национальной специфики) принимались после обсуждения отчетов других секций.

Одна из самых животрепещущих проблем армянских общин, которая не была затронута на заседании нацменколлегии, – судьба тысяч армянских беженцев, вопросами которых ранее занимались национальные «неформальные» общественные организации, благотворительные общества и церковь. Их деятельность властями вначале ограничивалась, а затем была ликвидирована. Бюро Терского окружкома на своем заседании 17 февраля 1926 г. рассмотрело вопрос

«О положении беженцев армян в Кисловодске». В постановлении отмечалось, что «считая вопрос об оказании помощи беженцам армянам, находящимся в Кисловодске, чрезвычайно важным, поручить фракции ОИКа в ближайшие дни произвести обследование и оказать возможную помощь» [14, л. 30]. Действенная помощь могла выражаться в землеустройстве беженцев, желавших вернуться к крестьянскому труду, к которому они были привычны на родине, покинутой не по доброй воле.

Еще одна проблема, которая была в центре внимания окружной армянской секции, – оказание помощи своим соотечественникам в Армянской ССР, где на незначительной территории, оставшейся после передачи Турции и Азербайджану исторических армянских земель, больше половины населения составляли беженцы, спасшиеся от геноцида. С начала 1925 г. главным образом на КМВ активизировал свою работу Комитет помощи Советской Армении. Из зарегистрированных в Пятигорске 926 армянских семей (3665 чел.) 400 человек являлись членами Пятигорского комитета. Причем его отделения работали в Кисловодске, Ессентуках, Прикумске и Георгиевске. За несколько месяцев Комитет собрал 14 447 руб. членских взносов и пожертвований [37].

Партийные и советские органы с ревностью относились к деятельности неформальной организации и той степени доверия (количество членов и собранная сумма), которую ей оказывали члены общины. Поэтому в следующем году, когда республику постигла природная катастрофа, организацию помощи власть никому уже не доверила.

Дело в том, что 22 октября 1926 г. в 19 час. 40 мин. на севере Армении произошло разрушительное землетрясение, сила которого достигала 9 баллов. В зоне землетрясения тогда (как и 7 декабря 1988 г.) оказались десятки сел, города Ленинакан (ныне Гюмри), Караклис (Ванадзор), Дилижан и др. Погибли тысячи жителей, было разрушено 50% зданий, 80% населения в зоне бедствия остались без крова. По всем общинам развернулась кампания по оказанию помощи пострадавшим. Такая идущая снизу бурная общественная активность не могла устраивать власти и национальные партсекции. Поэтому очень скоро органы власти взяли инициативу по оказанию помощи в свои руки.

На заседании Бюро Терского окружкома от 10 ноября 1926 г. после обсуждения вопроса «О создании комиссии по оказанию помощи, пострадавшим от землетрясения в Советской Армении» принято решение организовать комиссию при окрисполкоме, куда вошли представители разных ведомств [15, л. 174].

Окружная армсекция, будучи самой активной из всех национальных секций, в определенной мере подтягивала за собой остальные. В селении Эдиссия, в городах Моздоке, Прикумске, Георгиевске, Пятигорске, Кисловодске, где армянские общины считались старожильческими и имели в досоветском прошлом сложившиеся традиции самоуправления, армсекции, созданные при постоянно действующих нацменсовещаниях некоторых райкомов и горкомов, направляли жизнь общины в «необходимое коммунистическое русло». Получая соответствующие распоряжения от краевых и окружных партийных органов, нацсекции отсекали от общины ее важнейшие сегменты: церковь, неформальные общественные организации и благотворительные общества. Тем самым, возможно, вопреки своему желанию, они подготавливали почву для последующей ликвидации традиционной общины, да и самих секций. На завершающем этапе истории армянской секции Терского окружкома (1930) ее возглавлял Степанян.

В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 января 1930 г., предусматривавшим «упрощение» организационной структуры партии ради «укрепления ее единства и преодоления различных проявлений оппозиции», Оргбюро ЦК признало (26 января) «возможным ликвидацию сектора нацменьшинств и бюро по нацменьшинствам». В феврале Северо-Кавказский крайком утвердил предложения «О реорганизации аппаратов обл. и окркомов ВКП(б)», согласно которым в окружкомах «ликвидировались инструктора по работе среди национальных меньшинств» и национальные секции. Общее руководство мероприятиями среди нацменьшинств возлагалось на отдел культуры и пропаганды без выделения специальных работников и тем более каких-либо структур [45, л. 26–27; 46, л. 48].

21 февраля 1930 г. Секретариат ЦК издал постановление «Об усилении обслуживания нацмен СССР по советской линии», в котором говорилось, что «работой среди национальных меньшинств должны заниматься все отделы ЦК и местные парторганы (каждый по своей линии)». Также указывалось на необходимость: а) «усилить работу Президиума Совета Национальностей по обслуживанию нацменьшинств; б) увеличить инструкторский состав Орготдела ЦИКа СССР непосредственно для обслуживания нацменьшинств; в) «усилить» нацменотделы (комиссии) по работе среди нацмен при ЦИКах, краевых и окружных исполкомах» и т.д. [33, л. 3–4].

Таким образом, как только бюрократическая система основательно окрепла к началу 1930-х гг., с национальными секциями было покончено. Административно-командной системе уже не нужны были «лишние» национальные структуры в центральном, краевом и районных партаппаратах. В то же время, чтобы успокоить «национальных работников», решено было активизировать соответствующую работу «по советской линии»,

в частности, через Краевой национальный совет, институт уполномоченных и национальные структуры органов народного образования. Одновременно руководство ЦК дало указание направить бывших работников национальных подразделений ВКП(б) в советские органы для их «усиления» [30, с. 70–72].

Казалось бы, ликвидация в январе-феврале 1930 г. национальных подотделов и секций ВКП(б) и передача ими своих функций советским органам по делам нацменьшинств должны были избавить последние от излишней опеки и контроля со стороны компартии. Однако в реальности советские органы неукоснительно проводили в жизнь партийные директивы в области национальной политики.

Другое дело, что раньше национальные партийные структуры (пусть даже они играли скромную роль в партийной иерархии) для советских органов по делам нацменьшинств являлись «покровителями» и «охранителями» от ретивых чиновников, считавших, что работа с национальными меньшинствами является «нерациональным использованием» средств, времени и сил. Но после ликвидации национальных секций ВКП(б) все остальные структуры по национальным делам при советских органах потеряли свою значимость, и их полная ликвидация оказалась лишь делом времени.

Список источников и литературы

1. Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2008. 398 с.
2. Акопян В.З. Развитие государственности и культуры национальных меньшинств Северного Кавказа (опыт партийных и советских организаций в 1920–1927 гг.). Ростов-н/Д: РГУ, 1991. 268 с.
3. Акопян В.З. «Низовая» форма территориального самоуправления – национальные сельсоветы: использование опыта их функционирования в современных условиях // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. Ч. 2. С. 309–312.
4. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940. Ростов-н/Д: РГУПС, 2010. 170 с.
5. Акопян В.З. Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799–2009. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 360 с.
6. Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920 – 1930-е гг.). Монография / Ростовский государственный университет путей сообщения. Ростов-н/Д: РГУПС, 2014. 284 с.
7. Анисимов С.С. Кавказский край. М-Л.: Госиздат, 1927. 324 с.
8. Богдасаров А.С. URL: http://www.knowbysight.info/BBB/14472.asp (Дата обращения: 17.10.2021).
9. Бюллетень (к VI Губпартконференции) Терского Губернского Комитета РКП(б). Пятигорск 1924.
10. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1928.
11. Вторая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б). Стенографический отчет. Ростов-н/Д., 1924. 206 с.
12. Голоса из провинции. Жители Ставрополья в 1917–1929 годах: Сб. док. Ставрополь: Б. и., 2009. 766 с.
13. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1526. Оп. 1. Д. 2.
14. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1.Д. 10.
16. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 28.
17. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 38.
18. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 789.
19. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 793.
20. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.Р-1141. Оп. 1. Д. 316.
21. ГАСК. Ф.Р.-1161. Оп. 1. Д. 420.
22. ГАСК. Ф.Р.-1161. Оп. 1. Д. 421.
23. ГАСК. Ф.Р.-1161. Оп. 1. Д. 714.
24. ГАСК. Ф.Р.-1161. Оп. 1. Д. 1010.
25. ГАСК. Ф.Р.-1317. Оп. 1. Д. 3.
26. Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1927. № 11.
27. История профсоюзного движения на Ставрополье (1905−2005 гг.). Ставрополь: ПГЛУ, 2005. 127 с.
28. Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Страницы российской истории. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004. 159 с.
29. Краткая справка об административно-территориальных изменениях Ставропольского края с 1920 по 1992 год // Официальный сайт комитета Ставропольского края по делам архивов.URL: https://docviewer.yandex.ru/view/ (Дата обращения: 17.10.2021).
30. О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1930. № 2 (4).
31. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн.1919–1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. 958 с.
32. Польской Л.Н. Летопись Пятигорска. Пятигорск: б.и., 1993. 122 с.
33. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 826.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.171. Д. 410.
35. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 3. Д. 3.
36. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. 1270 с.
37. Советский Юг. 1925. 25 апреля.
38. Сталин И.В. Сочинения. Том 5. М.: ОГИЗ, 1947. 434 с.

39. Терек. 1927. 14 августа.
40. Терек. 1927. 28 октября.
41. Этнический состав населения Терской губернии по переписи 1920 года. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Terek_1920.jpg?uselang=ru (Дата обращения: 17.10.2021).
42. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 161.
43. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 166.
44. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 168.
45. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 1038.
46. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1.Д. 1059.

References

1. Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Stavropol'ya s konca XVIII veka po 1920 god. Spravochnik (The administrative and territorial structure of Stavropol since the end of the XVIII century to 1920. Guide). Stavropol: Stavropol council of archival affairs publ., 2008. 705 p. (In Russian).
2. Akopyan V.Z. Razvitie gosudarstvennosti i kul'tury nacional'nyh men'shinstv Severnogo Kavkaza. Opyt partijnyh i sovetskih organizacij v 1920-1927 gg. (Development of statehood and culture of national minorities of the North Caucasus. Experience of party and Soviet organizations in 1920-1927). Rostov-on-Don: PSU publ., 1991. P. 32–81. (In Russian).
3. Akopyan V.Z. «Nizovaya» forma territorial'nogo samoupravleniya – nacional'nye sel'sovety: ispol'zovanie opyta ih funkcionirovaniya v sovremennyh usloviyah («Grassroots» form of territorial self-government-national village councils: using the experience of their functioning in modern conditions) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. No. 4. Part. 2. P. 309–312. (In Russian).
4. Akopyan V.Z. Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ekonomika i kul'tura. 1920-1940 (The North Caucasus: state construction, economy and culture. 1920-1940). Rostov-on-Don: RSUPS publ., 2010. 170 p. (In Russian).
5. Akopyan V.Z. Gorod Svyatoj Krest. Mezhdu proshlym i nastoyashchim. 1799–2009 (The City of the Holy Cross. Between the past and the present. 1799–2009). Pyatigorsk, 2009. 360 p. (In Russian).
6. Akopyan V.Z. Nacional'nye podrazdeleniya vo vlastnyh strukturah YUga Rossii (1920–1930-e gg.) (National divisions in the power structures of the South of Russia (1920-1930s)). Monografiya / Rostovskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya. Rostov-on-Don, 2014. 284 p. (In Russian).
7. Anisimov S.S. Kavkazskij kraj (The Caucasus Krai). Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1927. 324 p. (In Russian).
8. Bogdasarov Arutyun Sarukhanovich (Bogdasarov Harutyun Sarukhanovich). URL: http://www.knowbysight.info/BBB/14472.asp (Accessed: 17.10.2021) (In Russian).
9. Byulleten' (k VI Gubpartkonferencii) Terskogo Gubernskogo Komiteta RKP(b). (Bulletin (to the VI Gubpartconference) of the Tersk Provincial Committee of the RCP (b)). Pyatigorsk, 1924. (In Russian).
10. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. (All-Union population census on December 17, 1926). Moscow, 1928. (In Russian).
11. Vtoraya YUgo-Vostochnaya kraevaya konferenciya RKP(b). Stenograficheskij otchet (The Second South-Eastern Regional Conference of the RCP(b). Verbatim report). Rostov-on-Don, 1924. 206 p. (In Russian).
12. Golosa iz provincii. ZHiteli Stavropol'ya v 1917–1929 godah: Sb. dok. (Voices from the province. Residents of Stavropol in 1917-1929: Sat.doc.). Stavropol: B. i., 2009. 766 p. (In Russian).
13. State archive of contemporary history of the Stavropol territory (GANISK). F. 1526. Inv. 1. D. 2. (In Russian).
14. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
15. GANISK. F. 5938. Inv. 1.D. 10. (In Russian).
16. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 28. (In Russian).
17. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 38. (In Russian).
18. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 789. (In Russian).
19. GANISK. F. 5938. Inv. D. 793. (In Russian).
20. State archive of the Stavropol territory (GASK). F.R-1141. Inv. 1. D. 316. (In Russian).
21. GASK. F.R.-1161. Inv. 1. D. 420. (In Russian).
22. GASK. F.R.-1161. Inv. 1. D. 421. (In Russian).
23. GASK. F.R.-1161. Inv. 1. D. 714. (In Russian).
24. GASK. F.R.-1161. Inv. 1. D. 1010. (In Russian).
25. GASK. F.R.-1317. Inv.. 1. D. 3. (In Russian).
26. Izvestiya Severo-Kavkazskogo krajispolkoma. 1927. № 11. (In Russian).
27. Istoriya profsoyuznogo dvizheniya na Stavropol'e. 1905−2005 gg. (The history of the trade union movement in Stavropol. 1905-2005). Stavropol: PSU publ., 2005. 127 p. (In Russian).
28. Krasnokutskaya L.I., Mihajlenko V.I. Upravlenie kurortami Kavminvod (1803−2003). Stranicy rossijskoj istorii (Management of Kavminvod resorts (1803−2003). Pages of Russian history). Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza publ., 2004. 159 p. (In Russian).
29. Kratkaya spravka ob administrativno-territorial'nyh izmeneniyah Stavropol'skogo kraya s 1920 po 1992 god (Brief information about the administrative and territorial changes of the Stavropol Territory from 1920 to 1992) // Oficial'nyj sajt komiteta Stavropol'skogo kraya po delam arhivov. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/ (Accessed: 17.10.2021) (In Russian).
30. O reorganizacii apparata CK VKP(b) (On the reorganization of the apparatus of the Central Committee of the CPSU (b)) // Partijnoe stroitel'stvo. 1930. No. 2 (4). (In Russian).
31. Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b) i Komintern.1919–1943. Dokumenty (Politburo of the Central Committee of the RCP(b) - CPSU(b) and the Comintern.1919 – 1943. Documents). Moscow: ROSSPEN publ., 2004. 958 p. (In Russian).

32. Pol'skoj L.N. Letopis' Pyatigorska (The Chronicle of Pyatigorsk). Pyatigorsk, 1993. 122 p. (In Russian).
33. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Inv. 113. D. 826. (In Russian).
34. RGASPI. F. 17. Inv. 171. D. 410. (In Russian).
35. RGASPI. F. 65. Inv. 3. D. 3. (In Russian).
36. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. (Collection of laws and orders of the government in 1921). No. 5, 70. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. Moscow, 1944. 1270 p. (In Russian).
37. Sovetskij YUg. 1925. April 25. (In Russian).
38. Stalin I.V. Sochineniya (Essays). Vol. 5. Moscow: OGIZ, 1947. 434 p. (In Russian).
39. Terek. 1927. August 14. (In Russian).
40. Terek. 1927. October 28. (In Russian).
41. Etnicheskij sostav naseleniya Terskoj gubernii po perepisi 1920 goda (The ethnic composition of the population of the Tersk province according to the 1920 s). URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Terek_1920.jpg?uselang=ru (Accessed: 17.10.2021) (In Russian).
42. The documentation center of the modern history of the Rostov region (CDNIRO). F.R. – 7. Inv. 1. D. 161. (In Russian).
43. CDNIRO. F.R. – 7. Inv. 1. D. 166. (In Russian).
44. CDNIRO. F.R. – 7. Inv. 1. D. 168. (In Russian).
45. CDNIRO. F.R. – 7. Inv. 1. D. 1038. (In Russian).
46. CDNIRO. F.R. – 7. Inv. 1.D. 1059. (In Russian).

Сведения об авторе

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета; e-mail: zaven2005@ yandex.ru

Information about the author

Akopyan Victor Z. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University; e-mail: zaven2005@yandex.ru

CC BY

УДК: 94(47).073

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.2

Б.Б. Бицоти

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ГАЗЕТНОГО ОЧЕРКА ОБ ЭКСПЕДИЦИИ П.Я. РЕННЕНКАМПФА В ЮЖНУЮ ОСЕТИЮ

В статье рассматривается проблема авторства одного из первых очерков, посвященных Осетии и осетинам, появившихся в периодической печати Кавказа. Имя автора «Писем из Осетии», публиковавшихся в «Тифлисских ведомостях» из номера в номер осенью 1830 г. долгое время оставалось неизвестным. Однако при штабе Отдельного кавказского корпуса состояло не так много специалистов, способных сообщить читателям столь подробные сведения об истории, этнографии и географии Южной Осетии. Несмотря на то, что газета издавалась коллективом авторов, сравнительный анализ разных публикаций об Осетии данного периода позволяет сделать вывод о том, что в основу очерка, вероятнее всего, лег материал Г. С. Гордеева – автора статистического и экономического описания «Дистанции горских народов» в известном сборнике «Обозрение российских владений за Кавказом». Именно Гордеев проводил рекогносцировку в землях осетин, знал названия всех урочищ и хорошо ориентировался на местности. Ранее «Письма из Осетии», попадая в различные сборники, приводились как очерки анонимного автора. Анализ стилистики текста и фактологии не оставляет сомнений в том, что автором «Писем из Осетии» является Г. С. Гордеев. Благодаря подробному изложению Гордеева у историков есть исчерпывающие сведения об экспедиции генерала Ренненкампфа в осетинские горы. Мы можем представить себе масштабы, характер и итоги военной операции. Помимо этого, в очерке автором также приведены и подробные статистические данные о численности осетин в описываемый период. Сопоставление данных анализируемого источника со свидетельствами других участников событий и историков Кавказской войны, таких как И. Ф. Бларамберг и В. Чудинов позволяет увидеть более полную картину произошедшего в Южной Осетии в 1830 г. Сравнение статистических данных, приводимых Гордеевым в его очерке, с цифрами из других источников позволяет также прояснить демографическую ситуацию в Южной Осетии первой трети XIX в., проследить динамику численности населения южных осетинских обществ.

Ключевые слова: Южная Осетия, экспедиция П. Я. Ренненкампфа, «Письма из Осетии», Г.С. Гордеев, «Тифлисские ведомости».

Для цитирования: Бицоти Б. Б. К вопросу об авторстве газетного очерка об экспедиции П. Я. Ренненкампфа в Южную Осетию // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 23–30. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.2

Boris B. Bitsoti

ON THE AUTHORSHIP OF THE ESSAY ON P. J. RENNENKAMPF'S MILITARY EXPEDITION TO SOUTH OSSETIA

The article deals with the problem of authorship of one of the first essays on Ossetia and Ossetians that appeared in the periodical press of the Caucasus. The name of the author of the «Letters from Ossetia» published in the «Tiflis Vedomosti» from issue to issue in the autumn of 1830 remained unknown for a long time. However, there were not so many specialists at the headquarters of the Separate Caucasian Corps who were able to provide readers with such detailed information about the history, ethnography and geography of South Ossetia. Despite the fact that the newspaper was published by a team of authors, a comparative analysis of various publications about Ossetia of this period allows us to conclude that the essay was most likely based on the material of G.S. Gordeev, the author of the statistical and economic description of the «Distance of the Mountain peoples» in the well-known collection «Review of Russian Possessions beyond the Caucasus». It was Gordeev who conducted reconnaissance in the lands of the Ossetians, knew the names of all the tracts and was well oriented on the terrain. Previously, «Letters from Ossetia», getting into various collections, were cited as essays by an anonymous author. The analysis of the stylistics of the text and the facts leaves no doubt that the author of the «Letters from Ossetia» is G.S. Gordeev. Thanks to Gordeev's detailed account, historians have comprehensive information about General Rennenkampf's expedition to the Ossetian mountains. We can imagine the scale, nature and results of the military operation. In addition, in the essay, the author also provides detailed statistical data on the number of Ossetians in the period described. Comparison of the analyzed source with the testimonies of other participants in the events and historians of the Caucasian War, such as I.F. Blaramberg and V. Chudinov allows us to see a more complete picture of what happened in South Ossetia in 1830. Comparison of statistical data provided by Gordeev in his essay with figures from other sources also makes it possible to clarify the demographic situation in South Ossetia in the first third of the XIX century, to trace the dynamics of the population of Sothern Ossetian communities.

Key words: South Ossetia, P.J. Rennenkampf's expedition, «Letters from Ossetia», G.S. Gordeev, «Tiflis Vedomosti».

For citation: Bitsoti B. On the authorship of the essay on P. J. Rennenkampf's military expedition to South Ossetia // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 23–30. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.2

Одним из первых материалов в периодической печати Кавказа, рассказывающих об Осетии и осетинах на русском языке, стал очерк анонимного автора «Письма из Осетии», публикуемый в отдельных номерах газеты «Тифлисские ведомости» в течение сентября-октября 1830 г. (с 72 по 87 номер) [14]. Семь «писем из Осетии», рассказывали о военной экспедиции генерала П.Я. Ренненкампфа, состоявшейся в июне-августе того же года, а, следовательно, были написаны непосредственно по горячим следам происходивших в осетинских ущельях событий.

Начиная анализ текста самих писем, стоит заметить, во-первых, следующее. Жанр опубликованной заметки – «письмо с фронта», не более чем литературный прием, который не раз использовался в том числе и на страницах «Тифлисских ведомостей». Автор, как становится видно при ближайшем рассмотрении, вовсе не является рядовым участником военной экспедиции. «Письмо в Москву другу» – идеальная форма, чтобы донести суть происходящего в осетинских горах до столичного читателя, не знакомого с реалиями кавказской жизни. Осведомленность автора, пишущего это письмо, как следует из текста, выходит далеко за рамки компетенции боевого офицера – рассказчика интересуют не столько боевые задачи, сколько этнография, топография и история экзотического горного края. Автор писем не просто был очевидцем описываемых событий, но также сумел собрать максимум информации о территории и населении Осетии, выслушать достаточно рассказов других участников похода. Анонимность очерка, таким образом, связана и с выбранным жанром повествования – ведь если в качестве автора выступает рядовой сотрудник редакции, то опосредованный характер его свидетельств становится для всех очевиден. Корреспондент должен сообщать мнение редакции, а не свое – объективность такого рассказчика неминуемо вызовет вопросы.

Поскольку очерк «Письма из Осетии» рассказывает о событиях лета 1830 г., нелишним будет вкратце привести здесь предысторию и ход масштабной военной операции в осетинских горах. Одним из важнейших событий, повлиявших на судьбу всего края в целом и Осетии в частности, в этом смысле стала отставка с поста кавказского наместника Алексея Петровича Ермолова, более десяти лет занимавшегося последовательным обустройством вверенного ему края. Интриги и наветы привели к тому, что в Санкт-Петербурге на Ермолова попутно возложили и вину за нападение Персии. В правительстве не прислушались и к мнению сенаторов Е. И. Мечникова и П. И. Кутайсова, проводивших ревизию края. Ведь ревизоры Сената предупреждали в своем отчете, что «всякое строгое с него (Ермолова – Б.Б.) взыскание в обитателях Закавказского края произвело бы невыгодное понятие о нашем правительстве: во мнениях их оно потеряло бы сперва достоинство свое, потом уважение, и следствием сего могло бы быть самое неповиновение» [3, с. 301–302].

Именно Ермолов в свое время инициировал масштабное переселение северных осетин с гор на равнину, стал активно принимать осетин в ряды российской армии. Неудивительно, что с момента увольнения Ермолова и упразднения введенных им порядков, правительство постепенно начинает утрачивать свой контроль над Осетией – случаи грабежа и похищения людей на Военно-Грузинской дороге становятся обычным делом, но у военных, активно занятых на передовой, до Осетии не доходят руки. «(...) Как не было взято надлежащих мер к гражданскому образованию осетин, – пишет Паскевич, – и сверх того, когда они увидели, что русские начали отдавать их на произвол помещиков, то, по примеру прочих живущих по соседству полудиких племен, терпя разного рода недостатки к улучшению своей жизни, они равномерно предались грабежам» [15].

Еще в 1829 г. после нападения на персидского посланника Хозрев-Мирзу на Военно-Грузинской дороге в районе Балты генеральный штаб принимает решение об отправке в Осетию военной экспедиции [15]. При этом аналогичная экспедиция готовится и в горы Южной Осетии для усмирения жителей, якобы осуществляющих хищнические набеги на земли грузинских тавадов[1]. События на открывшемся турецком фронте – после окончания войны с Ираном Россия вступила в войну с Османской империей, – затягивают исполнение этих планов вплоть до подписания Адрианопольского мира (1829 г.)[2]. Установление долгожданного мира в Закавказье становится, таким образом, сигналом для начала стягивания войск в район Цхинвала на юге и Владикавказа на севере Кавказских гор, чтобы в теплые летние месяцы осуществить задуманное.

Военная экспедиция, направляемая правительством в горы Южной Осетии, была далеко не первой. Застарелый конфликт югоосетинских крестьян с грузинскими тавадами Эристовыми и Мачабели не находил своего разрешения. Александр I с подачи своего первого кавказского наместника грузина по происхождению П. Д. Цицианова поддержал в этом споре грузинских помещиков, узаконив их права на спорные земли своим указом. Однако заставить осетин подчиняться и выплачивать дань Эристовым и Мачабели за весь последующий период администрации так и не удалось. Начало правления нового императора Николая I – это время, когда отноше-

1 От груз. Тави – голова. Дворянский титул в феодальной Грузии.

2 Адрианопольский мирный договор – договор между Россией и Османской империей (Турцией), завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Подписан 2 (14) сентября 1829 г.

ния крестьян и их помещиков пересматриваются, а прежние указы аннулируются. Важнейшую роль в этом сыграла военная экспедиция генерала П. Я. Ренненкампфа, направленная для наведения порядка.

Эта экспедиция по масштабам решительно превосходила все предыдущие. Командование войсками было возложено на генерала, который ранее отличился во время операции по спасению персидского принца после инцидента на Военно-Грузинской дороге [11, с. 128]. Отряд Ренненкампфа состоял из 2 300 пехотинцев, 300 казаков и 4 горных орудий, вышел из Цхинвала 19 июня, преодолел вершину Лари, спустился в Кешельтское ущелье[1], где подавил сопротивление местных жителей, сжег селения Чамада, Майрама и замок Кола, отказавшиеся сдаться.

Посетивший шестью годами позже Южную Осетию немецкий ученый Карл Кох писал о местечке Кола следующее: «Кола расположена со своими 9 домами очень живописно, и в новейшие времена прославилась храброй обороной. Мне показали развалины, в которых 9 осетин в 1830 г. упорно оборонялись против всего войска генерала Ренненкампфа; они убили большое количество солдат, еще больше ранили и даже ранили в руку самого генерала» [8].

«Взятие Коло, – пишет В. Чудинов, – имело большое влияние на осетин всего ущелья. Страшась участи, постигшей жителей этой деревни, 48 разных представителей явились в лагерь, выдали аманатов и приняли присягу на верноподданство; даже закоренелые разбойники» (...) [15]. 5 июля отряд поднялся по ущелью Большой Лиахвы, захватил Магран-двалетию. Далее войска разделились – отряд во главе с Ренненкампфом двинулся на помощь своим к оказывающему ожесточенное сопротивление Джамурскому обществу. Благодаря одновременному движению четырех разных колонн, сопротивлявшиеся осетины оказались в численном меньшинстве и в итоге сдались. В результате операции большая часть жителей Южной Осетии была приведена к присяге, страна разделена на 4 округа, которыми стали управлять назначенные правительством приставы, в большинстве своем из грузинского дворянства. Такова основная хронология событий, которую передает, в том числе, и автор интересующей нас заметки в «Тифлисских ведомостях».

Примечательно в этой связи, что заметка об операции не попала на передовую «Тифлисских ведомостей», где обычно выходили реляции о взятии Паскевичем персидских и турецких городов во время военной кампании. Это говорит об особом характере операции. Войскам Николая I противостояли не регулярные части противника, а простые жители, победа над которыми не представляла достаточного повода для гордости. Очерк о событиях в Осетии начал выходить спустя месяц на третьей странице и был написан не в виде официального сообщения, а в виде публикуемых личных писем простого русского офицера – участника вышеупомянутых событий.

Следует отметить, что выбранный для описания экспедиции жанр часто вступает в противоречие с содержанием. Бросается в глаза и то, что автор «Писем из Осетии» рассказывает не столько о своих подвигах, сколько об общем ходе операции, ее целях и задачах, что вряд ли могло стать основным предметом личной переписки офицера. Невооруженным глазом видны и идеологические установки, проводимые из раза в раз, что тоже не является признаком частной корреспонденции. О характере обычной переписки офицерских чинов можно составить себе представление по опубликованным письмам военных – участников кавказских дел, в том числе и генералитета, в которых совершенно отсутствуют громкие слова, и какие бы то ни было идеологические отступления [12]. Это сопоставление лишний раз заставляет нас сделать вывод о том, что анонимность автора писем с фронта – лишь легенда, выдуманная редакцией, чтобы донести читателям газеты определенный взгляд на события в Осетии в июле-августе 1830 г.

Какую цель преследует автор, выдавая себя за простого офицера, пишущего своему другу, понять нетрудно. Ведь «Тифлисские ведомости» с момента своего основания являлись в первую очередь рупором пропаганды правительства Николая I. Таким же рупором была и предшественник «Тифлисских ведомостей» – «Грузинская газета», которая и вовсе издавалась непосредственно штабом Отдельного кавказского корпуса вплоть до 1820 г. на грузинском языке и была призвана сообщать жителям губернии распоряжения и предписания начальства [4, с. 299]. «Тифлисские ведомости» можно было приобрести не только в Закавказье – подписка на газету велась по всей Российской империи.

Одной из задач редакции при составлении комментария к операции правительственных войск в Осетии являлась, таким образом, «правильная» интерпретация фактов и событий, происходящих на Кавказе. Так, например, очерк не содержит никаких упоминаний об учиненной войсками Ренненкампфа в магран-двалетском обществе экзекуции шпицрутенами – способу наказания, получившему широкое распространение в правление императора Николая I. За рамками повествования осталось и то, что от некоторых югоосетинских обществ и фамилий военным так и не удалось добиться покорности. Наведенный же в результате военной операции полицейский порядок не был окончательным. Об этом, в частности, свидетельствуют последующие экспедиции в период правления Николая I.

1 Кешелтское ущелье или Чеселтское ущелье (осет. Чеселтгом) – ущелье на северо-западе Южной Осетии в Дзауском районе. Расположено в долине реки Чеселтдон (Кешельта), впадающей в реку Паца.

Выдавая себя за рядового участника экспедиции – простого военного, автор обязан был вложить в уста русского офицера «нужные» формулировки для описания происходившей в Осетии карательной акции. Надо было правильно расставить акценты, а именно выставить осетин мятежниками и бунтовщиками, восставшими против власти грузинских дворян – никакой другой интерпретации событий на тот момент существовать не могло.

«Осетины, – пишет автор, – страстно приверженные к буйной свободе, почти за каждое угнетение мстили кровопролитными мятежами против своих владельцев (...)» [10, с. 33]. Далее автор фактически дословно повторяет формулировку в рапорте И. Ф. Паскевича – главнокомандующего войсками на Кавказе и главного инициатора экспедиций в осетинские горы: «Опыт показал, что ни проповедование слова божьего между осетинами, ни самые кроткие меры и ласки, употребляемые нашим правительством, не в силах обуздать сего народа (...)» [10, с. 33]. Приведем для сравнения текст рапорта Паскевича графу Чернышеву для всеподданнейшего доклада: «Меры кротости для водворения между осетинами порядка были напрасны: полудикий народ, не понимая слов и увещаний, надеялся на природную крепость своих жилищ в отдаленных и малоприступных ущельях и был уверен, что невозможно проникнуть в его жилища» [15].

Выходит, что автор очерка являлся вовсе не рядовым офицером, выполнявшим приказы, а был близок к штабу, вероятно, имел знакомства в среде генералитета и правильно понимал задачи, стоявшие перед группировкой войск. С другой стороны, любопытно и то, что автор в каких-то моментах начинает симпатизировать осетинам, отмечать их героическое поведение, волю к свободе, проявленные во время нападения российских войск чудеса стойкости и мужества. Этого не смог бы в личной переписке рассказывать заштатный офицер, знающий, что его письма могли быть перлюстрированы. Этих подмеченных автором нюансов, разумеется, нет в отчетах и рапортах военных. У автора явно было, как собственное мнение, так и в каком-то смысле карт-бланш от редакции и штаба на интерпретацию событий по своему усмотрению.

Каждому, кто сталкивался с работой периодических изданий, известно, что большинство материалов для газеты обычно пишется штатными сотрудниками, и «Тифлисские ведомости» здесь вряд ли являлись исключением. Численность сотрудников «Тифлисских ведомостей» была невелика, и каждый корреспондент, как мы видим из материалов, имел свою специализацию. Человеком, который ранее писал об Осетии, имел опыт общения с осетинами и ориентировался в осетинских ущельях был поручик Г. С. Гордеев. Помимо этого, сохранилось подробное описание Осетии А. Г. Яновского, который являясь участником осетинских событий 1830 – 1831 гг., также прекрасно ориентировался в вопросах топографии и этнографии Осетии. Но при штабе был и другой офицер, впоследствии также отличившийся в составлении этнографических и исторических очерков. Это был И. Ф. Бларамберг. Непрерывно двигаясь по службе, благодаря своему обстоятельному очерку, Бларамберг пробыл на Кавказе в течение двух с половиной лет. Живя в основном в Тифлисе, он по различным поводам посетил за это время Георгиевск, Ставрополь, Кисловодск, Владикавказ, крепость Грозную, Старую Шемаху, Ширван, Баку. В этот период Бларамберг под начальством генерал-майора князя Абхазова участвовал в июле-августе 1830 г. в экспедиции в земли тагаурцев и кистин. Именно поэтому Бларамберг скорее всего не мог являться автором очерка об экспедиции Ренненкампфа.

Обе экспедиции в Южную и Северную Осетии проходили с интервалом не более чем в две недели. Смысл операции состоял в том, чтобы «одним решительным ударом» [10, с. 33] привести в повиновение и северных и южных осетин, поэтому участие Бларамберга в обеих экспедициях маловероятно. К тому же активная деятельность Бларамберга по написанию заказанного генштабом «Исторического, топографического, статистического, этнографического и военного описания Кавказа» относится к началу 1832–1833 гг., а само сочинение автора впервые увидело свет не на русском, а на французском языке.

В тексте есть место, позволяющее исключить возможность авторства очерка Бларамберга и Яновского. «Девы высоких гор Иронистана, – говорится в одном из отступлений, – смело могут спорить красотой с девами долин северного кавказского предгорья или знаменитыми прелестью черкешенками. Я видел сих последних в цветущие лета моей юности (...)» [10, с. 46]. Если приведенная деталь является подлинно биографической, то речь не может идти ни о Яновском, ни тем более о Бларамберге. Из последних строк явно следует, что в качестве автора очерка выступает скорее всего уроженец граничащих с Кабардой южнорусских степей – в пользу этого говорят и многочисленные лирические отступления, свойственные скорее людям южного темперамента.

О Григории Сергеевиче Гордееве известно не много. Он начал службу на Кавказе при генерале Ермолове и на момент выхода интересующего нас очерка состоял поручиком при штабе Отдельного кавказского корпуса. В его задачи входили такие обязанности как разведка и рекогносцировка местности. Гордеев составлял карты местностей, которые он исследовал под видом курьера. До выхода «Писем из Осетии» Г. С. Гордеев опубликовал в «Тифлисских ведомостях» два материа-

ла об Осетии. Интересными и познавательными для читателей были очерки автора, описавшего свое путешествие по Военно-Грузинской дороге из Моздока в Закавказье в 18–24 номерах газеты 1830 г. [13], а также поход к леднику в места, прилегающие к Трусовскому ущелью[1] в третьем номере 1832 г. Читателю не может не бросаться в глаза безупречный стиль автора и богатый образами язык. Возможно, благодаря этим особенностям, по некоторым данным, Гордеев после смерти П. С. Санковского стал исполнять обязанности главного редактора «Тифлисских ведомостей» вплоть до закрытия газеты в 1833 г.

Гордеев также стал членом коллектива авторов, составивших известное четырехтомное «Обозрение российских владений за Кавказом». Очерк об Осетии для данного сборника был написан А. Г. Яновским. Осетия в описании Яновского простирается на 2 700 квадратных верст и насчитывает 2 600 домов, где проживает около 9 100 душ муж. пола [9, с. 20]. Надо иметь в виду, что под Осетией автор, а, следовательно, и российская администрация понимали прежде всего Южную Осетию и часть Центральной (нарское и маисонское общества) Осетии. Из описания также видно, что Осетия Яновского не включает в себя Дигорию, а значит сведения о численности населения Осетии, предлагаемые авторами сборника, не содержат сведений об осетинах-дигорцах [9, с. 159]. К западу, по словам Яновского, Осетия граничит с Имеретией и Дигорией, что также подтверждают карты, с нанесенным на них административным делением Кавказа. Из доклада начальника российских войск в Кабарде подполковника Ушакова митрополиту о состоянии духовных дел в Дигории становится понятно, что Дигория на момент составления «Обозрения» (до назначения главнокомандующим А. И. Нейдгадта) территориально и административно относилась к Кабарде [6, с. 402].

Составляя сборник, прежде всего с целью описания недавно присоединенных к империи закавказских владений, авторы в описании Осетии сделали акцент на землях южных осетин. Северная Осетия на тот момент давно была интегрирована в российскую систему управления краем, находясь в ведении коменданта крепости Владикавказ. «Пограничные от севера и востока ущелья Осетии, – пишет Яновский, – Валагирское, Тагаурское и Картаульское (Куртатинское – Б. Б.) причислены к Владикавказскому округу, Джамурское к Душетскому уезду Грузии, а от запада Мамисонское или Тибское, с некоторыми другими – к Рачинскому округу Имеретии (...) Южная часть и вся середина Осетии по обеим сторонам снегового Кавказского хребта, разделяется на вольную и на принадлежащую Горийскому уезду Грузии» [9, с. 159].

Однако Яновский не дает нам детальной картины численности населения, называя лишь одну общую цифру – 26 000 душ. «Нет никаких источников, – пишет Яновский, – из которых можно заключить население Осетии в разные эпохи» [9, с. 183]. Эту картину дает нам Г.С. Гордеев, применительно к осетинам южного склона Кавказа.

Именно Гордеев составлял для «Обозрения» раздел «Дистанция горских народов» – округ, находящийся к северо-востоку от Южной Осетии, и являлся, таким образом, источником данных о численности грузин и осетин, живущих в Мтиулетии и Хеви, вдоль Военно-Грузинской дороги и в части Южной Осетии. Швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа Монпере, посетивший в 1834 г. Осетию, составляя свой очерк, активно ссылается на статистику Гордеева в разговоре о численности осетин. В частности, Дюбуа пишет: «Гордеев дает подробную опись осетинского населения в следующих пропорциях:

1 Трусовское ущелье (также ущелье Трусо) – ныне большей частью находится на территории Грузии. Участок у ледника Савитиси находится на территории Республики Северная Осетия – Алания.

территория	деревень	домов	муж. население
Долина Труссо	13	207	856
Долина Мна	3	16	55
Долина Ноокау	6	55	190
Долина Хеви	19	309	1 247
Долина Ухата	3	34	106
Долина Артхом	3	27	110
Долина Гудушаур	14	74	201
Гора Кайшаур	10	62	218
ИТОГО	**61**	**784**	**3 083**

Это описание охватывает только верховья Терека и равнину (плато) Кайшаур. Для Мтиулетии или так называемой грузинской части Осетии Гордеев дает нам следующие цифры:

территория	деревень	домов	муж. население
Долина Хада	12	85	352
Долина Гуда	10	120	484
Долина Арагви или Мтиулетия	54	310	1292
Долина Гудомакары	31	269	1103
Долина Хондо, Мигметшеви	13	103	374
Чаратали, включая Гудоретис-хеви, Этобери или Чарталис-хеоба и Вишлобис-хеоба	17	119	554
ИТОГО	**137**	**1006**	**4159**

Эти две описи, вместе взятые показывают русскую Осетию в количестве 198 деревень, 1790 домов, 7242 лиц муж. пола. И эти цифры, даже если считать, что женщин среди осетин больше чем мужчин, значительно отличаются от цифр Яновского в меньшую сторону. Только по количеству деревень данные двух исследователей сходны друг с другом. Что касается населения других частей Осетии, то здесь у нас к сожалению, нет никаких даже приблизительных данных» [16, с. 457-458].

Цифры, цитируемые Дюбуа со ссылкой на Гордеева, в целом совпадают с цифрами, приведенными в статье в «Тифлисских ведомостях» анонимного автора очерка «Письма из Осетии». Последние, по сути, представляют собой округленные значения, приводимой Дюбуа гордеевской статистики. Гордеев, таким образом, являлся автором статистических данных тех самых областей Южной Осетии, которые он описывал на страницах «Тифлисских ведомостей» в своих очерках. Получается, что эти цифры были в распоряжении Генерального штаба уже в 1830-м г. после рекогносцировок Гордеева накануне экспедиции в Южную Осетию Ренненкампфа и вошли в таком же виде в изданное спустя шесть лет «Обозрение российских владений за Кавказом» 1836 г.

Происхождение статистических данных Яновского предположить нетрудно, и вряд ли они были добыты путем подсчета населения в осетинских селах. Дело в том, что цифры в описании Яновского очень похожи на число крещенных осетин, представленное Синоду в отчете священников Осетинской духовной комиссии десятью годами ранее [7, с. 82]. По мнению многих источников есть большие основания усомниться как в итогах этого крещения, так и в предоставленных цифрах [5, с. 383–384; 1, с. 245]. Несмотря на то, что отчет святых отцов заканчивается списком священников, представленных к наградам за миссионерские подвиги их деятельность стала объектом целого расследования.

Цифры же Гордеева, напротив, представляют собой, на мой взгляд, сведения, максимально приближенные к реальности. На основе этих цифр, как мы видим, определялась численность войск, необходимых для проведения операции в Южной Осетии, и любая ошибка в этом вопросе могла обойтись военным очень дорого. Не случайно в статистике отдельно фигурирует такой показатель как численность мужского населения – предполагаемых противников[1]. Эти данные также отлично вписываются в статистику, приведенную И. Ф. Бларамбергом. Население всей Южной Осетии, по свидетельству Бларамберга, составляло в четырех вышеупомянутых уездах 33 450 душ. Автор далее поясняет: «Этот учет был сделан на основании данных, полученных в 1833 году на этой территории штабом Отдельного Кавказского корпуса; но нам представляется, что, согласно сведениям, полученным в 1830 и 1832 годах, население Осетии (Южной Осетии. – Б. Б.) можно оценивать в более чем 40 тыс. душ» [2].

Приведенный анализ наталкивает нас на вывод о том, что автором статьи в «Тифлисских ведомостях», рассказывающей об экспедиции Ренненкампфа, скорее всего, был не кто иной, как Г. С. Гордеев – ведь кому еще могла редакция поручить описать экспедицию в Осетию, как не главному на тот момент специалисту по Осетии и осетинам, собравшему обширный этнографический, топографический и исторический материал! Данное предположение подтверждает и сопоставление ранних текстов Гордеева с текстом «Писем из Осетии», в которых сочетается лите-

1 Автор в этой связи даже приводит рассказ о женщине, оказавшей солдатам героическое сопротивление, как нечто неординарное, не укладывающееся в каноны военной науки.

ратурный талант автора со знанием местности, политической обстановки и предмета исследования. «Письма из Осетии» по сравнению с ранними очерками Гордеева содержат более глубокий анализ обстановки, лучшее знание местности и нравов описываемого народа, что характерно для ситуации постепенного погружения автора в среду горцев-осетин по мере прохождения службы на Кавказе. Незаурядный литературный талант, боевой опыт и доскональное знание края, вероятно, и позволили автору «Писем из Осетии» впоследствии вслед за П.С. Санковским долгое время возглавлять редакцию «Тифлисских ведомостей».

Список источников и литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1-12 / Арх. Гл. упр. наместника кавк. Т.7. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866 – 1904. 994 с.
2. Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Lib.ru/Классика [сайт]. URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения: 29.11.2021).
3. Блинов И. Исторические материалы, извлеченные из сенатского архива. Сенаторские ревизии // Журнал Министерства юстиции. 1913. №2. С. 301–302.
4. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис: Центр. кн. торг., 1901. 320 с.
5. Гатуев. А. Г. Христианство в Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. №21. 1900. С. 379 – 384.
6. Гатуев. А. Г. Христианство в Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. №22. 1900. С. 400 – 406.
7. История Грузинской иерархии с присоединением обращения в христианство Осетин и других горских народов по 1 января 1825 года. М.: Синодальная типография, 1826. 96 с.
8. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // Восточная литература [сайт]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Koch_Karl/text3.htm (дата обращения: 29.11.2021).
9. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях: Ч. 2. СПб.: Типография Департамента Внешней Торговли, 1836. 398 с.
10. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Составитель – Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. Т.1. 840 с.
11. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Тифлис: Типография окружного штаба кавказского военного округа,1889. Т. 5. 335 с.
12. Кавказ Николаевского времени в письмах его воинских деятелей, из архива Б.Р. Чиляева. С предисловием и примечаниями В.Л. Модзалевского // Русский архив. 1904. №1. С. 115-174.
13. Тифлисские ведомости. №18-24. 1830.
14. Тифлисские ведомости. №72-87. 1830.
15. Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Восточная литература [сайт]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Cudinov_V/text1.htm (дата обращения: 29.11.2021).
16. Dubois de Montpéreux, Frédéric. Reise um den Kaukasus zu den Tscherkessen und Abchasen, nach Kolchis, Georgien, Armenien und in die Krim. - Darmstadt : Leske, 1842, Bd. 2. 626 S.

References

1. AKAK. In 12 Vols. // Arkhiv Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. (Archive of the Main Administration of the Governor of the Caucasus). Vol.7. Tiflis: Printing house of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1866 – 1904. 994 p. (In Russian).
2. Blaramberg I.F. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza (Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus) // Lib.ru/Klassika [sait]. http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (Accessed: 29.11.2021). (In Russian).
3. Blinov I. Istoricheskie materialy, izvlechennye iz senatskogo arkhiva. Senatorskie revizii (Historical materials extracted from the Senate archive. Senatorial audits) // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1913. No. 2. P. 301–302. (In Russian).
4. Veidenbaum E.G. Kavkazskie etyudy. Issledovaniya i zametki (Caucasian studies. Research and notes). Tiflis: Center of book trade, 1901. 320 p. (In Russian).
5. Gatuev. A.G. Khristianstvo v Osetii (Christianity in Ossetia) // Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti. No. 21. 1900. P. 379–384. (In Russian).
6. Gatuev. A.G. Khristianstvo v Osetii (Christianity in Ossetia) // Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti. No. 22. 1900. P. 400–406. (In Russian).
7. Istoriya Gruzinskoi ierarkhii s prisoedineniem obrashcheniya v khristianstvo Osetin i drugikh gorskikh narodov po 1 yanvarya 1825 goda. (The history of the Georgian hierarchy with the accession of the conversion to Christianity of Ossetians and other mountain peoples on January 1, 1825). Moscow: Sinod's printing house, 1826. 96 p. (In Russian).
8. Koch K. Puteshestvie po Rossii i v kavkazskie zemli (Travel to Russia and the Caucasus lands). Vostochnaya literatura [sait]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Koch_Karl/text3.htm (Accessed: 29.11.2021). (In Russian).
9. Obozrenie rossiiskikh vladenii za Kavkazom, v statisticheskom, etnogaficheskom, topograficheskom i finansovom otnosheniyakh (Overview of the Russian possessions beyond the Caucasus, in statistical, ethnographic, topographic and financial terms). Vol. 2. St. Petersburg: Printing house of the Department of Foreign Trade publ., 1836. 398 p. (In Russian).
10. Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh (Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians). Sostavitel' – L.A. Chibirov. Vladikavkaz. Project-Press, 2014. Vol.1. 839 p. (In Russian).

11. Potto V.A. Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh (The Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies). Vol. 5. Tiflis, 1889. 335 p. (In Russian).
12. Kavkaz Nikolaevskogo vremeni (The Caucasus of the Nicholas time) // Russkii arkhiv. 1904. Book. 1. P. 115 – 174. (In Russian).
13. Tiflisskie vedomosti. No.18–24. 1830. (In Russian).
14. Tiflisskie vedomosti. No. 72–87. 1830. (In Russian).
15. Chudinov V. Okonchatel'noe pokorenie osetin (The final conquest of the Ossetians) // Vostochnaya literatura [sait]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Cudinov_V/text1.htm (Accessed: 29.11.2021). (In Russian).
16. Dubois de Montpéreux, Frédéric. Reise um den Kaukasus zu den Tscherkessen und Abchasen, nach Kolchis, Georgien, Armenien und in die Krim. Vol. 2. Darmstadt: Leske, 1842. 626 p.

Сведения об авторе

Бицоти Борис Борисович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова Российской академии наук; e-mail: bitsoti@inbox.ru

Information about the author

Boris B. Bitsoti – candidate for the academic degree of PhD in History, Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences named after H. I. Ibragimov; e-mail: bitsoti@inbox.ru

CC BY

УДК 394.014

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.3

И. В. Дубинин
И. Г. Иванцов

«Я ВОЗВРАЩАЮСЬ В СВОЕ ПСЕКУПСКОЕ ВЛАДЕНИЕ». ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Д. ПОПКО НА ПОСТУ КОМАНДИРА ПСЕКУПСКОГО ПОЛКА (1864–1871 гг.)

Статья посвящена некоторым фактам служебной и общественной жизни прославленного генерала Кубанского казачьего войска, одного из первых историков Черномории XIX в. – Ивана Диомидовича Попко, автора книг и статей по истории черноморского, кубанского, и терского казачества, литературных произведений, в очень насыщенный различными событиями «псекупский» период его военной службы с 1864 по 1871 гг. О жизни генерала опубликовано достаточно много трудов, которые касаются многих сторон из его биографии, но в большинстве случаев все опубликованное, начиная от биографии и заканчивая культурологической и писательской деятельностью, основано на официальных источниках и документах, периодической печати. Они позволили авторам исследований довольно всесторонне осветить жизнь героя статьи. Однако история жизни генерала далеко не изучена до конца, еще предстоит кропотливая работа по установлению многих фактов его жизни.

Тем интереснее узнать о некоторых аспектах его жизни, что называется, из первых уст – его личных писем. В Государственном архиве Ставропольского края в фонде 377 хранится дело №7. В деле собраны письма, адресованные в Санкт-Петербург близкому другу генерала, Василию Федоровичу Золотаренко. Среди них и были обнаружены 12 писем, написанных историком другу в бытность свою командиром Псекупского полка Кубанского казачьего войска, в период с 1864 по 1871 гг. Именно эти письма и послужили источниковой базой для написания данной статьи. Письма освещают некоторые стороны как служебной, так и глубоко личной жизни И.Д. Попко, а также дают ценную возможность для ознакомления и дальнейшего изучения истории военной, административной и культурно-просветительской деятельности первого историка Черномории в Закубанье.

Ключевые слова: Закубанье, И. Д. Попко, личные письма, образовательная деятельность, переписка с другом, Псекупский полк.

Для цитирования: Дубинин И. В., Иванцов И. Г. «Я возвращаюсь в свое псекупское владение». Жизнь и деятельность И.Д. Попко на посту командира Псекупского полка (1864 – 1871 гг.). // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 31–38. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.3

Igor G. Ivantsov
Igor V. Dubinin

«I AM BACK TO MY PSEKUPS POSSESSION». LIFE AND ACTIVITY OF I. D. POPKO IN THE OFFICE OF COMMANDER OF THE PSEKUPSKY REGIMENT (1864–1871)

The article is devoted to some facts of the office and public life of the famous general of the Kuban Cossack troops, one of the first historians of the Black Sea of the XIX century - Ivan Diomidovich Popko, the author of books and articles on the history of the Black Sea, Kuban, and Tersk Cossacks, literary works in an eventful «Psekup» period of his military service from 1864 to 1871. A lot of works on the life of the general were published. They concern many aspects of his biography, but in most cases everything published, ranging from biography and ending with cultural and writing activities, is based on official sources and documents, periodic press. They allowed the authors of research to quite comprehensively highlight the life of the hero of the article. However, the history of the life of the general was far from being studied until the end, there is still painstaking work to specify many facts of his life.

The more interesting it is to learn about some aspects of his life from what is called the first-hand source, his personal letters. In the State Archive of the Stavropol Territory in the Foundation 377 Case No. 7 is kept. The case contains collected letters addressed to a close friend of General, Vasily Fedorovich Zolotarenko in St. Petersburg. Among them there were 12 letters written by the historian to a friend to any commander of the Psekupsky regiment of the Kuban Cossack troops, in the period from 1864 to 1871. It is these letters that served a source base for writing this article. Letters illuminate some aspects of both service and private life I.D. Popko, as well as give a valuable opportunity to familiarize themselves and further study the history of military, administrative and cultural and educational activities of the first historian of the Black Sea in the Trans-Kuban region.

Key words: Trans-Kuban region, I.D. Popko, personal letters, educational activities, correspondence with a friend, the Psekupsky regiment.

For citation: Ivantsov I., V. Dubinin I. «I am back to my Psekups possession». life and activity of I.D. Popko in the office of commander of the Psekupsky regiment (1864 – 1871) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 31–38. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.3

Трудов, посвященных личности и заслугам И. Д. Попко существует большое количество. Что и не удивительно, учитывая масштаб его личности и заслуг, его роли в истории и культуре Северного Кавказа. Исследованиям же именно «псекупского» периода службы и деятельности И. Д. Попко посвящено не так много работ. Среди них выделяются работы профессора Краснодарского государственного университета культуры. Б. А. Трехбратова [4; 5; 6; 7], освятившие многие стороны деятельности генерала в этот временной промежуток.

Практически, большая часть жизни Ивана Диомидовича Попко прошла в разъездах. В начале службы, будучи письмоводителем исполняющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска А. Г. Рашпиля он постоянно сопровождал того в поездках. Когда в 1851 г. он стал адъютантом наказного атамана того же войска Н. С. Завадовского маршруты его поездок значительно расширились. В 1854 г., после его смерти 8 октября 1853 г., был отправлен на русско-турецкую границу, где принимал непосредственное участие в боевых действиях: «… я прибыл в Александрополь и явился к князю Бебутову. Я получил назначение состоять при начальнике кавалерии действующего корпуса, генерал-лейтенанте Багговуте, в должности дежурного штаб-офицера» [1, л.144].

Прослужив меньше года, с марта 1854 г. по январь 1855 г. он был переведен в Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион и произведен в ротмистры, что среди казаков было достаточно редким явлением: «я получил ожидаемое повышение. Перевод в гвардию, в таком чине, как ротмистр – награда редкая вообще, а в казачьих войсках в особенности. Можете вообразить себе, как это ошеломило всех политиков Екатеринодара» [1, л.84].

В начале 1856 г. «я просился в образцовый кавалерийский полк, – но главнокомандующий, не соизволил выпускать меня отсюда, назначил меня начальником Карского округа в завоеванной Карской области» [1, л.163]. И только в октябре 1856 г. он был командирован в Санкт-Петербург во 2-й эскадрон того же дивизиона. С февраля 1857 г. по май 1858 г. находясь в столице, он свел знакомства со многими людьми и приобрел определенное количество книг для своей библиотеки, отдавая предпочтение художественной литературе и серьезным трудам по истории.

Затем, в мае 1858 г. был определен в Черноморское казачье войско на должность штаб-офицера для особых поручений при начальнике Главного управления иррегулярных войск. За это время он успел выпустить свой первый серьезный исторический труд «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы»: «Начало издания в свет Черноморских казаков пошло хорошо... Посмотрите, если не видели, № 37 и 38 Инвалида[1] (в феврале нынешнего года) и Вас оглушит трубный звук. Как это дело движется дальше жду уведомления от Лебедева[2] или от Вас. В Черноморской публике означенные №№ Инвалида произвели сильное впечатление… Это только начало длинной материи» [1, л.183]. Принял участие в составлении и редактировании «Устава о строевой службе конных полков казачьих войск»[3]. За все эти годы у него так и не получилось обзавестись постоянным местом жительства. Был у него дом в Екатеринодаре, который сгорел знойным летним днем 21 августа 1851 г., вместе со всем имуществом, в том числе и с книгами. В итоге он его отстроил заново, но в 1856 г. «разорвал я последнее звено в цепи, привязывавшей меня к войсковой земле – продал свой домишко за 500 рублей серебром» [1, л.172].

Иван Диомидович не хотел связывать свою жизнь с Черноморской столицей – Екатеринодаром, его душа стремилась вон из грязного и неустроенного города. Поэтому он с некоторым облегчением принял предложение принять командование Псекупским полком: «Граф Евдокимов предлагает мне полк, который будет поселен приходящей весною. На р. Псекупс, в живописнейшей закубанской местности и где есть минеральные воды, еще лучше пятигорских. Устройство новых полков такое, что полковой командир есть отдельный феодальный барон: в его руках и военная и гражданская власть – у него свое полковое правление, где он председательствует» [1, л.189].

Вероятно, у него первоначально была возможность выбора места службы, в письме от 31 января 1864 г. он писал: «я уже решился взять поселенный казацкий полк не на Псекупсе, а на восточном берегу Черного моря, где придется быть в постоянных сношениях с образованной Европой» [1, л.192 об.]. Но, все-таки, 1 апреля 1864 г. Иван Диомидович получил назначение и 17 мая того же года прибыл к месту службы, в ст. Ключевую (ныне г. Горячий Ключ).

Как известно, историк никогда не был женат, объясняя это в письме от 2 ноября 1850 г. тем, что «вы имеете способность заботиться о себе, сберечь копейку, приладить к обстоятельствам все помыслы и замыслы, и все поступки и делишки Ваши. Вы можете жить так, как бы шить по канве. Словом, Вы имеете благоразумие. Вот этого то дара небес я не обретаю в себе, а стяжать его

1 «Русский инвалид» – официальная газета Военного министерства, издавалась в Санкт-Петербурге с 1862 по 1917 гг.)

2 Лебедев Петр Семенович (1816 – 1875) – генерал-майор, военный писатель, преподавал в Императорской военной академии. Редактор газеты «Русский инвалид» с 1855 по 1861 гг.

3 Воинский устав о строевой службе конных полков казачьих войск. Ч.I-IV. Санкт-Петербург: тип. Управления иррегулярных войск, 1861.

нельзя – на том основании, что человек каков в колыбельку, таков и в могилку. Сверх того, я ведь толкаюсь в стаде, запертом в хлеве, куда бросают так мало корму, что и одному, а не то чтобы еще с самкой и приплодом, случается испытывать голод. Вот это стадо мычит, а выдти на поиск подножного корма не пускают» [1, л.78–78 об.]. Но после того как он прибыл к месту службы, то все-таки решил вернутся к вопросу связать себя «гименейскими узами», но осознавая свой возраст, на тот момент ему уже 45 лет, 4 декабря 1863 г. пишет Василию Федоровичу: «передайте мой поклон Алексею Дмитриевичу и попросите, чтоб он нашел мне Еву для обнимания в закубанском раю. Я возвращусь в апреле, поиму оную жену, заберу свои пожитки и отправлюсь умножать христианское население в горах» [1, л.189–189 об.]. В следующем письме от 31 января 1864 г. он напоминает: «повторяю мою просьбу к Алексею Дмитриевичу о приискании мне в благополучное супружество чреватой ученостью немки» [1, л.192–192 об.]. 21 декабря 1864 г. он жалуется другу: «я совсем уже потерял надежду на семейную жизнь, потому что отпустив бакенбарды увидел их сивыми зело. Пропащее дело» [1, л.195].

И в этой связи делает заключение: «Вы приезжали бы отдохнуть в горах на Псекупсе, когда же придет к нам неумолимая старость, мы дожили бы последние дни в горном уединении и за наше безбрачие, чрез сотню лет, может быть будут явлены из-под спуда наши мощи, под именем псекупских чудотворцев.

Я избираю место для собственного водворения в самых недрах гор, у подошвы главного хребта. Там множество садов в диком состоянии, а потому и намерен заняться садоводством, присоединив к нему и пчеловодство. Вследствие чего прошу Вас выслать мне лучшие по этим двум отраслям сельской промышленности руководства. Необходимая на этот предмет сумма может быть почерпнута из выручки за мебель» [1, л.195–195 об.].

Нужно заметить, что покинув Санкт-Петербург, чтобы не везти весь свой скарб в Черноморию, все свое имущество Иван Диомидович оставил на сохранение еще одному своему другу, Владимиру Богдановичу Линденеру, будущему наказному атаману Астраханского казачьего войска, который в то время служил в управлении иррегулярных войск.

Не имея нормального жилья на новом месте службы, он стал беспокоится о налаживании быта, и одной из первых его просьб друзьям в столицу была, как ни странно, покупка револьвера. Но как только Иван Диомидович немного обжился, в столицу полетели письма совершенно с другими вопросами. В письме от 21 декабря 1864 г. он просит В. Ф. Золотаренко: «Потрудитесь передать ему (В. Б. Линденеру) дополнительную просьбу чтоб выслал еще Всеобщую историю Шлоссера[1], в переплете – все вышедшие уже томы, на русском. Попробовать бы заказать эту комиссию книгопродавцу Гайдебурову (на Васильевском)[2], который все – публикует, что высылает русские книги в провинцию по петербургской цене, т. е. без пересылочной платы» [1, л.194 об.]. 4 февраля 1867 г. командир полка выражает свое желание «иметь на французском сочинение Наполеона Vie de Cesar[3], в переплете, без карт. Его можно найти у Дюфура[4] или у Вольфа[5]. Если не затруднит Вас, вышлите мне чрез почту и уведомьте об издержках, которые немедленно возвращу. Только бы книжки были в переплете. Хоть корешковом» [1, л.201 об.]. 24 сентября 1869 г. просит: «потрудитесь в каком-нибудь книжном магазине добыть и сообщить мне, что это за новое произведение Богдановича: История царствования Александра I[6] сколько томов, есть ли при нем карты и сколько оно стоит в переплете и с пересылкой» [1, л.207 об.]. В начале 1870 г. он размышляет «о новой книге Самарина «Окраины России»[7] и просит: «Нельзя ли мне ее выслать, но только чтоб была в переплете» [1, л.210 об.].

Самая загадочная «книжная» фраза встречается в письме от 30 января 1869 г., в котором он благодарит своего друга и пишет, что «книги для театра получил» [1, л.205 об.]. На данный момент, ни в официальных, ни в личных документах не удалось найти ни одного упоминания о том, что «феодальный барон» И. Д. Попко делал попытку создания в ст. Ключевой театра – это первая.

Не забывал он и о своих родных. После смерти брата Анфима, Иван Диомидович, как старший брат, взял на себя обязанности по воспитанию и обучению его сыновей, своих племянников – Антона и Григория. 24 сентября 1868 г. он писал в Санкт-Петербург: «Во время пребывания моего в Ставрополе я порешил с моими племянниками так: Старшему, богослову, оканчивать семинарский курс и наследовать от патриарха дом с хозяйством и пастырский жезл, приняв на себя вместе с тем обязанность у покойного старца в последние его дни.

А младшему, философу, приказал готовиться в университет, а в богословие не пускаться. Парень принял предложение охотно, и теперь я обязан, не щадя живота своего, доставлять ему средства.

1 Шлоссер Ф. К. Всемирная история // Ф. К. Шлоссер. – Санкт-Петербург: М. О. Вольф, 1868–1877. – 8 т.
2 Гайдебуров Павел Александрович (1841–1894) – журналист, литератор, издатель, русский общественный деятель.
3 Napoleon III Histoire de Jules Cesar // Napoleon III. – Paris : Imprimerie imperiale, 1865–1866. – 2 t.
4 Дюфур Селим – издатель, книготорговец французских книг и издатель газеты «Journal de St. Petersbourg»
5 Вольф Маврикий Осипович (1825–1883) – русский издатель, книгопродавец, просветитель и энциклопедист.
6 Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время // М. И. Богданович. – Санкт-Петербург: тип. Ф. Сушинского, 1869–1871. – 6 т.
7 Самарин Ю. Ф. Окраины России / издание Ю. Самарина. Прага: типография Ф. Скрейшовского, 1868–1876. – 6 т.

На первый раз он требует учебников и руководств, поименованных в прилагаемом реестре» [1, л.206-206 об.]. К письму прилагается список учебной литературы, которую он просит приобрести В.Ф. Золотаренко в Петербурге и отправить ее в Ставрополь на имя воспитанника семинарии Григория Анфимовича Попко. Судя по всему, Григорий был достаточно разносторонней личностью, в списке присутствуют учебные книги по различным направлениям науки. Почти все книги имеют конкретных авторов, к примеру, Гано А. Физика; Вербжилович В. В. География; Бок К. Э. О здоровом и больном человеке; Марков И. Е. Арифметика; Давидов А. Ю. Алгебра и Геометрия и т. д. К другим книгам (Ботаника, Зоология, Геометрия, Тригонометрия и др.), в которых Иван Диомидович разбирался не сильно, стоят приписки – «наиболее современные» или «вопросить компетентных людей».

Не имея постоянного места жительства, вновь назначенный командир и «феодальный барон» первым делом начал строить свой дом. Подошел он к этому весьма практично и 21 ноября 1865 г. писал в Санкт-Петербург, что во второй половине сентября 1865 г. въехал в новый дом: «Я перешел в новый дом. Сего дня от Петра, полковой благочинный, будет его освящать. На душе как-то легко. Полтора года трудного переселенческого времени я кочевал в убогой лачужке, наскоро сбитой из старых абадзехских саклей. Теперь перешел в дом, который сделал бы честь, если не Питеру, то по крайней мере Новой Деревне или Черной речке. Здание в роде дачного дома Афанасьевых, из прочного дубового леса, в два этажа. Внизу 6 комнат, в том числе людская с кухонной печкой; на верху две больших комнаты. Стены высокие, окна большие. Внизу и вверху галерея с колоннадой. Вид на горную окрестность великолепный. Крыша железная, выкрашена железной краской. Здание хотя и необширное, но благодаря местоположению и архитектуре, издали рисуется дворцом» [1, л.196–196 об.]. После водворения в новый дом в его голову вновь приходят мысли о женитьбе: «как бы то ни было, но завидя оседлость довольно серьезную надобно, кажется, бросить кочевые замыслы и с полной покорностью судьбе сделаться растением, разлагающимся на своем корне. В таком случае нужно общество женщины. Жениться обыкновенным образом, при ежедневно увеличивающейся седине, нечего и думать. Это было бы смешно. Тут более чем когда-нибудь я останавливаюсь на мысли – найти в Питере из класса... гувернанток или классных дам немку ученую, уже вкусившую от древа познания добра и зла, уже с состарившимися… мечтами, и которая в браке искала бы того же чего сам теперь ищешь. Приискивай такое существо, а я приеду, да возьму его» [1, л.197 – 197 об.].

11 октября 1866 г. он снова пишет другу: «Напоминал он (отец) мне о женитьбе – хоть бы и в таком роде, как я думаю, т. е. из разряда петербургских гувернанток, – требовал даже, чтоб съездил для сей надобности в Питер… Авось в будущую весну, при первом открытии водных сообщений соберусь и махну на север» [1, л.199]. Остается загадкой, почему Иван Диомидович, хотел жениться именно на «ученой немке»? Но, проект, связать себя «гименейскими узами» у историка не удался… И последний раз, будучи командиром полка, он вспоминает о женитьбе в начале 1870 г.: «Затем о женитьбе. И об этом равным образом нечего было вспоминать по случаю нового года. Возблагодарим судьбу что не навьючила нас этой, по крайней мере, ношей которую куда как тяжело тащить при другом грузе, называемом бременем лет. Давление одного уже этого бремени чаще и чаще вызывает печальную думу: как-то прокормиться, когда сделается неспособным ни службой, ни работой добывать кусок хлеба, да еще обдерут тебя как липку казенным взысканием?» [1, л. 212].

Последняя фраза касается периода с 1869 по 1871 гг. когда на Западном Кавказе гремело, так называемое провиантское дело, по которому, судя по всему, одним из обвиняемых или подозреваемых проходил и Иван Диомидович. Как человек хозяйственный, с авантюрной жилкой он решил спасать свое, с трудом нажитое имущество: «Мне грозит таковое взыскание по известному провиантскому делу – ты Господи видишь за что. Опытные люди советуют поспешить, пока еще есть время, продать мою землю мнимо, на имя доверенного лица, чтоб не пошла с молотка. Земелька прекрасная, – я уже устроил на ней усадьбу, – жаль мне ее, жаль потому в особенности, что она составляет единственное упование на прокормление в старости, если судьба вздумает пошутить навязать ее. Я склоняюсь к мысли перевести ее продажным обрядом на Ваше имя… А если не продать, то заложить как-нибудь за долг что ли, – мнимый, разумеется. Я выслал бы все потребные документы и доверенность на имя В.Б. Линденера, уполномачивая его совершить акт от моего имени. Но как именно это сделать? Какие документы, в каких формах? И вообще, как начать и как кончить всю эту процедуру! Необходимо посоветоваться не только с знающим, но и весьма опытным юристом или адвокатом. Сделайте в этом важном случае дружбу – отыщите такого делового человека, переговорите, потолкуйте и сообщите подробнейшую инструкцию. Если надобноть укажем посвятите в это дело Владимира Богдановича (Линденера)… Повторяю – дело важное, вопрос жизненный. Относитесь к нему с сочувствием равным братским чувствам» [1, л. 212–212 об.].

В своих письмах Иван Диомидович часто вспоминает своего отца, который несколько раз посещал сына в ст. Ключевой: «Патриарх гостил у меня в сентябре (1865 г.) – лечил свою больную ногу в здешней горячей воде. Старик еще держится, но одна нога, перебитая конем еще в молодости, начинает ему изменять… Здешние воды оказываются решительно полезными в ревматизмах, ломотах и разных накожных болезнях» [1, л.197 об.]. На следующий год командир полка жаловался другу, что «Минувшее лето (1866 г.) патриарх гостил у меня и лечил больную ногу на псекупских минеральных водах, которые не принесли ему никакой пользы…» [1, л.199 об.].

30 января 1868 г. И. Д. Попко писал: «я посетил на святки Патриарха. Он двигается и его нельзя бы еще было относить к числу дряхлых старцев, если бы не эта язва на ноге, которая остается все в одном положении и представляется чем-то неизлечимым. Мне кажется, что умный врач мог бы и заочно дать совет, если не фармацевтический, то по крайней мере гигиенический. Этой неумолимой язвой назначено старику искупить какое-нибудь давнее наслаждение и, сколько можно судить по прошедшему этих степенных людей, вероятно – пьянство молодых лет. Есть в человеческой жизни таинственный роковой закон, по которому каждое наслаждение непременно должно быть искуплено страданием. А потому не следует слишком горевать испытывая лишения и невзгоды. Не надобно бросаться на удовольствия даже самые дешевые и доступные» [1, л.203 – 203 об.]. Хотя Диомид Нестерович Попка был достаточно жестким и волевым человеком, не боявшимся спорить даже с наказным атаманом. Их, с детства Ивана Диомидовича, связывали очень тесные родственные отношения. Отец имел очень сильное влияние на сына и поэтому, когда в 1872 г. он умер, то это стало большим потрясением для И. Д. Попко.

4 июня 1864 г. командиром Псекупского полка, в подчиненные ему станицы, было направленно письмо с просьбой о сборе предметов быта, покоренных племен. Именно эта дата считается днем создания первого музея в Черномории. Но если учитывать достаточно жесткую бюрократическую составляющую, тогдашнего российского общества и кубанского в частности, о чем не раз упоминал Иван Диомидович в своих письмах, то можно сказать, что днем основания музея эту дату можно считать лишь теоретически. Кроме этого, как упоминается во многих источниках, музей был открыт в наскоро выстроенной сакле, а историк в одном из посланий сообщал: «полтора года трудного переселенческого времени я кочевал в убогой лачужке, наскоро сбитой из старых абадзехских саклей», то можно предположить, что хозяйственный командир предоставил свое старое жилье для нужд музея и в этом случае его фактическое открытие переносится на вторую половину 1865 г. Многие исследователи задаются вопросом: куда могли исчезнуть экспонаты музея, после того как в 1971 г. Псекупский полк был расформирован? В ГАСКе хранится «Опись собственному имуществу Ставропольского Губернского предводителя дворянства, Генерал-майора Ивана Диомидовича Попко, оставленному в дворянском доме, в гор. Ставрополь. Апрель 1877 года» [2]. В данном документе упоминаются «образцы каменных пород из бассейна Псекупса», «клинков древних, покрытых ржавчиной» и «стрел таковых же» и др.

К сожалению, ни каких упоминаний о музее в письмах нет. Как нет и ссылок на полковую библиотеку. И если следы хотя бы некоторых музейных экспонатов мы, предположительно, можем найти, то проследить за судьбой книг из библиотеки весьма затруднительно. Можно лишь предположить, что какая-то их часть могла оказаться в личной библиотеке историка.

Больше внимания в посланиях уделено полковой школе. Не имея высшего образования, командир все свободное время отдавал саморазвитию. В марте 1874 г. Николай Николаевич Кармалин, наказной атаман Кубанского Казачьего войска, писал своему коллеге Александру Павловичу Свистунову, начальнику штаба Кавказского военного округа и наказному атаману Терского Казачьего войско о «служебной опытности и многостороннем, солидном образовании» [3, л. 57] Ивана Диомидовича.

30 января 1868 г. он писал своему другу в Санкт-Петербург: «Книги из магазина Исакова… получены. Очень жаль, что не нашлось портрета Государя в казачьей форме. Прежде были, – потрудитесь еще поискать и порасспросить. Необходимо мне украсить им полковую академию, где уже – поверите ли? – преподается французский язык. Бог послал мне такого человечка в полк... Прошу Вас выслать ноты по прилагаемой при сем выписке из газетного объявления, да если бы вместе с тем отыскать и выслать новейшие и толковейшие руководства к рисованию и черчению. Эти два предмета необходимо ввести в школу, – первый даже положен по штату. Нужна так же французская пропись, – хоть 1 экземпляр. Если хотите быть меценатом далекой псекупской полковой школы, то возьмите труд отыскать поименованные предметы и выслать в одном тюке… По приложенному счету, разумеется, чиновничий расход будет немедленно пополнен» [1, л.202 об. – 203].

Кроме внутренних, полковых дел, командир довольно часто был вынужден покидать место службы. К примеру, в октябре 1866 г. он выезжает в столицу Кубанского Казачьего войска: «В Екатеринодаре я бываю весьма редко. Сегодня нахожусь здесь по случаю сельскохозяйственной выставки, которая и здесь наконец

кое-как сформировалась… Грязь такая же, как и в старину, и вообще физиономия Екатеринодара прежняя, хотя много и много перемен в нем совершилось» [1, л.199 об.]. С начала июня 1869 г. он вынужден ехать в Ставрополь: «Здесь учреждают юнкерское училище для обоих Кавказских казачьих войск Кубанского и Терского. Для начертания проекта положения об этом училище назначен Великим Князем Главнокомандующим комитет от обоих войск, и я призван в состав этого ареопага членов от войска Кубанского; прибыл в Ставрополь 5-го сего июня и пробуду здесь, должно быть, до 10го июля» [1, л.209], а в конце письма добавляет: «Я начал это послание 24 июня, а оканчиваю 10 июля. Комитетское дело затянулось, и придется промаяться с ним здесь до августа» [1, л. 210 об.].

Нужно заметить, что к Ставрополю у Ивана Диомидовича было трепетное отношение. Еще служа писарем при черноморском атамане Г. А. Рашпиле, он мечтал перебраться на жительство именно туда. Насколько хорошо он относился к губернскому городу, настолько негативно было его отношение к столице Черномории: «Ставрополь – вторая родина. Как ни горько было наше детство, а вид его колыбели внушает отрадные впечатления. Не сколько занимает меня город, как его окрестности, которые, кажется, ничуть не изменились. Беспощадно трачусь на извозчика и совершаю частые поездки, то к Коровину, то на Мамайку[1], то далеко от Воробьевки[2] к истокам Ташлы[3]. Не замечаю одиночества в этих молчаливых экскурсиях, потому что спутниками мне являются воспоминания добрые и непорочные как херувимчики. Шабаш – верно смерть близко, что душа так жадно и глупо раскрывается для таких химер.

После того как отсюда выведено центральное управление Ставрополь похож на тело из которого вырвали сердце. Но все-таки он настолько выше Екатеринодара как труп свежий и еще теплый в сравнении с трупом, разложившимся и гниющим. Лето здесь чрезвычайно дождливо – ни одного дня не проходит без дождя, но город сух» [1, л. 209 об. – 210].

Сидя в своем псекупском захолустье, Иван Диомидович, вспоминая свою службу в столице, хотел побывать в Питере и навестить друга, который постоянно приглашал его, но всегда были причины, которые мешали воплотить мечту о поездке в жизнь. 1867 г.: «Путешествие мое на север весною, увы не состоится. В мае В(еликий) К(нязь) Главнокомандующий располагает обозревать новые поселения за Кубанью, и это обстоятельство требует, чтобы все колонизаторы были на местах. В каком положении будут дела летом не знаю» [1, л. 201]. 1869 г. – «Ни вашему предложению, ни моему предположению относительно путешествия за пределы Кавказского края не суждено осуществиться. Вместо Питера или Астрахани пришлось ехать просто на просто и по казенной надобности в Ставрополь…» [1, л. 209]. Только в 1871 г. он отвечал другу: «Вы пишите, чтоб приехать в Питер, – от чего и не так? Но только это может осуществиться не раньше осени настоящего, разумеется, года. Весну располагаю похозяйничать на своей земле, а летом покупаться в море в Тамани или в Анапе, чтоб освежиться после перенесенных без числа горных лихорадок» [1, л.184 об. – 185]. Но, к сожалению, Иван Диомидович, из-за долгой сдачи полковых дел и других проблем, так и не смог съездить к другу – Василий Федорович Золотаренко в 1872 г. скончался в Санкт-Петербурге.

Население Кубани, с момента заселения этих территорий, страдало от болезней (лихорадки, оспа, холера, цинга и др.), в основном это происходило из-за господствовавшего здесь климата и рельефа местности. Не обошли эти беды и переселенцев за Кубань. Поэтому значительное место в письмах занимают жалобы И. Д. Попко на всякого рода болезни и на непостоянство климата. Через год после своего назначения, 21 ноября 1865 г., он пишет в Санкт-Петербург, что «все бы хорошо, да дурно только то что климат лихорадочный. Увы, лихорадка отравляет жизнь. В прошлом году думали, что будем болеть только первый год, а потом обживем новую местность в добром здоровье. Не тут то было, – лихорадка повторялась с прежней силой, и вот какое уже позднее время года, а она еще не прекратилась.

Смерть сильно преобладает над рождениями: на 1 рождающего 5 умерших. Земля сильно истощена… Вообще кавказские горы далеко не стоят тех громких фраз, которые им расточают люди, не заглядывавшие в глубину ущельев» [1, л.196 об. – 197].

В следующем 1866 г. он жалуется, что «разнородные затруднения горной колонизации приняли огромные размеры, и с ними борьба, поглощающая всего человека с головы до ног. Но этот год особенно неблагоприятствовал мне в отношении здоровья – часто и продолжительно болел лихорадкою, не перестающею терзать русское население в горах» [1, л.198].

И на следующий год он сетует на все те же проблемы, о том, что колонизация «плохо принялась за три года. Болезни и смертность не прекращаются: гарные бури и наводнения производят много бед, сообщения чрезвычайно затруднительны и устроить их почти невозможно, хлебопашество не идет, – до сих пор все неурожаи, а казенному продовольствию в нынешнем году конец. Одним словом – положение затруднительное» [1, л. 201–201 об.].

1 Мамайка – река в южной части Ставрополя.
2 Воробьевка – район г. Ставрополя.
3 Ташла – река в Ставропольском крае. Исток реки находится в Таманском лесу в черте Ставрополя.

В 1868 г. ситуация стала еще хуже: «Зима в горах ужасная. Дожди, бури, снежные метели – одно сменяется другим, и солнца нет, как в Питере. Реки бушуют и даже незавидные сообщения разрушены. В магазинах нет хлеба, у людей не стает сена» [1, л. 203 об.].

Все закончилось в 1871 г.: «в нашем муравейнике новый год начался введением нового положения и новыми назначениями, в числе которых на мою долю не выпало ничего. Да это и не слишком меня огорчает, – устал, умаялся, чувствую потребность отдыха…» [1, л. 184]. Больше всего его беспокоила неопределенность по «провиантскому делу»: «горюю о неизвестности исхода этой злополучной прикосновенности к делу… Неизвестность это хуже всякой действительной беды и решительно мешает постановить какое-либо твердое решение по вопросу: что предпринять и как жить дальше?

А между тем, быть может, последует и развязка прикосновенности, так как всякая проволочка в мире имеет свой конец» [1, л. 184].

Иван Диомидович был человеком рациональным и хозяйственным, поэтому даже в таких сложных условиях он думал о своем имении. Поэтому в этом же письме он просит Василия Федоровича «побывать в депо машин Ф. Иохима и компании. На углу Малой Морской и Кирпичного переулка, в доме Брунета, №4. Обратите особое внимание на следующие предметы: 1) Трубчатые колодцы, снабженные буравом для ввинчивания их в землю; 2) Американские земляные буры; 3) Сельская перевозная пожарная труба, на 3-х колесном ходу; 4) Гидравлический пресс для выжимания масла. Цена 715 р.» и тут же замечает, что «по теории эти вещи были бы чрезвычайно полезны в небольшом хозяйстве, как мое …» [1, л.185–185 об.].

В своем последнем письме от 24 марта 1871 г. на посту командира Псекупского полка, написанном уже из Екатеринодара, он сообщает другу, что «от его Высочества нашего главнокомандующего, в первых числах сего марта, пошло в Питер представление о производстве меня в чин генерал-майора со старшинством с 30 августа 1870 г., т. е. с тем что бы земельный надел дать мне по генеральскому чину – в 1500 десятин. Причем Великий князь написал особое письмо Военному министру о том, чтобы, злочастная прикосновенность моя к провиантскому делу, охватившему весь Западный Кавказ, не имела влияния на настоящее представление. …

Какой бы ни был исход этого представления благоприятный или неблагоприятный, телеграфируйте в Екатеринодар. Но с Ключевой я распрощался окончательно и там находиться не буду» [1, л. 213–214 об.].

Действительно, И. Д. Попко, после этого так ни разу станицу Ключевую не посетил, но всегда, по возможности, следил за тем, что там происходило. В Государственном архиве Ставропольского края сохранилось немало писем от ее жителей на его имя с разными просьбами и жалобами.

Исследования о псекупском периоде жизни Ивана Диомидовича, выходившие ранее, все были основаны на официальных документах. Не понятно, почему исследователи жизни и творчества прославленного генерала Кубанского казачьего войска игнорировали материалы личного характера. После анализа писем И. Д. Попко, относящихся к псекупский периоду его службы и деятельности, авторы пришли к выводу, что зачастую в частных посланиях информация о каком-либо событии или факте из жизни командира Псекупского преподносилась совершенно не так, как в имевших официальный характер служебных бумагах. Поэтому для большей объективности все-таки необходимо использовать в исследованиях и документы личного происхождения.

Список источников и литературы

1. ГАСК (далее – Государственный архив Ставропольского края). Ф. 377. Оп.1. Д.7.
2. ГАСК. Ф.52. Оп.1. Д.108.
3. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.28.
4. Трехбратов Б. А. И. Д. Попко — создатель первых музеев на Северном Кавказе // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Материалы научно-практической конференции посвященной 100-летию со дня смерти историка. Краснодар: б.и., 1994. С. 38–43.
5. Трехбратов Б. А., Трофименко С. В. Псекупский период в службе Ивана Диомидовича Попко: проблемы историографии и источниковедения // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 2(73). С.109-112.
6. Трехбратов Б. А. «Шаг за шагом выводить новое поколение казаков из под опеки невежества» (Неизвестные факты из биографии кубанского историка И. Д. Попко) // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1996. №4. С. 13–15.

References

1. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 377. Inv.1. D.7. (In Russian).
2. GASK. F.52. Inv.1. D.108. (In Russian).
3. GASK. F.377. Inv.1. D.28. (In Russian).
4. Trekhbratov B.A. I.D. Popko – sozdatel' pervyh muzeev na Severnom Kavkaze (Popko - the creator of the first museums in the North Caucasus) // Pamyati Ivana Diomidovicha Popko: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii posvyashchennoj 100-letiyu so dnya smerti istorika. Krasnodar, 1994. P. 38–43. (In Russian).

5. Trekhbratov B. A., Trofimenko S.V. Psekupskij period v sluzhbe Ivana Diomidovicha Popko: problemy istoriografii i istochnikovedeniya (The Psekup period in the service of Ivan Diomidovich Popko: problems of historiography and source studies) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2019. No. 2(73). P. 109–112. (In Russian).
6. Trekhbratov B. A. «Shag za shagom vyvodit' novoe pokolenie kazakov iz pod opeki nevezhestva»: Neizvestnye fakty iz biografii kubanskogo istorika I.D. Popko («Step by step to bring a new generation of Cossacks out of the care of ignorance»: Unknown facts from the biography of the Kuban historian I.D. Popko) // Kuban': problemy kul'tury i informatizatsii. 1996. No.4. P. 13–15. (In Russian).

Сведения об авторах

Иванцов Игорь Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко; e-mail: IIG23@yandex.ru

Дубинин Игорь Владимирович – библиотекарь Динского механико-технологического техникума, Председатель Динского районного общества историков-архивистов; e-mail: titlo@mail.ru

Information about the authors

Ivantsov Igor G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the 1st Department of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko; e-mail: IIG23@yandex.ru.

Dubinin Igor V. – a librarian, Mechanical and Technological College of Dinskaya, Chairman, District Society of Historians and Archivists; e-mail: titlo@mail.ru

CC BY

УДК 94(47).084.8:61

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.4

И. В. Карташев

МЕДИЦИНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ТЕРРИТОРИИ СССР

О функционировании системы здравоохранения на оккупированных германской армией в период Великой Отечественной войны территориях СССР, на которых до их захвата врагом проживало около 85 млн. человек, можно говорить с определенной долей условности. Разграбление захваченных территорий и обеспечение Германии дешевой рабочей силой не предполагало принятие оккупантами мер, направленных на улучшение условий жизни местного населения, предоставление ему квалифицированной и всесторонней медицинской помощи. В то же время нахождение германской армии в контакте с жителями захваченных территорий вынуждало оккупационные власти проводить мероприятия по обеспечению собственной безопасности и поддержанию необходимого уровня жизни. В этой связи оккупанты, демонтировав существовавшую в советское время систему охраны здоровья населения, позволили продолжить работу отдельных ее элементов. В ряде случаев на оккупированных территориях действовали медицинские образовательные учреждения – институты, медицинские факультеты университетов, техникумы и школы, задачей которых являлась подготовка специалистов высшего и среднего профиля для работы в лечебных учреждениях для населения. В статье рассматриваются вопросы, связанные с причинами их открытия и условиями функционирования на территориях, захваченных германской армией в период войны, выделяются общие и отличительные черты, характеризующие процесс подготовки медицинских кадров в подвергшихся оккупации регионах Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, медицина, врач, подготовка кадров, институт, техникум, училище.

Для цитирования: Карташев И.В. Медицинские образовательные учреждения в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 39–56. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.4

Igor V. Kartashev

MEDICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS UNDER THE CONDITIONS OF GERMAN FASCIST OCCUPATION OF THE USSR

The functioning of the health care system in the territories of the USSR occupied by the German army during the Great Patriotic War, in which about 85 million people lived before their capture by the enemy, can be said with a certain degree of convention. The plundering of the occupied territories and the provision of Germany with cheap labor did not imply the adoption of measures by the occupiers aimed at improving the living conditions of the local population, providing them with qualified and comprehensive medical care. At the same time, the presence of the German army in contact with the inhabitants of the occupied territories forced the occupation authorities to take measures to ensure their own security and maintain the required standard of living. In this regard, the occupants, having dismantled the system of public health protection that existed in Soviet times, allowed the work of its individual elements to continue. In a number of cases, medical educational institutions operated in the occupied territories – institutes, medical faculties of universities, technical schools and schools, whose task was to train specialists of higher and secondary profile for work in medical institutions for the population. The article examines the issues related to the reasons for their discovery and the conditions of functioning in the territories captured by the German army during the war, highlights the general and distinctive features that characterize the process of training medical personnel in the occupied regions of the USSR.

Key words: Great Patriotic War, occupation, medicine, doctor, training of specialists, institute, technical school, medical college.

For citation: Kartashev I. Medical educational institutions under the conditions of German fascist occupation of the USSR // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 39–56. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.4

Социальная политика, проводимая любым государственным образованием, точно отражает сущность взаимоотношений власти и общества. Исследование состояния здравоохранения как одного из направлений этой политики позволяет оценить перспективы воспроизводства населения, сделать выводы о его будущем. Изучение состояния сферы медицины на захваченной немецко-фашистскими войсками территории СССР способствует пониманию истинной сути политики нацистской Германии в отношении его народов. Одновременно оно направлено на противостояние попыткам фальсификации и искажения истории Второй мировой войны, обеления нацизма, принижения роли Советского Союза, принявшего на себя основные тяготы войны.

В работах отечественных историков и специалистов ближнего зарубежья, рассмотренных нами ранее, анализируется состояние медицинской

сферы в подвергшихся оккупации районах России и бывших союзных республик [24]. Однако исследование в них вопросов, связанных с деятельностью медицинских образовательных учреждений в условиях оккупации, носит фрагментарный характер, осуществляется на местном уровне, а сравнительный анализ и общие выводы отсутствуют. Целью статьи является обобщение и дополнение материала по данной проблематике применительно ко всей оккупированной территории страны, а также подготовка выводов по результатам исследования.

В советской историографии вопросы функционирования на захваченных врагом территориях медицинских образовательных учреждений практически не освещались. В справочной литературе отмечалось уменьшение общего числа медицинских институтов и училищ, действовавших на территории страны во время войны. Так, в течение 1941–1942 гг. количество медицинских и фармацевтических вузов сократилось с 72 до 56. Некоторые институты были эвакуированы из подвергшихся оккупации и прифронтовых районов в глубь страны и продолжили свою работу, объединившись, как правило, с другими вузами, другие временно прекратили свою деятельность [5, с. 421–424, 435].

На территории Белорусской ССР до войны функционировали Минский и Витебский медицинские институты. Минск был оккупирован германской армией уже 28 июня 1941 г. В условиях критической обстановки эвакуацию института провести не удалось. Захвату города предшествовала массированная бомбардировка, в ходе которой пострадало здание вуза. Учебное оборудование и другое имущество было уничтожено или разграблено оккупантами, серьезно пострадали больницы и поликлиники, служившие клинической базой института [17, с. 395]. Нацисты уничтожили десятки медицинских работников, среди которых были видные специалисты – профессора Е. В. Клумов, М. А. Дворжец, Л. Я. Ситерман, доцент Майзель и др. [46, с. 150].

Витебский медицинский институт успел эвакуироваться 5 июля 1941 г. В ходе боевых действий город был сильно разрушен. Большой ущерб был причинен учреждениям медицины. В нескольких продолживших свою работу во время оккупации больницах и поликлиниках катастрофически не хватало медицинских работников. К 1943 г. большинство из остававшихся в городе врачей было уничтожено гитлеровцами за связь с партизанами [28, с. 113].

Столкнувшись с проблемой нехватки работников в учреждениях медицины, объяснявшейся их эвакуацией, уходом в партизанские отряды, а также уничтожением самими оккупантами, власти были вынуждены решать вопрос подготовки медицинских кадров. Это было обусловлено ухудшением медицинского обслуживания трудоспособной части населения и возросшим риском распространения эпидемических заболеваний. В этой связи министр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг весной 1943 г. дал согласие на открытие медицинского института в Могилеве [1, с. 17–18].

Первоначально вуз планировали открыть в Минске. Позже выбор пал на Могилев, в котором сохранилось оборудование больницы, ставшей базой для работы клинических кафедр. Теоретические и ряд практических занятий решено было проводить в здании уцелевшей фельдшерской школы, в которой имелись хорошая библиотека, учебное оборудование, различные пособия и общежитие для студентов. Инициатором открытия вуза в Могилеве и его директором стал начальник медико-санитарного отдела городской управы Н. Л. Степанов, одновременно являвшийся заместителем бургомистра. В июле 1942 г. он обратился к властям с письмом об открытии медицинского института, мотивируя это наличием в городе достаточного количества преподавателей и студентов. Эту идею поддерживала националистическая организация «Белорусская народная самопомощь» (БНС). Однако институт в Могилеве начал свою деятельность лишь в мае 1943 г. Уже в октябре 1943 г. в связи с началом освобождения Красной Армией Белорусской ССР и приближением фронта медицинский вуз был эвакуирован в Новую Вилейку. Здесь 10 июня 1944 г. состоялся первый и последний выпуск студентов в количестве 32 (по другим данным – 44) человек [38, с. 337–342].

Нехватка медицинского персонала заставляла оккупационные власти решать и вопрос подготовки специалистов среднего профиля. По инициативе БНС с начала 1942 г. начала работу медицинская школа в Барановичах, готовившая медсестер, фельдшеров, акушерок, аптекарей. Количество учащихся в ней за год возросло со 114 до 462. Подобная школа действовала в 1943 г. и в Минске. В ряде случаев при больницах и аптеках открылись 6 месячные или годовые курсы по подготовке медсестер, помощников зубных врачей, аптекарей. Отсутствие специалистов вынуждало оккупантов использовать для работы в лечебных учреждениях для населения медиков-евреев и советских военнопленных. Это имело место в аптеках Браславского и Шарковщинского районов, в центральной поликлинике Витебска [16, с. 27].

На территории Украинской ССР до оккупации действовали Харьковский медицинский и фармацевтический, Киевский, Винницкий, Днепропетровский, Сталинский, Львовский, Одесский медицинские институты. Киевский мединститут в июле 1941 г. был эвакуирован в Харьков. В результате повторной эвакуации из Харькова несколько медицинских вузов бывшей Украинской ССР 8 октября 1941 г. прибыли в Челябинск, где уже через неделю стали проводиться регулярные занятия.

В это же время, в октябре 1941 г., в оккупированном Киеве начались занятия в медицинском институте, открытом по ходатайству националистической организации «Украинский Национальный Совет» (УНС). Несмотря на планы запретить деятельность учреждений профессионального образования на захваченных территориях СССР, нехватка персонала и риск возникновения эпидемических заболеваний способствовали тому, что оккупанты согласилась на открытие вуза. Директором был назначен доцент А. Лазуренко, его заместителем – профессор Б. П. Кучеренко, заведующим учебной частью – профессор М. К. Венцковский. Коллектив вуза включал 25 профессоров, 42 доцента, 80 ассистентов. Некоторые из них ранее работали в Киевском медицинском институте, большинство являлись сотрудниками других учреждений. Наряду с лечебным в декабре 1941 г. в вузе были открыты стоматологический и фармацевтический факультеты [9].

В конце 1941 г. по указанию рейхскомиссара Э. Коха УНС был запрещен, а в отношении его членов и сторонников развернуты репрессии. Руководители института вуза Лазуренко и Кучеренко были расстреляны. В апреле 1942 г. было назначено новое руководство института, в июне-июле состоялись выпускные экзамены, после чего дипломы врачей получили около 90 человек. В августе прошли вступительные экзамены, однако осенью власти объявили о реорганизации вуза в так называемый «Полимедикум». Вскоре на основании приказа рейхскомиссара Э. Коха о закрытии всех учебных заведений, за исключением 4 классных народных школ, он был ликвидирован. Одной из причин этого явилась резко возросшая на территории рейха потребность в рабочей силе [37, с. 786]. Приказ Э. Коха противоречил распоряжению рейхсминистра А. Розенберга от 21 января 1942 г., разрешавшему в условиях нехватки кадров в важных отраслях хозяйства продолжение подготовки специалистов на медицинских, сельскохозяйственных, ветеринарных, естественно-научных факультетах закрытых вузов [11, с. 69]. Разное видение германскими ведомствами отдельных аспектов политики в отношении местного населения предопределило непоследовательность в подходе оккупантов к вопросу продолжения работы медицинских образовательных учреждений.

Днепропетровский медицинский институт в составе 96 сотрудников и около 400 студентов в августе 1941 г. вместе со своей материальной базой был эвакуирован в Ворошиловск (с 1943 г. – Ставрополь) [14, л. 37]. Несмотря на эвакуацию вузов Днепропетровска, в захваченном врагом городе осенью 1941 г. был образован Днепропетровский украинский государственный университет. Это стало возможным благодаря тому, что часть педагогических кадров ряда вузов, их студентов и оборудования к началу оккупации оставались в городе. В состав университета вошел медицинский факультет, которому были выделены помещения мединститута, а также предоставлена возможность проведения практических занятий на базе областной больницы. Деканом факультета стал доктор биологических наук, профессор В. М. Архангельский, ранее работавший в Днепропетровском университете [45, с. 214]. Занятия со студентами факультета, преподавательский состав которого состоял из 96 человек, начались 25 октября 1941 г. Материальное обеспечение было слабым: часть оборудования была эвакуирована, часть повреждена или изъята оккупантами. Количество учащихся на факультете к концу декабря 1942 г. составляло 154 человека. Ряд занятий проводился на украинском языке.

Вскоре, 19 декабря 1941 г., от властей поступило распоряжение о закрытии учреждений профессионального образования. «В виде исключения, из-за большой нехватки врачей в Днепропетровске» отдел здравоохранения областной управы разрешил завершить обучение 133-х студентов медицинского факультета. Выпускные экзамены прошли в период с 15 мая по 15 июня 1942 г. В дальнейшем в вузе проводилась реорганизация, предпринимались попытки осуществления научной работы, организовывались консультации со старшекурсниками. Но на постоянной основе занятия возобновлены не были. В октябре 1943 г. отступающие оккупанты взорвали и подожгли ряд корпусов университета, в том числе здание библиотеки, уничтожив более 170 тысяч книг [47, с. 111–122].

Захватив Львов, оккупанты запретили деятельность учреждений высшей школы, в том числе медицинского института. В ходе карательных акций против польского и еврейского населения в первых числах июля 1941 г. нацисты уничтожили большую группу представителей львовской интеллигенции. В их числе были сотрудники медицинского института – профессора В. Серадзский, А. Цешинский, Р. Ренцкий, Г. Гилярович, Я. Грек, В. Новицкий, Т. Островский, С. Прогульский, доценты Е. Гжендельский, В. Добржанецкий [6, с. 113–115].

По инициативе активистов во главе с профессором М. И. Панчишиным, некоторое время занимавшим должность «министра народного здоровья» в Украинском государственном правлении (УГП), образованном Организацией украинских националистов, началась подготовка к открытию медицинского вуза. О начале работы института, директором которого стал немецкий профессор К. Шульце, было объявлено 2 марта 1942 г. В состав вуза на правах факультета вошел фармацевтический институт, который возглавил Г. Фанзелова, одновременно руководивший работой «немецкой аптеки» [40, с. 209]. Сотрудниками теоретических и клинических кафедр стали преподаватели немецкого, польского и украинского

происхождения. После роспуска германскими властями УГП профессор Панчишин, фактически являясь управляющим института, был назначен руководителем клиники вуза. Большая ее часть была занята госпиталями для военнослужащих вермахта, в то время как количество коек для населения уменьшилось с 1800 до 900 [10, с. 110].

В апреле 1942 г. институт был переименован в профессиональные курсы. Наименование и структура учебного заведения окончательно были утверждены осенью 1942 г. В состав естественно-медицинских профессиональных курсов вошли 2 отделения – медицинское и фармацевтическое [40, с. 209]. При составлении учебного плана за основу были взяты программы, действовавшие в вузе до 1939 г., а также программы немецких университетов. Оккупанты ввели ограничения на зачисление учащихся-поляков, требовали использования при проведении занятий немецкого языка. Весной 1942 г. на курсах обучалось 722 человека, осенью 1943 г. – 1577, в том числе 1238 украинцев, доля которых в общем числе учащихся значительно возросла. В 1942–1943 гг., получив вместо дипломов справку-удостоверение и лист о сдаче экзаменов, обучение завершили 143 человека. Выпускникам Львовского медицинского института 1940–1941 гг. пришлось повторно сдавать экзамены для подтверждения полученных в советское время дипломов. Всего специально созданной комиссией было подтверждено 160 дипломов [10, с. 110].

В связи с приближением фронта весной 1944 г. обучение на курсах было прервано. Оборудование и архивы вывезли в Краков, многие преподаватели и учащиеся выехали с отступающими немцами. В 1946–1947 гг. при их участии было организовано медицинское и фармацевтическое отделение в университете, действовавшем на территории американской оккупационной зоны в Мюнхене [40, с. 212–213]. В освобожденном советскими войсками Львове из 226 человек профессорско-преподавательского состава, работавших в медицинском институте накануне войны, осталось 95 сотрудников [10, с. 111].

Открытие Винницкого медицинского института состоялось 14 февраля 1942 г., в марте начались занятия со студентами 5 курса. Возобновления работы вуза добивалась группа преподавателей и медицинских работников. Некоторые из них были близки к кругам украинских националистов, выступавших за создание национальных образовательных учреждений, другие пытались обеспечить себя работой в сложных условиях оккупации, третьи понимали острую необходимость подготовки врачебных кадров для работы в лечебных заведениях для населения. Свою роль в принятии оккупантами решения об открытии вуза сыграл и тот факт, что три представителя новых властей (председатель областной управы И. Ф. Бернард, глава городской управы А. А. Севастьянов, заведующий медико-санитарным отделом Г. С. Ган) в прошлом работали в медицинском институте. Директором вуза был назначен бывший заведующий кафедрой нормальной анатомии доцент М.К. Замятин [7].

Обучение студентов 5 курса продолжалось в течение весны и лета 1942 г. Выпуск состоялся 21 сентября 1942 г., врачебного звания было удостоено около 30 (по другим данным – 84 [25, с. 101]) человек. С 1 сентября начались занятия на 1 и 4 курсах института, где к обучению приступило 198 и 88 студентов соответственно. Качество обучения в вузе существенно уступало довоенному – квалифицированных преподавателей было мало, клинические базы оснащены недостаточно. В феврале 1943 г. институт наряду с рядом других учебных заведений по распоряжению рейхскомиссара Украины Э. Коха был закрыт [7].

Медицинский факультет действовал в период оккупации в составе университета, образованного румынскими властями в Одессе. Вузы города, в том числе Одесский университет и медицинский институт, с началом войны были эвакуированы. Захватив Одессу, оккупанты в начале декабря 1941 г. объявили об открытии университета – «единственного на всю Транснистрию высшего учебного заведения» [8, с. 21]. Его ректором и деканом медицинского факультета был назначен заведующий хирургической факультетской клиникой профессор П.Г. Часовников [42, с. 148]. Открытие вуза инициировалось румынской администрацией, преследовавшей идеологические и практические цели, связанные с необходимостью медицинского обслуживания населения и недопущением возникновения в регионе эпидемий.

Занятия на медицинском факультете начались в феврале 1942 г. В качестве материальной базы использовались ресурсы бывшего Одесского университета и клинических учреждений города. Преподавателями являлись сотрудники различных образовательных и лечебных заведений, которые в силу возраста, состояния своего здоровья или здоровья близких людей, а также по другим причинам не смогли покинуть город. В течение 1942–1943 учебного года количество студентов университета увеличилось вдвое. На медицинском факультете открылось фармацевтическое отделение. В вузе было защищено несколько диссертаций по медико-фармацевтической тематике [8, с. 22].

Не был эвакуирован медицинский институт из Сталино (с 1961 г. – Донецк). Некоторые его сотрудники и учащиеся покинули город, многие остались на оккупированной территории. Обучение студентов в период с октября 1941 по сентябрь 1943 гг. не проводилось. На базе института действовали курсы повышения квалификации врачей, в их работе принимали участие некото-

рые из преподавателей вуза. После освобождения города полностью разрушенными оказались многие здания института, в том числе морфологический корпус, 13 корпусов клинической больницы, детская и кожно-венерологическая клиники, физиотерапевтическая лечебница [18].

Нехватка медицинских специалистов среднего профиля вынуждала германские власти уже в первые месяцы оккупации Украины возобновить работу ряда медицинских техникумов и школ – фельдшерских, акушерских, фармацевтических, стоматологических. В условиях отсутствия у оккупантов четких планов восстановления сети медицинских образовательных учреждений отдельные из них открывались по принципу острой необходимости. На первом этапе оккупации были открыты фельдшерско-акушерские школы в Киеве и Днепропетровске, фельдшерская школа в Полтаве, медицинские школы в Запорожье и Херсоне, медицинский и фармацевтический техникумы в Виннице, медицинские техникумы в Бердичеве и Гайсинске, фельдшерско-акушерский и фармацевтический техникумы в Умани, фельдшерская школа в Дунаевцах, фармацевтическая и стоматологическая школы в Житомире, фельдшерская и зубоврачебная школы в Черкассах, школа фармацевтов в Ровно. Большинство из них со временем закрылось. Допускалась организация курсов подготовки и переподготовки специалистов со сроком обучения от 2 до 6 месяцев. В Днепропетровске действовали курсы зубных врачей, в Луцке – фармацевтов, зубных техников, медицинских сестер и акушеров, в Ровно – акушеров, в Ковеле – больничных сестер, в Херсоне – аптекарей [25, с. 96–113]. В целом в лечебных учреждениях Украины ощущалась нехватка кадров. В ряде случаев, как и на территории Белоруссии, оккупанты были вынуждены привлекать к работе медиков-евреев и советских военнопленных [4, с. 36].

До начала войны медицинские факультеты действовали в Вильнюсском университете Литовской ССР и Тартуском университете Эстонской ССР. В университете Вильнюса оккупанты, изменив программы обучения, уволили 98 сотрудников. В июне 1942 г. были запрещены выдача дипломов, защита диссертаций, присвоение ученых степеней. Вуз получил статус специальной школы, готовящей кадры для учреждений самоуправления, а многие факультеты были закрыты. Учебу продолжили медики, техники и химики старших курсов. В марте 1943 г. учебная деятельность была полностью остановлена [22, с. 151]. 17 марта гитлеровцы оцепили здание вуза, уничтожили и разграбили оборудование, учебные пособия, экспонаты, научную литературу [41, с. 333]. Одной из причин окончательного закрытия университета стало нежелание литовской молодежи вступать в военизированные германские формирования. Работа университета была восстановлена в 1944 г. после освобождения территории Литовской ССР войсками Красной Армии.

Университет в Тарту, несмотря на уничтожение нацистами ряда преподавателей, с началом оккупации продолжил работу. После заявления властей о закрытии высших учебных заведений республики на 3-х факультетах вуза, который стал именоваться Тартуским университетом Эстонского самоуправления, в виде исключения продолжили обучение врачи, ветеринары и агрономы. Несмотря на сложности оккупационного периода, университет работал вплоть до марта 1944 г. С приближением фронта власти решили закрыть вуз и эвакуировать в Кенигсберг. В такой обстановке сотрудники смогли вывезти и спрятать часть имущества университета, предотвратив его уничтожение и разграбление оккупантами. Общее количество убитых в период оккупации сотрудников и студентов вуза составило около 40 человек. В период с 1942 по 1944 гг. навсегда уехали из Эстонии 110 его преподавателей. На завершающем этапе оккупации существенно пострадали 15 учебных и хозяйственных зданий университета. Многие кабинеты и лаборатории были разгромлены и разграблены [3, с. 81–83]. Работа университета была восстановлена после освобождения Эстонской ССР советскими войсками.

В оккупированных районах и в зоне крупных боевых действий на территории РСФСР подготовка врачебных кадров ранее осуществлялась в 8 медицинских вузах – Воронежском, Ворошиловском, Крымском, Кубанском, Курском, Ростовском, Смоленском, Сталинградском. Смоленский медицинский институт был одним из крупнейших на территории РСФСР и обладал мощной материально-технической базой. В июле 1941 г., накануне захвата Смоленска врагом, наиболее ценное оборудование и библиотека вуза были эвакуированы в Саратов. В Смоленске через год после начала оккупации действовала на платной основе только одна больница для населения, а среди учреждений образования не работали даже начальные школы, некоторые из которых только готовились к открытию [43, с. 128]. Несмотря на длившийся более 2-х лет период оккупации, власти не пытались наладить подготовку медицинских кадров. К моменту освобождения города учебная и общежитская базы института были практически полностью уничтожены [35, с. 8–9].

Сотрудники и студенты Курского медицинского института в количестве более 300 человек 8 октября 1941 г., в разгар боев на подступах к городу, смогли эвакуироваться и вывезти часть оборудования, учебных пособий и имущества вуза [30, с. 98]. С декабря 1941 г. по январь 1944 г. большинство из них находились в составе Алма-Атинского медицинского института Казахской ССР, работая в эвакогоспиталях и других лечебных учреждениях города. В Курске в период оккупации власти позволили продолжить на платной основе работу всего двух больниц и одной

поликлиники. Остальные учреждения здравоохранения, в том числе отвечавшие за подготовку медицинских кадров, были закрыты. В помещении института размещался госпиталь для немецких солдат. К моменту освобождения Курска его учебные корпуса, хозяйственные постройки, студенческое общежитие оккупанты превратили в руины [29, с. 73].

Воронежский медицинский институт эвакуировался дважды. Первая эвакуация в декабре 1941 г. в Красноярск завершилась скорым возвращением вуза в Воронеж в связи с улучшением обстановки на фронте. Осуществив в июле 1942 г. досрочный выпуск студентов, институт в условиях постоянных бомбардировок города прекратил работу. Эвакуировать вуз не удалось, его имущество, оборудование и библиотека остались в осажденном городе. Некоторые сотрудники и студенты смогли покинуть Воронеж, и с 1 октября 1942 г. институт продолжил свою работу в Ульяновске. Ни о какой организации работы вуза оккупантами в Воронеже, через который проходила линия фронта, не могло быть и речи. В результате длительных боев Воронеж был разрушен на 95 %, став одним из самых пострадавших от оккупации городов. Из 23-х зданий вуза сохранилось лишь три. Библиотека, архивы, ценное оборудование кафедр, уникальный анатомический музей были уничтожены [20, с. 244].

Сталинградский медицинский институт, пополнившийся после начала войны студентами из Одессы, Витебска и других городов, успел осуществить 3 ускоренных выпуска. С приближением фронта в августе 1942 г. вуз должен был эвакуироваться в Чебоксары, где ему предстояло объединиться с Астраханским и Ленинградским педиатрическим медицинскими институтами. Однако в результате массированных бомбардировок Сталинграда (с 1961 г. – Волгоград) здания института были разрушены, его имущество сгорело. Преподаватели и студенты, переправившиеся на левый берег Волги, были эвакуированы в тыл [19, с. 217]. Мероприятия по организации подготовки медицинских кадров в захваченных районах Сталинградской области оккупантами не проводились.

Крымский медицинский институт 19 сентября 1941 г. был эвакуирован из Симферополя в Армавир, куда прибыли практически все преподаватели, более 500 студентов, а также оборудование, учебные пособия и значительная часть библиотеки вуза. Из Армавира институт дважды эвакуировался в Казахстан: первый раз – в Джамбул, откуда вскоре вернулся в связи с улучшением обстановки на фронте, второй раз – в Кзыл-Орду, где находился до 1944 г. [27].

В оккупированном Симферополе подготовка медицинских кадров высокой квалификации не осуществлялась. В начале 1942 г. представители интеллигенции сформировали правление и инициировали открытие Крымского университета, который должен был содержать 5 факультетов – агрономический, естественный, историко-филологический, математический и медицинский. О скором начале работы вуза писали оккупационные газеты, в смету городской управы были заложены средства на его содержание. Однако в связи с закрытием учреждений профессионального образования на территории рейхскомиссариата «Украина», в сферу ответственности которого формально входил и Крым, университет образован не был. К вопросу его открытия группа преподавателей, поддержанная городским головой профессором Л. С. Севастьяновым, вернулась весной 1943 г. Но открытие вуза в составе медицинского, инженерного и агрономического факультетов и на этот раз не состоялось [26]. Многие находившиеся в городе сотрудники мединститута работали в лечебных учреждениях для населения. Ряд видных специалистов – профессора Н. И. Балабан, А. А. Потапов, А. Н. Круглов, А. А. Бельский, а также многие их коллеги активно помогали местным жителям, спасали советских пленных, были связаны с партизанами. Профессора Балабан, Потапов, Бельский были уничтожены нацистами. За время оккупации основной учебный корпус и другие здания института были разрушены.

Ростовский медицинский институт также эвакуировался дважды. В ноябре 1941 г. сотрудники и студенты вуза покинули Ростов-на-Дону и направились в Томск. Улучшение военной обстановки позволило многим из них вернуться и продолжить работу и учебу в стенах института. В июле 1942 г. началась вторая эвакуация вуза, проходившая в экстремальных условиях. В результате нее преподаватели и студенты оказались в разных городах страны, а работа института в Ростове-на-Дону была прервана на 2 года [19, с. 219].

Говоря о подходе оккупантов к вопросу подготовки медицинских кадров в оккупированных районах России, следует отметить определенные изменения в их политике на территории Северного Кавказа. В отличие от других захваченных территорий РСФСР, оккупанты позволили продолжить в регионе работу ряда высших и средних образовательных медицинских учреждений. Во многом это было связано с их стремлением добиться расположения населения в условиях затянувшейся войны и необходимости скорейшего получения доступа к разнообразным ресурсам Северного Кавказа. Особенностью состояния сферы медицины в регионе являлось нахождение на его территории большого количества медицинских работников, в том числе сотрудников научных и образовательных учреждений. Наряду с местными среди них было много специалистов, прибывших из оккупированных и прифронтовых районов.

Большинство попыток открытия оккупантами на Северном Кавказе медицинских образовательных учреждений было предпринято на Ставрополье. Это объяснялось наличием в этих заведениях материальной базы, сотрудников и студентов, что было связано с неудачными итогами их эвакуации. Кроме того, открытие на Кавказских Минеральных Водах санаториев «на немецкий лад» [34, с. 2] предполагало их обеспеченность медицинскими кадрами.

Одними из первых открылись в период оккупации учреждения среднего профессионального образования в Черкесске и Ессентуках. Занятия в Черкесской медицинской школе, директором которой был назначен этнический немец Йогансон, возобновились 1 сентября 1942 г. В конце октября в школе был произведен выпуск медицинских сестер 2-го курса. Выпускницам был зачтен 1-й курс, проведено ускоренное обучение, после чего в торжественной обстановке выданы свидетельства об окончании школы. Ряд выпускниц, которых обещали обеспечить работой «по специальности» в Германии, работали разнорабочими на заводе в Мюнхене [32, с. 70]. Обучение в Ессентукской фельдшерской школе, образованной по инициативе профессоров, доцентов и ассистентов медицинских вузов, началось 25 сентября 1942 г. В ней готовили фельдшеров, техников по санитарии и эпидемиологии [21, с. 2].

В октябре 1942 г. начал работу вуз в Кисловодске, открытый на базе ранее эвакуированного в город филиала 1-го Ленинградского медицинского института. Инициатива его открытия принадлежала коллективу во главе с профессором В.А. Шааком – этническим немцем, что сыграло немаловажную роль при принятии германским командованием решения о начале работы института. Из местного бюджета вуз не финансировался, существуя за счет взимаемой со студентов платы. Организуя занятия, сотрудники и учащиеся пытались избежать отправки на принудительные работы в Германию [44, с. 66].

По инициативе преподавателей бывшей фельдшерско-акушерской школы в ноябре 1942 г. открылась медицинская школа в Пятигорске [39, с. 4]. Здесь же в декабре 1942 г. начал работу химико-фармацевтический вуз, организованный до оккупации на базе эвакуированного в город Днепропетровского фармацевтического института. Вуз существовал на средства, собранные со студентов за обучение, вырученные от выполнения заказов аптечного управления, изготовления и продажи спичек [15, л. 13–13об.]. Выполнение подобной работы явилось одной из причин того, что власти позволили возобновить работу вуза. Также в декабре 1942 г. открылась медицинская школа в г. Георгиевске [36, с. 3].

Достоверных данных о работе медицинских образовательных учреждений на оккупированной территории Кубани обнаружить не удалось. Но в написанной в 1943 г. автобиографии одной из студенток Ставропольского медицинского института указано, что во время оккупации она училась на 3-м курсе в Армавирской фельдшерско-акушерской школе [2, л. 1–4].

Несмотря на дважды проводившуюся эвакуацию Кубанского медицинского института, значительная часть его сотрудников в период оккупации находилась в Краснодаре. Одни работали в лечебных учреждениях, другие в органах управления сферой медицины, третьи были безработными [12, л. 4-10; 13, л. 120, 123]. Учебный процесс в вузе восстановлен не был, однако новые власти открыли для посещения населением его музей [31, с. 2] и научную библиотеку [33, с. 2]. Их открытие, использованное для повышения степени доверия к оккупантам, преследовало также экономические цели: в обоих случаях прием посетителей осуществлялся на платной основе.

Политика оккупационных властей в отношении работы медицинских учебных заведений в регионе носила непоследовательный характер. Во-первых, неопределенным было их подчинение: в одном случае они курировались отделом здравоохранения, в другом – отделом образования. Во-вторых, не были ясны перспективы их дальнейшей работы. Так, вскоре после открытия медицинского института в Кисловодске, в ноябре 1942 г., германские власти заявили руководству вуза о том, что его работа после завершения учебного семестра будет прекращена. Кроме того, материальная база готовых к работе учреждений нередко уничтожалась и разграблялась, а их персонал истреблялся. Это ярко проявилось в отношении медицинского института в Ворошиловске. Часть его имущества была уничтожена, вывезена в Германию или разграблена. А после проведения карательных акций против еврейского населения в вузе осталось всего 7 заведующих кафедрами из 33-х, 3 доцента и старших преподавателя [14, л. 42]. Объявленное оккупантами открытие института в подобных условиях дважды откладывалось, но в итоге так и не состоялось [23].

Подводя итог рассмотрению вопроса о деятельности медицинских образовательных учреждений на оккупированных германской армией территориях СССР, необходимо отметить следующее. Несмотря на первоначальные планы по прекращению оказания медицинской помощи местным жителям, а также закрытию учреждений профессионального образования, в ряде случаев власти допустили возможность подготовки медицинских кадров. Это решение было продиктовано ростом заболеваемости среди населения, являвшегося источником рабочей силы, а также риском возникновения эпидемических заболеваний, угрожавших самим оккупантам.

Открытие образовательных медицинских учреждений на территории оккупированных врагом союзных республик, зачастую инициировалось

научно-педагогическими работниками и поддерживалось националистическими организациями. Опасность их укрепления, потребность в использовании трудовых ресурсов захваченных территорий, а также поражения на фронте вынуждали германское руководство изменять отношение к работе медицинских учебных заведений. В одних случаях их статус существенно понижался, в других эти учреждения полностью прекращали свою деятельность.

Наиболее сложная ситуация сложилась в западных областях РСФСР, где германские власти, несмотря на длительный период оккупации и острую нехватку врачей и других специалистов, не предпринимали попыток открытия медицинских образовательных учреждений. В значительной мере это являлось проявлением нацистской политики в отношении русского населения, предполагавшей его массовое уничтожение и лишение государственности. Кроме того, эти районы преимущественно находились в ведении военной администрации германских армий, располагались ближе к линии фронта, что также не способствовало возобновлению работы учебных заведений.

Исключением явилось открытие в период оккупации образовательных медицинских учреждений на Северном Кавказе. Противопоставляя эту территорию остальной части России, преследуя идеологические и практические цели, оккупанты шли навстречу инициативам о возобновлении работы учебных заведений. В отличие от других захваченных регионов, за предложениями преподавателей и медицинских работников, многие из которых оказались на Северном Кавказе в результате эвакуации из других районов, не стояли какие-либо националистические организации. Тем не менее, политика германских властей в отношении продолжения работы этих учебных заведений, как и на других территориях, носила непоследовательный и противоречивый характер.

В целом открытие в период оккупации образовательных медицинских учреждений происходило бессистемно. Медицинским вузам и школам не оказывалось необходимой поддержки, нередко они подвергались разграблению, а их персонал и учащиеся жестоко уничтожались. Ни на одной из захваченных территорий Советского Союза оккупанты не смогли наладить устойчивый процесс подготовки кадров для обеспечения гражданских лечебных учреждений необходимым количеством квалифицированных специалистов.

Список источников и литературы

1. Абраменко М. Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 13-19.
2. Архив Ставропольского государственного медицинского университета. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 33.
3. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / пер. с эстонск. А. Бабаджана, Т. Верхнеустинской, Э. Вяри. Таллинн, 2005. 174 с.
4. Боган С.М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 34–36.
5. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е издание. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1980. 496 с.
6. Боляновский А. В. Розстріли польських професорів у Львові в липні 1941 року: історичні факти, юридичні звинувачення, політичні інсинуації // Україна–Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. 2010 2011. Вип. 3-4. С. 107–146.
7. Вайнштейн С. Г. Винницкий медицинский институт. Забытый учебный год. URL: http://www.proza.ru/2015/02/16/1176. (Дата обращения: 08.05.2021).
8. Вишневский С. А., Гуменюк А. Ю. Функционирование Одесского университета в годы немецко-румынской оккупации Юга УССР (1941–1944 гг.) // Гуманитарные науки. 2020. №1. С. 20–23.
9. Ганиткевич Я. В. До історії становлення української вищої медичної школи (Медичний інститут в окупованому гітлерівцями Києві у 1941–1943 рр.) // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2010. № 3. С. 47–54.
10. Ганиткевич Я. В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2012. № 3. С. 106–116.
11. Гинда В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті «Україна» // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. Київ, 2012. Вип. 15. С. 61–75.
12. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАКК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13.
15. ГАКК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1.
16. Гребень Е. А. Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2012. Т.14. С. 23–30.
17. Данилюк М. В. Положение и значение Минского государственного медицинского института в ходе Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. №14. С. 395–397.
18. Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького (краткая история). URL: https://dnkmu.com/home/istoriia-donnmu. (Дата обращения: 07.05.2021).
19. Ерегина Н. Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль: Индиго, 2010. 640 с.

20. Есауленко И. Э., Попов В. И. Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко – от истоков до сегодняшнего дня // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 4. С. 240–248.
21. Ессентукская медицинская школа // Заря. 1942. 10 сентября.
22. Кантор Ю. З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. 336 с.
23. Карташев И. В. К вопросу о работе Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2018. № 2. С. 63–74.
24. Карташев И. В. Особенности организации медицинского обслуживания населения на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 22–32.
25. Кицак Б. В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. …канд. іст. наук. Житомир, 2018. 242 с.
26. Кохан А. А. Научные кадры Крыма в период оккупации (1941–1944) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т.14. Вып. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kadry-kryma-v-period-okkupatsii-1941-1944. (Дата обращения: 10.05.2021).
27. Крымский медицинский и медики-подпольщики // Медицинский вестник. 2008. №14. URL: http://www.ma.cfuv.ru/site/page/show/docid/5967. (Дата обращения: 10.05.2021).
28. Кузьменко Т. В., Шмаков А. П., Зуев Н. Н. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2012. Т. 11. № 4. С.112–117.
29. Лазарев А. М., Друговская А. Ю. Курский мединститут в годы войны // Высшее образование в России. 2005. №5. С.67–75.
30. Лазаренко В. А. Курский государственный медицинский университет: прошлое и настоящее // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 97–103.
31. Медицинский музей // Кубань. 1942. 6 октября.
32. Михайлов И. В. Оккупация, или 160 дней по германскому времени. Ставрополь: Сервисшкола, 2007. С. 70.
33. Научная медицинская библиотека // Кубань. 1943. 12 января.
34. Освобожденный Кавказ // Кавказский вестник. 1943. 1 января.
35. Отвагин И. В., Козырев О. А. Смоленская государственная медицинская академия – прошлое и настоящее // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2015. Т. 14. № 1. С. 7–13.
36. По Георгиевску. Медицинская школа // Кавказский вестник. 1942. 15 декабря.
37. Потильчак О. Нацистська політика у сфері підготовки спеціалістів із середньою та вищою спеціальною освітою в Україні (1942–1944 рр.) // Архіви окупації 1941–1944. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. С. 782–790.
38. Пушкин И. А. Тыловой район группы армий «Центр»: деятельность медицинских учреждений в условиях гитлеровской оккупации белорусско-российского пограничья (на примере города Могилева) // Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: БГУ, 2015. С. 336–343.
39. Пятигорская медицинская школа // Пятигорское эхо. 1942. 6 ноября.
40. Ризничок С. В. Євген Вертипорох як організатор фармацевтичної освіти у Львові у 40-х роках XX ст. // Вісник Львівського університету. Серія «Педагогічна». 2011. Вип. 27. С. 208–215.
41. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: ОГИЗ, 1946. 457 с.
42. Смирнов В. А. Реквием XX века: в 5-ти ч. Ч. 1. Одесса: Астропринт, 2009. 680 с.
43. Сорокин А. На направлении главного удара // Родина. 2013. № 9. С. 126–131.
44. Спевак Р. С., Карташев А. В. Работа медицинских вузов на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3. С. 63–68.
45. Чабан М. П., Шевцова З. И., Гапонов В. В. Вчений-фізіолог Василь Михайлович Архангельський: від асистента до ректора // Гастроэнтерология. Vol. 53. № 3. 2019. С. 210–217.
46. Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. Иерусалим: Тарбут, 1980. 547 с.
47. Історія Дніпропетровського національного університету / Голова редколегії проф. М. В. Поляков. Дніпропетровськ: ДНУ, 2008. 308 с.

References

1. Abramenko M. E. Medicinskaya pomoshch' naseleniyu na okkupirovannoj territorii general'nogo okruga Belarus' i ohrannoj zony tyla gruppy armij «Centr» (1941–1944)» (Medical assistance to the population in the occupied territory of the General District of Belarus and the rear security zone of the Army Group Center (1941–1944) // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 2. P. 13–19. (In Russian).
2. Archive of Stavropol State Medical University. F. R-2431. Inv. 3. D. 33. (In Russian).
3. Belaya kniga o poteryakh, prichinennykh narodu Estonii okkupatsiyami, 1940–1991 (White Paper on the Losses Caused to the People of Estonia by the Occupations, 1940–1991) / translated by A. Babadzhan, T. Verkhneustinskaya , E. Vyari. Tallinn, 2005. 174 p. (In Russian).
4. Bogan S. M. Stan medichnogo ta veterinarnogo obslugovuvannya naselennya Pivdnya Ukraïni v period nimec'koï okupaciï v 1941–1944 rokah (The state of medical and veterinary services for the population of southern Ukraine during the German occupation in 1941–1944) // Naukovi praci [Chornomors'kogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili. Seria: Istoriya. 2011. Vol. 147. Issue. 134. P. 34–36. (In Ukrainian).
5. Bol'shaya Meditsinskaya Entsiklopediya (Great Medical Encyclopedia) / ed by B. V. Petrovskiy. 3-ye izdaniye. Vol. 14. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 496 p. (In Russian).

6. Bolyanovskyy A. V. Rozstrily pol's'kykh profesoriv u L'vovi v lypni 1941 roku: istorychni fakty, yurydychni zvynuvachennya, politychni insynuatsiyi (Executions of Polish professors in Lviv in July 1941: historical facts, legal accusations, political insinuations) // Ukrayina–Pol'shcha: istorychna spadshchyna i suspil'na svidomist'. 2010–2011. Issue. 3-4. P. 107–146. (In Ukrainian).
7. Vaynshteyn S. G. Vinnitskiy meditsinskiy institut. Zabytyy uchebnyy god (Vinnytsia Medical Institute. Forgotten academic year). URL: http://www.proza.ru/2015/02/16/1176. (Accassed: 08.05.2021). (In Russian).
8. Vishnevskiy S. A., Gumenyuk A. Y. Funktsionirovaniye Odesskogo universiteta v gody nemetsko-rumynskoy okkupatsii Yuga USSR (1941–1944 gg.) (Functioning of the Odessa University during the German-Romanian occupation of the South of the Ukrainian SSR (1941–1944) // Gumanitarnyye nauki. 2020. No.1. P. 20–23. (In Russian).
9. Ganitkevich Y. V. Do istoriï stanovlennya ukraïns'koï vishchoï medichnoï shkoli (Medichnij institut v okupovanomu gitlerivcyami Kiєvi u 1941–1943 rr.) (On the history of the formation of the Ukrainian higher medical school (Medical Institute in Kiev occupied by the Nazis in 1941–1943) // Visnik social'noï gigiєni ta organizaciï ohoroni zdorov'ya Ukraïni. 2010. No.3. P. 47–54. (In Ukrainian).
10. Ganitkevich Y. V. Istorichni etapi rozvitku L'vivs'kogo nacional'nogo medichnogouniversitetu imeni Danila Galic'kogo (The historical stages of development of the Lviv National Medical University named after Daniil Galitsky) // Visnik social'noï gigiєni ta organizaciï ohoroni zdorov'ya Ukraïni. 2012. No.3. P.106–116. (In Ukrainian).
11. Hynda V. Osvitnya polityka natsystiv v raykhskomisariati «Ukrayina» (Educational policy of the Nazis in the Reich Commissariat «Ukraine») // Storinky voyennoyi istoriyi Ukrayiny: zb. nauk. statey. Kyyiv, 2012. Issue. 15. P.61–75. (In Ukrainian).
12. State archive of Krasnodar region (SAKK). F. R-418. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
13. SAKK. F. R-418. Inv. 1. D. 7. (In Russian).
14. SAKK. F. R-2431. Inv. 4. D. 13. (In Russian).
15. SAKK. F. R-5161. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
16. Greben' E. A. Problema medicinskogo obsluzhivaniya v period nacistskoj okkupacii Belarusi (The problem of medical care during the Nazi occupation of Belarus) // Uchenye zapiski UO «VGU im. P.M. Masherova». 2012. Vol. 14. P. 23–30. (In Russian).
17. Danilyuk M. V. Polozheniye i znacheniye Minskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta v khode Velikoy Otechestvennoy voyny (The position and significance of the Minsk State Medical Institute during the Great Patriotic War) // Molodoy uchenyy. 2015. No.14. P. 395–397. (In Russian).
18. Donetskiy natsional'nyy meditsinskiy universitet imeni M. Gor'kogo (kratkaya istoriya) (Donetsk National Medical University named after M. Gorky (brief history). URL: https://dnkmu.com/home/istoriia-donnmu. (Accessed: 07.05.2021). (In Russian).
19. Yeregina N. T. Vysshaya meditsinskaya shkola Rossii, 1917–1953 (Higher Medical School of Russia, 1917–1953). Yaroslavl': Indigo, 2010. 640 p. (In Russian).
20. Yesaulenko I. E., Popov V. I. Voronezhskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet im. N. N. Burdenko – ot istokov do segodnyashnego dnya (Voronezh State Medical University N.N.Burdenko – from the origins to the present day) // Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika. 2015. No.4. P. 240–248. (In Russian).
21. Yessentukskaya meditsinskaya shkola (Essentuki Medical School) // Zarya. 1942. September 10. (In Russian).
22. Kantor Y. Z. Pribaltika: voyna bez pravil (1939–1945) (Baltic States: War Without Rules (1939–1945). St. Petersburg: Zvezda, 2011. 336 p. (In Russian).
23. Kartashev I. V. K voprosu o rabote Voroshilovskogo (Stavropol'skogo) meditsinskogo instituta v period nemetskoy okkupatsii (1942–1943 gg.) (On the issue of the work of the Voroshilov (Stavropol) Medical Institute during the German occupation (1942–1943) // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya: nauchno-teoreticheskiy zhurnal. 2018. No. 2. P. 63–74. (In Russian).
24. Kartashev I. V. Osobennosti organizatsii meditsinskogo obsluzhivaniya naseleniya na okkupirovannykh territoriyakh SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny (Features of the organization of medical services for the population in the occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War) // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2020. No. 1. P. 22–32. (In Russian).
25. Kicak B. V. Medichne zabezpechennya naselennya v rajhskomisariati «Ukraïna» v 1941 – 1944 rr. (Medical support of the population in the Reich Commissariat «Ukraine» in 1941–1944). ZHitomir, 2018. 242 p. (In Ukrainian).
26. Kokhan A. A. Nauchnyye kadry Kryma v period okkupatsii (1941–1944) (Scientific personnel of Crimea during the occupation (1941–1944) // Elektronnoye nauchnoye izdaniye Al'manakh Prostranstvo i Vremya. 2017. Vol. 14. Issue. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kadry-kryma-v-period-okkupatsii-1941-1944. (Accessed: 10.05.2021). (In Russian).
27. Krymskiy meditsinskiy i mediki-podpol'shchiki (Crimean medical and underground medical workers) // Meditsinskiy vestnik. 2008. No. 14. URL: http://www.ma.cfuv.ru/site/page/show/docid/5967. (Accessed: 10.05.2021). (In Russian).
28. Kuz'menko T. V., SHmakov A. P. Zuev N. N. Medicinskaya pomoshch' v okkupirovannom Vitebske v rasskazah ochevidcev i dokumentah (Medical care in occupied Vitebsk in eyewitness accounts and documents) // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2012. Vol. 11. No. 4. P. 112–117. (In Russian).
29. Lazarev A. M., Drugovskaya A. Y. Kurskiy medinstitut v gody voyny (Kursk Medical Institute during the war) // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2005. No. 5. P. 67–75. (In Russian).
30. Lazarenko V. A. Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet: proshloye i nastoyashcheye (Kursk State Medical University: Past and Present) // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2015. No. 1. P. 97–103. (In Russian).
31. Meditsinskiy muzey (Medical Museum) // Kuban'. 1942. October 6. (In Russian).
32. Mikhaylov I. V. Okkupatsiya, ili 160 dney po germanskomu vremeni (Occupation, or 160 days German time). Stavropol': Servisshkola, 2007. P.70. (In Russian).

33. Nauchnaya meditsinskaya biblioteka (Scientific Medical Library) // Kuban'. 1943. January 12. (In Russian).
34. Osvobozhdennyy Kavkaz (Liberated Caucasus) // Kavkazskiy vestnik. 1943. January 1. (In Russian).
35. Otvagin I. V., Kozyrev O. A. Smolenskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya – proshloye i nastoyashcheye (Smolensk State Medical Academy – Past and Present) // Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii. 2015. Issue. 14. No. 1. P. 7–13. (In Russian).
36. Po Georgiyevsku. Meditsinskaya shkola (According to Georgievsk. Medical school) // Kavkazskiy vestnik. 1942. December 15. (In Russian).
37. Potyl'chak O. Natsysts'ka polityka u sferi pidhotovky spetsialistiv iz seredn'oyu ta vyshchoyu spetsial'noyu osvitoyu v Ukrayini (1942–1944 rr.) (Nazi policy in the field of training specialists with secondary and higher special education in Ukraine (1942–1944) // Arkhivy okupatsiyi 1941–1944. Kyyiv: Kyyevo-Mohylyans'ka akademiya, 2006. P. 782–790. (In Ukrainian).
38. Pushkin I. A. Tylovoj rajon gruppy armij «Centr»: deyatel'nost' medicinskih uchrezhdenij v usloviyah gitlerovskoj okkupacii belorussko-rossijskogo pogranich'ya (na primere goroda Mogileva) (The rear area of Army Group Center: the activities of medical institutions under the Nazi occupation of the Belarusian-Russian borderlands (on the example of the city of Mogilev) // Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X–XX vv.». Bryansk: BSU publ., 2015. P. 336–343. (In Russian).
39. Pyatigorskaya meditsinskaya shkola (Pyatigorsk Medical School) // Pyatigorskoye ekho. 1942. November 6. (In Russian).
40. Ryznychok S. V. Yevhen Vertyporokh yak orhanizator farmatsevtychnoyi osvity u L'vovi u 40-kh rokakh XX st. (Eugene Vertiporokh as an organizer of pharmaceutical education in Lviv in the 40s of the twentieth century) // Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriya «Pedahohichna». 2011. Issue. 27. P. 208–215. (In Ukrainian).
41. Sbornik soobshcheniy Chrezvychaynoy Gosudarstvennoy Komissii o zlodeyaniyakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov (Collection of reports of the Extraordinary State Commission on the atrocities of the German fascist invaders). Moscow: OGIZ, 1946. 457 p. (In Russian).
42. Smirnov V. A. Rekviyem XX veka: v 5-ti ch. Ch. 1 (Requiem of the twentieth century: in 5 parts. Part 1). Odessa: Astroprint, 2009. 680 p. (In Russian).
43. Sorokin A. Na napravlenii glavnogo udara (In the direction of the main attack) // Rodina. 2013. No.9. P. 126–131. (In Russian).
44. Spevak R. S., Kartashev A. V. Rabota meditsinskikh vuzov na Severnom Kavkaze v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (The work of medical universities in the North Caucasus during the Great Patriotic War) // Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki. 2015. No. 3. P. 63–68. (In Russian).
45. Chaban M. P., Shevtsova Z. Y., Haponov V. V. Vchenyy-fizioloh Vasyl' Mykhaylovych Arkhanhel's'kyy: vid asystenta do rektora (Physiologist Vasyl Mykhailovych Arkhangelsky: from assistant to rector) // Hastroénterolohyya. Vol. 53. No. 3. 2019. P. 210–217. (In Ukrainian).
46. Chernaya kniga (Black Book) / ed by V. Grossman, I. Erenburg. Iyerusalim: Tarbut, 1980. 547 p. (In Russian).
47. Istoriya Dnipropetrovs'koho natsional'noho universytetu (History of Dnipropetrovsk National University) / Holova redkolehiyi prof. M.V. Polyakov. Dnipropetrovs'k: DSU publ., 2008. 308 p. (In Ukrainian).

Сведения об авторе

Карташев Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра изучения истории медицины и общественного здоровья Ставропольского государственного медицинского университета; e-mail: kartashev_iv@mail.ru

Information about the author

Kartashev Igor' V. – PhD in History, Senior Researcher, Center for the Study of the History of Medicine and Public Health, Stavropol State Medical University; e-mail: kartashev_iv@mail.ru.

CC BY

УДК 94(470.6).084.8

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.5

И. В. Киселев

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В ХОДЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг.

Битва за Кавказ 1942 – 1943 гг. стала одним из самых продолжительных и масштабных сражений Великой Отечественной войны. Ее изучению посвящены разнообразные исследования в России и за рубежом. Однако многие аспекты советско-германского противостояния на Северном Кавказе требуют более глубокого исследования. Данная статья обращает внимание на проблему потерь германских войск в ходе битвы за Кавказ. Их оценка в отечественных и иностранных публикациях заметно отличаются друг от друга. Решение этой проблемы потребовало изучения различных статистических источников. Автором был установлен факт занижения цифр в ежемесячных сводках отдела учета потерь вермахта. Доказательством тому стали данные медико-санитарной службы 1-й танковой армии и 17-й армии. Более объективными оказались данные персонального учета личного состава сухопутных войск Германии. Источником информации о количестве взятых в плен военнослужащих армий Германии и ее союзников стали советские документы Закавказского и Северо-Кавказского фронтов. Был проведен анализ динамики ежемесячных людских потерь немецких войск в ходе битвы за Кавказ. Он показывает, что наибольшие потери немцы понесли в ходе наступления в 1942 г. и при отходе с Северного Кавказа в начале 1943 г. Всего за время битвы за Кавказ сухопутные войска Германии лишились более 315 тыс. убитых, пленных, раненых и заболевших. В эту цифру не вошли военнослужащие авиации и военно-морского флота, коллаборационисты и немецкие союзники.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, вермахт, людские потери, сведения о потерях.

Для цитирования: Киселев И. В. Людские потери германских войск в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 50–56. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.5

Ilya V. Kiselev

DEATH TOLL OF GERMAN TROOPS DURING THE BATTLE OF THE CAUCASUS IN 1942–1943

The battle of the Caucasus 1942–1943 became one of the longest and largest battles of the Great Patriotic War. Various studies in Russia and abroad are devoted to its study. However, many aspects of the Soviet-German confrontation in the North Caucasus require deeper research. This article draws attention to the problem of losses of German troops during the battle of the Caucasus. Their assessment in domestic and foreign publications differs markedly. The solution to this problem required the study of various statistical sources. The author established the fact of underestimation of figures in the monthly reports of the department of registration of losses of the Wehrmacht. The evidence of this was the data of the medical and sanitary service of the 1st Panzer Army and the 17th Army. The data of the personal records of the personnel of the German ground forces turned out to be more objective. Soviet documents of the Transcaucasian and North Caucasian fronts became the source of information on the number of captured military personnel of the armies of Germany and its allies. The analysis of the dynamics of monthly death toll of German troops during the battle for the Caucasus was carried out. It shows that German suffered the greatest losses during the offensive in 1942 and during the withdrawal from the North Caucasus at the beginning of 1943. In total, during the battle of the Caucasus, the German ground forces lost more than 315 thousand killed, captured, wounded and sick. This figure does not include air and navy personnel, collaborators and German allies.

Key words: The Great Patriotic War, battle of the Caucasus, Wehrmacht, death toll, casualty report.

For citation: Kiselev I. Death toll of German troops during the battle of the Caucasus in 1942–1943 // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 50–56. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.5

Одной из актуальных проблем истории Второй мировой войны остается изучение масштабов людских потерь. Представления о размерах человеческих жертв, понесенных странами-участниками войны, по сей день составляют неотъемлемую часть исторической памяти во многих государствах. Особый интерес для изучения войны имеют данные о потерях на фронте, т. к. они позволяют судить о результативности действий и боеспособности войск в ходе ключевых моментов войны.

Без анализа информации о величине потерь невозможно дать объективную оценку столь значимому сражению, каковым являлась битва за Кавказ 1942–1943 гг. Убыль личного состава Красной армии в ходе Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции 25 июля – 31 декабря 1942 г. известна с момента выхода в свет первой работы, подготовленной коллективом под руководством Г. Ф. Кривошеева [4, с. 180]. В последующих изданиях данного исследования но-

вых сведений на этот счет не появилось. Результаты изучения потерь советских войск в период освобождения Северного Кавказа с 1 января по 9 октября 1943 г. были опубликованы автором на страницах журнала «Гуманитарные и юридические исследования» в 2019 г. [5, с. 112–118].

Вместе с тем назрела необходимость дать оценку потерям войск стран Оси, понесенным ими в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Ведущий германский исследователь немецких потерь во время Второй мировой войны Р. Оверманс не привел в своей монографии статистики убыли личного состава в ходе отдельных сражений [24]. Нет полных данных о потерях немцев на Северном Кавказе и в получившей широкую известность книге В. Тике «Марш на Кавказ». Поэтому целью данной статьи является всестороннее исследование проблемы людских потерь Германии и ее союзников во время битвы за Кавказ.

Ключевую роль в проведенном исследовании сыграли методы статистики, применявшиеся для проведения расчетов и подготовки различных таблиц. Вместе с тем сопоставление различных источников информации потребовало обращения к сравнительно-историческому методу. Историко-генетический метод позволил проследить взаимосвязь между величиной немецких потерь и ходом боевых действий на Северном Кавказе.

Основными источниками послужили опубликованные данные учета убыли личного состава Верховного командования вермахта и командования сухопутных войск нацистской Германии в период Второй мировой войны. Наряду с ними использовались не вводившиеся в научный оборот документы объединений германских войск – группы армий «А», 1-й танковой и 17-й полевой армий – хранящиеся в виде микрофильмов в Национальном управлении архивов и документации США (National Archives and Records Administration).

Какими цифрами сегодня оперируют историки при изучении битвы за Кавказ? В советской историографии устоялось представление о том, что за время обороны Северного Кавказа в 1942 г. противник потерял свыше 100 тыс. человек, а в ходе освобождения региона в 1943 г. Красная армия уничтожила 275 тыс. и пленила еще 6 тыс. вражеских солдат и офицеров [2, с. 100–101]. Те же данные приводили в своих исследованиях современные российские историки И.Б. Мощанский [6, с. 189] и С.В. Януш [11, с. 709]. Авторский коллектив Южного научного центра РАН, подготовивший труд «Война. Юг. Перелом», указал на потерю вермахтом в битве за Кавказ в 421 тыс. человек [3, с. 231]. В своих оценках отечественные историки опирались на советские документы военного времени. Так, в итоговых оперативных сводках Закавказского фронта за сентябрь – декабрь 1942 г. шла речь об уничтожении 108,5 тыс. человек. Суммарная цифра погибших солдат и офицеров противника на Северном Кавказе в период с 1 января по 10 октября 1943 г., заявленная во фронтовых сводках, составила 299 тыс. человек. Произведенные в них подсчеты делались приблизительно и не должны восприниматься сегодня буквально. По советским документам можно судить только о количестве попавших в плен солдатах и офицерах неприятеля.

Совершенно по-иному понесенный германскими войсками урон оценивает современный американский исследователь Р. Форзик, указавший, что с 25 июля 1942 г. по 30 января 1943 г. потери группы армий «А» составили более 72 тыс. человек, включая 22 тыс. погибших и пропавших без вести. Еще 45 тыс. солдат и офицеров, в том числе 12 тыс. человек – безвозвратно, лишились румынские войска [13, p. 91]. В ходе боев на Кубани с февраля по октябрь 1943 г., немцы недосчитались еще 57,5 тыс. человек, из них 15,5 – убитыми и пропавшими без вести. Убыль среди их румынских союзников оказалась более 9,5 тыс. солдат и офицеров, в том числе почти 2,5 тыс. – безвозвратно [14, p. 90]. Всего потери войск стран Оси в битве за Кавказ оцениваются американским историком в 184 тыс. человек. Приведенные им данные заметно отличаются от тех, что получили распространение в отечественной историографии.

Понять, какие оценки потерь войск противника ближе к истине, можно лишь обратившись к германским документам. В первую очередь – это материалы отдела учета потерь вермахта. Они формировались на основе ежедневных сообщений из войск об убитых, раненых и пропавших без вести. Эта категория потерь обозначалась в германских документах как «кровавые» (Blutige Verluste), а в отечественных исследованиях традиционно именуются боевыми. Такие сведения обобщались в десятидневных и ежемесячных сводках. Те из них, что касались советско-германского фронта, сохранились среди документов командования сухопутных войск [17]. Оцифрованная версия сводок со ссылкой на фонды Федерального архива Германии представлена в сети Интернет [23]. В сводках изложена информация обо всех армейских объединениях, что позволило с достаточно высокой точностью произвести расчет боевых потерь вермахта в ходе битвы за Кавказ. Все они относились к группе армий «А». Входившая в нее 17-я полевая армия участвовала в сражении на Кавказе. С самого начала осуществления плана «Эдельвейс» к его реализации привлекались силы 1-й танковой армии. 28 января 1943 г. она перешла в подчинение группы армий «Дон», но ее соединения вплоть до первых чисел февраля продолжали сражаться с войсками Северо-Кавказского фронта на территории Краснодарского края. Суммарные боевые потери, понесенные двумя этими армиями, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Боевые потери немецких войск на Северном Кавказе 1942–1943 гг. по данным ежемесячных донесений / Combat losses of German troops in the North Caucasus, 1942–1943 according to monthly reports

	Период	Убито	Ранено	Пропало без вести	Всего
1.	21–31 июля 1942 г.	991	4 159	200	5 350
2.	Август 1942 г.	6 132	10 024	448	16 604
3.	Сентябрь 1942 г.	3 986	16 873	694	21 553
4.	Октябрь 1942 г.	3 498	13 926	316	17 740
5.	Ноябрь 1942 г.	1 800	5 401	332	7 533
6.	Декабрь 1942 г.	1 848	5 520	339	7 707
7.	Январь 1943 г.	1 079	3 679	444	5 202
8.	Февраль 1943 г.	1 701	5 711	764	8 176
9.	Март 1943 г.	1 352	4 073	281	5 706
10.	Апрель 1943 г.	1 300	6 594	149	8 043
11.	Май 1943 г.	1 825	5 823	1 918	9 566
12.	Июнь 1943 г.	797	4 355	15	5 167
13.	Июль 1943 г.	1 393	5 531	375	7 299
14.	Август 1943 г.	1 181	5 178	306	6 665
15.	Сентябрь 1943 г.	1 214	4 495	273	5 982
16.	1–10 октября 1943 г.	157	591	54	802
	Итого	**30 254**	**101 933**	**6 908**	**139 095**

Полученная в результате подсчетов суммарная цифра боевых потерь немецких соединений группы армий «А» на 7 процентов превышает данные, озвученные Р. Форзиком. Но этим фактом противоречия в расчетах не исчерпываются.

Изучение отчетов медико-санитарной службы 1-й танковой армии с 1 августа по 31 октября 1942 г., в которых убыль личного состава фиксировалась с еженедельным интервалом, позволяет говорить о потере в боях 21 181 человека [21]. А по данным ежемесячных сводок отдела учета потерь вермахта суммарная цифра убитых, раненых и пропавших в этой армии в августе – октябре 1942 г. заметно меньше и составляет 19 546 человек. В ноябре того же года штаб 1-й танковой армии зафиксировал гибель, ранение и пропажу без вести 7 082 солдат, унтер-офицеров и офицеров, а в декабре – еще 6 232 человек [22]. Если же исходить из ежемесячных сводок командования сухопутных войск, эта армия лишилась по боевым причинам 6 707 человек в ноябре и 5 026 – в декабре. Таким образом, данные штаба 1-й танковой армии о ее боевых потерях с август по декабрь 1942 г. в общей сумме на 10 процентов превысили цифры, приведенные отделом учета потерь вермахта.

К сожалению, автор пока не располагает сравнимым массивом данных об уроне в живой силе, который понесла 17-я армия противника. Однако известно, что в период с 21 по 31 августа 1942 г. ее штаб сообщил о потере боях 4 105 человек. Но в десятидневной сводке командования сухопутных войск потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести в этой армии оценивались в 3 844 человека [20]. В качестве другого примера остановимся на данных сводок отдела учета потерь вермахта за февраль 1943 г., согласно которым 17-я немецкая армия лишилась 8 176 солдат и офицеров. Между тем в переговорах штаба армии с командующим группой армий «А» Э. Клейстом и штабом 17-й - 2 марта 1943 г. поднимался вопрос о необходимости пополнения «ввиду больших потерь в феврале (11 324 человек)» [18]. Во всех приведенных примерах мы наблюдает тенденцию, когда масштабы боевых потерь в десятидневных и ежемесячных отчетах командования сухопутных войск оказывались меньше, чем это было на самом деле.

В определенной степени указанное противоречие разрешает обзор, подготовленный для командования сухопутных войск, и основанный на ежемесячных данных персонального учета личного состава воинскими частями и медицинскими учреждениями. В эту статистику вошли не только погибшие, пропавшие без вести и получившие ранение, но и те, кто покинул действующую армию по болезни. А приведенные в том же обзоре сведения о пополнении действующей армии позволяют оценить степень тяжести людских потерь и способность Германии восполнять их. По

каждой группе армий были проведены отдельные подсчеты, что дает необходимую информацию практически за весь период битвы за Кавказ – с августа 1942 г. по август 1943 г. включительно. Она представлена в таблице 2. Все это время войска немецкой группы армий «А» вели боевые действия исключительно на Северном Кавказе. Только в сентябре 1943 г. в ее состав вошла 6-я армия противника, сражавшаяся в Донбассе, и это не позволяет выделить в общей статистике потери, понесенные немецкими войсками непосредственно на Кавказе 1 сентября – 10 октября 1943 г. [16].

Таблица 2

Убыль и пополнение немецких войск на Северном Кавказе в 1942–1943 гг. по данным обзора командования сухопутных войск Германии / Loss and replenishment of German troops in the North Caucasus in 1942–1943 according to a survey of the command of the ground forces of Germany

	Период	Выбыло из строя	Прибыло
1.	Август 1942 г.	85 400	23 600
2.	Сентябрь 1942 г.	44 000	13 150
3.	Октябрь 1942 г.	28 900	8 400
4.	Ноябрь 1942 г.	18 500	9 400
5.	Декабрь 1942 г.	18 200	7 900
6.	Январь 1943 г.	21 000	18 100
7.	Февраль 1943 г.	31 000	9 100
8.	Март 1943 г.	8 977	9 300
9.	Апрель 1943 г.	8 969	6 600
10.	Май 1943 г.	12 048	15 900
11.	Июнь 1943 г.	6 056	11 700
12.	Июль 1943 г.	7 528	8 126
13.	Август 1943 г.	9 756	6 400
	Итого	**300 334**	**147 676**

Сопоставление цифр отдела учета потерь вермахта, представленных в таблице 1, и обзора на основе персонального учета, обобщенных в таблице 2, представлено на рисунке. Прежде всего, смущает пятикратная разница между общими и боевыми потерями в августе 1942 г. В примечаниях к документу указывается, что это могло стать следствием перераспределения войск между группами армий «А» и «Б» в самом начале реализации плана «Эдельвейс». Кроме того, размеры общих потерь превышают боевые в четыре раза в январе – феврале 1943 г., и в два с половиной раза – в ноябре – декабре 1942 г. Думается, что эту тенденцию нельзя объяснить одним лишь ростом заболеваемости в вермахте в зимний период. Более вероятно то, что учет различных категорий потерь в обозначенный период велся недостаточно точно, и отдел учета потерь вермахта не получил исчерпывающей информации об убитых, раненых и пропавших без вести.

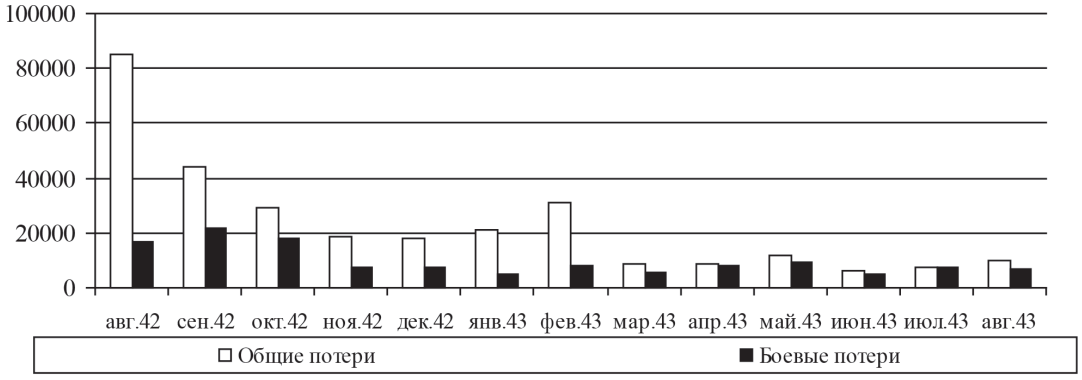

Рис. Соотношение общих и боевых потерь германских войск на Кавказе в августе 1942 г. – августе 1943 г. / Figure 1. The ratio of total and combat losses of German troops in the Caucasus in August 1942 - August 1943.

При всех обнаруженных различиях, оба массива данных указывают на то, что в ходе активных боевых действий вермахт ежемесячно терял значительно больше людей, чем в период позиционных боев весны – лета 1943 г. Причем масштабы потерь в августе 1942 г. – феврале 1943 г. оказались таковы, что прибывшее за тот же период пополнение компенсировало немногим более трети убыли личного состава немецких соединений группы армий «А». С одной стороны, это подтверждает мысль о том, что войска, как правило, несут больше потерь в наступлении, нежели в обороне. С другой стороны, вплоть до декабря 1942 г. на кавказском участке фронта наблюдалось расширение масштабов боевых действий, сопровождавшееся наращиванием сил Германии и ее союзников. К концу года их численность достигла 764 тыс. человек. А после перехода в наступление советских войск и освобождения большей части северокавказского региона от оккупантов, размеры оставшейся на Кубани группировки противника уменьшились до 390 тыс. человек к февралю и 288 тыс. человек к июню 1943 г. [1, с. 11]. Соответственно, уменьшение уровня потерь происходило из-за снижения интенсивности боевых действий, сокращения протяженности фронта и численности войск.

Стоит подчеркнуть тот факт, что во всей приведенной выше статистике отражены только людские потери сухопутных войск Германии. В отличие от Советских Вооруженных Сил, свой собственный учет убыли личного состава вели люфтваффе, включавшие не только авиацию, но и подразделения противовоздушной обороны. Не попали в общую статистику и потери коллаборационистов, сражавшихся на стороне Германии.

В этой связи необходимо обратить внимание на проблему потерь среди союзников Германии. В битве за Кавказ приняли участие девять румынских и одна словацкая дивизии, а также немногочисленные контингенты итальянских и хорватских вооруженных сил.

О боевых потерях румынской королевской армии в ходе наступления на Северном Кавказе в 1942 г. имеются обрывочные сведения. Убыль в рядах трех дивизий кавалерийского корпуса составила 7 473 человека, еще 2 327 солдат и офицеров не досчиталась 2-я горная дивизия [12]. Помимо них в составе группы армий «А» в этот период сражались еще две пехотные и одна горная дивизии румын. Исчерпывающей информации о том, какой урон они понесли, пока нет. Источником данных о потерях румынских войск за время боев на Кубани с 1 февраля по 10 октября 1943 г. стал обзор обороны кубанского плацдарма в журнале боевых действий группы армий «А». Именно там идет речь о 9 966 румынских солдатах и офицерах, из которых 1 896 были убиты и 806 пропали без вести [19].

Проведенный анализ аналогичных данных о вермахте, позволяет утверждать, что эти цифры не окончательны. Подтверждением этой гипотезы служит тот факт, что к июню 1943 г. некомплект личного состава в шести румынских дивизиях, находившихся на кубанском плацдарме, достиг 21,6 тыс. человек. Поэтому нисколько не удивляет существование другой цифры боевых потерь румын в битве за Кавказ – 39 074 человек. Она приведена в обзоре, посвященном людским потерям румынской королевской армии во Второй мировой войне [25].

Наряду с румынскими войсками в реализации германских планов по захвату Кавказа участвовала словацкая моторизованная дивизия. В период наступления на Кубани погибли и получили ранения около полутысячи ее офицеров и солдат, хотя советская разведка оценила потери словаков в 2,5 тыс. человек [10, с. 19]. Благодаря прибытию пополнения к 14 ноября 1942 г. дивизия насчитывала более 9 тыс. человек. К 13 марта 1943 г., после эвакуации в Крым, словацкая моторизованная дивизия имела в своих рядах только 5 897 солдат и офицеров [15, s. 350]. Таким образом, за время пребывания на Кавказе она лишилась по меньшей мере 4,5 тыс. человек и сократилась практически на половину. Одной из главных причин этого факта стали участившиеся случаи перехода словаков на сторону Красной армии вследствие распространения антигерманских настроений. Они затронули не только рядовых солдат и младших командиров, но и некоторых старших словацких офицеров.

Однако в 1942 – 1943 гг. такое поведение для личного состава войск стран Оси оставалось нетипичным. Как правило, из рядов вермахта в расположение советских войск бежали отдельные солдаты польской, чешской и эльзаской национальностей, а также коллаборационисты из числа советских граждан. Даже среди румынских военнослужащих массовой сдачи в плен не отмечалось.

В донесениях о пленных и трофеях, захваченных у противника войсками Закавказского фронта в период с 1 октября по 31 декабря 1942 г., сообщалось о пленении 1 170 вражеских солдат и офицеров [7, л. 99–101]. Отрывочные сведения из других оперативных документов позволяют утверждать, что общее число военнопленных за время оборонительных боев на Северном Кавказе в 1942 г. составило немногим более 1,5 тыс. человек.

С переходом советских войск в наступление, количество захваченных ими в плен солдат и офицеров противника заметно выросло. Суммирование данных из итоговых оперативных сводок Северо-Кавказского фронта указывает на то, что в ходе проведения наступательных операций его войска пленили от 11 до 12 тыс. человек. Наибольшее число военнопленных – 6 014 солдат

и офицеров – сдались в январе, еще 1 861 человек были захвачены в феврале 1943 г. Весной – летом немецко-румынские войска на Кубани ежемесячно теряли на Кубани от полутора сотен до полутысячи человек пленными. И только на завершающем этапе освобождения Кавказа число пленных выросло вновь. Но в информации об их количестве так же встречаются противоречия. В частности, на разных страницах одного и того же документа, итоговой оперативной сводки Северо-Кавказского фронта за 1 сентября – 10 октября 1943 г., указаны две отличные друг от друга цифры – 1 440 и 2 548 человек [8, л. 78, 86]. Проблема учета пленных существовала и ранее, особенно в разгар зимнего наступления советских войск на Северном Кавказе. В своем приказе от 17 февраля 1943 г. командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И.И. Масленников отмечал, что данные о взятых в плен не отвечают действительности. Согласно его указаниям, «количество пленных, захваченных армиями, впредь будет определяться количеством сданных в лагеря НКВД по соответствующим документам» [9, л. 14]. Таким образом, количество захваченных в плен солдат и офицеров противника не превысило 14 тыс. человек, что совсем немного для столь продолжительного и масштабного сражения, каким являлась битва за Кавказ. Напомним, что в ходе разгрома той же 17-й немецкой армии в Крыму в апреле – мае 1944 г. было пленено более 60 тыс. человек, а ликвидация окруженной в Сталинграде 6-й армии завершилась капитуляцией 90-тысячной группировки противника.

Исследование проблемы масштабов боевых потерь германских войск в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. продемонстрировало неполноту данных в десятидневных и ежемесячных сводках отдела учета потерь вермахта. Отчеты медико-санитарных служб 1-й танковой и 17-й полевой армий указывают на более высокие цифры погибших, раненых и пропавших без вести. Ближе к истине информация из обзора, основанного на ежемесячных данных персонального учета личного состава, хотя она и не позволяет выделить долю боевых потерь в общей статистике убыли личного состава. В то же время этот документ указывает на то, что прибывавшие в немецкую группу армий «А» пополнения не компенсировали общие потери вплоть до марта 1943 г. Именно эта, наиболее активная фаза битвы за Кавказ, связанная с масштабным наступлением, а затем стремительным отходом германских войск, характеризовалась наиболее высоким среднемесячным уровнем потерь.

Всего с августа 1942 г. по август 1943 г. немецкие войска группы армий «А», сражавшиеся исключительно на Кавказе, лишились порядка 300 тыс. человек, около половины из них составили боевые потери. С учетом выбывших из строя в последние числа июля 1942 г. и 1 сентября – 9 октября 1943 г., общие потери вермахта в ходе битвы за Кавказ составили, по меньшей мере, 315 тыс. солдат и офицеров. В эту статистику не вошли военнослужащие немецких военно-воздушных и военно-морских сил, коллаборационисты, а также союзники Германии. Боевые потери последних оказались около 45–50 тыс. человек.

Все изложенное позволяет говорить о том, что в советской историографии утвердились завышенные оценки боевых потерь войск Германии и ее союзников за время боев на Кавказе, которые зачастую повторяются и в современных отечественных исследованиях. Представленные в них цифры скорее соответствуют масштабам не боевых, а общих потерь войск стран Оси в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. В то же время зарубежные историки, в частности Р. Форзик, основываются в своих расчетах на заниженных данных отдела учета потерь вермахта и склонны игнорировать убыль личного состава по причине болезней, которая сопоставима с боевыми потерями. Выявленные в ходе исследования противоречия и отсутствие данных по некоторым категориям потерь вооруженных сил стран Оси говорят о том, что эта проблема требует дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. Т. 2. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. 784 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
3. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 281 с.
4. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
5. Киселев И. В. Цена освобождения. Людские потери советских войск в ходе наступления на Северном Кавказе в 1943 г. // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2019. № 1. С. 112–118.
6. Мощанский И. Б. Оборона Кавказа: великое отступление, 25 июля – 31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2009. 191 с.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 432. Л. 99–101.
8. ЦАМО РФ. Ф. 51. Оп. 932. Д. 365. Л. 78, 86.
9. ЦАМО РФ. Ф. 51. Оп. 932. Д. 291. Л. 14.
10. Шмидт П. История боевых действий частей Красной Армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск: КГТУ, 2009. 28 с.
11. Януш С.В. Красная армия в сражениях за Кавказ (1942–1943 гг.). М.: Илекса, 2020. С. 780 с.
12. Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945. London: Arms and Armour Press, 1995. 368 p.

13. Forczyk R. The Caucasus 1942–1943. Kleist's race for oil. Oxford: Osprey Publ., 2015. 97 p.
14. Forczyk R. The Kuban 1943. The Wehrmacht's last stand in the Caucasus. Oxford: Osprey Publ., 2018. 97 p.
15. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zvazu (1941–1944) III. Rychla divizia. Banska Bystrica, 2009. 444 s.
16. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T. 78. R. 415. Fr. 6384069–6384070.
17. NARA. T. 78. R 624. Fr. 000470–000480.
18. NARA. T. 311. R. 153. Fr. 7201014.
19. NARA. T. 311. R. 154. Fr. 7202746.
20. NARA. T. 312. R. 710. Fr. 8345784.
21. NARA. T. 313. R. 45. Fr. 7277914–7277961.
22. NARA. T. 313. R. 46. Fr. 7279517–7279518.
23. OKH 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group. URL: http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec.html (Дата обращения: 09.08.2021)
24. Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München: Oldenbourg Verlag, 2000. 368 s.
25. România în al doilea război mondial. URL: http://dambroca.com/cap-1-istoria-tarii-05.htm (Дата обращения: 23.08.2021)

References

1. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operacii v cifrah. (Great Patriotic War 1941–1945. Campaigns and strategic operations in numbers): Vol. 2. Moscow: Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2010. 784 p. (In Russian).
2. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945: Jenciklopedija (Great Patriotic War 1941–1945: Encyclopedia). Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1985. 832 p. (In Russian).
3. Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.). (War. South. Turning-point (summer 1942 - autumn 1943)). Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2012. 284 p. (In Russian).
4. Grif sekretnosti snjat. Poteri Vooruzhennyh sil SSSR v vojnah, boevyh dejstvijah i voennyh konfliktah: Statisticheskoe issledovanie (Classification of secrecy has been removed. Losses suffered by USSR Armed Forces in wars, combat operations, and military conflicts: Statistical research). Moscow: Voenizdat, 1993. 416 p. (In Russian).
5. Kiselev I.V. Cena osvobozhdenija. Ljudskie poteri sovetskih vojsk v hode nastuplenija na Severnom Kavkaze v 1943 g. (The price of liberation. Loss of life of Soviet troops during the offensive in the North Caucasus in 1943) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. Stavropol', 2019. No. 1. P. 112–118. (In Russian).
6. Moshhanskij I.B. Oborona Kavkaza: velikoe otstuplenie, 25 ijulja – 31 dekabrja 1942 goda (Defense of the Caucasus: The Great Retreat, July 25 – December 31, 1942). Moscow: Veche, 2009. 191 p. (In Russian).
7. Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TSAMO RF). F. 47. Inv. 1063. D. 432. (In Russian).
8. TSAMO RF. F. 51. Inv. 932. D. 365. (In Russian).
9. TSAMO RF. F. 51. Inv. 932. D. 291. (In Russian).
10. Shmidt P. Istorija boevyh dejstvij chastej Krasnoj Armii protiv slovackih vojsk v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1944 gg. (The history of military operations of the Red Army units against the Slovak troops during the Great Patriotic War. 1941–1944): abstract of Thesis. Kursk: KSTU Publ., 2009. 28 p. (In Russian).
11. Janush S.V. Krasnaja armija v srazhenijah za Kavkaz (1942–1943 gg.) (The Red Army in the battles for the Caucasus (1942–1943)). Moscow: Ileksa, 2020. C. 780 c. (In Russian).
12. Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945. London: Arms and Armour Press, 1995. 368 p.
13. Forczyk R. The Caucasus 1942–1943. Kleist's race for oil. Oxford: Osprey Publ., 2015. 97 p.
14. Forczyk R. The Kuban 1943. The Wehrmacht's last stand in the Caucasus. Oxford: Osprey Publ., 2018. 97 p.
15. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zvazu (1941–1944) III. Rychla divizia. Banska Bystrica, 2009. 444 s.
16. National Archives and Records Administration (NARA). T. 78. R. 415. Fr. 6384069–6384070.
17. NARA. T. 78. R 624. Fr. 000470–000480.
18. NARA. T. 311. R. 153. Fr. 7201014.
19. NARA. T. 311. R. 154. Fr. 7202746.
20. NARA. T. 312. R. 710. Fr. 8345784.
21. NARA. T. 313. R. 45. Fr. 7277914–7277961.
22. NARA. T. 313. R. 46. Fr. 7279517–7279518.
23. OKH 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group. URL: http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec.html (Accessed: 09.08.2021)
24. Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München: Oldenbourg Verlag, 2000. 368 s.
25. România în al doilea război mondial. URL: http://dambroca.com/cap-1-istoria-tarii-05.htm (Accessed: 23.08.2021)

Сведения об авторе

Киселев Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент 101 кафедры Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков им. Героя Советского Союза А. К. Серова; e-mail: ilya.v.kiselev@yandex.ru.

Information about the author

Kiselev Ilya V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, 101 Chair, Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots named after A. K. Serov; e-mail: ilya.v.kiselev@yandex.ru.

CC BY

УДК 94 (470.6)“18”

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.6

Ю.Ю. Клычников

КАВКАЗ КАК «ШКОЛА ВОЙНЫ» ДЛЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ (К ОЦЕНКЕ ОПЫТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ)

Освоение Кавказа Россией не обошлось без применения вооружённых сил для борьбы с горскими народами. Они не желали подчиняться законам империи и развернули против неё войну, эффективно используя те преимущества, которые давала им природная среда региона. Для российских войск местная природно-климатическая обстановка была непривычна, что сказывалось на эффективности ведения боевых действий. Противник был хорошо приспособлен для борьбы в условиях войны в горной и горно-лесистой местности. Это потребовало значительного изменения как в тактике и стратегии ведения войны, так и в подготовке личного состава, его снаряжении. Приходилось больше внимания уделять обустройству и защите коммуникаций, что сделалось одной из первоочередных задач командования. Войска были задействованы на строительстве дорог и рубке просек через труднопроходимые участки территории. Горцы мастерски применяли засады, внезапные нападения, умело использовали природные укрытия в качестве фортификационных сооружений. В сложившихся обстоятельствах происходила специализация отдельных полков для действий в конкретных ландшафтно-климатических условиях, что позволяло снизить потери во время боевых столкновений с неприятелем. Приходилось перенимать военный опыт своего противника, действуя зачастую так, как это делали сами горцы. Всё это позволило завершить затянувшееся противостояние и сломить сопротивление неприятеля.

Ключевые слова: армия, Северный Кавказ, сражения, походы, климат, горцы, крепости, болезни.

Для цитирования: Клычников Ю. Ю. Кавказ как «школа войны» для российской армии (к оценке опыта первой половины XIX столетия) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 57–64. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.6

Yurii Yu. Klychnikov

THE CAUCASUS AS A «SCHOOL OF WAR» FOR THE RUSSIAN ARMY (ON THE ASSESSMENT OF THE EXPERIENCE OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

The development of the Caucasus by Russia was not without the use of armed forces to fight the mountain peoples. They did not want to obey the laws of the empire and launched a war against it, effectively using the advantages that the natural environment of the region gave them. For the Russian troops, the local natural and climatic situation was unusual, which affected the effectiveness of the conduct of hostilities. The enemy was well adapted to fight in war conditions in mountainous and wooded areas. It required a significant change both in the tactics and strategy of warfare, and in the training of personnel and their equipment. More attention had to be paid to the arrangement and protection of communications, which became one of the priorities of the command. The troops were involved in the construction of roads and felling clearings through difficult areas of the territory. Highlanders skillfully used ambushes, surprise attacks, skillfully used natural shelters as fortifications. Under the circumstances, individual regiments were specialized for operations in specific landscape and climatic conditions, which made it possible to reduce losses during combat clashes with the enemy. It was necessary to adopt the military experience of the opponent, often acting the way the highlanders themselves did. All this made it possible to end the prolonged confrontation and break the resistance of the enemy.

Key words: army, North Caucasus, battles, campaigns, climate, highlanders, fortresses, diseases

For citation: Klychnikov Yu. The Caucasus as a «school of war» for the Russian army (on the assessment of the experience of the first half of the 19th century) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 57–64. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.6

Кавказ имел для Российской империи важнейшее геополитическое значение. Ещё дореволюционные авторы вполне убедительно излагали роль региона в обеспечении безопасности южных рубежей государства. По словам Р.А. Фадеева, «положение кавказского перешейка придаёт этой стране господствующее, всемирное значение, политическое и торговое» [31, с. 115]. Автор в данном случае высказывал не только свои собственные суждения, но и официальную точку зрения, которая закрепилась в умах части правящей элиты. Отсюда и упорство, проявленное в борьбе за овладение этим регионом, потребовавшее значительных людских и материальных издержек.

Специфика боевых действий на Северном Кавказе в значительной степени была продиктована теми ландшафтно-климатическими особенностями, которые влияли на все стороны затянувшегося

здесь вооружённого противостояния. Они определили, как способы оборонительных операций, так и наступательные шаги соперников, непрестанно учившихся друг у друга наиболее удачным способам войны в условиях горной и горно-лесистой местности. Первое время нередко преимущество было на стороне горских обществ, для которых природа стала естественным союзником, позволявшим противостоять лучше вооружённым и более дисциплинированным оппонентам из лагеря царских войск. Всё это заставляет уделить внимание географии как важному «участнику» тех процессов, которые сами современники называли «славной школой войны». В ней приходилось учиться бросать вызов не только воле человека, но и безграничному могуществу «страны гор».

Как писал участник боёв на южном фронтире Н. Волконский, «в истории кавказских войн есть страницы, которые останавливают внимание читателя не на битвах наших войск с горцами, а на более серьёзных проявлениях мужества русского солдата – на борьбе человека с природою. Редко проходит экспедиция, в которой не пришлось бы кавказским войскам хоть один раз преодолеть, в полном смысле слова, неестественные преграды поставляемые природой. Тяжело с нею воевать!... И что значит в сравнении с этой неравною борьбой все стычки, дела и перестрелки с неприятелем? – Трынь-трава!» [4]. В этой связи не кажется преувеличением вывод о том, что известный переход А.В. Суворова через Альпы, который вполне заслуженно относится к вершине его военного искусства, на Кавказе был частью повседневности, рутиной, уже никого не удивлявшей [17, с. 115].

В предгорьях можно было встретить густую растительность, которая лучше любых фортификационных сооружений затрудняла доступ к поселениям горцев и использовалась для засад в условиях «малой войны», как принято называть партизанские действия, характерные для местной тактики. Так, говоря о чеченцах, один из современников отмечал, что они уверенно чувствуют себя на «местности, где находятся леса и другие естественные преграды… <…> Они владеют всеми лесистыми ущельями Чёрных гор, имеющими значение крепостей, опираются на горные трущобы округов Аргунского и Ичкеринского и через них входят в непосредственную связь с Дагестанским. Здесь находят безопасное убежище их абреки…» [3, с. 413].

Отмечается, что впечатления от преодоления этих препятствий можно встретить в большинстве мемуарных работ участников борьбы за Кавказ [17, с. 109]. Нашли они отражение и в художественных, автобиографических по своей сути литературных произведениях, в частности, «Рубке леса» Л.Н. Толстого [29, с. 40–74].

В отличие от Чечни, на значительной части Дагестана лес был величайшей ценностью. Трудноразрешимой задачей становилось обеспечение войск топливом. Местные жители использовали для своих нужд «преимущественно кизяк и хворост» [25, с. 150]. Но последний ценился невероятно дорого, и гарнизонам горных укреплений приходилось закупать его по высоким ценам, отдавая за кубическую сажень до 60 рублей серебром [25, с. 150].

Не менее разнообразные ландшафты были и в равнинной части края. Степи, лесостепи, полынные пустыни соседствовали друг с другом, что оказывало влияние на особенности хозяйственного уклада проживавших здесь людей. Нередко засухи и суховеи губили насаждения, а о создании искусственной ирригационной системы не могло идти и речи, т.к. перманентная военно-политическая напряжённость не позволяла акцентировать внимание на этой затратной работе. Часто происходили пылевые бури, которые остановить можно было лишь массовой посадкой заграждений из деревьев и кустарников, что также оказалось трудноосуществимой задачей.

Недаром путники, которые приближались к горам Кавказа после долгого, изматывающего пути по степям, испытывали «впечатление сильное, не поддающееся выражению» [21, с. 32]. Такая эйфория длилась до тех пор, пока путешественник не сталкивался с местными реалиями, далёкими от их первоначального романтичного восприятия, и тогда «внезапно проглянет гигантский хребет угрюмого, почти страшного вида… угрожающий обвалами и лавинами…» [21, с. 33].

Реки в горах, с их бурным течением, становились опасной преградой для путешественника. Контролируя мосты, переброшенные от одного берега к другому в наиболее узких местах, можно было небольшими силами остановить продвижение многократно превосходящих сил неприятеля. Наполненное скрупулёзными описаниями произведение А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» среди прочего содержало и упоминание о местных реалиях, связанных с угрозой для проезжающего пасть жертвой меткого выстрела укрывшегося за надёжной преградой горца [23, с. 378].

Неудивительно, что долгое время передвижение не только в горах, но и по значительной части равнины сопровождалось охраной из солдат и казаков, т.н. «оказией» [24, с. 102]. Без неё можно было легко повторить судьбу персонажа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник», осмелившегося самостоятельно добраться до пункта назначения, но оказавшегося в неволе. И таких случаев были сотни. Да и наличие боевого сопровождения не могло считаться надёжной гарантией от превратности опасной дороги. Горцы и кочевники, даже в глубоком тылу, могли разгромить охрану, чему были неоднократные при-

меры из северокавказской повседневности [15, с. 164–177]. Отметим, что поэт путешествовал по наиболее разработанной в инженерном отношении Военно-Грузинской дороге, которой традиционно уделялось много внимания. Её возведение потребовало значительных усилий. Одних только мостов через Терек было возведено двадцать семь. И это не считая завалов и скальных нагромождений, которые приходилось взрывать порохом, прежде чем приступать к расчистке с помощью кирок и лопат. Только в 1796 г. на эти нужды его было выделено сто пудов [10, с. 37]. Во время строительства дорог в горах нередки были несчастные случаи при взрывных работах, высокая смертность от тяжёлых условий труда и т. п. [7, л. 59].

Но и в дальнейшем уже готовые коммуникации не раз уничтожались свирепой стихией. В 1808, 1817, 1832 гг. случались обвалы снега, камней и льда, которые перекрывали проход, надолго лишая возможности поддерживать регулярные связи с Закавказьем [17, с. 116]. Строительство новых дорог нередко откладывалось, т.к. выделяемые для этого средства приходилось тратить на ремонт и поддержание в рабочем состоянии уже имеющихся коммуникаций [9, л. 13–13 об., 21–21 об.].

Обычно царское командование старалось переложить ответственность за строительство и поддержание мостов, переправ, дорог в рабочем состоянии на местные общества. Это было одной из их обязанностей, наряду с предоставлением гужевого транспорта, продовольствия и фуража для нужд армейских команд. Но на практике эти поручения зачастую не выполнялись, а уже имеющиеся сооружения разрушались и разворовывались. Как делился с читателями известный офицер-разведчик Ф. Ф. Торнау, лишь только войска покидали селение, его жители старались разобрать для собственных нужд доски, верёвки и железные части конструкции. Бороться с этой практикой было задачей бесперспективной [28, с. 19].

Привлечение гражданских специалистов из числа русских мастеровых не практиковалось не только в силу военной опасности, но и из-за удорожания работ. Командование признавало, что «приходилось бы отсрочить на неопределённое время работы и в том числе самые важнейшие», если ими не будет заниматься армия [8, л. 11 об.]. Это тоже было особенностью местных реалий, присущих южному пограничью. Переложить вспомогательную работу на некомботантов, как делалось в европейских войнах, здесь было затруднительно.

Каждое форсирование водной преграды становилось сложнейшей в инженерном обеспечении операцией, даже если противник и не препятствовал такой работе [32, с. 189–190]. Местные дороги в большинстве своём могли считаться таковыми условно. Как писал Д. Романовский о внутреннем Дагестане, «жители, за исключением аварцев, большей частью не употребляют повозок, тяжести же перевозятся на вьюках, и преимущественно на ослах…» [25, с. 151]. Перебросить по ним артиллерию было невозможно, а потому горные аулы становились почти неприступными для вооружённой лишь ружьями пехоты, тем более что коммуникации могли быть атакованы и рассечены в самых различных местах. В воспоминаниях участника похода к аулу Дарго А.-В. фон Мерклина содержалось описание серьёзных потерь, которые понёс их отряд на одной из горных дорог [6, с. 520–521]. Примечательно, что молодому офицеру казалось, «будто дикая сама по себе природа приняла участие в диких страстях здесь человека» [6, с. 525].

Трансформация пейзажа станет одной из главных задач российской армии в регионе. Иных способов преодоления труднопроходимого пространства, кроме как освобождение его от растительности, не существовало. Штык и картечь отходили на второй план, уступая место топору, кирке и пиле. Начало этой практики связывают с именем генерала А. П. Ермолова, который положил в основу своих замыслов по покорению Кавказа принцип постепенности [13, с. 12–22]. Но наибольшего масштаба эта работа достигла в годы наместничества М. С. Воронцова, который поставил её на «систематическую основу» [16, с. 78].

Если задумывалась экспедиция в горы Дагестана, то оптимальным её началом был июнь. Тогда появлялся корм для лошадей, и можно было минимизировать зависимость от подвоза фуража. Завершить экспедицию следовало не позднее сентября-октября, в противном случае существовала реальная угроза погибнуть от холода и недостатка продовольствия. Действовать крупными отрядами было сложно, т. к. даже пять-шесть батальонов, вынужденных перевозить всё самое необходимое в тюках, растягивались по дороге «на несколько вёрст» [25, с. 156]. В Чечню предпочитали совершать поход зимой, т. к. отсутствие растительности мешало горцам действовать из засад.

На равнине «затруднения для движения» представляли болота [25, с. 15]. Особенно это было характерно для западных районов края, где серьёзную угрозу представляла малярия, приводившая к болезням и высокой смертности как среди военнослужащих и гражданских поселян. Речь шла не только о землях Прикубанья. Высокой смертностью отличались и гарнизоны крепостей, возведённых на Черноморском побережье в 30-е годы XIX в. От климата здесь погибало куда больше людей, нежели от пуль и кинжалов горцев, которые старались держать их в плотной осаде [25, с. 77].

Если привычные и хорошо разбиравшиеся в особенностях местности черкесы предпочитали избегать заболоченных низменностей, российское командование первое время игнорировало

эти природные факторы, исходя исключительно из соображений военной целесообразности. Отсюда потери, достигавшие в среднем до 16 % от общего числа военнослужащих и гражданских лиц, а в иные годы эти показатели были ещё выше. Среди наиболее частых болезней называли малярию, холеру, цингу, тиф и чуму [1, с. 170]. Для сравнения: боевые потери, в которые включаются умершие от ран, за период с 1815 по 1864 гг. оцениваются в 29 тыс. человек. В то время как от болезней умерло примерно 102 тыс. человек. Удивляться такому соотношению не приходится, тем более что уровень санитарного состояния полков оставлял желать лучшего. Вместо врачей зачастую их обязанности выполняли цирюльники, а единственным доступным лекарством у них был дёготь [30, с. 295].

Любопытен взгляд профессионального медика на местные проблемы. Н. И. Пирогов особенно выделял неумеренность солдат к употреблению неспелых фруктов, что становилось причиной кишечно-желудочных заболеваний [22, с. 2]. Проблема несбалансированного питания (в частности, дефицит злаковых продуктов) приводила к болезням, а решить её так и не удалось в течение всего периода борьбы за обладание краем [17, с. 119]. Приобрести необходимое у горцев получалось далеко не всегда. Они и сами испытывали трудности с зерном [20, с. 44]. Предоставление продовольствия и фуража для русских могло поставить их на грань выживания [27, с. 90].

Говоря о болезнях, которые выкашивали ряды Отдельного Кавказского корпуса, не следует думать, что массовые заболевания не затрагивали и автохтонное население. Известно немало случаев, когда эпидемии приводили к массовой смертности среди горцев, а российское командование даже подвергало войска, участвовавшие в экспедициях на территорию «немирных» племён, карантинному очищению [14, с. 34–43]. Если поступала информация о наличии холеры или «моровой язвы», как называли чуму, военные планы отменялись, и войска не покидали линию. Так, в августе 1830 г. барон Розен вынужден был свернуть все приготовления против Гази-Мухаммеда, т. к. «убедился, что при таких обстоятельствах никакие военные действия невозможны и отложил их до другого времени» [5]. И в дальнейшем его главной заботой было «по возможности оградить войска от этого бича» [5].

Подстроиться к такому ситуационно-эпидемиологическому многообразию было сложно. В одном только «Дагестане можно найти образчики всевозможных климатов, и притом в самом коротком расстоянии. Так, например, на том месте, где было наше Низовое укрепление, в продолжение лета свирепствовали желчные лихорадки, а три версты к востоку, на месте Петровского укрепления, климат весьма здоровый и отправляемые туда больные поправлялись весьма скоро» [11, с. 37]. В течение одного перехода можно было сменить приятную прохладу на изнуряющий зной, участки с цветущими деревьями – на пространство, покрытое снегом, где сильные порывы ветра легко могли привести к обморожению и т. п.

Заросли камыша на берегах равнинных рек нередко становились местом засад, где беспечность могла быть жестоко наказана неприятелем. При столкновениях противники старались оттеснить друг друга в болото, и это приводило к серьёзным потерям у проигравшей стороны. Так случилось в знаменитом Калаусском сражении, считавшемся одним из наиболее ярких примеров ликвидации прорвавшейся через кордонную линию мобильной группы всадников-набежчиков.

Непостоянство и изменчивость погоды в условиях Северного Кавказа объяснялись близостью сразу нескольких морей и наличием высоких гор, что приводило к сложным трансформациям в движении воздушных масс. Они сменяли друг друга, сталкивались, чтобы вызвать бурю, ливень, град, провоцируя обвалы и формируя селевые потоки. Последние сметали всё на своём пути, уничтожая среди прочего и без того слаборазвитую транспортную инфраструктуру. Проезжая по краю, можно было по очереди побывать в самых различных климатических зонах, начиная от сухого континентального климата и заканчивая влажными субтропиками. Количество выпавших осадков зависело от высотной зональности – чем выше в горы, тем их было больше. То же относилось и к интенсивности солнечного излучения.

Обратимся к словам человека, произведениями которого зачитывалась вся Россия и чьими глазами многие смотрели на происходившие на Кавказе события. Речь идёт о декабристе и литераторе А. А. Бестужеве-Марлинском. Он так описывал тяготы солдатской службы, попав под ливень, захлестнувший их лагерь: «Дождь ливмя; над головой облака, словно грецкая губка, а под нами земля будто растаяла… ещё хуже: она превратилась в грязь, в эту пятую стихию… Палатки наши плавают, как стада чаек по болоту. Журавли перекликаются ночью с часовыми; лягушки квакают кругом. Холод, сырость, слякоть! Дрова не горят, огонь не греет…» [2, с. 109–110].

Серьёзным испытанием были резкие температурные колебания, которые могли происходить в течение суток. Изнурительная жара днём сменялась сильным холодом в ночное время. Это заставляло весьма внимательно относиться к одежде и обуви, пренебрежение которыми могло привести к куда большим потерям, нежели неприятельские пули и клинки. Для непривычного к таким вызовам новичка всё заканчивалось болезнью, а то и летальным исходом. Отсюда и осознание необходимости перенимать у горцев их многовековой опыт выживания, культ бурки

и черкески «настоящего кавказца», казавшихся далёким от этих мест людям непонятной «азиатчиной» [118, с. 590, 592]. Такая модель поведения была не случайна, а вызвана жизненной необходимостью и рациональностью военной повседневности, которая заставляла отказываться от показной эффектности в пользу неброской эффективности.

Подстроиться под особенности микроклимата в каждом природно-географическом ареале было невероятно сложно. Если приходилось перебрасывать части с одного места на другое, это заканчивалось неоправданными потерями, т. к., приспособившись к одним особенностям климата, солдаты и офицеры оказывались непривычны к новым обстоятельствам. Отсюда и желание не использовать полки, сражавшиеся в горно-лесистой местности Чечни или Закубанья, для решения задач в Дагестане. Последний считался наиболее трудным для адаптации, т. к. серые скалы и отсутствие привычной растительности угнетающе действовали на психику солдат.

Не преувеличивая роль природного фактора и не сводя проблему к географическому детерминизму, мы тем не менее должны учитывать его влияние как на специфику северокавказского театра военных действий, так и на особенности менталитета горских обществ. Как писал цитируемый выше С. Меч, «такая природа или закалит в несокрушимую сталь всё существо человека, или раздавит его» [21, с. 67–68]. К схожим выводам приходят и современные исследователи, связывающие достаточно высокую конфликтность местных сообществ с хроническим дефицитом материальных ресурсов, обусловленных ландшафтно-климатическим своеобразием региона [19, с. 10]. И здесь уместно процитировать видного военного теоретика К. Клаузевица, отметившего, что «…в национальных войнах, – где если нет превосходства в искусстве и храбрости, то, по крайней мере, воинственный дух отдельных бойцов обычно сильно приподнят, – народное ополчение при большом раздроблении сил и на сильно пересечённой местности может показать своё превосходство и сохранить его на продолжительное время…» [12, с. 437].

Даже сбор сведений о крае превратился в итоге в сложнейшую задачу. Офицеры-разведчики, выдавая себя за горцев, проникали вглубь враждебных территорий, пытаясь узнать о наличии дорог и мостов в крае, о специфике хозяйственного уклада местных обществ, чтобы понять, насколько упорно они могут противостоять блокаде, устроенной им со стороны царского командования [33, с. 302–307]. Но понадобилось не одно десятилетие, прежде чем такая информация сделалась доступной и Кавказ перестал быть «землёй неведомой». Пока этого не произошло, приходилось действовать фактически «вслепую».

Любопытно, что ситуацию на Кавказе пытались сравнить с французской политикой в Алжире. Учитывалось абсолютно всё, в том числе успехи и неудачи в административном обустройстве края, оплату труда чиновников и т.п. [26, л. 95–95 об. и др.]. Но особое внимание военные уделяли тем природным трудностям и воинственности населения, с которыми пришлось столкнуться Парижу. Общие выводы были не в пользу Франции. Борьба за эти африканские земли была сложна, но она не могла сравниться с задачами, которые ставила и решала Россия на Кавказе, ибо «в нашей Алжирии всё, и природа, и люди, далеко переросли размеры французской» [31, с. 128].

Подводя итоги, констатируем следующее. Затянувшееся вооружённое противостояние, в котором приняли участие многие общества Северного Кавказа, в немалой степени объяснялось спецификой местного театра военных действий. Сложный рельеф, наличие речных преград, густые леса, температурные и климатические колебания и т. п. сложности стали серьёзным вызовом для имперской военной организации. Привычные способы ведения боевых действий оказались непригодными и заканчивались лишь серьёзными потерями. Реализовать на Кавказе своё огневое преимущество над противником в большинстве случаев не удавалось.

Сформировавшееся в соответствии с местными потребностями воинское искусство горцев было хорошо приспособлено к местным реалиям. Навязав противнику партизанскую войну, те с максимальной эффективностью использовали опыт, полученный в результате многовековой набеговой практики. И наступательные, и оборонительные действия мобильных горских отрядов были прекрасно вписаны в местную географическую среду. Чтобы успешно противостоять им, нужно было действовать не хуже, чем противник, а потому за десятилетия вооружённого конфликта российская армия в значительной степени переняла у горских народов самые разные стороны их воинских навыков и быт – от одежды и обуви до выбора места и обустройства военных лагерей. Изменилась индивидуальная подготовка солдат и офицеров Кавказской армии, появились генералы, специализирующиеся на войне в специфичных условиях этого края.

Список источников и литературы

1. Барретт Т. М. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет: Антология. Т.2: Императорский период. Самара: СГУ, 2000. С. 163-194.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. / Издание подготовила Ф.З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 704 с.

3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
4. Волконский Н. Движение Чеченского отряда на гору Даргин-Дук, 28 февраля 1858 год. (Из записок кавказского офицера) // Кавказ. 1860. № 59.
5. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. 1888. Т. XII. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text12.htm (дата обращения 4.10.2020).
6. Воспоминания генерал-майора августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // «Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 520-532.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.250. Оп.1. Д.656.
8. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.569.
9. ГАКК. Ф.444. Оп.1. Д.1983.
10. Дубровин Н. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение её к России. СПб.: Типография Департамента уделов, 1867. 243 с.
11. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.I. Очерки Кавказа и народов его населяющих. СПб.: Типография Департамента уделов, 1871. 640 с.
12. Клаузевиц К. О войне: М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.
13. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). / под ред. и с послесловием В. Б. Виноградова. Ессентуки: б.и., 1999. 135 с.
14. Клычников Ю. Ю., Виноградов П. Б. Военно-санитарная деятельность А. П. Ермолова на Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Армавир. 1997. Вып.2. С. 34–43.
15. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б. В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
16. Лазарян С. С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 323 с.
17. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.
18. Лермонтов М. Ю. Кавказец // Сочинения в двух томах. Том второй. / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. С. 590–593.
19. Магомедсалихов Х. Б. Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX – 30-е гг. XX в.): автореф. дисс. док. ист. наук. Махачкала, 2010. 50 с.
20. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М.: ИГПИ, 2010. 480 с.
21. Меч С. Кавказ. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1905. 128 с.
22. Пирогов Н. Отчёт о путешествии по Кавказу содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций произведённых на поле сражения и в различных госпиталях России с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч. СПб.: тип. Э. Праца, 1849. 322 с.
23. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. М.: Худож. лит., 1987. С. 370–410.
24. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII –первая половина XIX вв.) / Под ред. Н. Н. Великой. Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. 248 с.
25. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, прочитанные в Пассаже в 1860 году Генерального штаба полковником Романовским. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 279 с.
26. Российский государственный исторический архив. Ф.1268. Оп.1. Д.765.
27. Сущий С. Я. Демография кавказской войны: к вопросу о потерях и количественной динамике горских сообществ Северного Кавказа // Войны и вооружённые конфликты на юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе. Материалы круглого стола (г. Ростов-на-Дону, 26 сентября 2017 г.) / отв. ред. Е. Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 88–103.
28. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. Т.53. Сентябрь. С. 5–79.
29. Толстой Л. Н. Рубка леса. Рассказ юнкера (1852–1854 гг.) // Полное собрание сочинений. / Под редакцией В. Г. Черткова. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1935. Т.3. С. 40–74.
30. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 565 с.
31. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
32. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1909. 212 с.
33. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1914. 182 с.

References

1. Barrett T. M. Linii neopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii (Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasian Frontier) // Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya. Samara, 2000. Vol.2: Imperatorskij period. P. 163-194. (In Russian).
2. Bestuzhev-Marlinskij A. A. Kavkazskie povesti (Caucasian stories). St.Petersburg: Nauka, 1995. 704 p. (In Russian).

3. Vajnahi i imperskaya vlast': problema CHechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) (Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR). Moscow: ROSSPEN; Fond «Eltsin Presidential Center», 2011. 1094 s. (In Russian).
4. Volkonskij N. Dvizhenie CHechenskogo otryada na goru Dargin-Duk, 28 fevralya 1858 god (The movement of the Chechen detachment to Mount Dargin-Duk, February 28, 1858). (Iz zapisok kavkazskogo oficera) // Kavkaz. 1860. No. 59. (In Russian).
5. Volkonskij N. A. Vojna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom (War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 in connection with Muridism) // Kavkazskij sbornik. 1888. Vol. XII. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text12.htm (Accessed: 4.10.2020). (In Russian).
6. Vospominaniya general-majora avgusta-Vil'gel'ma fon Merklina o Darginskoj ekspedicii 1845 g. (Memoirs of Major General August-Wilhelm von Merklin about the Dargin expedition of 1845) // «Darginskaya tragediya. 1845 god». Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka. St.Petersburg: Zvezda, 2001. P. 520–532. (In Russian).
7. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F.250. Inv.1. D.656.
8. GAKK. F.261. Inv.1. D.569.
9. GAKK. F.444. Inv.1. D.1983.
10. Dubrovin N. Georgij XII poslednij car' Gruzii i prisoedinenie eyo k Rossii (George XII the last king of Georgia and its accession to Russia). St.Petersburg, 1867. 243 p. (In Russian).
11. Dubrovin N. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. T. I. Ocherki Kavkaza i narodov ego naselyayushchih (History of war and domination of Russians in the Caucasus. T. I. Essays on the Caucasus and the peoples inhabiting it). St.Petersburg, 1871. 640 p. (In Russian).
12. Klauzevic K. O vojne (About war). Moscow: Nauka, Logos, 1994. 448 p. (In Russian).
13. Klychnikov Yu. Yu. Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (Activities of A. P. Yermolov in the North Caucasus) (1816–1827). / ed by V.B. Vinogradov. Essentuki, 1999. 135 p. (In Russian).
14. Klychnikov Yu. Yu., Vinogradov P. B. Voenno-sanitarnaya deyatel'nost' A. P. Ermolova na Kavkaze (Military-sanitary activity of A.P. Ermolova in the Caucasus) // Voprosy severokavkazskoj istorii. 1997. Issue.2. P. 34–43. (In Russian).
15. Klychnikov Yu. Yu., Cybul'nikova A.A. «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat…»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ("So the laws are oppressing violent liberty ...": the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus) / ed by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA KMV, 2011. 256 p. (In Russian).
16. Lazaryan S. S. Voenno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazya M.S. Voroncova v Kavkazskom krae (The military-political and administrative-legal activities of Prince M. S. Vorontsov in the Caucasus region). 1845-1854 gg. Pyatigorsk: PSLU publ., 2012. 323 p. (In Russian).
17. Lapin V. V. Armiya Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv. (The Russian army in the Caucasian war of the XVIII – XIX centuries). St.Petersburg: Evropejskij dom, 2008. 400 ps. (In Russian).
18. Lermontov M. Yu. Kavkazec (Caucasian) // Sochineniya v dvuh tomah. Vol. II. Moscow: Pravda, 1990. P. 590–593. (In Russian).
19. Magomedsalihov H. B. Konflikty v obshchestvennyh otnosheniyah gorcev Dagestana (Conflicts in public relations of the highlanders of Dagestan) (XIX – 30-e gg. HKH v.): abstract of thesis. Mahachkala, 2010. 50 p. (In Russian).
20. Maksudov S. CHechency i russkie. Pobedy, porazheniya, poteri (Chechens and Russians. Victories, defeats, losses). Moscow: IGPI, 2010. 480 p. (In Russian).
21. Mech S. Kavkaz (Caucasus). Moscow, 1905. 128 p. (In Russian).
22. Pirogov N. Otchyot o puteshestvii po Kavkazu soderzhashchij polnuyu statistiku amputacij, statistiku operacij proizvedyonnyh na pole srazheniya i v razlichnyh gospitalyah Rossii s pomoshch'yu anestezirovaniya, opyty i nablyudeniya nad ognestrel'nymi ranami i proch (A travel report in the Caucasus containing complete statistics of amputations, statistics of operations performed on the battlefield and in various hospitals in Russia with the help of anesthesia, experiments and observations on gunshot wounds, etc.). St. Petersburg, 1849. 322 p. (In Russian).
23. Pushkin A. S. Puteshestvie v Arzrum vo vremya pohoda 1829 goda (Journey to Arzrum during the campaign of 1829) // Sochineniya. In 3 Vols. Vol 3. M.: Hudozhestevnnaya literatura, 1987. P. 370–410. (In Russian).
24. Pylkov O. S. Rossijskaya armiya v transformacionnyh processah na Severnom Kavkaze (konec XVIII –pervaya polovina XIX vv.) (The Russian Army in the Transformation Processes in the North Caucasus (the end of the 18th – the first half of the 19th centuries) / ed by N. N. Velikaya. Armavir: SHurygin's publishing house, 2011. 248 p. (In Russian).
25. Romanovskij D. Kavkaz i Kavkazskaya vojna: Publichnye lekcii, prochitannye v Passazhe v 1860 godu General'nogo shtaba polkovnikom Romanovskim (The Caucasus and the Caucasian War: Public Lectures Delivered in the Passage in 1860 of the General Staff by Colonel Romanovsky). Moscow: 2004. 279 p. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive. F.1268. Inv.1. D.765.
27. Sushchij S. YA. Demografiya kavkazskoj vojny: k voprosu o poteryah i kolichestvennoj dinamike gorskih soobshchestv Severnogo Kavkaza (Demography of the Caucasian war: on the issue of losses and quantitative dynamics of the mountain communities of the North Caucasus) // Vojny i vooruzhyonnye konflikty na yuge Rossii v social'no-demograficheskoj i istoriko-antropologicheskoj retrospektive. Materialy kruglogo stola (g. Rostov-na-Donu, 26 sentyabrya 2017 g.) / ed by E.F. Krinko. Rostov-on-Don: YUNC of RAS, 2017. P. 88–103. (In Russian).
28. Tornau F. F. Vospominaniya kavkazskogo oficera (Memoirs of a Caucasian officer) // Russkij vestnik. 1864. Vol.53. September. P. 5–79. (In Russian).
29. Tolstoj L. N. Rubka lesa. Rasskaz yunkera (Forest felling. Junker's story) (1852–1854 gg.) // Polnoe sobranie sochinenij. / ed byj V.G. CHertkov. Moscow: Hudozhestevnnaya literatura, 1935. Vol.3. P. 40–74. (In Russian).
30. Urlanis B. C. Vojny i narodonaselenie Evropy. Lyudskie poteri vooruzhyonnyh sil evropejskih stran v vojnah XVII–XX vv. (Wars and the population of Europe. Human losses of the armed forces of European countries in the wars of the XVII–XX centuries) (Istoriko-statisticheskoe issledovanie). Moscow: Social'no-ekonomicheskaya literatura, 1960. 565 p. (In Russian).

31. Fadeev R. A. Kavkazskaya vojna (Caucasian war). Moscow.: Eksmo, 2003. 640 p. (In Russian).
32. Esadze S. SHturm Guniba i plenenie SHamilya. Istoricheskij ocherk Kavkazsko-gorskoj vojny v CHechne i Dagestane (The assault on Gunib and the capture of Shamil. Historical sketch of the Caucasian-Mountain War in Chechnya and Dagestan). Tiflis, 1909. 212 p. (In Russian).
33. Esadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoj vojny: istoricheskij ocherk Kavkazsko-gorskoj vojny v Zakubanskom krae i CHernomorskom poberezh'e (The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War: A Historical Sketch of the Caucasian-Mountain War in the Trans-Kuban Territory and the Black Sea Coast). Moscow: 2004. 120 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета; e-mail: klichnikov@mail.ru

Information about the author

Klychnikov Yurii Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic, Social and Philosophic Subjects, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: klichnikov@mail.ru

CC BY

УДК 94(55) "19"

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.7

Н. А. Наумова

СИСТАН И БЕЛУДЖИСТАН В ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВОСТОЧНОЙ ПЕРСИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Особенности столкновения интересов России и Великобритании в Восточной Персии недостаточно изучены в российской и зарубежной историографии. Предметом исследования, как правило, выступают противоречия двух империй в целом в Персии. Восточная Персия занимала важное стратегическое положение, выступая в качестве буфера между Британской Индией и российским Туркестаном. В последней трети XIX – начала XX вв. регион становится объектом пристального внимания Лондона и Санкт-Петербурга. Военные и научные экспедиции составляют карты региона и изучают его потенциал на случай войны.

Предметом исследования в данной статье является столкновение интересов России и Великобритании в двух важных провинциях Восточной Персии в Систане и Белуджистане. Они непосредственно примыкали к границам Индии, поэтому Великобритания и Россия уделяли им первостепенное внимание. В качестве важных исторических источников выступают материалы российских путешественников, донесения дипломатов и материалы дискуссий в парламенте Великобритании. На основе анализа представленных источников, автор рассматривает политику Великобритании в данных провинциях, направленную на ослабление государственных институтов Персии и поддержку сепаратистских устремлений местного населения. Важнейшим направлением политики Великобритании в Систане и Белуджистане становится борьба с возможным расширением в провинциях влияния России.

Автор подчеркивает стремление российских экспедиций, кроме изучения данного региона, противостоять британцам в борьбе за симпатии местного населения. Россияне объясняли трудности проведения работы в Систане и Белуджистан, кроме сложных географических условий, удаленностью провинций от границ России, особенно Белуджистана.

В заключении автор подчеркивает острый характер взаимоотношений России и Великобритании в Систане и Белуджистане, в том числе за симпатии местного населения. Однако, россияне и британцы никогда не прибегали к физическому устранению друг друга. Соглашение 1907 г. передает Систан и Белуджистан в сферу влияния Великобритании, закрепив ее позиции в данном регионе.

Ключевые слова: Россия, Британская империя, Систан, Белуджистан, внешняя политика, русские путешественники.

Для цитирования: Наумова Н. А. Систан и Белуджистан в противостоянии России и Великобритании в Восточной Персии в последней трети XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 65–71. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.7

Natalia A. Naumova

SISTAN AND BALOCHISTAN IN THE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND GREAT BRITAIN IN EASTERN PERSIA IN THE LAST THIRD OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The features of the clash of interests between Russia and Great Britain in Eastern Persia have not been sufficiently studied in Russian and foreign historiography. The subject of research, as a rule, is the contradictions between the two empires in general in Persia. Eastern Persia occupied an important strategic position, acting as a buffer between British India and Russian Turkestan. In the last third of the XIX – early XX centuries. the region is becoming an object of close attention of London and St. Petersburg. Military and scientific expeditions map the region and study its potential in case of war.

The subject of research in this article is the clash of interests between Russia and Great Britain in two important provinces of Eastern Persia in Sistan and Balochistan. They were directly adjacent to the borders of India, so Great Britain and Russia gave them priority attention. Materials of Russian travelers, reports of diplomats and materials of discussions in the British Parliament serve as important historical sources. Based on the analysis of the sources presented, the author examines the policy of Great Britain in these provinces, aimed at weakening the state institutions of Persia and supporting the separatist aspirations of the local population. The most important direction of the British policy in Sistan and Balochistan is the fight against the possible expansion of Russian influence in the provinces.

The author emphasizes the desire of Russian expeditions, in addition to studying this region, to resist the British in the struggle for the sympathy of the local population. The Russians explained the difficulties of carrying out work in Sistan and Balochistan, in addition to difficult geographical conditions, by the remoteness of the provinces from the borders of Russia, especially Balochistan.

In conclusion, the author emphasizes the acute nature of the relationship between Russia and Great Britain in Sistan and Balochistan, including the sympathy of the local population. However, Russians and the British have never resorted to physical elimination of each other. The 1907 agreement transfers Sistan and Balochistan to the sphere of influence of Great Britain, securing its position in this region.

Key words: Russia, British Empire, Sistan, Balochistan, foreign policy, Russian travelers.

For citation: Naumova N. Sistan and Balochistan in the confrontation between Russia and Great Britain in Eastern Persia in the last third of the 19th - early 20th centuries // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 65–71. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.7

В Великобритании с тревогой смотрели на продвижение России в Средней Азии, рассматривая эти действия в качестве угрозы интересам Британской империи [17, p.4]. Объектом дальнейшей экспансии России могли стать Восточная Персия, Тибет и Афганистан. Теоретически они могли повторить судьбы государств Средней Азии, вошедших в состав России. Во время Крымской войны в Санкт-Петербурге разрабатывали проект ведения боевых действий против Великобритании в Центральной Азии, включая возможное продвижение российской армии в Индию [4, с.139]. Предполагалось ее наступление в Индию от Каспийского моря через Хорасан, Систан, Афганистан. Однако эти планы были отвергнуты, так как транспортная инфраструктура Персии и Афганистана не выдерживала никакой критики и не была пригодна для продвижения крупных воинских соединений.

В условиях обострения российско-британских отношений в конце XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург рассматривал свою политику в Персии как фактор оказания давления на Лондон, который стремился «блокировать» Россию, не дав ей выход в Средиземное море, Персидский залив и к Тихому океану, где Великобритания была озадачена ее проникновением в Корею и Китай. В России в это время была популярна идея выхода к незамерзающим портам, и реализация этого проекта в Персии казалась многим российским политикам и военным очень перспективным начинанием [12, с.190].

Великобритания стремилась сохранить Персию в качестве буферного государства между Россией и Индией, признав ее независимость [8, с.117]. В 1902 г. в парламенте прошли дебаты по поводу британской политики в Персии. Член палаты Дж. Уолтон подчеркивал необходимость защиты экономических и политических интересов Великобритании в Персии, сохранив ее независимость и целостность, в том числе для возможной защиты Индии [14, p. 574]. В этом плане для него сохранение независимости была Персии более важная задача, чем сохранение независимости Афганистана, так как значительная часть индо-персидской границы проходила по территории, не имевшей естественных преград на пути продвижения российской армии.

Британская пресса также была наполнена сообщениями об агрессивной политике России в Персии и способности только Великобритании остановить это наступление [16, p.11]. Некоторые авторы полагали, что у Лондона отсутствовали реальные механизмы по сдерживанию Санкт-Петербурга, и он непременно и дальше будет наращивать свою мощь в Центральной Азии [13, p.206]. В Лондоне полагали, что в виду особого значения Персии и особенно ее восточной части, посольство Великобритании в Тегеране должно было находится в самом тесном контакте с правительством Британской Индии [18, p.1087].

Россияне постоянно сталкивались с британо-российским противостоянием в Восточной Персии. Великобритания в конце XIX в. проводила политику по ослабления центральной власти в Хорасане, Систане и Белуджистане, преследуя собственную экспансионистские устремления. Для этих целей она подкупала местную знать, периодически поощряя сепаратистские и антиправительственные выступления [3, с.38]. В своих интересах британцы стремились использовать парсов (сторонников зороастризма), в значительной мере, контролировавших торговые операции Восточной Персии. Защищая их на дипломатическом уровне, британцы понимали, что парсы могут стать проводником интересов Британской империи и не только в экономическом плане [1, л.58]. В России скептически относились к данному проекту англичан.

Стороны внимательно следили за действиями друг друга в регионе. Особенно трепетно в Лондоне относились к развитию ситуации в Систане и Белуджистане, непосредственно прикрывавших подходы к Британской Индии [11, с.211]. Действия британцев не раз осложняли деятельность российских экспедиций. Попав в 1901 г. в Систан, Н. А. Зарудный большое внимание уделил политики Великобритании в данном регионе. В сравнении консульств России и Великобритании в провинции чувствовалось доминирующее положение Лондона. Российское консульство находилось на окраине города рядом с кладбищем, месте не самом подходящем для дипломатической деятельности. Кстати с 1899 по 1905 гг. его возглавлял А. Я. Миллер, который пользовался большой популярностью и уважением среди местного населения [5, с.70]. Даже, несмотря на свои небольшие размеры, российское консульство при каждом удобном случае стремилось о себе заявить. Во время нахождения в Систане А.Н. Зарудный посетил консульство, где был утроен пышный праздник в честь тезоименитства Николая II. На ужине он лично познакомился с британским консулом. Фейерверк, устроенный по случаю праздника вызвал большой ажиотаж у местного населения.

Англичане создают целый консульский квартал, получивший название «Тренч-абад». По сути это был отдельный город с больницей и мечетью. Британцы в переписке так и указывали адрес «Систан, Тренч-абад». Н. А. Зарудный в данном моменте видел проявление пренебрежения англичан к суверенитету Персии над Систаном. К нему они фактически относились как части Британской Индии [5, с.58]. Когда европейцы, находившиеся на службе шаха, основали первую таможню в Систане и вывесили на ней персидский флаг, в провинции произошло сильное волнение. Многие ее жители до этого никогда не встречали свой национальный флаг и по сути других атрибутов государственной власти. В появлении та-

можни они видели акт закрепления суверенитета Персии над своей провинцией. Среди британцев данное событие вызвало обратную реакцию, они были озадачены сохранением своего доминирования в Систане, даже идя наперекор мнению Тегерана и его правам на Систан. Н. А. Зарудный наблюдал столкновение персидских и британских интересов, когда консул Великобритании, заявил о недопущении появления новых таможенных пунктах Персии в Систане. Ученый не сомневался в необходимости установления контроля Персии над всей своей границей с Британской Индией и прежде всего с помощью открытия новых таможенных постов, но непременно под контролем европейцев [5, с. 80]. Если их передать в ведение местных чиновников, то они станут рассадником контрабанды и коррупции.

Британцы для закрепления своих позиций в провинции использовали местных мулл, разумеется, небескорыстно, проповедовавших благочестие Британии, ее мощь и богатство, любовь к мусульманам. При этом о России, муллы несли всякую околесицу, чтобы скомпрометировать ее в глазах местного населения. Политика Великобритании в Систане давала определенные результаты. Столкнувшись с одним из вождей племен, Н. А. Зарудный отметил, полную уверенность местного лидера в том, что истинным хозяином Систана являются англичане и русским здесь делать нечего и что русские жадные в сравнении с англичанами [5, с.69].

Однако британская пропаганда не всегда находила понимание у жителей Систана, что объясняется особенностями их менталитета. Большой кортеж британского консула они сравнивали со скромным кортежем российского консула. Данный факт они объясняли тем, что русские в смелости и силе превосходили англичан и им, поэтому не нужны огромные эскорты [5, с.59]. Большие подарки англичан также объяснялись их слабостью и желанием купить расположение систанцев. Русские в этом не нуждались, что вызвало определенное уважение у местных жителей. Россияне признавали расширение влияния Великобритании в Систане. Особенно его настораживала информация о возможном проведении железной дороги из Британской Индии в персидский Систан. Это могло в будущем означать полное поглощение британцами Систана с его присоединением к Британской Индии [5, с.59]. В январе 1901 г. Н. А. Зарудный встретил группу индийских шиитов-паломников из Пешавара. В разговоре с ними ученый обратил внимание на полную уверенность индийцев в скором присоединении большей части персидского Систана к Индии [5, с.89].

Проезжая через главные каналы провинции Н. А. Зарудный обнаружил мосты, построенные англичанами. Местные жители выиграли от их появления, так как они получали удобную транспортную артерию. Однако здесь проявлялся прагматизм англичан. Они, таким образом, улучшали экономические связи Систана с Британской Индией, еще больше укрепляя свои позиции в провинции. Кроме этого в случае политических катаклизмов британские войска могли быстро продвигаться по территории Систана. На территории Восточной Персии располагались британские почтовые станции и другие объекты, которые свидетельствовали об активном проникновении Великобритании в Систан и Белуджистан. Постоянно на территории персидских провинций россияне встречали линии британского телеграфа. Он находился в исправном состоянии, так как местные ханы получали вознаграждение от правительства Великобритании за сохранность телеграфной линии. В порту Чехбехар располагалась крупная телеграфная станция, на ней трудился штат из англичан и индийцев под охраной 30 сипаев.

Н. А. Зарудный объяснял повышенный интерес британцев к систанской пустыни экономическими и демографическими факторами. На его взгляд, по мере увеличения населения Индии, она сталкивалось с необходимостью привлечения новых сельскохозяйственных угодий. Получив часть персидской территории, британцы смогли бы договориться с афганцами о направлении части водных ресурсов страны с помощью созданий ирригационной системы в Систан, рассчитывая на получение хорошего урожая [5, с. 84].

По мнению И. А. Зиновьева, Великобритания предпринимала большие усилия по дестабилизации положения дел в экономике Восточной Персии. Таким образом, преуспевавший в экономическом плане Систан, не без участия Лондона попал в разряд депрессивных [7, с. 41]. Все эти действия Великобритании были направлены на подчинение Систана Британской Индии. В свою очередь британцы использовали тот же аргумент применительно ко всей Восточной Персии. По их мнению, Россия мешала экономическому развитию страны, чтобы держать ее в подчинении. Успех деятельности таможни под управлением европейцев в результате был направлен не на модернизацию народного хозяйства Персии, а на гарантии российских займов [15, p.1333]. Все данные действия России проявлялись в Систане и Белуджистане.

Однако не все действия британцев, направленные на закрепление своего влияния в Восточной Персии имели положительный исход. В Йезде при покровительстве дипломатов Великобритании открывается христианская миссия с целью распространения христианства. В этом также виделся инструмент укрепления влияния Лондона в регионе. Итоги деятельности миссия оказались неудовлетворительными. Мусульмане отказывались менять веру [1, л. 57].

Во время беседы с правителем местности Наскан Мир-Мегди-ханом, не сомневавшемся в скором вхождении персидского Белуджистана в состав Британской Индии, Н. А.Зарудный попытался понять причины симпатий элиты Белуджистана к британцам. Они сводились к следующим положениям:

1) Великобритания установит стабильный и понятный людям политический строй;
2) она даст Белуджистану справедливые и всеми соблюдаемые законы;
3) вхождение в состав Британской Индии сделает местных жителей богатыми [5, с.196].

Многие представители местной элиты, том числе Гуссейн-хан прагматично относились к англичанам. Он, одобряя политику России в Хиве, Бухаре и Туркестане теоретически готов был присягнуть на верность России, но она находилась очень далеко от Белуджистана и не проявляла активной политики в регионе. Не испытывая симпатий к Великобритании, он хотел принять ее покровительство или подданство для противостояния с Каджарами [5, с. 202]. Гуссейн-хан прекрасно понимал, что Лондон не преследует альтруистские намерения в своей политике в Восточной Персии. Таким образом, для многих лидеров белуджев центральное правительство в Тегеране являлось наибольшим злом даже в сравнении с Россией и Великобританией.

Общаясь с лидером восставших белуджей Байрам-ханом, Н. А. Зарудный не мог не обратить внимание на его симпатии к Великобритании и на тот факт, что значительное число восставших имело на вооружении британские винтовки. Возможно, часть из них попала в Персию легальным путем, но нельзя было исключать тот факт, что часть оружия поступило восставшим для ослабления позиций центральной власти в Белуджистане в интересах Лондона.

По мнению П. А. Риттиха, подрывная деятельность Великобритании давала свои результаты в Белуджистане. Проживая в столице провинции – Бампуре, он обратил внимание, что персидские краны практически нигде не принимались, их пришлось срочно поменять на индийские рупии [10, с. 280]. Оказавшись на юге Белуджистана в порту Чехбехар, П. А. Риттих на каждом шагу встречал следы британского присутствия в городе. В нем проживала многочисленная колония индусов из Британской Индии. Как уже отмечалось, в городе действовала Британская телеграфная станция, вся его внешняя торговля шла через Бомбей, местная таможня за 5 тыс. рупий бампурским губернатором сдавалась в аренду индусам, им же передаются в аренду рыбные промыслы в прибрежной зоне [10, с. 304]. Местным рыбакам приходилось выплачивать 10 % улова индийцам. В Чехбехаре Н. А. Зарудный обнаружил, что 30 индийских купцов поставили под свой контроль почти всю торговлю в городе.

Возникало ощущение полной беспомощности Персии перед лицом британской экспансии. Однако, Н. А. Зарудный с этим не соглашался. Когда племена белуджей, получали помощь со стороны вали Кермана, то, многие английские проекты в Белуджистане проваливались [5, с. 94]. Следовательно, союз местных племен и персидской государственности мог стать некоторым препятствием для продвижения Великобритании.

Посещая различные регионы Восточной Персии, поданные России стремились развеять слухи и домыслы об их родине. В оазисе Джалка в Белуджистане Н. А. Зарудный выступил с продолжительной лекцией о России и ее политике на Ближнем Востоке перед многочисленной аудиторией из местных жителей. Все они находились под большим влиянием британской пропаганды, утверждавшей о намерении России захватить весь регион, его ограбить, а местных жителей отдать в солдаты [5, с. 146]. Когда ученый развеял страшные опасения и тревоги то, разговор пошел сразу в другом русле. Жители оазиса интересовались различными сторонами жизни России, включая налоговую систему, состоянием русской армии и личностью императора Николая II. Не знание России приводило к парадоксальным вопросам – «сколько население России платит подать персидскому шаху» и т. д.

Примечательно, что Н. А. Зарудный считал себе представителем великой державы. Поэтому он регулярно сталкивался с серьезным выбором, либо торговаться с местными жителями при покупке товаров, чтобы сберечь скудные средства, либо платить сразу, чтобы поддержать высокий статус поданных России [6, с. 248]. Чрезмерное увлечение экономией средств могло негативно сказаться на имидже Н. А. Зарудного и России в глазах местного населения. О России оно имело отрывочные сведения, многие до знакомства с Н. А. Зарудным и не подозревали о ее существовании. В тоже время не раз жители Восточной Персии жаловались на удаленность России от их региона, рассчитывая на ее помощь в противостоянии с британцами и местными бюрократами. Неслучайно, что они просили заступничества у России за Гуссейн-хана [6, с. 248]. Общаясь с россиянами, местные жители пытались удовлетворить свое любопытство, задавая иной раз, несуразные с точки зрения россиян вопросы, едят ли они ящериц и свинину, как они спят, как люди или иначе, ругали их в детстве родители, почему они отпустили своих детей так далеко и пр. [9, с. 111].

П. А. Риттих отмечал, сложности идентификации русских и англичан населением Белуджистана, так как в их представлении европейцы одевались и выглядели одинаково [10, с. 286]. О русских и России они не имели никакого представления, поэтому они часто их воспринимали за англичан.

Во время путешествия по Керману А. Я. Миллер также сталкивался с пропагандой британцев. Однако жители Хабесского оазиса в основном не сомневались в победе России в войне с Японией. Дипломату постоянно приходилось проводить беседы и опровергать «слухи» о поражении России, а также объяснять, что война не ослабит присутствие России в Восточной Персии [1, л. 38 – 28 об.]. В Кермане формой борьбы британцев с ростом популярности России становится открытие медицинских пунктов, где местные жители получали бесплатную помощь. Поэтому многие россияне также призывали Санкт-Петербург использовать данный вид деятельности для борьбы с Великобританией [1, л. 59].

Появление российского консульства в Кермане вызвало одобрение среди элиты местного общества, включая известных представителей духовенства, крупных землевладельцев и купцов. В беседе с нашими дипломатами они подчеркивали два важных обстоятельства в данном событии. Во-первых, в Кермане рассчитывали на развитие торговых отношений с Россией. Во-вторых, в этом факте керманцы видели противовес распространению гегемонии Великобритании в провинции [2, л. 6].

В начале XX в. антироссийская деятельность британцев в Восточной Персии значительно активизировалась. Проезжая по территории Систана и Белуджистана в 1900–1901 гг. Н. А. Зарудный столкнулся с открытыми проявлениями враждебности со стороны некоторой части местного населения и афганцев, находившихся на службе у англичан. Такие проблемы экспедиция испытывала и раньше, но в этот раз они приобретали регулярный характер. Н. А. Зарудному приходилось постоянно сталкиваться с запретами на продвижение к тому или иному населенному пункту или использовать колодцы. Каждый раз русская экспедиция слышала о приказе британского генерального консула в Систане, создававшем трудности для ее деятельности [5, с. 85]. Находясь в оазисе Джалка, экспедиция планировала дальнейший маршрут на восток страны. Однако хороший знакомый Н. А. Зарудного по прошлым экспедициям, один из местных ханов, обратился с письмом, в котором сообщалось, что он не сможет пропустить на его земли русских, ибо в противном случае англичане прекратят выплачивать ему денежное содержание [5, с. 145].

Правда, особенности местного менталитета накладывали отпечаток и на исполнение жителями Систана и Белуджистана британских запретов. В ряде случаев, несмотря на ограничения, русским экспедициям удавалось приобретать продукты, но за большую оплату. В некоторых случаях, они дарили подарки местным властителям, и они снимали все запреты на деятельность экспедиции.

П. А. Риттих отмечал стремление британцев использовать любой повод для разжигания антироссийских настроений в Восточной Персии. Когда 1899 г. рухнули надежды Лондона на предоставление шахскому правительству кредита в виду победы в этом деле России, англичане распространяют в городах слухи о том, что Россия взяла кредит у британских банков и передает его Персии на невыгодных условиях. Однако эти инсинуации не имели большого отклика, за исключением Йезда, где произошли беспорядки, вызванные этими слухами [10, с. 54–55]. В тоже время, по мнению россиян, используя тактику заказных убийств своих противников в Персии, британцы никогда не прибегали к таким действиям по отношению к европейцам, в том числе русским [10, с. 306].

Во время посещения Систана и Белуджистана Н. А. Зарудный и другие россияне встречали примеры доброжелательного отношения англичан к русским. Их удивлял факт захоронения на территории Британской телеграфной станции в Чехбехаре умершего в экспедиции П. А. Риттиха топографа П. И. Ильина, его могилу англичане поддерживали в хорошем состоянии. Этот, казалось маловажный факт, сразу среди членов экспедиции Н. А. Зарудного вызвал положительные эмоции на фоне предыдущего отрицательного опыта общения с британцами.

Руководитель телеграфной станции британский майор Н. Вильсон оказал радушный прием членам экспедиции, его чувство такта и открытость характера вызвали ответную реакцию со стороны россиян [5, с. 251]. К довершению всему он помог экспедиции приобрести припасы для дальнейшего путешествия по довольно низким ценам. При прощании с экспедицией Н. Вильсон подарил Н. А. Зарудному корзину с картофелем, который в Персии являлся большой редкостью.

Следует отметить, что такое же положительное впечатление Н. Вильсон оказал и на П. А. Риттиха, когда его экспедиция, изможденная пересечением пустынь Белуджистана оказалась в порту, то она встретила хороший прием и поддержку со стороны служащих Британской телеграфной станции. Они помогли похоронить П. И. Ильина и, несмотря на протесты россиян, не хотевших стеснять британцев, поселили их у себя [10, с.305].

Одновременно П. А. Риттих, констатируя коварство и беспринципность политики англичан, признавал, насколько они тактичны в личном общении, как это подобает настоящим джентльменам [10, с. 306]. Правда англичанам не нравилось, что русские собирают различные сведения, находясь в городе. Поэтому через два дня, когда они поправились после перехода через Белуджистан, англичане оказали полное содействие в организации их отъезда в Маскат, стремясь поскорее избавиться от русских.

В России полагали, что Великобритания совершала в Персии, в том числе в Систане и Белуджистане постоянно одну ошибку. Большинство чиновников, работавших в Персии, до этого находилось на службе в Индии, где существовала кастовая система и четкая иерархия общества. Британцы быстро получили статус высшей касты, успешно управляя индийцами. Высокомерие и пренебрежение к местному населения, абсолютно не подходили для Персии [1, л. 58 об.]. Эти качества мешали британцам наладить диалог с персами. Поэтому в местах, где отмечались регулярные контакты жителей Восточной Персии с англичанами, в наибольшей степени получали распространение антибританские настроения. В Лондоне смотрели на этот вопрос иначе. Британцы полагали, что индийцы, тем более, мусульмане, хорошо знали этот регион [15, p. 1336]. Поэтому большинство дипломатических и коммерческих агентов Великобритании в Восточной Персии являлись индийцами. Выходцы из британских островов проходили отбор, чтобы получить необходимую квалификацию для работы в Персии.

Великобритания также постоянно подозревала Россию в проведении «подрывной» работы против британцев в Систане и Белуджистане. Россия стремилась нарушить потоки британских товаров в этих регионы, используя самые различные способы, в том числе применяя неравноправные договоры, навязанные Тегерану. В результате товары из Британской империи значительно дорожали, несмотря на близость Систана и Белуджистана к Британской Индии. Такая участь постигла индийский чай, поэтому его значительную часть пришлось реэкспортировать через Россию. Важным инструментом борьбы с Великобританией в Систана и Белуджистане становятся бесконечные карантинные посты, устанавливаемые между Индией и Восточной Персией, полностью закрывавшие границу [15, p. 1332].

Таким образом, Систан и Белуджистан, непосредственно граничившие с Британской Индией становятся объектом пристально внимания со стороны Великобритании и России, так как в случае начала большой войны в Центральной Азии между ними данные провинции могли стать театром боевых действий. Обе стороны стремились расширить свои знания о данных регионах и укипеть в них свои геополитические позиции. Объектом их пристального внимания становятся правящие элиты и широкие слои населения Систана и Белуджистана. Россия и Великобритания стремились использовать различный инструментарий, чтобы скомпрометировать друг друга в глазах местного населения. Великобритании имела некоторое преимущество перед Россией, поскольку Британская Индия непосредственно граничила с Восточной Персией. С другой стороны, у России имелись свои сильные стороны. Жители провинций сформировали устойчивый образ британцев, который не всегда выглядел респектабельно, с россиянами они устанавливали первые контакты, и Россия могла учесть ошибки британцев. В 1907 г. Россия признала особые права Великобритании в Систане и Белуджистане, что привело к прекращению их противостоянию в данных регионах Персии.

Список источников и литературы

1. АВПРИ. Ф. 344. Консульство в Кермане. Оп. 612. Д. 10.
2. АВПРИ. Ф. 344. Консульство в Кермане. Оп. 612. Д. 239.
3. Алиев С. М. История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН, 2004. 648 с.
4. Дарабади П. Геополитическое соперничество на Кавказе в начале XX века (геоисторический очерк) // Кавказ и глобализация. 2006. Т. 1. С.195–208.
5. Зарудный Н. А. Третья экспедиция по Восточной Персии (Хоросан, Сеистан и Персидский Белуджистан): 1900–1901 гг. Пг.: Типография М.М.Стасюевича, 1916. 488 с.
6. Зарудный Н. А. Экскурсия по Восточной Персии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. 362 с.
7. Зиновьев И. А. Россия, Англия и Персия: С прил. карты Персии. СПб.: Тип-я А.С. Суворина, 1912. – 176 с.
8. Медведик И. С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №6. С. 115–122.
9. Никольский А. М. О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1886. 57 с.
10. Риттих П. А. Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан. Ч.1- 2. Ч.1. СПб.: Военная типография, 1901. 543 с.
11. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
12. Шевель А. А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905-1911 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №2. С. 190–195.
13. Arnold-Forster H. O. Our True Foreign Policy // The Nineteenth Century. 1896. Vol. 39.
14. British interests in Persia // Hansard. Vol. 101. 22.01.1902.
15. Great Britain and Persian Gulf // Hansard. Vol. 121. 5.05.1903.
16. Griffin L. Russia, Persia and England // The Nineteenth Century. 1896. Vol. 40.
17. Olson J. Anglo-Iranian Relations During World War I. London: Frank Cass, 1984. – 305 p.
18. Resolution // Hansard. Vol. 212. 12.07.1872.

References

1. Archive of Foreing Archive of Russian Empire (AVPRI). F. 344. Konsul'stvo v Kermane. Inv. 612. D. 10. (In Russian).
2. AVPRI. F. 344. Konsul'stvo v Kermane. Inv. 612. D. 239. (In Russian).
3. Aliev S. M. Istoriya Irana. XX vek (History of Iran. XX century). Moscow: IWH of RAS publ., 2004. 648 s. (In Russian).
4. Darabadi P. Geopoliticheskoe sopernichestvo na Kavkaze v nachale KhKh veka (geoistoricheskiy ocherk) (Geopolitics rivalry on Caucasus at the beginning of XX (geohistorical essay) // Kavkaz i globalizatsiya. 2006. T. 1. S.195–208. (In Russian).
5. Zarudnyy N. A. Tret'ya ekspeditsiya po Vostochnoy Persii (Khorosan, Seistan i Persidskiy Beludzhistan): 1900–1901 gg. (The third expedition on the Eastern Persia (Khorosan, Seistan and Persian Balochistan): 1900–1901). Petrograd: M. M.Stasyuevich's printing house publ., 1916. 488 s. (In Russian).
6. Zarudnyy N. A. Ekskursiya po Vostochnoy Persii (The excursion in the Easctern Persia). St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences publ., 1901. 362 p. (In Russian).
7. Zinov'ev I. A. Rossiya, Angliya i Persiya (Russia, England and Persia). St. Petersburg: A.S. Suvorin's printing house publ., 1912. 176 p. (In Russian).
8. Medvedik I. S. Britanskie diplomaty v Tegerane: vzglyad na anglo-rossiyskiy konflikt v Persii v kontse XIX – nachale XX vv. (British diplomats in Tehran: a look at the Anglo-Russian conflict in Persia in the late XIXth – early XXth centuries) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No. 6. P. 115–122. (In Russian).
9. Nikol'skiy A. M. O poezdke v severo-vostochnuyu Persiyu i Zakaspiyskuyu oblast' (About a trip to northeastern Persia and the Transcaspian region). St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences publ., 1886. 57 ps. (In Russian).
10. Rittikh P. A. Otchet o poezdke v Persiyu i persidskiy Beludzhistan (Report about the journey to Persia and Persian Balochistan). Parts.1–2. Part.1. St. Petersburg: Military Printing House publ., 1901. 543 p. (In Russian).
11. Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856-1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii (The big game, 1856–1907: myths and realities Russian-British Relations in Central and East Asia). Moscow: Association of Scientific Publications KMK, 2012. 454 p. (In Russian).
12. Shevel' A. A. Anglo-russkoe sotrudnichestvo i sopernichestvo v Persii v 1905–1911 gg. (Anglo-Russian cooperation and rivalry in Persia in 1905 – 1911) // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 2. P. 190–195. (In Russian).
13. Arnold-Forster H. O. Our True Foreign Policy // The Nineteenth Century. 1896. Vol. 39.
14. British interests in Persia // Hansard. Vol. 101. 22.01.1902.
15. Great Britain and Persian Gulf // Hansard. Vol. 121. 5.05.1903.
16. Griffin L Russia, Persia and England // The Nineteenth Century. 1896. Vol. 40.
17. Olson J. Anglo-Iranian Relations During World War I. London: Frank Cass, 1984. – 305 p.
18. Resolution // Hansard. Vol. 212. 12.07.1872.

Сведения об авторе

Наумова Наталья Александровна – соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: pragpu@mail.ru

Information about the author

Naumova Natalia A. – degree applicant, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, the Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol); e-mail: pragpu@mail.ru

CC BY

УДК 94(47) 081/083:37.018

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.8

Т. Е. Покотилова
Е. Ю. Оборский

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья выполнена с целью расширения научных представлений об истории взаимосвязи и взаимовлияния процесса формирования российской системы женского образования с развитием гражданской активности в стране. Исследование показало, что история развития женского образования в дореволюционной России в решающей мере связана с активной деятельностью в этом направлении общества в лице как отдельных, наиболее заметных и эффективных его представителей, так и объединенных в рамках неполитических, прежде всего, благотворительных, организаций. Тон в становлении определенной системы женского образования задала власть в лице, прежде всего, Екатерины II и такие члены правящего дома, как императрицы Мария Федоровна и Мария Александровна. Но, в условиях очевидной неспособности власти к обеспечению организации и развития полнокровной системы образования в стране, женское образование становится объектом приложения сил зарождающейся в Российской империи общественности. Прочность традиций благотворения в отечественной культуре, связанная в том числе с принятием и официальным поощрением властью благотворительного поведения граждан, привела к ощутимому погружению многих представителей имущих и образованных слоев населения в социальное попечение о создании и развитии системы женского образования. При этом постоянно растущая позитивная динамика процесса определялась во многом и очевидно малым кругом иных легитимных возможностей для самореализации людей с активной жизненной позицией, добровольно объединявшихся для совместных действий с благотворительными целями. Важно, что одним из значимых действующих субъектов процесса выступали сами женщины. Таким образом страна получала весомую помощь в решении проблемы приобщения к образованию все большего количества девочек – будущих воспитателей новых поколений россиян всех сословий и потенциальных участниц социально-экономических отношений. И, в то же время, описанными выше действиями социально активная часть населения России участвовала в создании системы горизонтальных связей и отношений как основы ее гражданского общества.

Ключевые слова: общество, власть, женское образование, Российская империя.

Для цитирования: Покотилова Т. Е., Оборский Е. Ю. Личность, общество и власть в развитии женского образования в Российской империи // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 72–80. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.8

Tatiana E. Pokotilova
Evgenii Yu. Oborsky

THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND POWER IN THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article expands the scientific understanding of the history of the relationship and mutual influence of the formation process of the Russian system of women's education with the development of civic engagement in the country. The study showed that the history of the development of women's education in pre-revolutionary Russia is crucially connected with the active engagement of society in this direction in the person of both individual, most prominent and effective representatives of it, and united within the framework of non-political, primarily charitable, organizations. The tone in the formation of a certain system of women's education was set by the authorities represented by, first of all, Catherine II and such members of the ruling house as Empresses Maria Feodorovna and Maria Alexandrovna. But, in the conditions of the obvious inability of the authorities to ensure the organization and development of a full-blooded education system in the country, women's education becomes an object of application of the emerging public forces in the Russian Empire. The strength of the traditions of charity in the national culture, including the acceptance and official encouragement by the authorities of the charitable behavior of citizens, has led to a tangible immersion of many representatives of the propertied and educated segments of the population in social care for the creation and development of a women's education system. At the same time, the constantly growing positive dynamics of the process was determined in many ways and obviously by a small number of other legitimate opportunities for self-realization of people with an active lifestyle who voluntarily united for joint actions with charitable purposes. It is important that women themselves were one of the significant factors in the process. Thus, the country received powerful assistance in solving the problem of introducing more and more girls to education – future educators of new generations of Russians of all classes and potential participants in socio-economic relations. And, at the same time, by the actions described above, the socially active part of the Russian population participated in the creation of a system of horizontal ties and relations as the basis of its civil society.

Key words: society, government, women's education, Russian Empire.

For citation: Pokotilova T., Oborsky E. The individual, society and power in the development of women's education in the Russian Empire // Humanities and law research. 2020. V. 9 (1). P. 72–80. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.8

История становления и развития системы женского образования в дореволюционной России уже становилась предметом исследования как в целом, так и в отдельных ее аспектах, в отечественной (дореволюционной [3; 10; 11; 13; 15; 19 и др.] и современной [2; 5; 7; 8; 18; 22; 23; 25; 33; 34; 38 и др.]) и, редко, – в зарубежной [40; 41] исторической науке. При этом до сих пор практически малоисследованной остается проблема взаимосвязи и ее конкретно-исторических проявлений генезиса и эволюции женского образования в императорской России с рождением и укреплением общественной инициативы в стране с автократическими традициями.

Избрав целью статьи расширение научных представлений об истории взаимосвязи и взаимовлияния процесса формирования отечественной системы женского образования с развитием гражданской активности в стране, авторы полагают необходимым обратиться к анализу исторических фактов из сферы предметного легитимного участия в этом процессе ряда отдельных личностей и благотворительных общественных структур.

Даже на рубеже XIX–XX вв. россиянка Волкова Анна Ивановна в своих дневниках сетовала на то, что современная ей Россия страдает «бедностью образования и бедностью образовательных средств», а «общество прекрасно осознает, что образование в России слишком незначительно сравнительно с другими европейскими государствами» [6, с. 160]. Хотя очевидно, что эти зрелые и грамотно сформулированные рассуждения принадлежат женщине, личность которой сформировалась далеко не без приобретенных ею в рамках той или иной образовательной структуры систематических знаний.

История отечественного женского образования берет свое начало еще в Древней Руси: в 1086 г. княжна Анна Всеволодовна организует в Андреевском женском монастыре училище и сама учит в нем чтению, письму, пению и рукоделию [1, с. 3]. В середине XII в. «такое же училище основала дочь полоцкого князя Георгия Всеславовича Ефросиния. Открыв свой монастырь, она собрала вокруг себя сестер, родственниц и знакомых и стала учить их грамоте, рукоделию, а также воздержанию, терпению, благочестию, смирению, кротости, послушанию и проч.» [1, с. 4]. Но подобные случаи были исключением, несмотря на постепенное, после введения христианства, распространение обучения грамоте в стране: «… учили и русские священники по разным городам, основывая училища при церквах; а затем начали учить и светские лица, избравшие обучение грамоте ремеслом …» [1, с. 4]. Установившийся с принятием православия византийский взгляд на женщину как на источник греха вкупе с монголо-татарским нашествием в XII в. ухудшили положение женщин в древнерусском обществе. Даже в аристократических семействах «…прежнее затворничество русских женщин обратилось, со времени татарского владычества, в совершенную неволю. …Азиатские вкусы, долго господствовавшие в России, более знакомой с Востоком, чем с Западом, поддерживали до самого XVII в. теремный обычай барских домов. Власть отца над дочерью и мужа над женой была почти неограниченна. …Грамотницы, встречавшиеся между ними как исключения весьма редкие, читали священные книги и переписывали их для вкладов по церквям. Отцам никогда не приходило, да по понятиям и требованиям того времени и не могло прийти в голову, – позаботиться о каком-нибудь умственном развитии дочерей, состоявших в полном ведении мамы» [37, с. 58–59] .

Конечно, история средневековой Руси знает такие имена достаточно образованных женщин, как Василиса, жена князя Андрея Константиновича Нижегородского (XIV в.); дочь Ивана III Елена Ивановна, княгиня Литовская (XV в.); Ксения Борисовна Годунова (XVI – началоXVII вв.). Русские царевны в XVII в. учили букварь, читали Часослов, Псалтырь, Евангелие. Царевна Софья, первая из русских женщин, правившая страной в качестве регентши, увлекалась литературой, умела читать на польском языке, перевела на русский язык одну из комедий Мольера; сестра Петра Великого Наталья Алексеевна знала несколько иностранных языков и сочиняла комедии. Но очевидно, что образованность их была, прежде всего, результатом наличия у них личной мотивации, а также желания и возможностей у их отцов. Алексей Михайлович, к примеру, находясь у власти, пригласил в качестве учителя для своих детей уже достаточно известного в западном мире Симеона Полоцкого (Петра Ситнияновича).

Петр Первый, понимавший, что успешность задуманных им в стране реформ напрямую зависит от наличия грамотных людей, известен как государь, озаботившийся созданием системы образования, которая содержала бы в себе все основные элементы: низшие и средние школы, и даже высшую. Женщинам в них места пока не находилось, но все иные петровские преобразования, в той или иной мере, вовлекали женщину в общественные процессы и, пусть медленно, но постепенно выводили ее из-под оков традиционных и очень мощных ограничений. При этом обучение на дому для девочек из знатных семей становится постепенно нормой. Современницы Петра из аристократических семей, «начав учение с букваря, переходили затем к письму, потом изучали грамматику российскую с руководством к грамматике славянской, арифметику, историю, географию, языки немецкий и французский, обучались еще танцам и музыке, именно игре на лютне, клавесине, читали книги беллетрического и нравственного содержания» [1, 7–8]. Частные

же пансионы, открывшиеся в небольшом количестве во времена Елизаветы Петровны, к сожалению, не отвечали, ни по уровню профессионализма и нравственности учителей (французов и француженок), ни по набору учебных дисциплин, сути образовательных заведений.

Личностью, в полной мере отвечающей представлениям об инициаторе и активном практике-новаторе в деле становления адекватной времени системы образования русской женщины, стала Екатерина II. Знакомая с лучшими западными теориями воспитания и обучения, она «…ввела женское воспитание и образование в общую систему в России, целью которого было доставить счастье каждой отдельной личности и поднять таким образом нравственное и материальное благосостояние России» [1, 16]. Вместе с Иваном Ивановичем Бецким, европейски образованным и увлеченным идеями французских просветителей о создании новой породы людей, они разрабатывают проекты соединения возникшей еще при Петре I тенденции к организации обучения, прежде всего, с образовательными целями со стремлением подчинить обучение и целям улучшения нравственности. Быстрейшему и эффективному достижению искомых целей способствовало бы, с точки зрения Бецкого, создание т.н. воспитательных училищ. Воспитанники этих училищ в возрасте от 5–6 до 18–20 лет должны были находиться в них постоянно, практически без всякой связи с родными, с тем, чтобы как можно успешнее вселить в них «…страх Божий, укоренить основательные и приличные знанию правила, развить похвальные навыки – правдолюбие, сострадание к бедным, приучить к опрятности и чистоте, чтобы воспитанные таким образом молодые люди были не только полезными членами общества, но служили ему украшением» [1, 17] .

Данный алгоритм был положен в основу развернувшихся с мая 1764 г. событий, когда своим указом Екатерина II объявила о создании закрытого женского учебного заведения – Смольного института благородных девиц [14, 179], получившего в качестве первоначального название «Воспитательное Общество». Созданный вначале как закрытое привилегированное учебное заведение для дворянских дочерей, институт имел 4 класса на 200 девиц, курс каждого из которых длился три года. В первом классе изучались Закон Божий, русский и иностранные языки, арифметика; ученицы занимались рисованием, танцами, музыкой и рукоделием. Во втором классе к указанным предметам добавлялись история и география, в третьем – изучение «словесных наук», к которым относили чтение исторических и нравоучительных книг, архитектура и геральдика. В четвертом классе требовалось «1) совершенное знание закона; 2) сообщались все правила доброго воспитания и благонравия, светского обхождения и учтивости; 3) полагалось повторение всего прежнего, в чем окажутся пробелы и 4) постепенное изучение всех частей экономии» [1, 19]. Учителями и надзирательницами в первое время работали иностранки, потому что подобных кадров в России просто еще не было. В 1765 г. при институте было открыто и отделение «для мещанских девиц» (недворянских сословий) на 240 девушек. При этом упомянутая выше А. И. Волкова в своем ретроспективном взгляде на историю становления женского образования в России настаивает на мысли о том, что достаточно долго подобные женские заведения «… не были образовательными учреждениями. Это были учреждения воспитательные. Недаром в институтах благородных девиц были такие «дисциплины», как благонравие, прилежание и послушание, за которые даже выставлялись баллы. Осанка, манеры, рисование, изящное рукоделие, французский язык, – все, кроме подлинного образования, которое сводилось к весьма ограниченному чтению и столь же ограниченному зазубриванию расхожих исторических фактов. … Обучение наукам для дамы было чем-то вроде пуколек в прическе, рюшек и бантиков на пеньюаре или пышного руло на бальном платье. Оно должно было украшать женщину, а не портить ее» [6, 10] .

Но особенное внимание, проявленное Екатериной Великой как государыней и личностью к вопросу создания предпосылок для социализации женщин в России, вызвало соответствующую реакцию в общественных кругах. Постепенно женское образование, в условиях очевидной неготовности власти к обеспечению организации и развития полнокровной системы образования в стране, становится объектом приложения сил зарождающейся в Российской империи общественности. Власть в стране с многовековыми традициями в благотворении многими предыдущими законодательными актами и официальными действиями приветствовала гражданскую активность в благотворительной сфере, это коснулось в полной мере и образования. А в 1816 г. постановлением «О порядке наград благотворителям», изданным в дополнение к 48-ой статье «Предварительных правил народного просвещения», власть прямо призывает к пожертвованиям «благомыслящих особ в пользу народного просвещения» [26, с. 68]. Более того, 8 декабря 1828 г. принимается новый Устав гимназий и училищ, уездных и приходских [28, ст. 200–257], одна из глав которого, - «О благотворителях учебных заведений», декларирует, что правительство «не оставляет без внимания» тех, кто содействует «благосостоянию учебных заведений…» [28, ст. 253]. Уточнялись и формы ожидаемого содействия: предоставление зданий под учебные заведения; дарение учебных пособий; формирование

библиотек и тематических учебных кабинетов; пожертвование «денежных капиталов» или доходов от них на нужды учебных заведений или на содержание воспитанников и др.

Сложившиеся в стране традиции благотворения и ранее распространялись на попечение о развитии образования, но масштабность проблемы становления, по-существу, целого направления в образовании в соответствии с требованиями времени и не обеспеченного, при этом, необходимыми затратами со стороны государства, требовала объединения усилий заинтересованных граждан. При этом, вплоть до начала XX в. страна не имела закона о создании и деятельности общественных организаций. Хотя, требования Устава благочиния [20, №15379], которым надзор за созданием и деятельностью добровольных объединений граждан в стране с монархическим типом правления поручался полиции, все-таки позволяли заинтересованным лицам на протяжении всего XIX в. «законом утвержденным» благотворительным обществам под охраной и наблюдением полиции реализовывать заложенные в Уставах организаций «частно-правового» характера цели и задачи.

Примером разворачивавшейся в стране организованной общественной активности по развитию системы женского образования может служить деятельность Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры. Открыто оно было в 1848 г. с целью создания в г. Ставрополе первого женского учебного заведения для бедных девиц – жителей Ставропольской губернии. Инициатором такого объединения усилий неравнодушных женщин губернии стала Елизавета Ксаверьевна Воронцова, жена Наместника Кавказского [4, с. 76]. И к середине октября 1849 г. женское училище с 6-летним курсом обучения начало свою работу. Первыми его ученицами стали 40 девочек, обучавшиеся, в основном, на средства Общества [30, с. 49]. По прошествии пяти лет женское учебное заведение Святой Александры имело необходимое имущество, капитал в 15 749 рублей, а также свою больницу и церковь. Из 100 его воспитанниц 48 содержались на средства женского благотворительного общества, 21 были «своекоштными», 17 находились на содержании линейного казачьего войска, «от граждан г. Ставрополя – 9; от самого заведения – 2; полупансионерок – 2; на счет воспитанниц заведения – 1» [4, с. 87]. Бентковский И.В., заинтересованно наблюдавший за деятельностью Общества и его детища, отмечал, «…что заведение Св. Александры в 1859 году содержалось из сумм, поступивших из следующих источников: 1) от благотворителей, от линейного казачьего войска, от общества города Ставрополя и от родителей на содержание детей – 6871 руб. 13 коп.; 2) единовременных пожертвований – 1461 руб. 3 коп.; 3) от лотереи – 1.190 руб.; 4) деньгами, внесенными членами женского благотворительного общества Св. Александры – 610 руб.; всего – 10.132 руб. 16 коп.» [4, с. 87–89]. К 1862 г. училище имело собственное здание, подаренное одним из самых активных в городском образовании благотворителем коллежским регистратором Павловым Л. Е. [24, с. 350] .

Утвержденное императором 30 мая 1858 г. Положение о женских училищах ведомства Министерства Народного Просвещения [26, с. 373] подвело законодательную основу под дальнейшее развитие системы женского образования в стране в рамках широкой дискуссии по т.н. женскому вопросу. Теперь женские училища открывались по двум разрядам: шести- и трехгодичные. Для каждого разряда были определены учебные программы. При этом, в условиях, когда «…состояние женского образования оставалось вопиющим. Крестьянки, составляющие абсолютное большинство женского населения России, были почти поголовно неграмотными, да и «просвещение» женщин других сословий не могло удовлетворять скромные потребности…» [39, с. 344] Положением содержание женских училищ по-прежнему не вменялось в обязанности государства. Благотворительные организации и частные лица оставались главными в материальном попечении о женском образовании в стране.

Соответственно, если обратиться к конкретной ситуации в той же Ставропольской губернии, то вполне можно смоделировать дальнейший прогресс в развитии среднего женского образования в силу возможностей и амбиций представителей купечества, дворянства и городской интеллигенции, с одной стороны, заинтересованных в современном развитии своих дочерей, с другой – в лице многих из них – активно участвующих в общественно-благотворительном движении. Как и спрогнозировать низкий процент девочек из числа большинства бедных городских и крестьянских семей, получающих образование, в силу бедности и немотивированности их родителей.

Действительно, уже в декабре 1860 г. по инициативе горожан начинает работу ставропольское женское училище 2-го разряда, к 1872 г. получившее статус Ольгинской женской гимназии [32, с. 148]. Которая, в свою очередь, стала на тот момент самой крупной из 8-ми женских «среднеучебных» заведений Кавказского учебного округа по количеству «основных и параллельных» классов – 15. Создавалось это учебное заведение на личные пожертвования состоятельных горожан, деньги дворянского собрания, средства с благотворительных мероприятий, проводимых силами мужской гимназии, и средства, выделенные Ставропольским приказом общественного призрения. Ставропольское женское благотворительное общество Св. Александры взяло на себя обязательства по содержанию пансиона при Ольгинской женской гимназии. Как следует из отчета Попечителя Кавказского учебного округа, в 1878 г. из 663

учениц гимназии 220 были пансионерками, находившимися на полном попечении Общества [16, с. 57]. При этом названное общество не переставало содержать гимназию Святой Александры, у истоков создания которой оно стояло. К концу XIX в. на семиклассное учебное заведение с 300 ученицами члены Общества расходовали около 40 000 рублей ежегодно, нарастив капитал до 125 000 рублей [29, с. 324].

Статистика по стране за 1892 г. свидетельствует, что по-прежнему «главным источником содержания гимназий (женских) … были суммы, поступающие из сбора за учение, затем поступления от обществ» [12, с. 269]. Конечно, в этой ситуации очень многое в обеспечении полноценной деятельности таких учебных заведений зависело от эффективности Обществ в привлечении средств, пополнении своей членской базы за счет нацеленных на результат личностей, умении руководителей и членов Правлений этих благотворительных организаций привлекать к сотрудничеству неравнодушных частных лиц.

Число энтузиастов, посвящавших значительную часть своей повседневности попечению о развитии женского образования, в разных его формах, в России росло постоянно. Примером для них служили планомерные действия в этой сфере отдельных представителей императорской фамилии и, прежде всего, – императриц Марии Федоровны и Марии Александровны. В честь последней была названа целая сеть женских – Марьинских – училищ, открытых и формально всесословных, переименованных в 1862 г. в гимназии [39, с. 348]. Именно их становлению и деятельности, к примеру, посвятил полвека своей жизни Петр Георгиевич Ольденбургский, которому за его заслуги в сфере женского образования, единственному в России, поставлен памятник. Так были оценены его действия не только как эффективного практика, но и как идеолога в сфере попечения о развитии женского образования в стране. Написанное им «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений» [35, с. 253–256] – подробный труд с конкретизацией и развитием мыслей его предшественника Бецкого И. И. по поводу обязательности и желательного содержания образования женщин в России.

Невозможно переоценить и деятельность на местах официально одобренных государством Почетных попечителей учебных заведений. К примеру, в губернском Ставрополе навсегда в историю женского образования вписаны имена уже упоминавшегося выше Почетного попечителя училища Святой Александры Л. Е. Павлова и Почетного попечителя Ольгинской женской гимназии В. А. Русецкого. Каждый из них, во-первых, был активным частным благотворителем, постоянно жертвовавшим крупные суммы в пользу учебных заведений и отдельных воспитанниц, даривших помещения для учебного процесса, размещения библиотеки и даже для проведения религиозных отправлений и т. д. Во-вторых, своим авторитетными действиями в благотворении и в соответствии с их статусом почетных попечителей они вовлекали в орбиту попечения о женском образовании многих неравнодушных горожан.

Именно деятельность предшественников и реально ощутимые результаты вдохновляли тех, кто вливался в ряды множившихся в числе с 1880-х гг. в стране и регионе благотворительных общественных объединений, нацеленных на оказание помощи отдельным учебным заведениям и их учащимся. Общество вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских женских гимназий Ольгинской и Святой Александры, Общество вспомоществования недостаточным ученицам ставропольской третьей женской гимназии, как и многие подобные организации в стране, сосредоточили основную часть своей деятельности на помощи девочкам из бедных семей в получении среднего образования.

Последняя четверть XIX в. – это время обращения многих людей с активной гражданской позицией к попечению о масштабном продвижении просвещения и начального образования в среде низших слоев населения. История деятельности Ставропольского на Кавказе Общества содействия воспитанию и защиты детей, созданного в 1898 году [36, с.1], – это иллюстрация комплексного подхода подобных благотворительных организаций к достижению названной цели. Председатель Общества Г. Н. Прозрителев вырос в семье активных благотворителей [17, с.894] и получил ранее серьезные навыки общественно-попечительской работы в ряде благотворительных обществ. Он инициировал и реализовал с партнерами по Ставропольскому на Кавказе Обществу содействия воспитанию и защиты детей такую модель заботы о детях из бедных семей, в рамках которой гармонично сочетались адекватные потребностям опекаемых, но, в то же время, современные, формы и виды их развития. Среди направлений работы, избранных в связи с этим, – организация получения как минимум начального образования воспитанниками детского приюта Общества, в т. числе и девочками. Образование это они получали за счет Общества в образцовой школе при Епархиальном училище, Софийской школе комитета грамотности, в приходском училище. Более того, – самые способные из учащихся поддерживались Обществом в дальнейшем: они, по желанию, продолжали обучение на деньги Общества в гимназиях. Средства на это, как и на реализацию других, не менее значимых проектов в деятельности Общества, складывались как из членских взносов и целевых пожертвований со стороны частных благотворителей, так и доходов

от проводившихся членами Общества различных мероприятий благотворительного характера: лотерей, спектаклей, концертов, балов, гуляний и др. Что требовало от членов Правления и от рядовых членов Общества напряженной повседневной практической работы, а также умения и желания коммуницировать в этом направлении с представителями различных слоев городского общества.

Постепенно к несоизмеримо более активной организованной попечительской деятельности в образовании приобщаются и представители сельской общественности – растущей в числе сельской интеллигенции. К примеру, Песчанокопское общество попечения о детях, возникшее в начале XX в. и работавшее в Ставропольской губернии до смены эпох, в обязательных статьях своих расходов числило оказание финансовой помощи Песчанокопскому высшему начальному училищу. А училище это в 1915 г. обучало 80 детей обоего пола из десяти близлежащих сел [9, с. 3]. Характерно, что сельские благотворительные общества, с момента создания Ставропольского губернского земства в 1913 г., в вопросах оказания помощи населению в получении образования находятся с последним в постоянном контакте: идет ли речь о содержании образовательного процесса в опекаемых образовательных учреждениях, либо оказании им дополнительной финансовой помощи со стороны земства. При этом тон здесь задавало Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе, насчитывавшее к моменту создания Ставропольского губернского земства 35 лет [31] активной работы по созданию и организации работы народных училищ и воскресных школ, привлечению населения к пожертвованиям в связи с этим. В подшефных учебных заведениях Общества обучались дети обоего пола и разных национальностей. Как и в составе Общества на всем протяжении его истории значились в качестве его действительных членов представители разных сословий и национальностей.

С изданием 4 марта 1906 г. именного высочайшего указа Правительствующему сенату «О Временных правилах об обществах и союзах» [21, № 27479], ставших «первым и единственным в дореволюционной России правовым актом, определившим основы функционирования общественных организаций» [27, с. 209], в регионах с многонациональным составом населения стало значительно прирастать число национальных и иноконфессиональных обществ, в уставах большинства которых, среди прочих, декларировалась цель по оказанию помощи соплеменникам либо единоверцам в получении образования. В Ставропольской губернии самыми заметными в этом из них стали Общество вспомоществования недостаточным учащимся и бедным армянам в губернском г. Ставрополе и Римско-католическое общество пособия бедным в г. Ставрополе. Усилиями учредителей и активных действительных членов этих общественных благотворительных организаций поддерживалась работа армянских школ и единственной в регионе римско-католической школы соответственно. Более того, подавляющее представительство женщин-армянок (Н. К. Казарова, П. К. Анпеткова, Н. Н. Муратова и др.) в числе как учредителей, так и самых активных членов Общества вспомоществования недостаточным учащимся и бедным армянам в губернском г. Ставрополе не только привело к его переименованию в женскую благотворительную организацию «Дамский Кружок», но и к проведению более настойчивой политики по привлечению к обучению девочек из армянских семей.

Очевидно, что история развития женского образования в дореволюционной России в решающей мере связана с активной деятельностью в этом направлении общества в лице как отдельных, наиболее заметных и эффективных его представителей, так и объединенных в рамках неполитических, прежде всего, благотворительных, организаций. Тон в становлении определенной системы женского образования задала власть в лице, прежде всего, Екатерины II и такие члены правящего дома, как императрицы Мария Федоровна и Мария Александровна. Но, в условиях очевидной неспособности власти к обеспечению организации и развития полнокровной системы образования в стране, женское образование становится объектом приложения сил зарождающейся в Российской империи общественности. Прочность традиций благотворения в отечественной культуре, связанная в т. числе с принятием и официальным поощрением властью благотворительного поведения граждан, привела к ощутимому погружению многих представителей имущих и образованных слоев населения в социальное попечение о создании и развитии системы женского образования. При этом постоянно растущая позитивная динамика процесса определялась во многом и очевидно малым кругом иных легитимных возможностей для самореализации людей с активной жизненной позицией, добровольно объединявшихся для совместных действий с благотворительными целями. Важно, что одним из значимых действующих субъектов процесса выступали сами женщины. Таким образом страна получала весомую помощь в решении проблемы приобщения к образованию все большего количества девочек – будущих воспитателей новых поколений россиян всех сословий и потенциальных участниц социально-экономических отношений. И, в то же время, описанными выше действиями социально активная часть населения России участвовала в создании системы горизонтальных связей и отношений как основы ее гражданского общества.

Список источников и литературы

1. Адамов П. А. Заслуги императрицы Екатерины Великой в истории женского образования в России. Воронеж: тип. В. И. Исаева, 1897. 29 с.
2. Аппоева Л. М. Становление и развитие женского образования в Терской области: вторая половина XIX – начало XX вв.: дисс. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. 202 с.
3. Бемерт К. В. Университетское образование женщины. СПб.,: тип. П.П. Меркульева,1873. 40 с.
4. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 64–94.
5. Васильева С. П. Женское образование в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дисс. … канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 208 с.
6. Волкова А. И. Воспоминания. Дневник: [1884–1902 гг.] [Переизд.]. М.: изд-во Гос. публ. б-ки России, 2015. 381 с.
7. Дмитриева Н. А. Становление системы женского образования в российской провинции (1800–1880 гг.): на материалах Смоленской губернии. дисс. … канд. ист. наук. Брянск, 2008. 269 с.
8. Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Женское образование в России. М.: Просвещение/Дрофа, 2010. 273 с.
9. Доклады губернской земской управы третьему очередному губернскому земскому собранию 1915 года по народному образованию. Вып. I. – Ставрополь: Ставроп. губ. земства,1916. 140 с.
10. Зинченко Н. Е. Женское образование в России: Исторический очерк. – СПб.: комм.скор., 1901. 46 с.
11. Игнатович В. В. Женское образование и женские школы в теории и на практике. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского,1865. 37 с.
12. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1892 год. СПб.: тип. Имп.Акад. наук,1897. 342 с.
13. Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России. (1086-1856). СПб.: тип. М. М. Стасюлевича,1899. 887 с.
14. Муханова М. С. Из записок Марьи Сергеевны Мухановой, фрейлины Высочайшего Двора. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны. М.: изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2018. 219 с.
15. Овцын В. Развитие женского образования (Исторический очерк). СПб.: тип. И.Н. Скороходова,1887. 42 с.
16. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 год. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1879. 172 с.
17. Охонько Н. А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 894–897.
18. Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века: на материалах Пензенской губернии: дисс. … канд. ист. наук. Пенза, 2007. 277 с.
19. Пиллер О. Итоги женского образования в России и его задачи. СПб.: тип. Тренке и Фюсно,1888. 239 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 21. СПб.: тип. второго отд. Собств. Его Имп. Величества канц.,1830. 1085 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 26. СПб.: Гос. типография, 1909. 1141 с.
22. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М.: Ломоносов, 2008. 272 с.
23. Поповкин А. Российская императрица Мария Александровна (1834 – 1880). СПб.: Тончу, 2018. 256 с.
24. Прозрителев Г. Н. Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 338–362.
25. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. М., Ладомир, 2002. 526 с.
26. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Мин-во нар.прос., 1902. 785 с.
27. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, 2011. 887 с.
28. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование Николая I. 1825–1855. Отд. 1: 1825–1839. СПб.: Тип. В.В. Балашева, 1875. 1576 стб.
29. Ставрополь Кавказский. Историко-статистический очерк // Ставрополь в описания, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 320–325.
30. Ставропольская городская Дума. 200 лет. Историческая хроника. М.: Воскресенье, 2009.
31. Ставропольские губернские ведомости. 1878. №46.
32. Стрелов В. И. Ольгинская женская гимназия (к 140-летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 2000 год. Ставрополь: СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2000. С. 138–140.
33. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России. Л.: ЛГУ, 1984. 239 с.
34. Усачева Р. Ф. Формирование системы среднего женского образования в России (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.): дисс. … канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 1997. 293 с.
35. Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии.1855. СПб.: Собств. Его Имп. Величества канц. Отд 4-е, 1884. 346 с.
36. Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. Ставрополь: типолитография Т. М. Тимофеева, 1914. 12 с.
37. Хмыров М. Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791 годы): исторический очерк по архивным документам. М.: изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2013. 318 с.
38. Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 327 с.
39. Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб.: Лань, 2000. 676 с.
40. Women in Russia, 1700-2000 / Barbara Alpern Engel. Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2004. XXIV, 275, [4] с.
41. Women in Russian culture and society, 1700-1825 / ed. by Wendy Rosslyn a. Alessandra Tosi. Basingstoke, Hants; New York: Palgrave Macmillan, 2007. XI, 257, [1] с.

References

1. Adamov P. A. Zaslugi imperatritsy Ekateriny Velikoi v istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii (Empress Catherine the Great's Merits in the history of Russia women's education). Voronezh: V.I. Isaev's printing house, 1897. 29 p. (In Russian).
2. Appoeva L. M. Stanovlenie i razvitie zhenskogo obrazovaniya v Terskoi oblasti: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. (Formation and development of women's education in the Terek region: the second half of the XIX-th – early XX-th centuries): thesis. Vladikavkaz, 2008. 202 p. (In Russian).
3. Bemert K. V. Universitetskoe obrazovanie zhenshchiny (A university female education). St. Petersburg: P. P. Merkul'eva printing house, 1873. 40 p. (In Russian).
4. Bentkovskii I. V. Stavropol' v geograficheskom, istoricheskom, topograficheskom i statisticheskom otnosheniyakh (Stavropol in geographical, historical, topographic and statistical relations) // Stavropol' v opisaniyakh, ocherkakh, issledovaniyakh za 230 let. Stavropol': SSU publ., 2007. P. 64–94. (In Russian).
5. Vasil'eva S. P. Zhenskoe obrazovanie v Tambovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (A female education in Tambov province in the second half of XIX – at the beginning of XX): thesis. Tambov, 2011. 208 p. (In Russian).
6. Volkova A. I. Vospominaniya. Dnevnik (The memoires. The Diary): [1884–1902 gg.]. Moscow: RSL publ., 2015. 381 p. (In Russian).
7. Dmitrieva N. A. Stanovlenie sistemy zhenskogo obrazovaniya v rossiiskoi provintsii (1800–1880 gg.): na materialakh Smolenskoi gubernii (The establishment of female education system in Russian provinces (1800–1880): thesis. Bryansk, 2008. 269 p. (In Russian).
8. Dneprov E. D., Usacheva R. F. Zhenskoe obrazovanie v Rossii (Female education in Russia). Moscow: Prosveshchenie/ Drofa, 2010. 273 p. (In Russian).
9. Doklady gubernskoi zemskoi upravy tret'emu ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu 1915 goda po narodnomu obrazovaniyu (Report the provincial district council to the provincial district assembly about people education (1915). Issue. I. Stavropol': Stavropol provincial zemstvo publ.,1916. 140 p. (In Russian).
10. Zinchenko N. E. Zhenskoe obrazovanie v Rossii: Istoricheskii ocherk (A female education in Russia: Historical essay). St.Petersburg: Komm.skor. publ., 1901. 46 p. (In Russian).
11. Ignatovich V. V. Zhenskoe obrazovanie i zhenskie shkoly v teorii i na praktike (Theory and practice of a female education at female school). St.Petersburg: F.S. Sushchinskii publ.,1865. 37 p. (In Russian).
12. Izvlechenie iz vsepoddanneishego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1892 god (Extract from the most subservient report of the Minister of Public Education for 1892). St.Petersburg: Science Academy publ.,1897. 342 p. (In Russian).
13. Likhacheva E. O. Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii. (1086–1856) (Materials for the history of women's education in Russia. (1086–1856). St.Petersburg: M.M. Stasyulevich's publ.,1899. 887 p. (In Russian).
14. Mukhanova M. S. Iz zapisok Mar'i Sergeevny Mukhanovoi, freiliny Vysochaishego Dvora. Vospominaniya grafini Antoniny Dmitrievny (From the notes of Marya Sergeevna Mukhanova, maid of honor of the Supreme Court. Memories of Countess Antonina Dmitrievna). Moscow: RSL publ., 2018. 219 p. (In Russian).
15. Ovtsyn V. Razvitie zhenskogo obrazovaniya (Istoricheskii ocherk) (The Development of Women's Education (Historical Essay). St.Petersburg: I.N. Skorokhodov's printing house,1887. 42 p. (In Russian).
16. Otchet Popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1878 god (Report of the guardian of tutorial district about educational institutions for 1878). Tiflis: Printing house of the Office of the Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus, 1879. 172 p. (In Russian).
17. Okhon'ko N. A. Obshchestvennyi deyatel', prosvetitel', kraeved (The public activist, enlightener, local historian) // Stavropol' v opisaniyakh, ocherkakh, issledovaniyakh za 230 let. Stavropol': SSU publ., 2007. P. 894–897. (In Russian).
18. Parshina V. N. Stanovlenie sistemy zhenskogo obrazovaniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: na materialakh Penzenskoi gubernii (Development of a female education in Russia in the second half of XIX – at the beginning of XX centuries: on the Penza province material): thesis. Penza, 2007. 277 p. (In Russian).
19. Piller O. Itogi zhenskogo obrazovaniya v Rossii i ego zadachi (The outcomes and the tasks of the Russian female education). St. Petersburg: Trenke and Fyusno printing house,1888. 239 p. (In Russian).
20. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection). Vol. 21. St. Petersburg: printing house of the second department of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery publ., 1830. 1085 p. (In Russian).
21. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e (Collection of the Russian Empire's Laws). Vol. 26. St. Petersburg: State printing house publ., 1909. 1141 p. (In Russian).
22. Ponomareva V. V., Khoroshilova L. B. Mir russkoi zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XX veka (Russian woman's world: upbringing, education and destiny). Moscow: Lomonosov, 2008. 272 p. (In Russian).
23. Popovkin A. Rossiiskaya imperatritsa Mariya Aleksandrovna (1834–1880) (The Russian Empress Maria). St. Petersburg: Tonchu, 2018. 256 p. (In Russian).
24. Prozritelev G. N. Istoriko-arkheologicheskii putevoditel' po gorodu Stavropolyu-na-Kavkaze i ego okrestnostyam (The Historical and Archeological Guide to the city of Stavropol-on-the-Caucasus and its environs) // Stavropol' v opisaniyakh, ocherkakh, issledovaniyakh za 230 let. Stavropol': SSU publ., 2007. P. 338–362. (In Russian).
25. Pushkareva N. L. Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost' (A Russian Woman: History and Modernity). Moscow: Ladomir, 2002. 526 p.
26. Rozhdestvenskii S. V. Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: 1802 – 1902 (Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education). St. Petersburg: Ministry of Public Education publ., 1902. 785 p. (In Russian).
27. Samoorganizatsiya rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX v. (Self-organization of the Russian public in the last third of the 18th century – the beginning of the 20th century). Moscow: ROSSPEN, 2011. 887 p. (In Russian).

28. Sbornik postanovlenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. Vol. 2. Tsarstvovanie Nikolaya I. 1825–1855 (Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Vol. 2. The reign of Nicholas I. 1825 – 1855). Department. 1: 1825–1839. St. Petersburg: V.V. Balashev's printing hoiuse, 1875. 1576 stb. (In Russian).
29. Stavropol' Kavkazskii. Istoriko-statisticheskii ocherk (Stavropol Caucasian. Historical and statistical essay) // Stavropol' v opisaniya, ocherkakh, issledovaniyakh za 230 let. Stavropol': SSU publ., 2007. P. 320–325. (In Russian).
30. Stavropol'skaya gorodskaya Duma. 200 let. Istoricheskaya khronika (Stavropol City Duma. 200 years. Historical chronicle). Moscow: Voskresen'e, 2009. (In Russian).
31. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1878. No. 46. (In Russian).
32. Strelov V. I. Ol'ginskaya zhenskaya gimnaziya (k 140-letiyu so dnya otkrytiya) (Olginskaya Women's Gymnasium (to the 140th anniversary of the opening) // Stavropol'skii khronograf na 2000 god. Stavropol': SRUSL named after M. Yu. Lermontov, 2000. P. 138–140. (In Russian).
33. Tishkin G. A. Zhenskii vopros v Rossii (A Female Issue in Russia). Leningrad: LSU publ., 1984. 239 p. (In Russian).
34. Usacheva R. F. Formirovanie sistemy srednego zhenskogo obrazovaniya v Rossii (60-e gody XVIII v. – 60-e gody XIX v.) (Establishment of the system of women education in Russia (60-th of XVIII – 60-th XIX): thesis. Rostov-on-Don, 1997. 293 p. (In Russian).
35. Ustav zhenskikh uchebnykh zavedenii Vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii.1855 (The statute of Women's Educational Institutions of the Department of Institutions of Empress Maria.1855). St.Petersburg: printing house of the second department of the Forth Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1884. 346 p. (In Russian).
36. Ustav Stavropol'skogo na Kavkaze obshchestva sodeistviya vospitaniyu i zashchity detei (The Statute of Stavropol Caucasian community of for the Promotion of the Education and Protection of Children). Stavropol': T.M. Timofeev's printing house, 1914. 12 p. (In Russian).
37. Khmyrov M. D. Grafinya Ekaterina Ivanovna Golovkina i ee vremya (1701–1791 gody): istoricheskii ocherk po arkhivnym dokumentam (Countess Ekaterina Ivanovna Golovkina and her time (1701–1791): historical essay based on archival documents). Moscow: RSL publ., 2013. 318 p. (In Russian).
38. Shafranova O. I. Obrazovanie, obshchestvennaya i professional'naya deyatel'nost' zhenshchin Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (Education, social and professional activities of women in the North Caucasus in the second half of the XIXth - early XXth centuries): thesis. Stavropol', 2004. 327 p. (In Russian).
39. Yakovkina N. I. Istoriya russkoi kul'tury: XIX vek (History of Russian culture: XX century). St. Petersburg: Lan', 2000. 676 p. (In Russian).
40. Women in Russia, 1700–2000 / Barbara Alpern Engel. Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2004. XXIV, 275, [4] c.
41. Women in Russian culture and society, 1700–1825 / ed. by Wendy Rosslyn a. Alessandra Tosi. Basingstoke, Hants; New York: Palgrave Macmillan, 2007. XI, 257, [1] c.

Сведения об авторах

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: t.pokotilova@gmail.com

Оборский Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: oborskye@gmail.com

Information about the authors

Pokotilova Tatyana E. – Doctor of History Science, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University; e-mail: t.pokotilova@gmail.com

Oborsky Evgenii Yu. – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University; e-mail: oborskye@gmail.com

CC BY

УДК 930.85 (100)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.9

А. И. Сыч

О КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Среди культурологов, филологов, историков время от времени вспыхивают дискуссии о том, что преобладало в развитии русской культуры - преемственность или разрыв? Действительно, можно услышать, когда русскую культуру называют культурой взрывов или разрывов. Так, Ю. Лотман считал, что история русской культуры предстаёт как цепь взрывов. Закономерно возникает вопрос: что вызывало эти взрывы или разрывы?

Известно, что каждый крутой поворот русской истории сопровождался большими культурными изменениями, причём как позитивного, так и негативного характера, когда подвергалась сомнению или даже отрицалась ценность культурных достижений предыдущего периода (например, попытки покончить с русской классической литературой в первые годы Советской власти или стремление вычеркнуть советский период в развитии культуры после развала СССР). Очевидно, существует причинно-следственная связь между социальными потрясениями в истории России (петровские реформы или социально-экономические преобразования, вызванные Великой Октябрьской революцией) и бурными всплесками культурной жизни. Сама самобытность русской истории была, по словам того же Ю. Лотмана, «постоянно действующим фактором, который то спонтанно и неосознанно для самой культуры, то открыто и даже подчеркнуто определяет пути её развития».

То же самое можно наблюдать и в сегодняшней России, когда культура сталкивается со сложными реалиями современного мира, которые возникают из-за неоднозначных последствий процесса глобализации, технологических изменений в повседневной жизни (т. н. цифровизация), что ведёт к заметному переформатированию общественного сознания, деградации многих религиозных и этических ценностей. Похоже, что российское общество (и культура как его неотъемлемая составляющая) опять оказалось на распутье, столкнувшись на рубеже XX–XXI вв. с угрозой смены цивилизационного вектора развития, поэтому поиск оптимальной формы общественного бытия остаётся актуальным вопросом повестки дня.

Автор статьи предлагает некоторые свои размышления о судьбе культуры в контексте драматичных катаклизмов российской истории.

Ключевые слова: культура, история, модернизация, революция, разрыв.

Для цитирования: Сыч А. И. О культуре в контексте российской истории // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 81–86. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.9

Alexandr I. Sych

ON THE CULTURE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY

From time to time, there is a continuing polemics about the nature and destiny of Russian culture. Is it possible to speak of Russian culture as a homogeneous, unified whole or, as Yuri Lotman stated, history of Russian culture sees itself as a chain of explosions? Really, Russian culture has often been referred to as a culture of explosions, that is to say, of discontinuity and abrupt rifts. The question arises, can Russian culture be characterised as culture of discontinuity, or has there always been a solid kernel which continues to drive it forward, giving a common ground to the social being of the people?

In the opinion of the author, it is possible to explain this phenomenon only in the context of Russian history. Every turn of Russian history was accompanied by a great cultural upheaval, and caused fierce cultural and historical debates, often with appeals and real actions to deny or re-write the past of country. As examples we can recall the drastic modernization turn to the West by Peter the Great or the post-revolution desire to do away with classical Russian literature at the dawn of Bolshevist power or the post-Soviet attempts to cross out the Soviet period in history and culture after the collapse of the Soviet Union. The very uniqueness of Russian history was, according to Yuri Lotman, «the ever-acting factor, which then spontaneously and unconsciously to the culture, openly and even emphatically determines the way of its development».

The same phenomena can be observed in Russia today, when our culture is facing the complexities of the modern world, which are due to the ambiguous effects of globalization, technological changes in everyday life (so called digitalization), which leads to a significant reformatting the social consciousness and the degradation of many religious and ethic values. It seems that Russian society (and culture as its integral component) was again at a crossroads, faced at the turn of XX – XXI centuries with the threat of change of the civilizational vector of development, so the search for optimal forms of social life remains a pressing issue on the agenda.

The author offers some reflections on the fate of culture in the context of the dramatic upheavals of the Russian history.

Key words: culture, history, modernization, revolution, disruption.

For citation: Sych A. On the culture in the context of Russian history // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 81–86. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.9

Как известно, история России отличалась особой самобытностью, которая определялась прежде всего её географическим расположением между разными цивилизационными полюсами. В первые века своей истории страна находилась в зоне влияния византийской цивилизации, а после крушения последней с готовностью приняла эстафету византийского наследия. Русский народ стал ощущать себя её духовным наследником, что проявилось, в частности, в появлении концепции «Москва – третий Рим», которая имела форму религиозного пророчества о будущей великой судьбе России как оплота православной веры, призванной утвердить в мире торжество любви и справедливости.

Вместе с тем уже в первые века своей истории страна стала всё больше испытывать социокультурное воздействие восточных цивилизаций и европейской цивилизации (позднее и западной). И далеко не всегда такое воздействие имело положительный характер. Так называемый татаро-монгольский период исторического бытия русского народа серьёзно и надолго затормозил его социально-экономическое и культурное развитие. Страшным итогом татаро-монгольского нашествия стала гибель огромного числа населения Руси, по разным оценкам, оно сократилось на 40–60 %. Киев, Владимир, Суздаль, Рязань, Тверь, Чернигов и многие другие города были разрушены. По данным наших археологов, из 74 русских городов XII–XIII вв., известных им по результатам раскопок, 49 были полностью разорены во время Батыева нашествия, причём 14 из них так никогда и не поднялись из пепла, а ещё 15 постепенно превратились в сёла. Многие города не могли возродиться очень долгое время. Так, археологические раскопки, например, Чернигова показывают, что после слоя XIII века идёт слой XVII-го. На несколько десятков лет в русских городах практически прекратилось строительство из камня, то есть в течение последующих 50–70 лет на Руси не было построено ни одного каменного здания или церкви. Исчезли сложные ремёсла, такие как производство стеклянных украшений, перегородчатой эмали, черни, полихромной поливной керамики и др. Всего из основных 60-ти ремёсел сохранилось от 3-х до 6-ти. Развитая городская культура Древней Руси понесла очень значительный урон. Южные русские земли потеряли почти всё оседлое население. А уцелевшее население уходило на лесной северо-восток, концентрируясь в междуречье Северной Волги и Оки, где были более бедные почвы и более холодный климат, чем в южных полностью разорённых регионах Руси, а значит и более неблагоприятные условия для занятий земледелием и скотоводством, к тому же вдали от торговых путей.

Монголо-татарское нашествие и более чем два столетия ордынского господства стали национально-культурной катастрофой для русских земель, что привело к их заметному цивилизационному отставанию от европейских стран. Когда Европа вступала в эпоху первоначального накопления капитала и формирования основ протоиндустриального общества, Русь должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был уже проделан ею до Батыя.

Первые попытки преодоления этого отставания пришлись на первые годы правления Ивана IV Грозного, когда был созван первый Земский собор, положивший начало сословно-представительной монархии в России; составлен новый сборник законов – Судебник 1550 г.; создана целая система специализированных центральных ведомств – приказов (прообраз будущих министерств); завершена губная (земская) реформа, которая привела к появлению в волостях и уездах выборных из числа дворян и земских старост из числа зажиточных крестьян; фактически сформирована регулярная армия (стрелецкое войско к концу XVI в. насчитывало до 25 тыс. чел.). Однако неудачная Ливонская война и срыв в кровавую опричнину прервали этот, по сути, модернизационный процесс, а социально-политические потрясения начала XVII в., известные как Смута, не позволили возобновить его в необходимом масштабе и ускоренном темпе.

Впрочем, со второй половины XVII в. правящая элита вновь становится на путь преобразования страны в европейском духе. Прежде всего она стремилась перенимать у Запада новые передовые формы организации экономической жизни и военно-технического обеспечения обороноспособности государства. Именно этим объясняется появление первых мануфактур (впрочем, по своей природе весьма далёких от европейских, которые были начальной формой промышленной организации капиталистического производства), учреждение так называемых полков иноземного строя, переход к политике меркантилизма т. д. Начался процесс секуляризации общественного сознания: организуются новые - частные - школы, преподавание в которых ориентировалось на западноевропейское образование и культурные ценности; переводятся и печатаются труды европейских учёных (напр., Коперника); в живописи возникает новый жанр – парсуна (как переходный этап от иконописи к реалистическому портрету); в 1672 г. появляется первый придворный театр; в обиход элиты постепенно входят некоторые европейские обычаи и предметы быта. Да и политический строй России эволюционировал в сторону установления абсолютной монархии, как и в странах Европы.

Однако сосредоточиться на внутренних преобразованиях не позволяли постоянные военные угрозы извне и сложное геополитическое положение страны. Так, в XVI в. Московия воевала против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Шве-

ции в общей сложности 43 года, не прерывая ни на год борьбы с татарами на своих южных и восточных рубежах, а в XVII в. ещё больше – 48 лет, то есть фактически каждый второй год страна находилась в состоянии войны или даже нескольких войн, что приводило к большим людским потерям, подрывало экономику и финансы. Эта тенденция сохранялась и даже усиливалась в последующие столетия – в XVIII в. Россия воевала около 60 лет, а в XIX в. – 67 [См. подробнее: 2, 3]. Поэтому перманентная потребность в обеспечении своей безопасности - а со временем и в проведении внешней экспансии, в том числе с целью возвращения утраченных когда-то русских земель, - становится доминантой и своего рода движущей силой развития Российского государства, определившей специфику политической эволюции страны, в частности, усиление внутренней централизации и непомерное возрастание роли государственной власти в жизни социума.

Отмеченные обстоятельства обусловили такую особенность цивилизационного пути России как её мобилизационный (догоняющий) тип развития в отличие от эволюционного, характерного для западной цивилизации. Для этого типа характерно ускорение эволюционных процессов за счёт сознательного вмешательства государства (часто обусловленного внешней военной угрозой) в экономическое и социальное развитие общества. В контексте русской истории государство не единожды использовало свою монополию на принудительное насилие и внеэкономическое принуждение для постепенного разрушения веками существовавшего традиционного общества. Ярким примером такой роли государственной власти можно считать необходимую и вполне назревшую модернизацию России в период правления Петра Великого, проходившую во время Северной войны, то есть в чрезвычайной ситуации, требовавшей напряжения всех народных сил. Однако обратной стороной преобразовательной деятельности Петра, проводимой весьма радикальными методами, стал глубокий культурный раскол прежде единого русского общества. Европейское образование и культура стали достоянием довольно узкого слоя привилегированных сословий, прежде всего дворянства, в то время как основная масса населения – крестьянство, купечество, городские разночинские слои – оставались приверженцами старорусских культурных ценностей и нравственных норм. Заметим, что раскол общества на европеизированную знать и основную массу народа сохранялся и углублялся и в последующие периоды русской истории.

Сложный и противоречивый исторический путь России не мог не сказаться и на судьбе её культуры. Русский мыслитель и публицист Вадим Кожинов отмечал: «В движении посредством социально-культурных катастроф решительного отрицания предшествовавших этапов своего развития – своеобразие исторического пути России и её культуры» [4, с. 360]. К таковым, то есть наиболее глубоким разрывам в русской истории, он относил время крещения Руси, монгольский период, царствование Петра I, 1917 и 1991 годы. Известный российский культуролог А. С. Ахиезер также считает характерной чертой исторического развития России постоянный раскол культуры, что отражалось и на социальных отношениях в государстве [См. подробнее: 1].

Такого рода расколы или, точнее, разрывы культуры случались, как правило, в те периоды истории, когда ради пришедших извне «новаций» предпринимался радикальный отказ от веками складывавшихся устоев бытия и сознания. В качестве примеров можно вспомнить глубинные преобразования после Великой Октябрьской революции, осуществлённой большевиками – последователями марксизма – западного по происхождению учения, привнесённого на русскую почву. Или реформы 1990-х годов, изменившие – опять же в соответствии с западными лекалами – параметры и саму сущность советской системы. Понятно, что такие катаклизмы не могли не сказаться и на состоянии культуры.

После Октябрьской революции на смену одному укладу и построению жизни пришёл не просто другой, а кардинально другой. Этот уклад нёс в себе попытку сплочения людей на основе единых общих целей и смыслов. И во имя этого старое (в том числе и культура) разрушалось, зачастую грубо, жестоко и даже кощунственно. Страна лишилась многих выдающихся композиторов, писателей, поэтов, философов, которые, не приняв новый режим, предпочли эмиграцию. Старая, то есть дореволюционная, культура объявлялась чуждой народу, «дворянской», обслуживавшей интересы господствовавших эксплуататорских классов и т. п. Такая же судьба поначалу постигла и преподавание истории (школа М. Н. Покровского).

В то же время это разрушение происходило ради создания нового общества со своей системой ценностей, моральными императивами, оригинальной культурой. Революция дала сильнейший импульс развитию культурной жизни, приобщив к ней миллионы людей. Страна искала себя после мировой войны и революции, после великих переломов и перенесённых страданий и жертв. Держава рабочих и крестьян рождала новые – простонародные – песни, стихи, плакаты, создавала пантеон своих героев (роман «Как закалялась сталь» Н. Островского, кинофильмы «Чапаев», «Щорс», «Котовский», «Пархоменко»), но также и новые художественные стили и формы творческого самовыражения. Дух эпохи – и аскетичной, и триумфальной – зримо воплотился в архитектуре советского конструктивизма. Создают свои шедевры, открывая новые направления

в киноискусстве и, по сути, новый киноязык, Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Вертов. Шолохов пишет «Тихий Дон», Булгаков – «Белую гвардию» и «Мастера и Маргариту». Расцветает творчество Шостаковича и Дунаевского.

Таким образом, «разрушительный порыв» революции в области культуры оказался сравнительно недолгим, и уже в 1930-х гг. началось «освоение классического наследия». Появляются первые экранизации произведений дореволюционных авторов, в 1937 г. увидело свет роскошное издание произведений А. С. Пушкина. Реабилитированы были важнейшие черты русской ценностной парадигмы – историческая преемственность и патриотизм, оказавшиеся особенно актуальными в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны. Это проявилось, например, в создании таких кинокартин, как «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Кутузов», «Суворов», «Нахимов», «Адмирал Ушаков». После войны эта тенденция укрепилась ещё больше, например, в 50–60-е годы XX в. В школьных программах по литературе значительное место отводилось изучению творчества Лермонтова, Достоевского, Толстого, Блока, Есенина и других русских писателей и поэтов. В репертуарах театров вновь появились классические оперы и балеты, продолжилась экранизация произведений классической русской литературы (вспомним хотя бы такие замечательные фильмы как «Идиот», «Дама с собачкой», «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы» и др.).

Так восстанавливалась преемственность в развитии культуры, её ценностные ориентиры, моральные традиции и общечеловеческие смыслы. Классическое наследие русской культуры было вновь востребовано и органично вписалось в культурную политику Советского государства, официальные идеологические установки которого были очень близки или даже повторяли – разумеется, в стилистике современных терминов и понятий – многие составляющие русского ценностно-культурного кода (патриотизм, государственность, уважение к историческим традициям, верность традиционным семейным ценностям и т. д.). Правда, специфику русского мироощущения невозможно представить без православия в качестве национальной религии. Один из лучших православных богословов, профессор Московской духовной академии Алексей Осипов утверждал, что советская культура формально была атеистической, а по сути – глубоко православной, ибо в детских и юношеских книгах, художественных фильмах и даже мультфильмах советского времени, не было, конечно, пропаганды религии, но зато ощущался восточнославянский православный дух. Официальные установки в области культуры, которые можно свести к одному знаменателю, а именно: сделать человека лучше, гуманнее, добрее, перекликались и, в сущности, были позаимствованы из заповедей раннего христианства.

Очередной разрыв российской культуры случился в конце XX – начале XXI вв. после развала СССР, когда начался переход к западной модели общественного развития. Внедрение, а точнее насаждение сверху таких элементов либерального капитализма, как рынок, частная собственность, приватизация, демократия, идеологический плюрализм очень быстро привело к колоссальному социальному расслоению, обнищанию большей части населения, появлению алчной олигархии, невиданной коррупции, духовной деградации. В этих условиях состояние и развитие культуры определялось такими факторами, как отказ от обязательной государственной идеологии и соответственно государственного регулирования (цензуры, Главлита и т. д.) этой сферы общественной жизни, что сопровождалось и резким сокращением государственного финансирования как культуры, так и образования с наукой. Отсюда такое явление как коммерциализация культуры, когда мерилом творческих достижений становился прежде всего коммерческий успех созданного произведения или, как стали говорить, «культурного продукта», а также ориентация на массового потребителя и западные эстетические стандарты. По поводу увлечения западными, а точнее американо-голливудскими стандартами недавно ушедший актёр А. В. Мягков заметил: «Мы так бесстыдно подражаем американцам! Боевики, драки, бесконечный экшен. Кино стало бесчувственное, бессердечное. Это не русское искусство. Его мы забросили совершенно. У советского кино было своё лицо, а сейчас его взяли, повернули затылком и нарисовали на нём американскую физиономию».

К сожалению, огромная часть населения переориентировалась на так называемые ценности общества массового потребления, что в целом привело к резкому и заметному снижению художественного уровня искусства. Многие из представителей творческой интеллигенции, стенавшие о своей тяжёлой жизни в советское время, об отсутствии свободы творчества в условиях «свирепой» цензуры и различных запретов, в 1990-е годы обрели вожделенную свободу (которая на деле обернулась вседозволенностью и моральным релятивизмом) и оказались… творчески бесплодными, неспособными создать книгу, фильм, картину, спектакль, которые бы стали явлением культурной или, как это часто бывало в советский период, даже общественной жизни. И тут можно согласиться с мнением российского писателя и журналиста Фёдора Раззакова, что эти деятели состоялись в искусстве не вопреки, а благодаря Советской власти, подтверждением чему служит и тот неоспоримый факт, что после «крушения тоталитарного режима» и «торжества свободы и демо-

кратии» им не удалось создать ничего соизмеримого с шедеврами советской эпохи [См., напр.: 5]. На это наступившее безвременье в российской культуре откликнулся Евгений Евтушенко: «Великих книг у нас не стало. Неужто ты рожать устала пророков, русская земля? Беда…».

Стремление приспособиться к новым и в общем-то чуждым, нехарактерным для российской культурной идентичности реалиям, потакание дурновкусию, бездумное заимствование чужих форм духовной жизни, лихорадочная погоня за коммерческим успехом – всё это нанесло сильнейший удар по культуре. На рубеже XX–XXI вв. в стране стало формироваться общество современной массовой культуры, которое становилось всё более индивидуализированным и во многом вестернизированным, прагматичным и рациональным, то есть, по сути, глубоко оторванным от своих традиционных исторических корней и базовых ценностей русского народа. Вместо созидающей энергии и увлечённости высокой целью построения нового, невиданного ещё в истории общества, характерными для нескольких поколений советских людей, на первый план вышли интересы потребителя-мещанина, ограниченные определённым набором материальных благ (тряпки, отдых в Турции, приобретение автомобиля, как правило, в кредит, покупка новых гаджетов). Происходила девальвация таких ценностей как соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие, национальная идентичность и др. На пороге нового столетия возникла реальная угроза историческим и культурным традициям народа, особенностям национального характера и соответственно опасность переформатирования общественного сознания. Российское общество оказалось на распутье, так как фактически встал вопрос о смене цивилизационного вектора развития страны. В России начался непростой поиск оптимальной формы своего общественного бытия, социальной организации, приоритетов культурной развития в условиях новых вызовов и реалий наступившего XXI века.

Таким образом, в контексте истории России культуре, впрочем, как и обществу в целом, присуще было стремление, с одной стороны, к модернизации, готовность воспринимать «иной» опыт, а, с другой, обращение время от времени к традиционным ценностям, их, так сказать, активизация, что нередко приводило к довольно жёсткому противостоянию этих двух тенденций, следствием чего и становились периоды разрыва культуры, что выражалось в радикальном отказе от культурных канонов и достижений предшествующего этапа. В 1994 году ленинградский писатель Даниил Гранин, характеризуя состояние культуры в результате развала СССР и начавшихся «либеральных» реформ, в одном из своих интервью справедливо сказал: «Оборвалась цепь времени, и культура оказалась беззащитной. От неё ждут нового слова, но новое появляется не на кладбище, а вынашивается в утробе уходящего. Критиковать прошлое естественно и необходимо. Но отказаться от советского наследия – варварство. … История не терпит обрывов» [Цит. по: 4, с. 340]. Перефразируя Д. Гранина, можно сказать, что и культура не терпит обрывов.

И, действительно, исторический опыт свидетельствует, что такие отказы от культурного наследия предшествующей эпохи (или так называемые разрывы культуры) приводили к тяжёлым культурным потерям и морально-нравственным деформациям, и только последующий нелёгкий, подчас мучительный возврат на собственный самобытный путь спасал страну. Тяжело переживая бедственное состояние российской культуры в результате лихолетья 1990-х гг., один из наиболее ярких представителей «деревенской прозы», русский советский писатель Валентин Распутин тем не менее писал: «Я верю в выздоровление. Такие духовные запасы, такое культурное богатство, такая народная мощь, как у нас, не могут быть погребены…».

За трагическим непониманием и безоговорочным отрицанием ценностей предшествующей эпохи через какое-то, возможно, даже значительное время, на новом повороте истории отвергнутые ценности будут востребованы и осмыслены. Будем надеяться, что признание единства и самоценности всех периодов отечественной истории и культуры станет необходимой компонентой самосознания народа России.

Список источников и литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М., 1991.
2. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг.: справочник: в 2 томах. М.: Руниверс, 2018.
3. Волков В. А., Воронин В. Е., Горский В. В. Военная история России с древнейших времён до конца XIX в. М.: МПГУ, 2012. 224 с.
4. Кожинов В. Грех и святость русской истории. М.: Эксмо: Яуза, 2010. С. 360. 480 с.
5. Раззаков Ф. И. Почему не гаснут советские «звёзды». М.: Эксмо: Яуза, 2010. 576 с.

References

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokulturnaya dinamika Rossii) (Russia: criticism of historical experience: social and cultural dynamic in Russia). Moscow, 1991 (In Russian).
2. Voennye konflikty, kampanii i boevye deystviya russkikh voysk, 860–1914 gg. (Military conflicts, campaigns and fighting of the Russian troops, 860–1914): handbook: in 2 volumes. Moscow: Runivers, 2018 (In Russian).

3. Volkov V. A., Voronin V. Ye., Gorskiy V. V. Voennaya istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XIX v. (Military Russian History since ancient time until the late XIX century). Moscow: MPSU publ., 2012. 224 p. (In Russian).
4. Kozhinov V. Grekh i svyatost russkoy istorii (Sin and holiness of Russian history). Moscow: Eksmo: Yauza, 2010. 480 p. (In Russian).
5. Razzakov F. I. Pochemu ne gasnut sovetskie «zvezdy» (Why the Soviet “stars” do not go out). Moscow: Eksmo: Yauza, 2010. 576 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Сыч Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича; e-mail: asych_chnu@yahoo.com

Information about the author

Alexander Sych – Doctor of History, Professor, Chief of World History Department, Yuriy Fedkovych Chernovtsy National University (Chernovtsy, Ukraine); email: asych_chnu@yahoo.com

CC BY

УДК 93/94(470.65)

http://doi.org/ 10.37493/2409-1030.2022.1.10

С. А. Хубулова,
Э. В. Хубулова

НАСЕЛЕНИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ: МЕЖДУ СЕЛОМ И ГОРОДОМ[1]

В статье осуществлена постановка проблемы претворения на практике основных направлений политики государства, которая получила позже название «советский проект». Эта тема в региональной историографии еще не получила своего развития. Наряду с несомненными успехами общесоюзной политики на Северном Кавказе следует отметить и тот неоспоримый факт, что нивелирование традиционной специфики региона приводило к торможению некоторых планов советской власти, имелись не те результаты, на которые рассчитывала центральная власть.

Статья написана в русле нового направления в отечественной историографии – исторической антропологии. В региональных исследованиях история малых городов не стала еще объектом междисциплинарного анализа, хотя она является фронтирной темой, требующей совместных усилий историков, политологов, социологов, специалистов других гуманитарных наук. Объектом изучения стало население малых городов Северной Осетии, которое директивным методом из сельских жителей превращались в горожан. Одним из важнейших направлений стало формирование городских поселений путем слияния нескольких перспективных сел и образование города. Города специализировались на тех отраслях производства, которые были обеспечены местным сырьем.

При этом не учитывались традиционные формы общежития, ведения хозяйства. Создание градообразующих предприятий расширило трудовые возможности «новых горожан», которые перенимали неизвестные для себя профессии и отдалялись со временем от сельского хозяйства. На основе корпуса разнородных документов предпринята попытка изучить складывание ментальности новых городских жителей, вчерашних колхозников.

Изучение вопроса показало, что в малых городах уживались традиционные и городские формы общежития, культуры и ментальности, что представляло своеобразие в процессе развития городской среды.

Исследование особенностей социокультурного, экономического, психологического становления «новых горожан» позволяет восполнить проблемы в изучении важного научного направления «городская история».

Ключевые слова: город, трансформация, население, градообразующие предприятия, культура, миграции.

Для цитирования: Хубулова С. А., Хубулова Э. В. Население малых городов Северной Осетии: между селом и городом // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 87–95. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.10

Svetlana A. Khubulova,
Eda V. Khubulova

POPULATION OF SMALL TOWNS OF NORTH OSSETIA: BETWEEN THE VILLAGE AND THE CITY[1]

The article presents the problem of putting into practice the main directions of state policy, which was later called the «Soviet project». Along with the undoubted successes of the all-Union policy in the North Caucasus, it should also be noted that the leveling of the traditional specifics of the region led to the inhibition of some plans of the Soviet government, there were not the results that the central government hoped for.

The article is written in line with a new trend in Russian historiography - historical anthropology. In regional studies, the history of small towns has not yet become an object of interdisciplinary analysis, although it is a frontier topic that requires the joint efforts of historians, political scientists, sociologists, and specialists in other humanities. The object of the study was the population of small towns in North Ossetia, which by a directive method turned from rural residents into townspeople. One of the most important directions was the formation of urban settlements by merging several promising villages and the formation of a city. Cities specialized in those industries that were provided with local raw materials.

At the same time, traditional forms of dormitories and farming were not taken into account. The creation of city-forming enterprises expanded the labor opportunities of «new citizens» who adopted professions unknown to themselves and moved away from agriculture over time. On the basis of a corpus of heterogeneous documents, an attempt has been made to study the folding mentality of new urban residents, yesterday's collective farmers.

The study of the issue showed that traditional and urban forms of dormitories, cultures and mentalities coexisted in small towns, which represented a peculiarity in the process of urban environment development.

The study of the features of the socio-cultural, economic, psychological formation of «new citizens» makes it possible to fill in the problems in the study of an important scientific direction «urban history».

Key words: city, transformation, population, city-forming enterprises, culture, migration.

For citation: Khubulova S., Khubulova E. Population of small towns of North Ossetia: between the village and the city // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 87–95. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.10

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта 21-09-43008 СССР. The publication was prepared within the framework of project 21-09-43008 USSR supported by the Russian Foundation for Basic Research.

В современной историографии проблеме формирования городской ментальности уделяется внимание специалистами из разных наук: социологии, социальной психологии, истории, этнологии и др. Такая полидисциплинарность темы связана с кругом вопросов, которые рассматриваются в науке: групповое сознание, формирование образа города, свое место в этом городе, профессиональные возможности, культурный ландшафт и т. д. [1; 31]. В основе всех перечисленных направлений лежит изучение ментальности городских жителей [8; 9; 19; 25; 29].

Цель статьи – изучить основные тенденции складывания ментальности новых горожан Северной Осетии, проживающих в созданных в советские годы малых городах.

Обращение к этой теме связано с необходимостью реконструировать процессы постепенного перехода от традиционного к современному виду ментальности. С другой стороны, поведение и поступки «молчаливого большинства» невозможно объяснить лишь с позиции социально-экономической и политической выгоды. Все чаще исследователи оперируют методами социальной психологии и теории ментальностей, которые лежат в основе поведенческих парадигм групп, индивидов.

В отношении термина «городская ментальность» существует много объяснений, но мы придерживаемся определения, данного Т. В. Ивановой: «Городская ментальность – это групповое сознание, ограниченное историческим временем и географическим пространством, в качестве которого выступает современный город» [13, с.9].

В историографии начало изучения социально-психологических и метальных особенностей связывают с творчеством Кевина Линча [21], который провел глубокие исследования географического, психологического свойства, что позволило ему указать на ряд специфических качеств жителей городов разных регионов мира. Он выявил, что город – это такой феномен, который является творчеством и взаимодействием большого социума. Он также считает, что в исследовании городской жизни необходимо использовать так называемые «ментальные карты», характеристику ландшафта, «ощущаемой среды», которые проявляют свою роль в общении горожан данного поселения [10].

М. Хейдмес установил, что в большом городе теряется традиционность, жители утрачивают чувство «своей» улицы, соседства [18, с. 169]. Он также проанализировал влияние пространственных данных на виды общения.

В отечественной историографии А. Я. Гуревичем была предложена оригинальная методика, позволяющая выделить некоторые категории, в конечном счете оказывающие влияние на формирование мировосприятия человека – власть, семья, имущество, религиозные взгляды [7]. Касаемо нашей темы, следует указать на тот факт, что город представляет достаточно замкнутый населенный пункт, которой имеет своеобразную организацию общественной жизни, отличную от окружающего его сельского мира, особыми занятиями жителей, а также формами социальной коммуникацией [4].

Как считает известный специалист в области городской ментальности Т. В. Семенова, провинциальность составляет существенное свойство ментальности, ибо она взаимодействует и «переваривает» особенности представлений граждан об их местожительстве в пространственно-временных координатах [30].

Типология малых городов также связана с их функционалом (промышленный, местный, агропромышленный центры). В зависимости от своего предназначения малый город формировал «свое лицо», которое проявлялось в социально-демографических процессах, культурном облике, наконец, в повседневной жизни его населения. В последние годы повседневные практики стали предметом научного изучения. В историографии сложилось представление о том, что история – это жизнь обычных людей, связанная с региональными, временными особенностями, формами проживания, досуга, культуры и т. д. Один из основоположников указанного направления в историографии М. Хайдеггер, определил повседневную жизнь как «публичное мироощущение», «незаметность» [35].

В результате проведенных исследований ученые сравнили социально-психологические потребности городов разной величины, типа, и установили, что в малом городе удачно сочетаются черты традиционного и городского образа жизни; жизнь в них течет замедленно и рефлексии на происходящие события и процессы меньше чувствуются.

История малых городов СССР, созданных за годы советской власти, представляет большой научный интерес. Россия – во многом страна малых городов, удельный вес которых составляет более 60% городских поселений страны. Но также очевидно, что малые города постепенно теряют свое население, прежде всего, его трудоспособную часть. За отсутствием рабочих мест наблюдается высокий уровень миграции как в более развитые промышленные центры региона, так и в крупные мегаполисы. По данным статистики за 2010– 2018 гг. население малых городов сократилось на 500 тыс. чел.

Примерно 2/3 населения современной России проживают в малых городах, имеющих разную инфраструктуру, культурный ландшафт, демографические показатели. Одни города получили новый импульс для удовлетворения возросших потребностей жителей, другие постепенно ветшают, градообразующие предприятия либо вообще ликвидированы, либо в разы сократили свои

обороты. Это привело к серьезному дисбалансу в экономике, рабочих кадрах и др. Перед правительством стоит задача вдохнуть жизнь в депрессивные города, сделать их среду максимально благоприятной для проживания. Исторический опыт развития советского малого города был бы полезен для возрождения провинциальных небольших городских поселений.

Проблемы малых городов находились в поле зрения федерального Центра: в 1996 и 2013 гг. сделано две попытки внедрения государственной программы поддержки. Но обе они так и не получили развития ввиду остановки финансирования. В феврале 2019 г. правительство РФ приняло «Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [23]. Эта программа перехода к системе стратегического планирования предполагает использование нового инструментария, в том числе, обращение к историческому опыту формирования и развития малых городов регионов.

В этом отношении большой интерес представляют малые города Северной Осетии, которые на протяжении XX в. переживали указанные процессы, создавали довольно многочисленный слой горожан, удельный вес который ныне составил более 60% населения республики. Объективное и глубокое изучение данного вопроса могло бы заполнить научные лакуны новейшей истории Северной Осетии периода 1930–1990-х гг., и сформировать картину непростых социальных процессов, протекавших в регионе в указанный период [2; 3; 15].

В 1930–1970-е гг. в СССР сложилась ситуация, когда городам отводилась роль попечительства над селами (шефство, разного рода квотирование и др.). Особенно это характерно для новых малых городов советского времени.

Новые города, возникшие в республике в советское время, образовались двумя путями: «вызреванием» из сельских поселений и созданием на «чистом месте», за счет миграций внутриреспубликанских и общесоюзных, и наконец, в результате естественного прироста. Всего к середине 1960-х гг. в Северо-Осетинской АССР возникло 11 новых городских поселений, которые свидетельствовали о высокой степени урбанизации [17].

Создание советских городов в регионах имело свою специфику, которая являлась следствием особенностей историко-географического характера, а также отраслевой специализации региона. Ученые выделяют ряд особенностей новых малых городов, связанные с экономическими, региональными и социокультурными характеристиками. Функционирование города полностью определялась народнохозяйственным профилем.

Приоритет города над деревней должен был в корне изменить традиционную психологию «новых» горожан, преобразовать ее в сугубо городскую. Но параллельно с этим происходит изменение и городской ментальности, которая от традиционной формы неотвратимо переходит к инновационной [19]. Процесс довольно сложный и протяженный, рамках этого большого исторического периода можно отметить этапы, в рамках которых эти процессы имели свою специфику.

В 1950–1960-е гг. в Северной Осетии отмечается устойчивый рост городского населения. Появление городов и поселков городского типа на карте СО АССР не случайно. В первой половине 1960-х гг. правительство страны активно разрабатывало концепцию преобразования перспективных сел и деревень в города.

В 1930–1960-е гг. на территории Северо-Осетинской АССР размещались 5 малых городов – Моздок, Алагир, Ардон, Беслан и Дигора.

Рассмотрим некоторые процессы, характерные для данных малых городских поселений.

Во-первых, исторические предпосылки возникновения.

Моздок – один из старейших городов на Северном Кавказе. Был образован как крепость в период освоения региона, статус города получил в 1785 г. Население города с самого начала было полиэтничным: первыми переселенцами стали волгско-хоперские казаки, участвовавшие в пугачевском восстании, со временем население пополнилось осетинами, армянами, грузинами и др. [6].

Появление г. Алагира связано с модернизацией экономики СССР в 20–30-х гг. XX в. В 1824 г. на карте Осетии появилось с. Салугардан. Позже на его основе возникло поселение Алагир, связанное с решением царского правительства построить на базе Садонских месторождений цветных металлов металлургический завод, а также контролировать перевальную Военно-Осетинскую дорогу. Алагирский плавильный завод был построен донецкими, уральскими и алтайскими горными рабочими. К 1853 г. в Алагире насчитывалось свыше 200 домов. В конце X1X в. в эту местность прибыла большая группа осетин, которые поселились в предместье Алагира. Затем в 1938 г. Алагир получил статус города [16, с. 57].

Беслан также имеет историю, уходящую корнями глубоко в историю. Он вырос из небольшого осетинского селения Тулатово (1847 г.), в связи со строительством Ростово-Владикавказской железной дороги поселение получило развитие, т. к. стало важным транспортным узлом. В 1950 г. с. Тулатово получило статус города и стало называться Беслан [16, с.60].

Два других города – Дигора и Ардон – также выросли на месте прежних сельских поселений. В 1824 г. на берегу р. Ардон горцы-осетины основали с. Ардон, в 1837 г. вблизи него образовалась ст. Ардонская. Еженедельно в ст. Ардонской проходили сельскохозяйственные ярмарки, куда съезжались со всего Северного Кавказа,

привозя кустарные изделия, сельскохозяйственную продукцию. До войны в Ардоне были построены консервный и пеньковый заводы. Позже начали свою работу кукурузообрабатывающий, молочный заводы. Таким образом, Ардон специализировался на переработке сельскохозяйственной продукции.

В 1852 г. на левом берегу р. Урсдон был образован аул Вольно-Христиановский, переименованный в 1934 г. в с. Дигора. В Дигоре функционировали: хлебоприемный пункт, пищекомбинат, сахарный завод, завод лимонной кислоты[14]. Таким образом, Ардон и Дигора были ориентированы на переработку местного сельскохозяйственного сырья.

Визит Н. С. Хрущева в Северную Осетию в августе 1964 г. был посвящен 40-летию автономии республики. В ходе встреч глава государства обнародовал Указ Президиума ВС РСФСР о преобразовании Ардона (Ардонский р-н) и Дигоры (Дигорский р-н) в города районного подчинения [37, л. 14].

Вторая особенность – занимаемая площадь.

Площадь городского поселения Моздока составляет 17, 50 км²; Алагира – 27 км², Беслана – 23,2 км², Ардона – 23 км², Дигоры – 9,2 км². Занимаемая малыми городами площадь невелика, самым маленьким является г. Дигора, который уступает соседнему районному центру – с. Чикола – 16, 3 км².

Третья составляющая – факторы перевода сельских поселений в малые города. В советские годы возникновение городов и поселков городского типа (ПГТ) было связано с близостью к природным ископаемым, сельскохозяйственному производству, удобными транспортными путями, трудовыми ресурсами и т. д. Так, г. Алагир имел тесную привязку к разрабатываемым залежам полиметаллических руд и руд цветных металлов. Алагирский серебро-свинцовый завод еще в годы Крымской войны удовлетворял потребности русской армии в свинце, выдавая ежегодно военному ведомству около 600 тонн [36, л.7].

Активный процесс урбанизации проходил в годы индустриализации, когда массы населения хлынули в города, на предприятия, на всесоюзные стройки. Как указывают демографы, рост горожан обязан следующим факторам: приросту населения из разных источников, а также государственно-административным реформам.

В-четвертых, – приоритетные отрасли экономики, которые получили свое развитие в малых городах.

Появление городов и на карте СО АССР связано с политикой государства и приоритетами развития народного хозяйства страны. В первой половине 1960-х гг. правительство страны активно разрабатывало концепцию преобразования перспективных сел и деревень в города. Данная задача основывалась на программе интенсивного индустриального строительства в сельской местности. При этом особенности сельского образа жизни и хозяйствования в расчет не принимались [33, с. 130]. Такая политика позволила рационально использовать материальные вложения, создавать и развивать город-райцентр, что в условиях так называемой маятниковой миграции было самым правильным выходом [34, с. 131]. Благодаря такой политике малые города активно участвовали в региональном разделении труда.

В малых городах и городских поселениях СО АССР развивалась промышленность, строились новые и совершенствовались имеющиеся заводы и фабрики, для работников которых возводились дома.

Например, благодаря развитию Бесланского маисового комбината можно говорить о том, что работники комбината имели больше преференций, нежели остальные малые города республики. При нем начал создаваться своего рода соцгородок, который включал объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения, прежде всего, работников БМК [40, л. 36].

В г. Ардон за короткое время построена газо-раздаточная станция, которая обеспечивала газом не только население г. Орджоникидзе, но и Ардона.

Алагир с самого начала формировался как транспортная развязка для перевозки грузов из рабочих поселков (шахт, перерабатывающих предприятий) к флагману промышленности СО АССР – заводу «Электроцинк». Но наряду с этим градообразующими предприятиями были завод сопротивлений, лесзавод, хлебзавод. После завершения строительства Транскавказской магистрали Алагир стал важным транспортным узлом между Северный и Южным Кавказом[12].

Градообразующими предприятиями г. Моздока были гардинная фабрика, консервный завод, завод стройматериалов; остальные предприятия носили вспомогательный характер [39, л. 3]. По данным Роскомстата на территории г. Моздока функционировало до начала XX1 в. 14 промышленных предприятий (в том числе Моздокская швейная фабрика, Моздокский кирпичный завод, мясокомбинат, консервный завод), но объем промышленного производства в целом сокращается, и, как следствие, люди теряют работу [5].

Основными промышленными предприятиями Дигоры были: гофрокоронная фабрика, меховая фабрика (работала на привозном сырье), завод лимонной кислоты (сырье получала из БМК), пищекомбинат, маслосырзавод, кирпичный завод.

Кроме малых городов на территории республики в 1950–1960-х гг. было создано несколько поселков городского типа (ПГТ), в основном сосредоточенные в Алагирском районе (Садон, Бурон, Верхний Згид, Холст, Мизур, Верхний Фиагдон) [2]. Горнорудная промышленность составляет одну из важнейших отраслей экономики Северной

Осетии. Кроме основной деятельности – добычи руды – предприятия этого кластера занимались доразведкой месторождений, транспортировали добытую руду на обогатительную фабрику, на которой извлекались цинк, свинец, медь.

Наконец, еще одна важная составляющая – население.

Во второй половине XX в. численность населения Моздока неуклонно увеличивалась. Так в 1959 г. зафиксировано 25,6 тыс. чел., в 1970 г. – 32,4 тыс., 1992 г. – 39,3 тыс., 1998 г. – 39,2 тыс. Удельный вес русского населения – 59,1%, осетин – 8,3 %, кумыков – 7,0 %, остальные исчисляются менее 5 % каждая национальность. С 1954 г. Моздок отличался положительным сальдо миграции. Промышленные предприятия, построенные за годы советской власти, являлись притягательной силой как местных, так и иногородних рабочих. Так, в 1966 г. механический прирост составил 56 %, а начале 1970-х гг. – 65,7 %.

Трудовая структура населения Моздока отражает некоторые его особенности. Город отличается сравнительно высокой долей несамодеятельного населения – 55 %. Из самодеятельного населения к градообразующей группе относится 28 %, градообслуживающей – 17 %. Это позволяет утверждать, что в городе отсутствуют крупные промышленные предприятия, способные использовать имеющийся резерв рабочеактивного населения[5].

Во второй половине 1980-х гг. в связи с нестабильной советской экономической ситуацией происходило сокращение численности местного населения, его естественная убыль. Высокие цифры прироста сохранялись за счет активной миграции из сопредельных районов Чечни, Ингушетии. Однако миграционные потоки за последние десятилетия были разной наполняемости: в начале 1990-х гг. в Моздок перебирались на место жительства не менее 1000 чел.

В начале XXI в. – не более 500 чел. ежегодно, при этом отток в полтора раза превосходил эти цифры. Во многом данная тенденция сохранилась и сейчас, т. к. в демографической картине 52 % населения – это трудоспособные граждане, из них – 13,4 тыс. мужчин, значительная часть которых не имеет постоянного заработка.

Демографическая картина г. Алагир на конец 1980-х гг. выглядит следующим образом: всего населения – 21,0 тыс. чел., трудоспособного населения – 12,2 тыс., не занятого в производстве – 1,7 тыс., занятое в общественном производстве – 10,5 тыс. В 2019 г. ситуация резко меняется: всего населения 19,4 тыс. чел., трудоспособного – 9,6 тыс. чел. [38, л.10]. Прибывающее население занято в непроизводственной сфере (торговля, бытовое обслуживание). Аналитики прогнозируют, что миграция уменьшается, что в будущем будет уменьшаться демографический потенциал [15, с. 82].

Дигора – самый маленький город республики, население составляет 10,9 тыс. чел. Механический прирост постоянно колеблется от отрицательных до высоких приростов. Национальный состав сравнительно однородный, представлен на 90 % осетинами. В промышленности к началу 1990-х гг. было занято не более 30% населения [38, л. 16].

Ардон – один из молодых городов республики. В 1989 г. он занимал пятое место по численности населения среди городов Осетии. Общая численность трудоспособного населения составляла немногим более 7 тыс. чел, из которых 6,9 тыс. были заняты в общественном производстве[28]. Сфера приложения труда в городе долгие годы была разнообразной. 60 % населения составляли рабочие и их семьи.

Подавляющая часть населения рабочих поселков – это специалисты в области разработки залежей цветных и полиметаллических залежей. В процесс миграции, и прежде всего, урбанизации включилось местное сельское население из трудоизбыточных районов республики. Основная причина переезда в городские поселения, - бо'льшие заработки, благоустроенное жилье, культурный досуг и лучшее снабжение. Кроме того, планировавшееся размещение промышленного производства на территории Северной Осетии осуществлялось с таким расчетом, чтобы прививать навыки индустриального труда сельскому населению. Однако процесс носил долгий характер. Материалы переписи 1959 г. дают представление о кадровом составе рабочих горнорудной промышленности Северной Осетии: из общего количества горняков на долю осетин приходилось примерно 27 % [22, с. 7].

Немало рабочих и ИТР прибывало в малые города и рабочие поселки из других регионов страны. Часть их находилась в долгосрочной командировке, восполняя недостаток квалифицированных кадров, другие же в поисках лучшей материальной выгоды оставались в Осетии на долгие годы (так называемая безвозвратная миграция). Мигранты обладали более высокой квалификацией по сравнению с коренным населением, которая давала некоторые преференции. Причем такая ситуация характерна для все республик Северного Кавказа. При этом следует отметить, что заметна дифференциация темпов роста численности населения городских поселений разных типов. Так, горные поселки городского типа (Садон, Мизур) прибавили в 1950–1960-е гг. примерно 65 % населения, а малые города – 50 % [11].

Указанный период был своего рода ренессансом в жизни малых городов, т.к. налицо довольно быстрый рост численности городского населения, благоустройство городской среды и проч. Самое выгодное экономико-географическое положение имел г. Алагир и ПГТ. Более широкая сфера приложения труда, возможность получения высоких

заработков (для шахтеров и проходчиков), хорошее обеспечение и развивающаяся инфраструктура стали притягательной силой не только местных сельских жителей, но и большого количества приезжих.

Как известно, в конце 1940-х гг. в стране вновь был взят курс на проведение оргнабора рабочих на предприятия. В шахты Осетии было направлено около 2 тыс. квалифицированных рабочих, которые в разное время трудились в промышленности республики. Статистические источники позволяют оценивать механический прирост населения в Северной Осетии в 35 тыс. чел.

Однако в следующие 10 лет ситуация резко меняется, что связано с застойными явлениями в экономике малых городов и ПГТ в благоустройстве, развитии инфраструктуры, недостаточной сферой приложения труда. Сложившаяся в Алагирском районе групповая система поселков городского типа в настоящее время находится в упадке: многие ПГТ ликвидированы, население частью переселено в районный центр или в г. Владикавказ. Среди ПГТ выделяется п. Мизур, который является центром для сообщества горных поселков Алагирского района.

В конце 1960-х гг. наблюдаются серьезные проблемы в добыче полиметаллических руд, происходит их истощение, и, как результат, происходит сокращение численности городского населения в два раза. Регион перестал быть притягательным. Число прибывших в поселения республики в 1970-х гг. оценивается в 266 тыс. чел., а выбывших – в 283 тыс. чел. В этот период городское население отличалось малой миграционной подвижностью. Для многих стало выгодно работать в столице Северной Осетии, жить в малом городе, либо вообще переехать поближе к предприятию или учреждению.

Лишь к концу 1970-х гг. удельный вес работников составил 60 %. Для выравнивания профессионального уровня в Северной Осетии была создана система профессионально-технического обучения молодежи. Например, в 1960 г. из средних специальных учебных заведений республики было выпущено по отраслевым группам (промышленность и строительство) 664, в 1970 г. – 1158, в 1975 г. – 1097, в 1970 – 1335 чел. [27, с.110]. Примерно 60 % поступающих в средние специальные учебные заведения – это дети из сельской местности. Полученное образование делало их конкурентно-способными на рынке труда и давало возможность изменить свой социальный статус [20, с. 114]. Все выпускники получили распределение на местные предприятия.

В конце 1980-х гг. численность населения в поселках городского типа существенно сократилась ввиду «перестроечных реформ» и падения социально-экономического уровня. Так, в поселке В. Згид к концу 1980-х гг. численность населения упала в 4 раза, В. Фиагдон – в 4,5 раз, Холст – в 3 раза. Такому оттоку населения способствовало и то, что происходило истощение запасов полиметаллических руд, тяжелое состояние горнодобывающей промышленности.

Так, в Ардоне было 12 крупных предприятий, среди которых кукурузо-обрабатывающий комбинат, пенькозавод, масло-сырзавод, консервный завод и др. Численность работников этих предприятий составила свыше 1000 чел. Благодаря развитию БМК можно говорить о том, что работники комбината имели больше преференций, нежели остальные малые города республики. При нем начал создаваться своего рода соцгородок, который включал объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения, прежде всего, работников БМК [24].

Влияние крестьянского менталитета во всех малых городах республики было заметно. Превращение сельского населения в городское проходило достаточно тяжело и медленно. Урбанизация вызвала новые формы повседневной жизни, новые поведенческие особенности. Жители новых городов становятся горожанами в первом поколении. Такая быстрая метаморфоза приводит к тому, что эти люди в силу ряда обстоятельств, медленно теряют многие элементы сельского жительства, но пока не прививают городские привычки и правила жизни. По этой причине происходит маргинализация первого поколения горожан. Эту ситуацию емко охарактеризовал Е. Стариков: «Классическая фигура маргинала – человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена» [32, с. 133]. Такая неустойчивость приводила к тому, что все социальные связи рвались, утрачивались, делая вчерашнего сельского труженика включенным в совершенно чуждые, неизвестные ему отношения, лишая его привычных социальных и духовных связей. Исследователь А. Пыжиков дает этому процессу следующее обоснование: система удержания сельских жителей в прежних рамках была связана не с запретом миграций, а с государственным их регулированием, сочетанием с потребностями экономической политики в определенный период времени [26, с. 265].

Кроме этого миграционная политика середины XX в. приводила к социальной размытости и неопределенности населения, т. к. в это время абсолютное большинство жителей малых городов родились в селе, тяготели к сельскому быту, имели небольшие приусадебные участки, нередко держали живность.

Даже те, кто родился уже в городах, во многом несли на себе издержки жизни родителей, их традиционного менталитета, хотя адаптация их проходила более активно. Их дети, а потом и внуки, преодолели «болезни адаптации» к город-

ской среде и стали уже в большей степени городскими жителями, переняв культурные вариации, поведение и образ жизни у населения крупных городов. Принимая во внимание возможности телекоммуникации, частые выезды за пределы своих городков, общение со сверстниками и т. д., это сделать стало гораздо легче и быстрее.

Таким образом, малый город – это поле повседневности, которое надо изучать с помощью такой категории как городская ментальность, т.к. это дает возможность реконструировать коммуникативные действия, которые основаны на общей системы ценностей.

Определенная провинциальность малого города дает представление об уровне общего развития, который прослеживается в пространственно-временных характеристиках городской ментальности. Уровень провинциальности во многом зависит от размеров города, а также качественных характеристик.

Ментальность жителей малых городов связана как с пространством города, так и качествами группового сознания, каждое из которых придает городу и горожанам свои детерминанты.

Обретение нового статуса давало возможность горожанам рассчитывать на право проживания и перспективы рост инфраструктуры. В то же время преобразование населенных пунктов и то, как это реализуется, свидетельствовало о полном пренебрежении традиционными принципами сельской поселенческой практики, что, несомненно, стало одной из причин последующей деградации малых городов.

Список источников и литературы

1. Акопов Г. В. Проблема сознания в отечественной психологии: унитарный и междисциплинарный подходы // Акопов Г. В. Российское сознание. Историко-психологические очерки. Самара: СНЦ РАН, 2002. С. 64–76.
2. Бадов А. Д. Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. Владикавказ: СОГУ, 1993. 194 с.
3. Бадов А. Д., Тавасиев В. Х. Социально-демографические проблемы Северной Осетии. Владикавказ, 1998. 137 с.
4. Бушмаков А. В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Пермь, 2006. 26 с.
5. Генеральный план Моздокского городского поселения Моздокского муниципального района РСО-Алания Материалы по обоснованию. Том 1. Современное положение. URL: http://mozdok-osetia.ru/ (дата обращения 29.09.2021)
6. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ: Изд.-полигр. предприятие им. В. А. Гассиева, 1995. 212 с.
7. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., Индрик, 1993. 432 с.
8. Давыдкина (Перфильева) Л. В. Психологическое районирование городского пространства (на примере жителей г. Самары): автореф. дисс. …канд. психол. наук. Курск, 2013. 26 с.
9. Дёмин Н. М., Арзили А. Ю. Исследование ментальности городской среды // Scientific Journal «ScienceRise». 2018. №3(44). С. 6–10.
10. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. С. 196–213.
11. Заря. 2004. 21 сентября.
12. Заря. 2010. 16 февраля.
13. Иванова Т. В. Социально-психологические проблемы городской ментальности: автореф. дисс. … докт. психолог. наук. Самара, 2013. 52 с.
14. История города Дигоры. Владикавказ: Ир, 1992. 106 с.
15. Каберты Н. Г., Гуриева Л. К., Бегиева А. Ш. Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизмы регулирования. Владикавказ: СОГУ, 2017. 215 с.
16. Калоев Г. Ф. Малые города Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 1992. 118 с.
17. Калоев Г. Ф. Новые города на карте СОАССР. Учебное пособие. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. 37 с.
18. Круусвалл Ю., Хейдметс М., Нийт Т. Социально-психологические исследования жилой среды // Социологические исследования проблем города и жилища. Новосибирск: Наука, 1986. С. 164–170.
19. Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты; исследование ментальности городской среды. // Вестник АГУ. 2019. Вып. 4 (249). С. 181–188.
20. Культурное строительство в Северной Осетии. 1917–1977. Т.2. 1941–1977. Орджоникидзе: Ир, 1983. 272 с.
21. Линч К. Образ города. / Пер. с англ. В. Глазычева. /Под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
22. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1958. 94 с.
23. Общественный совет при Минэкономразвития России. URL: /http://os.economy.gov.ru/web/guest/about (дата обращения 28.08.2021)
24. Под знаменем коммунизма, 1964–1975.
25. Психология большого города. // Известия Самарского Научного Центра РАН. Спецвыпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» / под ред. О. М. Буранка и др. Самара, 2002. С. 138–159.
26. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 509 с.
27. Северная Осетия за 60 лет автономии. Статистический сборник. Орджоникидзе: Ир, 1984. 115 с.
28. Северная Осетия. 2002. 6 августа.
29. Семенова Т. В. Городская ментальность: социально психологическое исследование. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Самара, ООО «Порто-принт», 2020. 250 с.
30. Семенова Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: дисс. … докт. психол. наук. Самара, 2007. 271 с.

31. Средовые условия развития социальных общностей / под ред. Т. Нийта, М. Раудсеппа, М. Хейдметса. Таллинн: Изд-во пед. ин-та им. Э. Вильде, 1989. 194 с.
32. Стариков Е. Маргиналы или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. №10. С. 133–160.
33. Сушко М. Ю. Возникновение и развитие рабочих поселков в Саратовской области в 1950 – 1970 годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №1 (35). С. 129–133.
34. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л.: Наука, 1985. 256 с.
35. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
36. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН (далее – НА СОИГСИ). Ф.7. Папка 22. Д. 2
37. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 53. Оп. 2. Д. 52. Л. 1.
38. ЦГА РСО-А. ФР. 384. Оп. 7. Д. 29. Л. 14
39. ЦГА РСО-А. ФР. 384. Оп. 9. Д. 26. Л. 10
40. ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп.1. Д. 22. Л. 3
41. ЦГА РСО-А. ФР. 558. Оп.1. Д. 1. Л. 36

References

1. Akopov G. V. Problema soznaniya v otechestvennoj psihologii: unitarnyj i mezhdisciplinarnyj podhody (The problem of consciousness in Russian psychology: unitary and interdisciplinary approaches) // Akopov G.V. Rossijskoe soznanie. Istoriko-psihologicheskie ocherki. Samara, 2002. P. 64–76. (In Russian).
2. Badov A. D. Formirovanie, razvitie i funkcionirovanie rasseleniya v Severnoj Osetii (Formation, development and functioning of settlement in North Ossetia) Vladikavkaz: SOSU publ., 1993. 194 p. (In Russian).
3. Badov A. D., Tavasiev V. H. Social'no-demograficheskie problemy Severnoj Osetii (Socio-demographic problems of North Ossetia). Vladikavkaz, 1998. 137 p. (In Russian).
4. Bushmakov A. V. Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossijskoj provincii v konce XIX – nachale XX veka: abstract of thesis (Changes in the mentality of the urban population of the Russian province in the late XIX – early XX century). Perm', 2006. 26 p. (In Russian).
5. General'nyj plan Mozdokskogo gorodskogo poseleniya Mozdokskogo municipal'nogo rajona RSO-Alaniya Materialy po obosnovaniyu. Vol 1. Sovremennoe polozhenie (The general plan of the Mozdok urban settlement of the Mozdok municipal district of RSO-Alania Materials for justification. The current situation) URL: http://mozdok-osetia.ru/ (Accessed: 29.09.2021). (In Russian).
6. Gorod Mozdok: Istoricheskij ocherk. (The city of Mozdok: A historical sketch). Vladikavkaz, 1995. 212 p. (In Russian).
7. Gurevich A. YA. Istoricheskij sintez i shkola «Annalov» (Historical synthesis and the school of «Annals»). Moskow: Indrik, 1993. 432 p. (In Russian).
8. Davydkina (Perfil'eva) L. V. Psihologicheskoe rajonirovanie gorodskogo prostranstva (na primere zhitelej g. Samary): abstract of thesis (Psychological zoning of urban space (on the example of residents of Samara): Autoref. diss. ...cand. psychological sciences). Kursk, 2013. 26 p. (In Russian).
9. Dyomin N. M., Arzili A. Yu. Issledovanie mental'nosti gorodskoj sredy (Study of the mentality of the urban environment. // Scientific Journal «ScienceRise». 2018. No.3 (44). P. 6–10. (In Russian).
10. Drobysheva T. V., ZHuravlev A. L. Gorod kak ob»ekt issledovaniya v social'noj psihologii: k istorii voprosa. (The city as an object of research in social psychology: to the history of the issue). // Social and economic psychology. 2016. Volume 1. No. 1. P. 196–213. (In Russian).
11. Zarya. 2004. September 21. (In Russian).
12. Zarya. 2010. February 16. (In Russian).
13. Ivanova T. V. Social'no-psihologicheskie problemy gorodskoj mental'nosti: abstract of thesis (Socio-psychological problems of urban. Samara, 2013. 52 p. (In Russian).
14. Istoriya goroda Digory (The history of the city of Digory). Vladikavkaz: Ir, 1992. 106 p. (In Russian).
15. Kaberty N. G., Gurieva L. K., Begieva A. SH. Demograficheskaya situaciya v Severnoj Osetii: faktory, prognozy i mekhanizmy regulirovaniya (Demographic situation in North Ossetia: factors, forecasts and regulatory mechanisms). Vladikavkaz: SOSU publ., 2017. 215 p. (In Russian).
16. Kaloev G. F. Malye goroda Severnoj Osetii (Small towns of North Ossetia). Vladikavkaz: Ir, 1992. 118 p. (In Russian).
17. Kaloev G. F. Novye goroda na karte SOASSR. Uchebnoe posobie. (New cities on the map of SOASSR. Study guide). Ordzhonikidze: RIO SOGU, 1986. 37 p. (In Russian).
18. Kruusvall YU., Hejdmets M., Nijt T. Social'no-psihologicheskie issledovaniya zhiloj sredy. //Sociologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha. (Socio-psychological studies of the residential environment). // Sociological studies of the problems of the city and housing. Novosibirsk: Nauka, 1986. P. 164–170. (In Russian).
19. Kuznecova A. V., Petrulevich I. A. Gorodskaya mental'nost' v prostranstve kul'tury: socio- i lingvokul'turnyj aspekty; issledovanie mental'nosti gorodskoj sredy. (Urban mentality in the space of culture: socio- and linguocultural aspects; study of the mentality of the urban environment) // Bulletin of ASU. 2019. Issue 4 (249). P. 181–188. (In Russian).
20. Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoj Osetii. 1917–1977. T. 2. 1941–1977. (Cultural construction in North Ossetia). Ordzhonikidze: Ir, 1983. 272 p. (In Russian).
21. Linch K. Obraz goroda. /Per. s angl. V. Glazycheva. /Pod red. A.V. Ikonnikova. (The image of the city. / Translated from the English by V. Glazychev). Moskow: Strojizdat, 1982. 328 p. (In Russian).
22. Narodnoe hozyajstvo Severo-Osetinskoj ASSR. Statisticheskij sbornik. (National economy of the North Ossetian ASSR. Statistical collection). Ordzhonikidze, 1958. 94 p. (In Russian).
23. Obshchestvennyj sovet pri Minekonomrazvitiya Rossii. (Public Council under the Ministry of Economic Development of Russia). // URL: http://os.economy.gov.ru/web/guest/about (Accessed 28.08.2021). (In Russian).

24. Pod znamenem kommunizma, 1964 – 1975. (In Russian).
25. Psihologiya bol'shogo goroda. (Psychology of the big city). //News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special issue «Actual problems of the humanities» / ed. by O.M. Buranka et al. Samara, 2002. P. 138–159. (In Russian).
26. Pyzhikov A. V. Hrushchevskaya «ottepel'» (Khrushchev's «thaw»). Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 509 p. (In Russian).
27. Severnaya Osetiya za 60 let avtonomii. Statisticheskij sbornik. (North Ossetia for 60 years of autonomy. Statistical collection). Ordzhonikidze: Ir, 1984. 115 p. (In Russian).
28. Severnaya Osetiya, (North Ossetia). 2002. August 6. (In Russian).
29. Semenova T. V. Gorodskaya mental'nost': social'no psihologicheskoe issledovanie. Izdanie 2-e, dopolnennoe i ispravlennoe. (Urban mentality: a socio-psychological study. 2nd edition, supplemented and corrected). Samara, OOO «Porto-print», 2020. 250 p. (In Russian).
30. Semenova T. V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty social'no-psihologicheskogo issledovaniya gorodskoj mental'nosti: thesis (Theoretical and applied aspects of socio-psychological research of urban mentality). Samara, 2007. 271 p. (In Russian).
31. Sredovye usloviya razvitiya social'nyh obshchnostej (Environmental conditions for the development of social communities) / ed by T. Neit, M. Raudsepp, M. Heidmets. Tallinn: Publishing House of E. Vilde Pedagogical Institute, 1989. 194 p. (In Russian).
32. Starikov E. Marginaly ili razmyshleniya na staruyu temu: «CHto s nami proiskhodit?». (Marginals or reflections on the old topic: «What is happening to us?») // Banner. 1989. No. 10. P. 133–160. (In Russian).
33. Sushko M. YU. Vozniknovenie i razvitie rabochih poselkov v Saratovskoj oblasti v 1950 – 1970 gody (The emergence and development of workers' settlements in the Saratov region in the 1950-1970 years) // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2011. No. 1 (35). P. 129–133. (In Russian).
34. Urbanizaciya i razvitie gorodov v SSSR. (Urbanization and urban development in the USSR) Leningrad: Nauka, 1985. 256 p. (In Russian).
35. Hajdegger M. Bytie i vremya /Per. s nem. V. V. Bibihina. (Being and time / Translated from German by V. V. Bibikhina). Har'kov: «Folio», 2003. 503 p. (In Russian).
36. Nauchnyj arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij VNC RAN. (Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of the VNC RAS). F.7. Folder 22. D. 2.
37. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya (CGA RSO-A). (Central state archive of the Republic of North Ossetia Alania (hereinafter TSGA RSO-A). F. 53. Op. 2. D. 52. L. 1.
38. CGA RSO-A. FR. 384. Op. 7. D. 29. L. 14.
39. CGA RSO-A. FR. 384. Op. 9. D. 26. L. 10.
40. CGA RSO-A. FR. 509. Op.1. D. 22. L. 3.
41. CGA RSO-A. FR. 558. Op.1. D. 1. L. 36.

Сведения об авторах

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Северо-Осетинского государственного университето им. Коста Левановича Хетагурова; e-mail: hubul@yandex.ru

Хубулова Эда Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ); e-mail: dudieva@mail.ru

Information about the authors

Khubulova Svetlana A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, North Ossetian State University; e-mail: hubul@yandex.ru

Khubulova Eda V. – PhD in History, Senior Researcher, North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies named after V.I. Abayev, a branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: dudieva@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
LEGAL SCIENCES

CC BY

УДК 342.94.

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.11

Е. Г. Афонина

МЕРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению проблем правового регулирования общественных отношений, возникающих при обеспечении детской безопасности в условиях дорожного движения. Анализируется законодательство в области безопасности дорожного движения. Определены факторы риска, влияющие на дорожно-транспортную обстановку.

Обосновывается мнение расширить область применения состава статьи 5.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях и отнести случаи нарушения обязанностей по защите прав и интересов детей, выразившиеся в непринятии мер по обеспечению их безопасности, родителем или законным представителем, который управлял автомобилем, когда в нем находился ребенок, допустив совершение правонарушения, административная ответственность за которые предусмотрена определенными статьями главы 12 КоАП РФ, к отягчающим ответственность обстоятельствам.

Сделан вывод о целесообразности ведения учета правонарушений, предусмотренных некоторыми статьями главы 12 КоАП РФ, рассмотренных комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, где родитель или законный представитель был привлечен к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ за нарушение обязанностей по защите прав и интересов детей, выразившееся в непринятии мер по обеспечению их безопасности в условиях дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, детский дорожно-транспортный травматизм, безопасность, компетенция, органы внутренних дел, причины аварийности.

Для цитирования: Афонина Е. Г. Меры, способствующие предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма: совершенствование правового регулирования // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 96–102. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.11

Evgeniya G. Afonina

MEASURES CONTRIBUTING TO THE PREVENTION OF CHILD ROAD TRAFFIC INJURIES: IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION

The article is devoted to the consideration of problems of legal regulation of public relations arising in ensuring child safety in traffic conditions. Road safety legislation is being analysed. Risk factors affecting the road transport environment have been identified.

It is justified to expand the scope of application of article 5.35 of the Code of Administrative Offenses and to include cases of violation of obligations to protect the rights and interests of children, expressed in the absence of measures to ensure their safety by a parent or legal representative, Who was driving when the child was in it, having committed an offence, administrative liability for which is provided by certain articles of Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation, to aggravating circumstances.

It was concluded that it was advisable to keep records of the offences provided for in some articles of chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation, considered by the commissions for minors and the protection of their rights, where the parent or legal representative was brought to administrative responsibility under Art. 5.35 of the Administrative Code of the Russian Federation for violation of obligations to protect the rights and interests of children, expressed in the absence of measures to ensure their safety in traffic conditions.

Key words: administrative responsibility, child traffic injuries, safety, competence, internal affairs bodies, causes of accidents.

For citation: Afonina E. Measures contributing to the prevention of child road traffic injuries: improvement of legal regulation // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 96–102. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.11

Структура компетенции органов внутренних дел по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма включает в себя полномочия, состоящие из прав и обязанностей, реализация которых позволяет решать основные задачи, стоящие перед государственным органом для достижения поставленных целей. Кроме того, элементами компетенции являются функции госу-

дарственного органа, которые отражают главные направления его деятельности. Таким образом, структура компетенции представляет собой не разрозненные компоненты, а взаимосвязанный механизм, где каждый элемент дополняет другой.

Подразделения органов внутренних дел призваны обеспечивать защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также противостоять преступности, охранять общественный порядок, собственность и общественную безопасность. Часто при этом применяются меры принуждения в рамках конкретного охранительного отношения между субъектами, наделенными публично-властными полномочиями и объектами принудительного воздействия [17]. Предупреждение правонарушений с участием детей в условиях дорожного движения является одной из важных проблем существующей действительности.

В 2021 году ситуация по сравнению с прошлым годом выглядит более напряженной. За девять месяцев произошло более 8,9 тыс. ДТП с участием детей в возрасте до 16 лет, что на 2,9 % больше, чем в 2020 году. 9,7 тыс. детей ранено (+2,3 %), 316 погибло (+19,7 %). Рост детской аварийности фиксируется на фоне общего снижения количества всех ДТП примерно на 10% по сравнению с прошлым годом. Резкий прирост аварийности с участием детей фиксируется примерно с апреля, что совпадает с началом теплого времени года и отменой большинства ограничений, связанных с COVID-19. В июле 2021 года практически ежедневно на дорогах погибало более двух детей [5].

За девять месяцев текущего года более чем на 40% выросло число погибших детей-пассажиров, что связано с тем, что в летние месяцы многие семьи отправляются в путешествие на автомобиле. На 20% увеличилось количество ДТП с участием детей-пешеходов [15]. Как поясняет заместитель начальника ГУОБДД МВД России, «многие граждане возвращаются к месту постоянного жительства, часто вместе с детьми и в автомобиле, в результате большое количество детей оказывается на улицах городов в качестве пешеходов, водителей велосипедов и т. д. Как следствие, возрастают риски аварийности» [4].

В современной России формируется новый подход к системе управления безопасностью дорожного движения [13]. В начале июля в ГУОБДД МВД России состоялось оперативное совещание, где обсуждались дополнительные меры по обеспечению дорожной безопасности детей: представителям региональных государственных органов были даны поручения представить предложения по мерам стабилизации ситуации. Большинство предложений сводятся к тому, что необходимо совершенствовать законодательство в области дорожного движения, проводить различные мероприятия в субъектах Российской Федерации, изменять методику работы подразделений пропаганды безопасности дорожного движения [3].

Правительственной комиссией по безопасности дорожного движения, в рамках реализуемого федерального проекта «Безопасность дорожного движения» [9], запланирована реализация направления «Совершенствование обучения детей основам правил дорожного движения и привития им навыков безопасного поведения на дорогах», в том числе создание серии обучающих информационных материалов (фильмов, видео- и аудироликов, компьютерных игр для несовершеннолетних) с использованием технологий виртуальной реальности, 3D-технологий. Отработка навыков безопасного вождения у подростков будет происходить с помощью специальных автобусов-тренажеров, которые получит каждый регион. На базе родильных домов и перинатальных центров планируется продолжать проведение тренингов по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма: сотрудники медучреждений будут обучать молодых мам основам безопасности движения. При этом, речь идет о разъяснении не только правил пользования детскими автокреслами, но и принципов выбора скоростного режима, торможения и в целом поведения на дороге, если в салоне автомобиля находится ребенок. Подобные тренинги уже организованы в 65 регионах Российской Федерации в рамках проекта «Детство без опасности», до конца 2021 года их начнут проводить уже во всех субъектах Российской Федерации. Продолжится проведение и других социальных кампаний среди всего населения, цель которых – воздействие на факторы, влияющие на безопасность дорожного движения [4].

Анализ причин, по которым в основном происходят дорожно-транспортные правонарушения с участием детей, позволяет определить факторы риска. Во-первых, это человек. Чтобы повысить безопасность дорожного движения, исключив этот фактор риска, необходимо проведение мероприятий профилактической, образовательной, воспитательной направленности, привлечение общественности и политических деятелей для формирования законопослушного поведения участников дорожного движения. Во-вторых, фактором риска является дорога. Для исключения этого фактора необходимо улучшение дорожной инфраструктуры, повышения качества материалов, предназначенных для строительства дорог, применение новейших техник и технологий для изготовления отдельных дорожных сооружений, защищающих автомобили от повреждений.

На основе анализа факторов риска, выделим несколько основных целей, стоящих непосредственно перед подразделениями полиции в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма:

1) сохранение жизни и здоровья детей;
2) повышение уровня правосознания участников дорожного движения.

Поставленные цели способствуют обозначению ряда серьезных задач в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма, требующих решения. Одной из таких задач является совершенствование действующего административного законодательства в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма. Нельзя не согласиться с мнением В. И. Майорова о том, что существуют проблемы устаревания норм, наличия коллизий и недочетов, бессистемности в развитии как федерального, так и регионального законодательства в области безопасности дорожного движения. Учитывая важность обеспечения безопасности дорожного движения как одной из приоритетных государственных задач, оптимизация правового регулирования деятельности в этой сфере должна быть включена в направления реализации целевых программ [8]. При этом, безопасность дорожного движения является самостоятельным видом безопасности, затрагивающим значительный спектр общественных отношений, урегулированных государством для обеспечения состояния защищенности в первую очередь личности и социума от рисков и угроз сферы дорожного движения [6].

В Стратегии безопасности дорожного движения до 2024 года большое внимание уделяется проведению мероприятий, направленных на повышение уровня дорожной грамотности среди населения. В осуществлении профилактических мероприятий, безусловно, задействованы сотрудники различных подразделений полиции, в обязанности которых входит обеспечение безопасности на дорогах. Так, деятельность по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма осуществляется в тесном взаимодействии с подразделениями по делам несовершеннолетних, участковыми уполномоченными полиции, заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, образовательными организациями, общественными организациями и объединениями, СМИ и иными заинтересованными лицами [11].

В первую очередь занимаются профилактикой детского дорожно-транспортного травматизма сотрудники ГИБДД МВД России, которые осуществляют пропаганду безопасности дорожного движения по следующим основным направлениям:

1) проведение мониторинга материалов по фактам ДТП, в которых погибли, получили ранения или травмы несовершеннолетние, размещенных в автоматизированной информационно-управляющей системе Госавтоинспекции (АИУС ГИБДД);
2) планирование организации деятельности по предупреждению ДДТТ на основе изучения материалов проверок по фактам ДТП и дифференцированного анализа состояния и динамики аварийности с участием детей с использованием статистических данных много параметрической информационно-аналитической системы прогнозирования и моделирования ситуации в области обеспечения безопасности дорожного движения (МИАС), а также эффективности принимаемых мер по профилактике ДДТТ;
3) ведение наблюдательных дел на дошкольные образовательные и общеобразовательные организации, содержащих:
   - сведения об образовательной организации;
   - паспорт дорожной безопасности образовательной организации;
   - материалы по фактам ДТП с обучающимися и принятым по ним мерам, организации работы по профилактике ДДТТ и обучению несовершеннолетних правилам безопасного поведения на дорогах (акты обследования, рапорты о проведении просветительских мероприятий, переписка с образовательной организацией и иные материалы);
4) ведение контрольно-накопительных дел по проводимым информационно-пропагандистским мероприятиям, взаимодействию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами управления образованием, общественными организациями и объединениями, иными заинтересованными лицами;
5) изучение организации в образовательных организациях работы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма и обучению несовершеннолетних правилам безопасного поведения на дорогах;
6) участие в организации и проведении конференций, дискуссий, форумов, совещаний и семинаров по вопросам профилактики детского дорожно-транспортного травматизма и т. д.

Сотрудники полиции наделены соответствующими правами в рамках реализации данных функций. Вместе с тем, представляется целесообразным закрепление в законодательстве формулировки не «права», а «обязанности». Так, право участвовать в мероприятиях по обеспечению безопасности дорожного движения на административном участке реализуют и участковые уполномоченные полиции, которые осуществляют свою профессиональную деятельность на основании Приказа МВД России № 205 от 29 марта 2019 г. [12]. Участковый уполномоченный полиции имеет право на своем административном участке оста-

навливать транспортное средство, вызывающее у него подозрения и отстранять водителя от управления транспортным средством [10]. При этом, обязанность участкового уполномоченного полиции осуществлять деятельность по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма нормативно не закреплена, что необходимо, так как проведение профилактических мероприятий на закрепленном административном участке, особенно если на его территории расположены дошкольные и школьные образовательные организации, обязательно. Действия участкового в этой области могут заключаться даже в простом разъяснении жителям административного участка обязанности перевозить детей в детских удерживающих устройствах, правильности установки таких кресел в автомобиле, а также ответственности за несоблюдение указанных правил. При этом, административная ответственность – это вид юридической ответственности, установленный КоАП РФ и законами субъектов РФ, заключающийся в применении компетентными органами административной юрисдикции и должностными лицами к лицам, виновным в совершении административного правонарушения, специфических мер административного принуждения – административных наказаний, влекущих для правонарушителей наступление негативных последствий морального, имущественного, личного или организационного характера [1].

Данная мера позволит приблизиться к установленному в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы показателю социального риска в России к 2024 году, а именно – не более 4 погибших на 100 тысяч населения.

Согласно Конституции РФ, забота о детях, их воспитание – равные право и обязанность родителей [7]. Родители или лица, их заменяющие, обязаны заботиться о здоровье детей, их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии; обеспечить им получение основного общего образования и создание условий для получения среднего (полного) образования, а также защищать права и интересы своих детей. В соответствии с положениями Семейного кодекса РФ, родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке [16].

Таким образом, родитель-водитель подвергает опасности жизнь и здоровье ребенка, находящегося рядом, например, перевозя его в автомобиле без автокресла. Необходимо отметить, что указанная причина травм детей при ДТП является не единственной. Треть детей-пассажиров в возрасте до 16 лет гибнет при столкновениях, связанных с выездом на встречную полосу движения [4]. Очевидно, что водитель должен менять стиль вождения при наличии ребенка в салоне автомобиля, надо избегать опасных маневров, например, выезда на полосу встречного движения даже, если это предусмотрено дорожной разметкой, не превышать разрешенную скорость, выбирая ее исходя из указаний знаков, а не по причине того, что за превышение разрешенной скорости на 20 км/ч система не зафиксирует правонарушение и наказания не последует.

Кроме того, имеется целесообразность привлекать к административной ответственности родителя, который управлял автомобилем, когда в нем находился ребенок, и допустил совершение правонарушения, административная ответственность за которые предусмотрена определенными статьями главы 12 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Представляется, что под категорию статей, объектом охраны которых являются жизнь и здоровье несовершеннолетних, следует отнести ч.1 и 2 статьи 12.7 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством». Необходимо отметить, что алгоритм привлечения родителей, которые передали право управлять транспортным средством своим несовершеннолетним детям, достаточно выработан. В указанных случаях родителей или законных представителей привлекают к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ребенка, а также, в случае, если ребенок не достиг 16-летнего возраста, то родителя или законного представителя привлекают к административной ответственности и по ст. 12.7 КоАП РФ.

Однако, представляется обоснованным в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность считать случаи нарушения обязанности по защите прав и интересов детей, выразившиеся в непринятии мер по обеспечению их безопасности, родителем или законным представителем, который управлял автомобилем, когда в нем находился ребенок, допустив совершение правонарушения, административная ответственность за которые предусмотрена определенными статьями главы 12 КоАП РФ.

Например, в салоне могут быть несовершеннолетние, когда автомобилем управляет водитель, находящийся в состоянии опьянения. Под влиянием алкоголя или наркотиков нарушаются важнейшие функции организма водителя, снижается реакция, возникает излишняя самоуверенность, пренебрежительное отношение к соблюдению правил дорожного движения [2]. В этом случае водителя привлекут к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ, но в случае, когда автомобилем управлял родитель или законный представитель несовершеннолетнего, находящегося в салоне, обосновано было бы привлекать к административной ответственности

и по ст. 5.35 КоАП РФ за нарушение обязанностей по защите прав и интересов детей, выразившееся в непринятии мер по обеспечению их безопасности.

В случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ «Превышение установленной скорости движения», при условии нахождения в автомобиле несовершеннолетнего ребенка (детей), также возможно привлечение родителя или законного представителя за нарушение обязанностей по защите прав и интересов детей. Ведь превышая максимально разрешенную скорость, создаются особо опасные условия, которые могут стать причиной ДТП и, как следствие, будет причинен вред здоровью ребенка, как физический, так и психологический.

Кроме того, по тем же причинам, в отдельную группу статей главы 12 КоАП РФ возможно выделить и другие статьи такие, как ст. 12.10 «Нарушение правил движения через железнодорожные пути»; ст. 12.12 «Проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика»; ч. 2 статьи 12.13 «Нарушение правил проезда перекрестков»; ст. 12.14 «Нарушение правил маневрирования»; ч.3 и 4 ст. 12.15 «Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона»; ст. 12.24 «Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего»; ст. 12.28 «Нарушение правил, установленных для движения транспортных средств в жилых зонах»; ст. 12.36.1 «Нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства».

При этом необходимо отметить тот факт, что до настоящего времени не ведется учет правонарушений по главе 12 КоАП РФ, рассмотренных комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, где родитель или законный представитель был привлечен к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ за нарушение обязанностей по защите прав и интересов детей, выразившееся в непринятии мер по обеспечению их безопасности в условиях дорожного движения. Подобная статистика позволила бы выработать систему мер по предотвращению подобных нарушений и минимизации их последствий. В этой связи необходимо внести соответствующие изменения в Правила учета дорожно-транспортных происшествий [14].

Список литературы

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Рыжкова Е. В. Актуальные проблемы привлечения водителя к административной и уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. №1 (86). С. 16–20.
3. Борьбе с аварийностью подготовили новый план. URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 01.11.2021).
4. Все внимание – на детей. Какие меры принимаются для снижения аварийности с участием несовершеннолетних. URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 28.10.2021).
5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2021года // URL: https://нцбд.мвд.рф/dop_stranici/ обзоры-2021
6. Калюжный Ю. Н. Основные законодательные инициативы, связанные с фиксацией административных правонарушений в области дорожного движения техническими средствами // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 67–70.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.
8. Майоров В. И. Новая федеральная целевая программа повышения безопасности дорожного движения: целесообразность разработки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. №3 (57). 124с.
9. Паспорт федерального проекта «Безопасность дорожного движения» (утв. протоколом заседания проектного комитета по национальному проекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги» от 20.12.2018 № 4) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 (ред. от 21 декабря 2017 г.) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2017. № 232. 13 октября.
11. Приказ МВД России от 29 декабря 2018 г. № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») (Зарегистрировано в Минюсте России 3 июля 2019 г. № 55115) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.11.2021).
13. Позднышов А. Н., Вертий О. Ю. Профилактика детского дорожно-транспортного травматизма. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 3 (130). С. 127–131.

14. Постановление Правительства РФ от 19.09.2020 № 1502 «Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. №39. ст. 6077.
15. Ремня не дали. Половина детей, пострадавших в авариях, были пассажирами. URL: https://www. rg.ru (дата обращения: 29.10.2021).
16. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. №1. Ст. 16; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5138.
17. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Меры процессуального принуждения по законодательству об административном судопроизводстве в системе мер административного принуждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №4. С. 173–179.

References

1. Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov (Administrative Law of the Russian Federation): textbook for bachelors /ed. A.Yu. Sokolova. 2nd ed., Redesign. and supplement Moscow: Norma: INFRA-M publ., 2018. 352 p. (In Russian).
2. Arkhiptsev I. N., Sarychev A. V., Ryzhkova E. V. Aktual'nye problemy privlecheniya voditelya k administrativnoy i ugolovnoy otvetstvennosti za upravlenie transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya (Current problems of bringing the driver to administrative and criminal responsibility for driving while intoxicated) // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2021. No. 1 (86). P. 16–20. (In Russian).
3. Bor'be s avariynost'yu podgotovili novyy plan (The fight against accidents prepared a new plan). URL: https://www. kommersant.ru (Accessed: 01.11.2021). (In Russian).
4. Vse vnimanie – na detey. Kakie mery prinimayutsya dlya snizheniya avariynosti s uchastiem nesovershennoletnikh (All attention is on the children. What measures are being taken to reduce accidents involving minors). URL: https://www. kommersant.ru (Accessed: 28.10.2021). (In Russian).
5. Dorozhno-transportnaya avariynost' v Rossiyskoy Federatsii za 9 mesyatsev 2021goda (Road traffic accident in the Russian Federation for 9 months of 2021) URL: https://нцбд.мвд.рф/dop_stranici/ reviews-2021 (Accessed: 28.10.2021). (In Russian).
6. Kalyuzhny Yu. N. Osnovnye zakonodatel'nye initsiativy, svyazannye s fiksatsiey administrativnykh pravonarusheniy v oblasti dorozhnogo dvizheniya tekhnicheskimi sredstvami (Main legislative initiatives related to fixing administrative offenses in the field of road traffic by technical means) // Rossiyskaya gazeta. 2019. No. 4. P. 67–70. (In Russian).
7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) (Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya gazeta. 2020. No. 144. July 4. (In Russian).
8. Mayorov V. I. Novaya federal'naya tselevaya programma povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: tselesoobraznost' razrabotki (New federal target program for improving road safety: feasibility of development) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2021. No. 3 (57). (In Russian).
9. Pasport federal'nogo proekta «Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya» (utv. protokolom zasedaniya proektnogo komiteta po natsional'nomu proektu «Bezopasnye i kachestvennye avtomobil'nye dorogi» ot 20.12.2018 № 4) (Passport of the federal project «Road Safety» (utv. Minutes of the meeting of the project committee on the national project «Safe and high-quality roads» dated 20.12.2018. No. 4) // The document has not been published. Access from the legal system "Konsultant Plus.» (In Russian).
10. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 23, 2017 No. 664 (ed. December 21, 2017) «On approval of the Administrative Regulations for the performance by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function to carry out federal state supervision of compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety «// Rossiyskaya gazeta. 2017. No. 232. October 13.
11. Prikaz MVD Rossii ot 23 avgusta 2017 g. № 664 (red. ot 21 dekabrya 2017 g.) «Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta ispolneniya Ministerstvom vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii gosudarstvennoy funktsii po osushchestvleniyu federal'nogo gosudarstvennogo nadzora za soblyudeniem uchastnikami dorozhnogo dvizheniya trebovaniy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» (Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 29, 2018 No. 903 «On approval of the Instruction on the organization of the activities of the State Inspectorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the promotion of road safety.» The document was not published) // The document has not been published. Access from the legal system "Konsultant Plus.» (In Russian).
12. Prikaz MVD Rossii ot 29 marta 2019 g. № 205 «O nesenii sluzhby uchastkovym upolnomochennym politsii na obsluzhivaemom administrativnom uchastke i organizatsii etoi deyatel'nosti» (vmeste s «Instruktsiei po ispolneniyu uchastkovym upolnomochennym politsii sluzhebnykh obyazannostei na obsluzhivaemom administrativnom uchastke», «Nastavleniem po organizatsii sluzhby uchastkovykh upolnomochennykh politsii») (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 3 iyulya 2019 g. № 55115) (Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 No. 205 «On the performance of service by the district police commissioner in the serviced administrative site and the organization of this activity» (together with the «Instruction on the performance by the district police commissioner of official duties in the serviced administrative station,» «Instruction on the organization of the service of district police commissioners») (Registered with the Ministry of Justice of Russia on July 3, 2019 No. 55115) // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. URL: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 04.11.2021). (In Russian).
13. Pozdnyshov A.N., Vertiy O.Yu. Profilaktika detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma (Prevention of child traffic injuries) // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2021. No. 3 (130). P. 127–131.

14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.09.2020 No. 1502 «On the Approval of the Rules for the Accounting of Traffic Accidents, on the Modification and Recognition of Certain Acts of the Government of the Russian Federation « (Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.09.2020 № 1502 «Ob utverzhdenii Pravil ucheta dorozhno-transportnykh proisshestvii, ob izmenenii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii») // Sbornik Zakonov Rossiiskoi Federatsii. 2020, No. 39, Article 6077.
15. Remnya ne dali. Polovina detei, postradavshikh v avariyakh, byli passazhirami (They did not give a belt. Half of the children injured in the accidents were passengers). URL: https://www. rg.ru (Accessed: 29.10.2021).
16. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ (red. ot 02.07.2021) (Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (ed. From 02.07.2021) // Sbornik Zakonov Rossiiskoi Federatsii. 1996. No 1. Art. 16; 2021. No. 27 (Part I). Art. 5138.
17. Sokolov A.Yu., Lakaev O.A. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya po zakonodatel'stvu ob administrativnom sudoproizvodstve v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya (Measures of procedural coercion under the legislation on administrative proceedings in the system of administrative coercive measures) // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2015. No. 4. P. 173–179.

Сведения об авторе

Афонина Евгения Григорьевна – преподаватель, кафедры административного права и административной деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова; e-mail: Evg.afonina@mail.ru

Information about the author

Afonina Evgeniya Grigoryevna – teacher, Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova (Oryol); e-mail: Evg.afonina@mail.ru

CC BY

УДК 349.2

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.12

Т. Ф. Вышеславова
А. В. Диреганова

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ФАБРИЧНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ (XIX ВЕК – НАЧАЛО XX СТОЛЕТИЯ)

История формирования отечественного законодательства не освещается современными учебниками трудового права. Данное положение не прослеживает становление фабричного законодательства как обоснование роли рабочего движения и разрешения трудовых конфликтов в его регулирующем значении. Недостаточное внимание принципу историзма в трудовом праве может привести к ошибкам в отражении отдельных закономерностей развития института разрешения коллективных трудовых споров.

Данная статья отражает полный комплексный анализ причин и условий необходимости введения правового регулирования наемного труда и разрешения трудовых конфликтов в дореволюционной России, где решающая роль принадлежит рабочему движению за свои права при бурном развитии промышленного производства и наличию разногласий между рабочими и промышленниками. Выявление предпосылок разработки фабричного законодательства расширяет представления об общественных процессах того времени способствовавших появлению фабричного законодательства, обогащает сточниковедческую базу, оказывает определенное влияние на систематизацию норм трудового законодательства. В данной статье рассмотрены этапы формирования рабочего законодательства, возникающего под напором стачечного и забастовочного движения рабочего класса. Противоречия труда и капитала требовали урегулирования взаимных отношений на уровне законодательства, являлись катализатором его разработки и реализации. Авторами анализируется ничем не ограниченная эксплуатация рабочей силы, а также позитивное влияние на разработку и закрепление правовых норм на уровне фабричных законов зарубежного права. В современных исследовательских работах проблеме возникновения фабричного законодательства уделяется недостаточное внимание, данное исследование восполнит пробелы в вопросе формирования отечественного трудового права.

В статье анализируются отдельные фабричные законы, авторы обращаются к архивным документам, аргументирующим их точку зрения в значении предпосылок возникновения фабричного законодательства на всю общественную жизнь российского общества. Авторами выявлены наиболее характерные предпосылки появления рабочего законодательства, регламентирующего наемный труд в целом и разрешение коллективных трудовых споров, в частности. Уделено внимание выработке и закреплению норм, устанавливающих порядок разрешения трудовых конфликтов, позволяющих введение в правовое поле проведение стачек и забастовок. Отмечается, что действовавшее законодательство, защищая государственные устои, включало некоторые уступки рабочим, продолжая откровенно содержать репрессивные меры к бастующим. Исследуется проблема закрепления в нормах фабричных законов минимума социально-экономических и трудовых прав и гарантий трудящихся, являющихся основами отечественного фабрично-заводского законодательства.

Ключевые слова: рабочий класс, рабочее законодательство, трудовые конфликты, стачечное движение, забастовка, требования рабочих, коллективные трудовые споры.

Для цитирования: Вышеславова Т. Ф., Диреганова А. В. Теоретико-исторические предпосылки возникновения и развития института трудовых конфликтов в фабричном законодательстве россии (XIX век – начало XX столетия) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 103–110. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.12

Tatiana F. Vysheslavova
Angelina V. Direganova

THEORETICAL AND HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF LABOR CONFLICTS IN THE FACTORY LEGISLATION OF RUSSIA (XIX CENTURY- EARLY XX CENTURY)

The history of the formation of domestic legislation is not covered by modern textbooks of labor law. This provision does not trace the formation of factory legislation as a justification for the role of the labor movement and the resolution of labor conflicts in its regulatory meaning. Insufficient attention to the principle of historicism in labor law can lead to errors in reflecting certain patterns of development of the institution of collective labor dispute resolution.

This article reflects a complete comprehensive analysis of the reasons and conditions for the need to introduce legal regulation of wage labor and the resolution

of labor conflicts in pre-revolutionary Russia, where the decisive role belongs to the workers' movement for their rights with the rapid development of industrial production and the presence of disagreements between workers and industrialists. The identification of the prerequisites for the development of factory legislation expands the understanding of the social processes of that time that contributed to the emergence of factory legislation, enriches the stock research base, has a certain influence on the systematization of labor legislation norms. This article examines the stages of the formation of labor legislation arising under the pressure of the strike and strike movement of the working class. The contradictions of labor and capital required the regulation of mutual relations at the level of legislation, were a catalyst for its development and implementation. The authors analyze the unrestricted exploitation of labor, as well as the positive impact on the development and consolidation of legal norms at the level of factory laws of foreign law. In modern research works, insufficient attention is paid to the problem of the emergence of factory legislation, this study will fill in the gaps in the formation of domestic labor law.

The article analyzes individual factory laws, the authors turn to archival documents that substantiate their point of view in the meaning of the prerequisites for the emergence of factory legislation for the entire social life of Russian society. The authors have identified the most characteristic prerequisites for the emergence of labor legislation regulating wage labor in general and the resolution of collective labor disputes, in particular. Attention is paid to the development and consolidation of norms establishing the procedure for resolving labor conflicts, allowing the introduction of strikes and strikes into the legal field. It is noted that the current legislation, protecting the state foundations, included some concessions to workers, while continuing to openly contain repressive measures against strikers. The problem of fixing the minimum socio-economic and labor rights and guarantees of workers in the norms of factory laws, which are the foundations of domestic factory legislation, is investigated.

Key words: working class, labor legislation, labor conflicts, strike movement, strike, workers' demands, collective labor disputes.

For citation: Vysheslavova T., Direganova A. Theoretical and historical prerequisites for the emergence and development of the institution of labor conflicts in the factory legislation of russia (XIX century - early XX century) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 103–110. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.12

Общественная жизнь России XIX столетия ознаменуется ролью рабочего вопроса в экономической и политической жизни общества. Возникновение особого внимания законодателя того времени к данному вопросу вытекало из ряда причин.

Устои жизни в сфере экономики характеризовали и способы производства России. Уже в первой половине XIX в. страна испытывала недостаток вольнонаемного труда, который являлся более производительным, чем труд приписных крестьян или отпущенных хозяевами на оброк.

На смену ремесленничеству приходит капиталистическое производство, что дает возможность создания новых условий экономического развития страны. В России быстро росло количество фабрик и заводов. Их появление началось еще в XVIII в. Антюфеевскими и Демидовскими заводами. Так в 1702 году по указу Петра I был возведен Невьянский завод, производивший первый российский чугун. Капиталистическое производство резко отличалось от феодально-цехового, где во главу угла был поставлен принцип неограниченного увеличения прибавочной стоимости, что приводило к жестокой эксплуатации рабочей силы и значительному развитию самой промышленности. По статистическим данным только в Европейской России действовало промышленных предприятий до 1861 г. – 2177 [13, с. 76].

По свидетельству Р. А. Тютрюмовой, «к началу XIX столетия у нас имеется довольно значительная крупная промышленность, дальнейшее развитие которой задерживалось крепостным правом, совершенно не совместимым с новыми техническими условиями производства» [22, с. 9].

Падение крепостного права явилось толчком для развития всех отраслей промышленности, формирующим крупное промышленное производство с его эксплуатирующей ролью, хотя и стоящее на принципах свободы труда. Промышленное производство, первоначально строящееся на патриархальных началах и опирающееся на развитие ремесел, не создавало значимых предпосылок появлению обособленных экономических разногласий между хозяевами и рабочими. Только с возникновением крупных промышленных предприятий появляется самостоятельный участник трудовых отношений – рабочий класс, имеющий свои интересы, идущие в разрез интересам предпринимателей. По свидетельству М. И. Туган-Барановского «рабочих в 50 губерниях Европейской России в 1863 г. было 358 тыс., а в 1880 г. их число приблизилось к 648 тыс.» [21, с 313].

«Горные заводы и каменноугольные копи разом возникли по Уралу и всему югу, где большею частью ранее не было даже поселений, и где теперь при быстром разрастании населения возник вопрос о скученности пришлых рабочих» [10, с. 5]. Развитие металлургической и горной промышленности, привлекало на Урал и юг России вольнонаемных работников, подвергавшихся жестокой эксплуатации со стороны промышленников. Поэтому возрастает потребность в законодательном закреплении положений, ограждающих работников от грубого произвола промышленников и минимизации условий для возникновения волнений и стачек, и которые бы способствовали регулированию отношений работников и промышленников. Вольнонаемный труд работников, как правило, не оформлялся письменно, что яв-

лялось легкой возможностью для фабриканта изменять условия договоренности, ухудшающих положение рабочих. Так включая 1880 год, редко заключались письменные договоры, они действовали сроком один год с изъятием у работника паспорта, что обеспечивало жесткую эксплуатацию работника.

В середине 30-х годов XIX в. берет начало и регламентация наемного труда. Так 1 января 1835 г. вступает в силу Свод законов Российской империи, утвержденный Манифестом Николая I от 31 января 1833 г. Действуют отдельные законодательные нормы, регламентирующие наемный труд. Договор о личном найме регламентировался законами гражданскими. Закон от 24 мая 1835 г. «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» входил составной частью Устава о промышленности фабричной и заводской, в котором было уделено незначительное внимание регулированию труда на фабричных работах. Так статьями 103–107 данного Устава запрещалось прекращать работу ранее срока договора, а также требовать увеличения оплаты труда. Устанавливалась оплата в денежном выражении, предупредив работника за 2 недели, фабрикант мог рассчитать работника за «дурное поведение». Разрешались взыскания за прогулы, другие проступки [17]. Позднее данный закон был включен в Устав о государственном благоустройстве, относящийся к административной юрисдикции. Нормы об ответственности рабочих за разглашение «секретов производства», за участие в стачке, о неповиновении хозяину находились в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. [14]. Отметим и изданный в 1864 г. Устав гражданского судопроизводства, который относил разрешение разногласий между предпринимателями и рабочими в сфере применения штрафов, оплаты труда и взыскании ущерба за вред здоровью к юрисдикции мировых судей [15].

Из этого следует, что нормы, регламентирующие наемный труд находились в нормативных актах различных ведомств, и требовалась их концентрация в едином законодательстве. Е. Б. Хохлов давая оценку законодательству XIX в., отмечал его архаичность, патриархальность, применимость к отношениям между «хозяевами и прислугой», отсутствие механизмов контроля над их исполнением [23, с. 12–13].

Также XIX столетие характеризуется ростом городов с концентрацией в них рабочих. Материальное существование, как промышленников, так и рабочих сильно изменяется в течение данного столетия. Промышленность требует больше рабочей силы, что способствует использованию на промышленных предприятиях труда женщин и детей, вливающихся в ряды рабочего класса. Возникает потребность в правовом регулировании не только отношений между рабочими и промышленниками, но и установления норм, связанных с трудом отдельных категорий работников, взрослых, женщин и детей.

Данный факт является мощным толчком для появления рабочего законодательства, так как рабочий класс представлен уже большинством населения и выражает свои интересы как составной элемент гражданского общества. Так число фабрично-заводских рабочих с 1886 года по 1902 год возросло с 837372 человек до 1720733 человек [12, с. 92].

В XIX – начале XX века наряду с крупным промышленным производством толчок в развитии получает и мелкая российская промышленность, где трудились более полумилионна человек, включая самостоятельный и наемный труд. Рабочий класс приобретает особый статус в общественной жизни страны. Промышленный переворот способствует разделению труда и настоятельной регламентации взаимоотношений работодателей, всех работников и их отдельных категорий.

Условия труда приводили к возникновению недовольства эксплуатируемого класса работников, которое нередко выражалось в неповиновении хозяевам фабрик и заводов и приводящее к возникновению коллективных трудовых конфликтов не только на отдельных производствах, но и в целом по отрасли промышленности.

Такое противоречие труда и капитала вызывало потребность в принятии определенных правил, действующих в целом во взаимоотношениях хозяев средств производства и работников, что так же являлось причиной появления фабричного законодательства. Регламентации требовали не только общие правила взаимоотношений рабочих и работодателей, но и нормы, регламентирующие урегулирование трудовых конфликтов по причине возрастающего рабочего движения. Отсюда вытекает вывод о том, что само рабочее движение за свои права и интересы выступало предпосылкой создания рабочего законодательства. Данное движение, как правило, имело форму стачек, забастовок и выражалось в серьезных беспорядках в промышленной сфере.

Отсутствие регламентации охраны труда в тяжелых условиях капиталистического производства, дополнялось неограниченной эксплуатацией рабочих, попиранием их экономических интересов, что и являлось причиной возникновения волнений и стачек. Архивные документы того времени свидетельствуют о фактах незаконных увольнений рабочих, их неправильном расчете. На рабочих налагались непомерные штрафы за опоздания на работу, вместо заработной платы выдавались купоны, где их оплата наступала только через 1 или 2 года. При фабриках действовали

питейные заведения, выманивая из рабочих их скудные копейки, рабочие вынуждались брать товары в лавках хозяев [3].

Так же примером может служить записка генерал-лейтенанта Пантелеева, разбиравшего причины стачек рабочих Владимирской, Костромской и Ярославской областей в 1898 г. В ней отмечалось, что в работе при температуре выше 35°, отсутствует какая-либо вентиляция, наблюдается большая скученность оборудования, непрекращающийся шум машин пагубно воздействует на состояние здоровья рабочих и вызывает их протесты [5, с.121].

Самым жестким условием труда являлось продолжение рабочего времени, где работа по 12 часов в сутки была обычным явлением. На отдельных производствах рабочий день был еще продолжительнее, где работали по 13–14 часов в сутки. Конечно, это вызвало недовольство рабочих и активизировало рабочее движение. Официально отмеченная прессой того времени рабочая забастовка состоялась в 1870 г., что способствовало целой волне выступлений рабочих. Наибольший накал стачечного движения в России отмечается с 1878 по 1879 гг., с 18884 по 1885 гг. и с 1895 по 1898 гг.

В период с 1903 по 1905 гг. вся промышленность страны была охвачена борьбой рабочих за свои права, что служило катализатором создания рабочего законодательства, а принимаемые отдельные правовые акты, только на время и в отдельной части облегчающих труд наемных работников не отвечали духу времени.

Поэтому можно констатировать, что забастовки являлись действенным рычагом в борьбе рабочих за улучшение условий труда, влияющим на установление отдельных законодательных правил в сфере наемного труда.

Рабочие прибегали к различным формам защиты своих экономических прав, где сочеталось активное и пассивное противодействие промышленникам в виде стачек, забастовок, а также коллективных обращений к хозяевам промышленных заведений. В публикациях того времени с 1881 по 1886 гг. упоминается о 48 забастовках и участвующих в них более 8 тысяч рабочих. Крупные выступления рабочих происходили в Петербурге, Вознесенской мануфактуре, заводах Юза, Московской, Владимирской губерниях, что подтолкнуло правительство Николая I вплотную приступить к регламентации отношений рабочих и предпринимателей.

Растет противодействие рабочих жесткой эксплуатации, расширяется география стачек и забастовок, число участников, формируются механизмы отстаивания экономических интересов наемных работников. Растет сплоченность рабочих масс их организованность, что нередко приводит к уступкам со стороны работодателей.

Так на Петербургской ткацкой фабрике в 1878 г. причиной стачки являлось увеличение часов рабочего дня и уменьшение сдельной оплаты труда рабочих. Требования рабочих заключались в получении горячей воды для чая бесплатно, установления рабочего дня в 11 часов и увеличения сдельной оплаты. Стачка закончилась победой рабочих при сокращении рабочего дня на 30 минут и увеличения сдельной оплаты труда [4]. Тем более, что анализ официальных данных стачечного движения рабочих в период с 1895 по 1904 гг., говорит о том, что в результате проведенных 100 забастовок и стачек победа оставалась за рабочими в 29 случаях, за хозяевами промышленных заведений 45,5 стачек, оканчивались взаимными уступками около 28 забастовок [18].

Рабочее движение в капиталистическом производстве приобретает статус государственной важности, оказывает непосредственное влияние на промышленников и государственный порядок в целом. Приходит государственное понимание необходимости законодательного урегулирования стачечного и забастовочного движения путем законодательного закрепления отношений труда и капитала.

Анализируя причины возникновения фабричного законодательства Р.Р. Мустафин причисляет к ним и роль периодической печати того времени [11, с. 41]. Однако мы не видим в этом решающей роли публикаций, так как они выражали мнение только отдельных авторов, косвенно влияя на общественное мнение.

Результатом стачечного движения, как правило, является классовая организованность рабочих, ясное понимание своей силы, классового сознания и солидарности, ограничение рабочего времени, повышение заработной платы, улучшение охраны труда, возможность объединения в союзы, понимание необходимости законодательного регулирования трудовых конфликтов.

Примером требований рабочих может служить забастовка работников Владикавказской железной дороги, состоявшаяся 18.01.1905 г., где представители железнодорожников требовали установления восьмичасового рабочего дня, повышения оплаты труда на 75 %, выдачу наградных не менее двух раз в год, полную отмену налагаемых на рабочих штрафов, предоставления месячных отпусков с сохранением оплаты. А также увольнение мастера Поплавского за неуважение к рабочим, вежливое отношение хозяев и администрации к железнодорожникам. А самое главное, создание третейского суда на паритетном партнерстве работников и администрации для разрешения трудовых конфликтов, оплаты труда за время забастовки, гарантий неприменения увольнений к бастующим и представителям рабочих [6, с. 333–335].

Таким образом, возникающие коллективные трудовые конфликты ставили в опасное положение целые отрасли промышленности, а иногда и отдельные территории России. В это время на первый план выходит забота государственной власти в регламентации коллективных трудовых споров, переводя индивидуальные трудовые споры во второстепенные. Реформы и принятие отельных норм происходит под непрекращающимся стачечным движением широких масс рабочего класса отстаивающих свои интересы.

Однако в литературе можно найти и другое мнение о значимости стачечной борьбы рабочих. Так В. П. Литвино-Фоминский в своей работе занимал примирительную позицию. По его мнению, проведение стачек и волнений рабочих обращали на себя внимание правительства на имеющиеся условия труда рабочих и, которое видя их тяжесть «принимало на себя заботы по их устранению, стремясь поддержать справедливые интересы рабочих и устранить всякие поводы и причины к недовольству в их среде» [7, с.18].

Это тоже подчеркивает, что стачечное движение признается одной из причин законотворческой деятельности власти, тем более, что дальнейшее невнимание к регулированию коллективных трудовых споров становилось безумием со стороны абсолютизма. Общественная жизнь не могла не отреагировать на мощное рабочее движение.

К законодательной деятельности правительства и вмешательства в отношения между рабочими и фабрикантами явилась и такая причина как ничем не сдерживаемая эксплуатация рабочей силы, не смотря ни на пол, ни на возраст рабочих. В. А. Поссе писал в это время: «не сдерживаемая законами капиталистическая эксплуатация с такою беспощадностью расточает рабочую силу всего трудящегося пролетариата, что это становится прямо не выгодно классу капиталистов, взятому в целом» [16, с. 21].

Необходимость повсеместного введения фабричного законодательства понимало правительство при расследовании трудовых конфликтов. Понималась роль примирительных механизмов в разрешении разногласий в ходе стачек и забастовок. Тем более что предприниматели не несли ответственность за невыносимые условия труда, отсутствовал государственный орган, в обязанности которого бы включался контроль за охраной труда работников и выполнение контрактных условий трудовых соглашений.

Признание фабрикантов и правительства в необходимости правового регулирования наемного труда в середине XIX столетия реализовалась в работе целого ряда комиссий по установлению норм по охране труда и договорных отношений работников и нанимателей. Приходит понимание, что государству необходимо регулировать разногласия и конфликты между работниками и фабрикантами. Однако нормы узаконения того времени больше были репрессивными, чем превентивными по отношению к забастовкам и стачкам. Поэтому имеющиеся законодательные акты носили ярко выраженную антирабочую направленность. Зачинщиков забастовок увольняли, отправляли в ссылку, подвергали тюремному заключению, однако стачки только ширились, несмотря на уголовное преследование.

Законодательство не представляло возможности улучшения положения рабочих, а было направлено на искоренение и наказание недовольных существующими условиями труда. Но наряду с этим в обществе возрастает идея «конституционной фабрики» поддерживаемая отдельными промышленниками. Приходит понимание необходимости введения четких законодательных норм, регламентирующих наемных труд, которые минимизировали бы рост конфликтов между работниками и нанимателями.

Правительством велась большая работа по проектам законодательного регулирования труда в промышленной сфере. Примером может служить «Проект правил по регулированию труда на фабриках и заводах в Санкт-Петербурге и уезде» [22, с. 386]. Тут ограничивался возраст приема на работу 12 годами, рабочий день для детей от 12 до 14 лет составлял 10 часов в смену, вводился надзорный орган за соблюдением норм проекта – фабричная инспекция. Данные нововведения не были реализованы под давлением предпринимателей.

Как отмечает А. М. Лушников, правительственные комиссии при установлении правил регулирования наемного труда опирались на «прусские акты «О запрещении на промышленных предприятиях детского труда, ночной работы несовершеннолетних и женщин, ограничении рабочего дня для подростков» от 16.05.1853 г. [9, с. 9].

Оценивая работу многочисленных правительственных комиссий того времени по регламентации труда в промышленности, мы видим, что в 1860 году Устав для промышленных заведений был дополнен номами об ограничении детского труда, созданием правительственной комиссии для контроля по реализации принятых норм [20, с.17]. Но, к сожалению, уже в 1868 г. из данного правового документа исчезли ряд уступок промышленников для трудящихся - это нормы о работе промышленных судов, создания промышленной инспекции и ограничении труда несовершеннолетних [19, с. 12].

Данный период 1870–1880 гг. характеризуется патриархальностью наемного труда, противодействием хозяев промышленных предприятий признанию за рабочими их законных прав и интересов. Взаимоотношения труда и капитала регламентировались по принципу простого найма, о чем свидетельствуют правительственные проекты 1875 г. «Правила о найме прислуги» и «Положение о найме рабочих», где большой разницы правового регулирования не предусматривалось [2].

Многие стороны фабричной жизни регулировались внутрифабричными актами и степень их регламентации в сфере найма рабочих и условий их труда зависила от конкретного промышленника, его усмотрения на взаимоотношения нанимателя и работника, разрешении коллективных трудовых конфликтов, заинтересованного в получении прибыли.

Отсюда нормы о мирном разрешении трудовых споров сыграли немаловажную роль к принятию законоположений, формирующих концепцию рабочего законодательства и института разрешения коллективных трудовых конфликтов с целью мирного их разрешения. Наша точка зрения идет в разрез такого ученого того времени как В. Безобразов, утверждавшего, что «опека государства должна выражаться только в умственном и нравственном содействии обеим сторонам договора найма, а не в формальной регламентации их взаимоотношений и быта» [1, с. 113].

На государственную регламентацию в сфере наемного труда в целом и разрешении коллективных трудовых споров, в частности повлияло и появление рабочего законодательства за рубежом. Экономическая борьба рабочих за свои права затронула все развитые капиталистические страны. Рабочие создавали свои объединения, которые добивались от правительств этих стран признания своих прав на профсоюзы, проведение стачек и забастовок, соединяя экономическую борьбу за свои права с борьбой политической.

Так в Англии уже в 1799 г. был принят первый закон, запрещающий коллективные трудовые споры. Это закон «О предупреждении незаконных соглашений рабочих», где все соглашения рабочих требующих улучшений условий труда признавались преступными, а зачинщики могли подвергаться трехмесячному тюремному заключению. Однако уже в 1824 г. этот закон был отменен, законодательно признавалось право рабочих на коалиции, а принятый закон 1871 г. признавал право профессиональных союзов, но запрещал причинение беспокойства, проведение пикетов и устанавливал наказание за угрозы со стороны работников. С 1875 г. разрешается проведение экономических стачек, мирных демонстраций как превентивная мера против трудовых конфликтов. Вводится возможность насмешек над штрейкбрехерами, что говорило о значительных достижениях рабочего движения.

Во Франции законом Ле-Шателье 1791 г. запрещались объединение рабочих с целью борьбы за свои экономические права, стачки и забастовки признавались мятежом, а их участники подвергались наказанию, вплоть до тюремного заключения. Но с середины 80-х годов XVIII века законодательством страны было признано право рабочих на объединение, отмену преследования за участие в стачках, однако за принуждение принятия участия в коалициях рабочих тюремное заключение еще применялось. Несмотря на признание законом 1899 года права рабочих на создание коалиций, работодатели через свои объединения начинают борьбу за свои права путем составления черных списков зачинщиков забастовок, применения локаутов.

В Америке, Германии и других странах начинается становление института разрешения коллективных трудовых споров на идее применения беспристрастного посредничества между спорящими сторонами.

Зарубежное законодательство разрабатывает процедуры посредничества. Примерами служат Канадский закон 1890 г. и Новозеландский закон 1895 г., где признавалось право на стачки, необходимость прибегать к посредничеству, но решение посредников не имело обязательной силы для промышленников. Вводятся комитеты примирения, участвующими в переговорах на паритетной основе из представителей рабочих и работодателей. Страны разрешают трудовые конфликты с участием примирительных комиссий, правительственных советов, советов Труда, третейских и промышленных судов (Швейцария- закон 1900 г., Франция – закон 1892 г., Германия – закон 1890 г., Бельгия – закон 1887 г.).

Однако законы Германии, Голландии и других стран, признавая право рабочих на забастовки, ограничивали это право в отдельных отраслях – имеющих общественное значение, например, на железнодорожном транспорте. В США трудовые конфликты разрешаются третейским судом, но тут уже закрепляются механизмы примирения, так как стороны продолжают работу во время примирительной процедуры [8, с.131].

В России применяя процедуры посредничества и примирения, в это время разрешаются более 10% стачек и забастовок рабочих. С 1903 г. протесты рабочих отличаются классовой окраской, значительной организованностью и интенсивностью, экономическая борьба соединяется с политической, проявляясь во всероссийских забастовках. Законодательные реформы в сфере разрешения коллективных трудовых споров к 1905 г. были результатом стачечной борьбы рабочих за свои права.

Таки образом, появление фабричного законодательства в России обусловлено многими причинами. Главными среди них мы видим в недостатке вольнонаемного труда при быстром росте фабрик и заводов, появлении на арене самостоятельного участника трудовых отношений рабочего класса, имеющего интересы, идущие в разрез интересам предпринимателей в начале 30-х гг. XIX в. Понимание правительственных кругов о необходимости регламентации взаимоотношений между работниками и предпринимателями обуславливалась жестокой эксплуатацией работни-

ков, присущей капиталистическому производству. Кроме того, время требовало из разрозненных нормативных актов, относящихся к компетенции различных государственных органов выработать единые правила для промышленного производства. Появление первых российских фабричных законов только в 1880-х гг. объясняется сохранением феодальных отношений в сфере найма работников, отставанием развития капиталистических отношений от западных стан. Требовалась как в целом регламентация трудовых отношений, но и норм, связанных с трудом отдельных категорий работников, а ясного понимания границ необходимой регламентации не было.

Кроме того, рабочее движение зарубежом и в России явилось мощным толчком для разработки и создания фабричного законодательства, в котором основное место уделялось механизму разрешения трудовых конфликтов. Также этому способствовало промышленное развитие России и появление большой массы рабочего класса, его активная борьба за свои экономические интересы. Под напором стачечного движения складывались новые правила взаимоотношений между рабочими и работодателями. Из этого следует, что главные победы стачечного движения лежат в сфере законодательного регламентирования условий труда. Однако уступки работодателей в сфере условий труда работников не достигали целей улучшения и облегчения положения трудящихся. Дореволюционное законодательство, регламентирующее разрешение трудовых споров прошло путь от полного запрета стачек и забастовок с наказанием их участников, до их признания за рабочими с установлением многих ограничений. Фабричное законодательство стало прообразом становления в России отечественного трудового права.

Список литературы

1. Безобразов В. Наблюдения и соображения относительно действия фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб.: Типография В. Безобразова и К°,1890. 127 с.
2. ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1885. Д. 34. Ч. 1. Л. 80об., 81.
3. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1А. Д. 1681. Л. 4-4об; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1884. Д. 88. Ч. 20. Л. 9об., 10, 34.
4. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1А. Д. 1690. Л. 1-1об., 2.
5. Канель В. Рабочий договор: К вопросу рабочего класса в России. Часть 1. СПб.: Издательство С.С. Скирмута. 1907. 260 с.
6. Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и ИСТПАРТ ЦК РКПб // Материалы и документы под ред. Покровского. М. – Л.: Госиздат, 1925. С. 333–335.
7. Литвинов-Фолинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Типография А.С. Суворена, 1904 г. 344 с.
8. Луи П. Рабочее законодательство в странах старого и Нового света / перевод с фр. под редакцией Е. Смирнова. СПб: Типография В. Безобразова и К°,1907. 153 с.
9. Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. Ушинского, 2001. 150 с.
10. Морской А. Зубатовщина. Стачка из истории рабочего вопроса в России. Москва: Типография И. Д. Сытина 1913. 213 с.
11. Мустафин Р. Р. Формирование и реализация фабричного законодательства в Российской империи (1880-е годы – октябрь 1917 г.): диссертация кандидата юрид. наук. М., 2017. 225 с.
12. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Издание 2-е исправленное и дополненное. СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1908. 306 с.
13. Погожев А. В. Учет численности и состав рабочих в России. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1906. 224 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 – 18 февраля 1881 гг. СПб.: Тип. II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 – 18 февраля 1881 гг. Т. XXXIX. СПб: Тип. II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1855. 533 с.
16. Поссе В. А. Основы рабочего законодательства. Очерк. Санкт-Петербург: Типография Монтвида,1906г. 44 с.
17. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб.: Тип. II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 1239 с.
18. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895 – 1904 гг. СПб: Отдел Промышленности. Типография В. Киршбаума, 1904.
19. Тарасова И. А. Контроль полиции за соблюдением трудового законодательства в ходе правовых реформ второй половины XIX в. // История государства и права. 2012. №17. С.12.
20. Ташбекова И. Ю. Правовое регулирование деятельности фабричной инспекции в России в конце XIX - начале XX вв.: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. 176 с.
21. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Историко-экономическое исследование. Т. 1. СПб.: Издание О. Н. Поповой, 1900. 591 с.
22 Тютрюмова Р. Фабричное законодательство в России. Москва: Польза, В. Антик и К°,1908. 117 с.
23. Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. СПб.: Спец. юрид. фак. по переподгот. кадров по юрид. наукам С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. 194 с.

References

1. Bezobrazov V. Nablyudeniya i soobrazheniya otnositel'no deystviya fabrichnykh uzakoneniy i fabrichnoy inspektsii (Observations and considerations regarding the operation of factory regulations and factory inspection). St. Petersburg: Printing House of V. Bezobrazov and Co., 1890. 127 p. (In Russian).
2. State archive of Rissian Federation (GARF). F. 102. 2 part-the. 1885. D. 34. (In Russian).

3. GARF. F. 109. Inv. 1A. D. 1681.; GARF. F. 102. Inv. 1884. D. 88. Part. 20. (In Russian).
4. GARF. F. 109. Inv. 1A. D. 1690. (In Russian).
5. Kanel V. Rabochiy dogovor: K voprosu rabochego klassa v Rossii (The Working Contract: On the question of the Working Class in Russia). Part 1.St. Petersburg: S.S. Skirmunt Publishing House publ, 1907. 260 p. (In Russian).
6. Komissiya TsIK SSSR po organizatsii prazdnovaniya 20-letiya revolyutsii 1905 g. i ISTPART TsK RKPb (The Commission of the CEC of the USSR on the organization of the celebration of the 20th anniversary of the revolution of 1905 and the ISTPART of the Central Committee of the RKPb) // Materials and documents ed. Pokrovsky. Moscow – Leningrad: Gosizdat publ., 1925. P. 333–335. (In Russian).
7. Litvinov-Falinsky V. P. Litvinov – Folinskiy V.P. Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspektsiya v Rossii. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe (Factory legislation and factory inspection in Russia). Moscow: A.S. Suvorin Printing House, 1904 344 p. (In Russian).
8. Louis P. Rabochee zakonodatel'stvo v stranakh starogo i Novogo sveta (Working legislation in the countries of the old and New World) / translated from the French, edited by E. Smirnov. St. Petersburg: Printing House of V. Bezobrazov and Co., 1907. 153 p. (In Russian).
9. Lushnikov A. M. Stanovlenie i razvitie nauki trudovogo prava i nauki prava sotsial'nogo obespecheniya v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) (The formation and development of the science of labor law and the science of social security law in Russia (the second half of the XIX – early XX centuries). Yaroslavl, 2001. 150 p. (In Russian).
10. Morskoy A. Zubatovshchina. Stachka iz istorii rabochego voprosa v Rossii (Zubatovshchina. A strike from the history of the labor question in Russia). Moscow: Printing house of I.D. Sytin, 1913. 213 p. (In Russian).
11. Mustafin R. R. Formirovanie i realizatsiya fabrichnogo zakonodatel'stva v Rossiyskoy imperii (1880-e gody – oktyabr' 1917 g.) (Formation and implementation of factory legislation in the Russian Empire (1880s – October 1917): thesis. Moscow, 2017. 225 p. (In Russian).
12. Pazhitnov K. A. Polozhenie rabochego klassa v Rossii (The situation of the working class in Russia). 2nd edition corrected and supplemented. St. Petersburg: Printing House of the Partnership «Public benefit», 1908. 306 p. (In Russian).
13. Pogozhev A. V. Uchet chislennosti i sostav rabochikh v Rossii (Accounting for the number and composition of workers in Russia). St. Petersburg., 1906. 224 p. (In Russian).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 18 fevralya 1881 gg. (The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting. December 12, 1825 – 18 February 1881). St. Petersburg: Printing house of II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830 – 1885. (In Russian).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 18 fevralya 1881 gg. (The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting. December 12, 1825 – 18 February 1881). Vol. XXXIX. No. 41477. St. Petersburg: Printing house of II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery,1855. 533 p. (In Russian).
16. Posse V. A. Osnovy rabochego zakonodatel'stva (Fundamentals of working legislation. An essay). St. Petersburg: Montvid's Printing House, 1906. 44 p. (In Russian).
17. Svod zakonov Rossiyskoy imperii (Code of Laws of the Russian Empire). Vol. XI. Part 2. St. Petersburg: Printing house of II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857. 1239 p. (In Russian).
18. Statisticheskie svedeniya o stachkakh rabochikh na fabrikakh i zavodakh za desyatiletie 1895 – 1904 gg. (Statistical data on strikes of workers in factories and factories for the decade 1895 – 1904). St. Petersburg: Department of Industry. Printing house of V. Kirshbaum, 1904. (In Russian).
19. Tarasova I. A. Kontrol' politsii za soblyudeniem trudovogo zakonodatel'stva v khode pravovykh reform vtoroy poloviny XIX v. (Police control over compliance with labor legislation during legal reforms of the second half of the XIX century) // History of the state and law. 2012. No. 17. P. 12. (In Russian).
20. Tashbekova I. Yu. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti fabrichnoy inspektsii v Rossii v kontse XIX - nachale XX vv. (Legal regulation of factory inspection activities in Russia in the late XIX – early XX centuries): thesis. Moscow, 2006. 176 p.
21. Tugan-Baranovsky M. I. Russian factory in the past and present: the historical development of the Russian factory in the XIX century. Historical and economic research (Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem: istoricheskoe razvitie russkoy fabriki v XIX veke. Istoriko-ekonomicheskoe issledovanie). Vol. 1. St. Petersburg: Popova's printiong house, 1900. 591 p. (In Russian).
22. Tyutryumova R. Fabrichnoe zakonodatel'stvo v Rossii (Factory legislation in Russia). Moscow: Benefit, V. Antik and Co., 1908. 117 p. (In Russian).
23. Khokhlov E. B. Ocherki istorii pravovogo regulirovaniya truda v Rossii (Essays on the history of legal regulation of labor in Russia). Part 1. St. Petersburg; SPbSU publ., 2000. 194 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Вышеславова Татьяна Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры зарубежной экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: vysheslavova_tf@mail.ru

Direганова Ангелина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: direganova@yandex.ru

Information about the authors

Vysheslavova Tatiana F. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Foreign Environmental, Land and Labor Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University; e-mail: vysheslavova_tf@mail.ru

Direganova Angelina V. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of Law and State, Law Institute, North-Caucasus Federal University; e-mail: direganova@yandex.ru

CC BY

УДК 342.94

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.13

И. Н. Дехтярь
Е. Н. Конина

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Статья посвящена исследованию актуальных проблем совершенствования антимонопольного законодательства в целях регламентации общественных отношений, возникающих в деятельности цифровых платформ. Проанализированы положения новейших нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, посвященные определению правового статуса цифровых платформ. Анализ зарубежного законодательства позволил выявить существующие подходы к правовому регулированию деятельности цифровых платформ, которые могут выступить в качестве ориентира при разработке нормативных правовых актов Российской Федерации, а также способствовать предупреждению, выявлению и пресечению коммерческих практик цифровых платформ, наносящих вред правоотношениям в сфере защиты конкуренции и недопущения противоправной монополистической деятельности. Рассмотрены нормативные и доктринальные определения понятий «цифровая платформа», «большие данные», «сетевые эффекты». Дана авторская оценка соответствия данных определений реальной экономической деятельности цифровых платформ. Сделан вывод о целесообразности их закрепления в антимонопольном законодательстве Российской Федерации. Обоснована необходимость внесения изменений в антимонопольное законодательство Российской Федерации в целях учета влияния «больших данных» и «сетевых эффектов» на состояние реальной или потенциальной конкуренции на рынках, в рамках которых осуществляют деятельность цифровые платформы. Определены проблемы проведения анализа товарного рынка в условиях цифровой экономики и деятельности цифровых платформ. Сделан вывод о недостаточности нормативно закрепленных методов анализа товарного рынка для определения доминирующего положения и состояния конкуренции в случае, если субъектами экономической деятельности выступают цифровые платформы. Предложены новые эффективные подходы к анализу состояния рынка при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства, совершенных цифровыми платформами.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, цифровая экономика, цифровые платформы, экосистема, большие данные, сетевые эффекты, анализ рынка.

Для цитирования: Дехтярь И. Н., Конина Е. Н. Вопросы применения положений антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 111–117. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.13

Ivan N. Dekhtiar
Elena N. Konina

ISSUES OF APPLICATION OF ANTI-MONOPOLY LEGISLATION PROVISIONS TO THE ACTIVITIES OF DIGITAL PLATFORMS

The article is devoted to the study of topical problems of improving antimonopoly legislation in order to regulate public relations arising in the activities of digital platforms. The article analyzes the provisions of the latest regulatory legal acts of the Russian Federation and foreign states, dedicated to the determination of the legal status of digital platforms. Analysis of foreign legislation made it possible to identify existing approaches to the legal regulation of digital platforms, which can act as a guideline in the development of regulatory legal acts of the Russian Federation, as well as contribute to the prevention, identification and suppression of commercial practices of digital platforms that harm legal relations in the field of protection of competition and prevention of illegal monopolistic activity. The normative and doctrinal definitions of the concepts of «digital platform», «big data», «network effects» are considered. The author's assessment of the correspondence of these concepts to the real economic activity of digital platforms is given. It is concluded that it is advisable to consolidate the definitions of the concepts of «digital platform», «big data», «network effects», «ecosystem» in the antimonopoly legislation of the Russian Federation. The need to amend the antimonopoly legislation of the Russian Federation is substantiated in order to take into account the influence of «big data» and «network effects» on the state of real or potential competition in the markets in which digital platforms operate. The problems of analyzing the commodity market in the digital economy and the activities of digital platforms have been identified. The conclusion is made about the discrepancy between the established methods of analyzing the commodity market to determine the dominant position and the state of competition in the event that the subjects of economic activity are digital platforms. New effective approaches to analyzing the state of the market when considering cases of violation of antimonopoly legislation committed by digital platforms are proposed.

Key words: antitrust, digital economy, digital platforms, ecosystem, big data, network effects, market analysis

For citation: Dekhtiar I., Konina E. Issues of application of anti-monopoly legislation provisions to the activities of digital platforms // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 111–117. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.13

Глобальная цифровизация экономики ставит новые задачи перед антимонопольными ведомствами. Обеспечение развития конкурентных правоотношений в современных условиях требует повышения эффективности реализации мер антимонопольного регулирования цифровых компаний, а также внесения изменений в законодательство с учетом появления новых коммерческих практик.

Необходимость адаптации законодательства к потребностям цифровой экономики отражена в ряде нормативных правовых актов. Так, одной из актуальных задач, согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9], является создание системы правового регулирования цифровой экономики. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года [8] определяет в качестве ключевого направления обеспечение развития конкуренции в условиях нарастающего влияния технологий, цифровых и информационных платформ. План законопроектной деятельности ФАС России на 2021 год [4] предусматривает необходимость разработки изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» в части совершенствования антимонопольного законодательства в соответствии с требованиями цифровой экономики. Таким образом, стратегические нормативные акты признают наличие особой важности разработки правовых механизмов, обеспечивающих защиту конкуренции на цифровых рынках, а также необходимости регламентации взаимодействия органов власти при пресечении недобросовестной конкуренции и противоправной монополистической деятельности цифровых платформ, разработки новых правовых механизмов, обеспечивающих эффективное пресечение нарушений антимонопольного законодательства, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В условиях пандемии особое влияние приобрели так называемые «цифровые платформы», что связано с расширением электронного оборота товаров и услуг. Воздействие государства на правоотношения с участием цифровых платформ сталкивается с определенными законодательными проблемами.

Так, в настоящее время отсутствует нормативное определение цифровой платформы. Данное определение является необходимым в связи с наличием особенностей ее деятельности, в целях выработки подходов к правовому регулированию новых коммерческих практик на цифровых рынках.

В юридической науке существует понимание цифровых платформ как продуктов, обеспечивающих взаимодействие между потребителями и поставщиками товаров, услуг и информации [17].

Действующее законодательство Российской Федерации содержит определение лишь одного из видов цифровых платформ – агрегаторов. Согласно Закону Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2], владелец агрегатора информации о товарах (услугах) – это организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

Попытка нормативного закрепления определения цифровой платформы предпринята в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» [5] Согласно данному акту, цифровая платформа является размещенной в информационно-коммуникационной сети «Интернет» инфраструктурой, используемой для организации и обеспечения взаимодействия продавцов и покупателей. Однако указанный подход к определению цифровой платформы позволяет распространить антимонопольные требования лишь на электронные торговые площадки («маркетплейсы») и агрегаторы. При этом за рамками антимонопольного законодательства остается деятельность иных компаний, обеспечивающих цифровое взаимодействие. Данные компании обеспечивают функционирование социальных сетей, мессенджеров, информационных и поисковых сервисов, программных продуктов.

В связи с этим более корректными представляются определения цифровой платформы, используемые в зарубежном правовом регулировании. Так, согласно Закону Франции от 7 октября 2016 года «О цифровой республике» [12], онлайн-платформа определяется как «любое физическое или юридическое лицо, предлагающее на профессиональной основе, в том числе бесплатно, общедоступные коммуникационные услуги, основанные на ранжировании или сборе и обработке информации о контенте, товарах и услугах, которые предлагаются третьими лицами, с использованием компьютерных алгоритмов; на предоставляемой нескольким сторонам воз-

можности взаимодействовать друг с другом для продажи товаров, предоставления услуг или для обмена, либо для совместного использования контента, товаров или услуг».

В Практике Европейской комиссии цифровая платформа понимается как компания, функционирующая на двухсторонних или многосторонних рынках и использующая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» для обеспечения взаимодействия между двумя или более взаимозависимыми группами пользователей [15].

Цифровая платформа по своей сущности является своеобразной «точкой входа» [1, с. 39] для участников рынка, в связи с чем у нее появляются дополнительные возможности для злоупотребления своим положением. Принятый 15 декабря 2020 года Закон о цифровых рынках (далее – Digital Markets Act) Европейского Союза [16] учитывает данный факт и для определения доминирующей цифровой платформы использует термин «привратник» (gatekeeper). В качестве «привратников» рассматриваются поставщики основных услуг платформы, если они оказывают значительное влияние на внутренний рынок; управляют основной платформой обслуживания, которая служит важным шлюзом для бизнес-пользователей и позволяют им осуществлять взаимодействие с конечными пользователями; пользуются или, как ожидается, будут пользоваться прочным положением в своих операциях. Установлен количественный показатель значительного влияния цифровой платформы, что означает объем годового оборота, равный или превышающий 6,5 миллиардов евро в течение последних трех финансовых лет; количественный показатель «важности шлюза», что означает наличие более 45 миллионов ежемесячных активных конечных пользователей цифровой платформы, находящихся в Европейском Союзе, и более 10 000 ежегодных активных бизнес-пользователей. Прочность финансового положения цифровой платформ означает, что данные показатели должны быть соблюдены в каждом из последних трех финансовых лет.

Субъекты, удовлетворяющие данным критериям, должны соблюдать определенные ограничения и требования, а именно, разрешить бизнес-пользователям доступ к данным, которые они генерируют при использовании платформы «привратника»; предоставить компаниям-рекламодателям инструменты и информацию, необходимые для проведения собственной независимой проверки их рекламы, размещенной «привратником»; позволить бизнес-пользователям продвигать свои предложения и заключать контракты со своими клиентами за пределами платформы; не предоставлять преимущества своим услугам.

Кроме того, Digital Markets Act регламентирует порядок взаимодействия «привратников» и пользователей платформы в рамках конкретных ситуаций. Его законодательные положения могут быть полезными в качестве ориентира при разработке нормативных правовых актов различных стран в сфере антимонопольного регулирования цифровых платформ.

В частности, Digital Markets Act определяет, что в целях предотвращения усиления зависимости пользователей от услуг «привратников», бизнес-пользователи этих «привратников» должны быть свободны в продвижении и выборе канала распространения, который они считают наиболее подходящим для взаимодействия с любыми конечными пользователями (клиентами), даже если приобретение клиентов осуществлено через услуги платформы «привратника». В свою очередь, конечные пользователи должны иметь возможность свободного выбора предложений бизнес-пользователей; иметь возможность заключать с ними контракты либо через основные платформенные услуги «привратника», либо через прямой канал распространения бизнес-пользователя или другой косвенный канал распространения, который может использовать такой бизнес-пользователь. Кроме того, запрещено ограничивать конечных пользователей в возможности свободно приобретать контент, подписки, функции или другие элементы услуги за пределами платформы «привратника». В частности, следует избегать того, чтобы «привратники» ограничивали конечным пользователям доступ к такой возможности при использовании программного приложения, работающего на их основной платформе обслуживания. Например, запрещено препятствовать доступу подписчиков онлайн-контента в программном приложении на основной платформе «привратника» ввиду его приобретения вне такого программного приложения или вне магазина программных приложений, принадлежащего «привратнику».

«Привратник» может использовать различные средства для продвижения собственных услуг или продуктов на своей основной платформе обслуживания в ущерб тем же или аналогичным услугам, которые конечные пользователи могут получить через третьих лиц. В частности, это касается случая, когда определенные программные приложения или службы предварительно установлены «привратником» на устройстве пользователя. Чтобы обеспечить наличие у конечного пользователя возможности выбора, Digital Markets Act запрещает «привратникам» отдавать предпочтение собственным программным приложениям путем препятствования конечным пользователям в удалении любых предустановленных программных приложений.

«Привратникам» запрещено ограничивать свободный выбор конечных пользователей, технически предотвращая переключение между различными программными приложениями и услугами.

Поэтому «привратники» должны обеспечивать свободный выбор пользователя независимо от того, являются ли они изготовителями какого-либо оборудования, с помощью которого осуществляется доступ к программным приложениям или услугам, и не должны создавать искусственных технических барьеров, вследствие которых переключение пользователя на другие приложения или услуги становится невозможным или неэффективным.

Существует практика, когда «привратники» ограничивают возможности конечного пользователя устанавливать и эффективно использовать сторонние приложения. Ограничения могут касаться и возможности разработчиков программных приложений использовать альтернативные каналы для их распространения. Вместе с тем, поведение «привратника» может быть обосновано тем, что использование сторонних приложений ставит под угрозу целостность аппаратного обеспечения или операционной системы, предоставляемой «привратником». Поэтому Digital Markets Act наделяет «привратника» правом применять соразмерные технические или договорные меры, если будет доказано, что такие меры необходимы и оправданы для защиты целостности аппаратного обеспечения или операционной системы «привратника».

Еще одной актуальной задачей антимонопольного регулирования в цифровую эпоху является разработка нормативного определения понятия «экосистема», часто используемого в практике цифровых платформ. В качестве экосистемы следует понимать совокупность связанных между собой невзаимозаменяемых цифровых платформ, принадлежащих одной компании. Экосистемы удовлетворяют различные потребности потребителя, однако при этом способствуют доминированию компании. Следует признать обоснованным предложение Центрального банка Российской Федерации ввести требование об «открытой модели» в отношении доминирующих экосистем [10]. Открытая модель означает запрет владельцу доминирующей экосистемы предоставлять преимущества своим продуктам на рынках цифровых платформ, входящих в экосистему. В качестве критериев определения доминирующей экосистемы Центральным банком Российской Федерации предложены такие, как оказание услуг более 10 % населения; доля на рынке более 35 %; объем выручки более 400 миллионов рублей ежегодно; для социальных сетей – количество пользователей более 500 тысяч человек в сутки.

Специфика деятельности цифровых платформ требует совершенствования подходов к анализу товарного рынка, что является критически важным для предупреждения, выявления и пресечения их антиконкурентной деятельности. В настоящее время нормативное регулирование не содержит четких критериев определения рыночной власти цифровых платформ.

Классический анализ товарного рынка не учитывает, что пользователи цифровой платформы могут получать ее услуги без предоставления платы. Однако многосторонний характер цифровой платформы подразумевает возможность получения платы от иных участников – например, компаний, которые платят цифровой платформе за доступ к потребителям своих услуг; за счет рекламы. Кроме того, отсутствие денежного предоставления не означает отсутствие платы за услуги платформы вообще – «потребители платят своим вниманием и информацией» [14], что позволяет цифровой платформе совершенствовать взаимодействие с потребителями на основании данных о них.

Согласно пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» [3], антимонопольное законодательство применимо в случаях передачи товаров потребителям без непосредственного получения встречного предоставления, то есть по нулевой цене, если впоследствии результатом этой деятельности будет извлечение выгоды из оказания услуг в отношении этих товаров, например получение дохода от их технического обслуживания за плату. Вместе с тем, данная ситуация касается в большей мере деятельности компаний на рынках операционных систем и программных продуктов. Поэтому требуется закрепить в Федеральном законе «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ (далее – Закон «О защите конкуренции») положение о том, что отсутствие цены товара или услуги не означает отсутствие соответствующего рынка, и поведение компании, владеющей цифровой платформой, должно оцениваться в каждом конкретном случае на предмет соответствия антимонопольному законодательству. Аналогичное положение закреплено в Разделе 18 (2a) Закона против ограничений конкуренции Германии [11], который устанавливает возможность применения антимонопольных требований и проведения процедуры анализа рынка в случае бесплатного предоставления товаров и услуг.

Географические границы товарного рынка могут определяться на основании анализа предпочтений потребителей. В отдельных случаях допустимо определить в качестве границ глобальный (мировой) рынок, как было сделано в решении ФАС России по делу в отношении Apple Inc [6]. В данном деле также проанализирована возможность свободного переключения потребителей на рынке, которая является таковой в случае, если потребитель не несет каких-либо существенных издержек. Границы товарного рынка могут быть установлены также на основании языка интерфейса платформы, а также возможности функционирования программных продуктов на определенной территории.

При определении границ товарного рынка подлежит глубокой оценке фактор взаимозаменяемости товара или услуги, поскольку отсутствие прямой аналогичности продуктов компаний еще не свидетельствует об отсутствии конкуренции – например, в случае конкуренции социальных сетей и мессенджеров.

Важное значение имеет проведение анализа влияния «сетевых эффектов». Их определение содержится в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» [5]. Однако требуется специальное нормативное указание, что наличие сетевого эффекта не означает презумпции доминирующего положения компании. Целесообразно определить в Законе о защите конкуренции, что наличие сетевого эффекта свидетельствует о доминирующем положении компании, если такой эффект позволяет создавать препятствия для выхода на рынок иных компаний-конкурентов и (или) увеличивает затраты пользователей, которые они вынуждены будут понести для перехода на товары или услуги компаний-конкурентов.

При анализе рынка требуется уделить внимание наличию у компании возможности использовать так называемые «большие данные», которые в действующем антимонопольном регулировании не рассматриваются в качестве актива, однако оказывают существенное влияние на способность компании конкурировать. Их использование снижает издержки компании, поскольку каждый пользователь платформы оставляет информацию о своих предпочтениях и поведении на рынке. В науке под «большими данными» (Big Data) понимается динамически изменяющийся массив информации, представляющий собой ценность в силу своих больших объемов и возможности его применения для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов [7]. Наличие «больших данных» создает сетевые эффекты, поскольку цифровые платформы собирают и хранят наборы данных, содержащие информацию о том, что искали пользователи и как они взаимодействовали с результатами, которые были им предоставлены, что повышает привлекательность платформы как для данных пользователей, так и для их потенциальных контрагентов пользователей, также являющихся пользователями платформы. Определение «больших данных» как любой информации о товаре и пользователях цифровой платформы, анализ которой создает сетевой эффект, следует закрепить в Законе «О защите конкуренции».

Для доминирующих цифровых платформ в сфере использования «больших данных» могут быть установлены дополнительные обязательства. Например, Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act) Европейского Союза [16] определяет, что поскольку доступ «привратников» к информации о ранжировании, запросах и просмотрах представляет собой важный барьер для входа иных компаний на рынок, «привратники» обязаны предоставлять такой доступ на справедливых, разумных и недискриминационных условиях, чтобы поставщики могли оптимизировать свои услуги. Такой доступ должен также предоставляться третьим лицам, заключившим договор с поставщиком поисковой системы, если они выступают в качестве обработчиков этих данных для поисковой системы. При предоставлении доступа к своим поисковым данным «привратник» должен обеспечить защиту персональных данных конечных пользователей соответствующими средствами, не ухудшая качество или полезность данных.

В аспекте слияния компаний, обладающих «большими данными», важно ориентироваться на цену сделки и ее потенциальное влияние на состояние конкуренции, а не на стоимость активов компаний. Так, приобретение компанией Facebook сервиса WhatsApp не было заблокировано антимонопольным ведомством США ввиду формального соблюдения порогового значения активов компании, однако цена сделки составила 19 миллиардов долларов США. Новый подход к оценке слияния компаний уже нашел отражение в 9 Законе об изменении Закона против ограничений конкуренции Германии (9. GWB-Nowelle) [13], согласно которому обязательно согласование сделки в случае, если ее цена составляет более 400 миллионов евро. Кроме того, Федеральное антимонопольное ведомство Германии может обязать компанию регистрировать любое слияние с другими компаниями в одной или нескольких отраслях экономики, если в прошлом финансовом году компания получила доход от продаж по всему миру в размере более 500 миллионов евро; если существуют объективные доказательства того, что будущие объединения могут значительно препятствовать эффективной конкуренции внутри страны; если компания имеет долю не менее чем 15% от предложения или спроса на товары или услуги в Германии.

Подводя итог, следует сделать вывод, что действующее антимонопольное законодательство Российской Федерации требует существенных изменений для повышения эффективности правового регулирования деятельности цифровых платформ и сдерживания их рыночной власти, обеспечения прав и законных интересов участников рынка. При этом особое внимание необходимо уделить анализу зарубежного опыта нормативной регламентации данной сферы, поскольку деятельность цифровых платформ нередко носит глобальный характер, что обусловливает наличие общих проблем, которые подлежат решению антимонопольными ведомствами различных государств.

Список литературы

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / А. Ю. Цариковский, Н. Ф. Галимханова, А. П. Тенишев [и др.]; под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 394 с.
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 22 декабря 2020 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766; Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 50. Ч. 3. Ст. 8074.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 5.
4. Приказ ФАС России от 15 февраля 2021 г. № 108/21 «Об утверждении Плана законопроектной деятельности ФАС России на 2021 год» // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428 (Дата обращения: 20.06.2021).
6. Решение ФАС России от 10 августа 2020 г. по делу № 11/01/10-24/2019 URL: https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/b70e9d96-8d39-46f5-9d7d-342da95b354b/?query=11/01/10-24/2019 (Дата обращения: 20.06.2020).
7. Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
8. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 3 июля 2019 г. № 6) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817; 2020. № 30, ст. 4884.
10. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Банк России, апрель 2021 г. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (Дата обращения: 20.06.2021).
11. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen. Bundesgesetzblatt. Teil I. 1998. Nr. 59 vom 02.09.1998. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html (Дата обращения: 20.06.2020).
12. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746/ (Дата обращения: 20.06.2021).
13. Neuntes Gesetz zur Änderung des Gesetzes gegen Wettbewerbsbeschränkungen (9. GWB-Novelle) vom. 1 Juni 2017 URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/Gesetz/neuntes-gesetz-zur-aenderung-des-gesetzes-gegen-wettbewerbsbeschraenkungen.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (Дата обращения: 20.06.2021).
14. Newman J.M. Antitrust in Zero-Price Markets: Foundations // University of Pennsylvania Law Review. 2015. Vol. 164. P. 149.
15. Online Platforms and the Digital Single Market. Select Committee on European Union. 10th Report of Session 2015–16 URL: https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldeucom/129/129.pdf (Дата обращения: 20.06.2021).
16. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). Brussels, 15.12.2020 URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN (Дата обращения: 20.06.2021).
17. Shelanski H.A. Information, Innovation, and Competition Policy for the Internet // University of Pennsylvania Law Review. 2013. Vol. 161. P. 1665.

References

1. Antimonopol'noe regulirovanie v cifrovuju jepohu. Kak zashhishhat' konkurenciju v uslovijah globalizacii i chetvertoj promyshlennoj revoljucii: monografija (Antitrust regulation in the digital age. How to Protect Competition in the Context of Globalization and the Fourth Industrial Revolution: A Monograph) / A. Ju. Carikovskij, N. F. Galimhanova, A. P. Tenishev [i dr.]; pod red. A. Ju. Carikovskogo, A. Ju. Ivanova, E. A. Vojnikanis. Moscow: High school of economy publ., 2020. 394 p. (In Russian).
2. Zakon Rossijskoj Federacii ot 7 fevralja 1992 g. № 2300-1 «O zashhite prav potrebitelej» (red. ot 22 dekabrja 2020 g.) (Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 «On Protection of Consumer Rights» (as amended on December 22, 2020) // Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. 1992. No. 15, Art. 766; Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. No. 50, Part. 3, Art. 8074. (In Russian).
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 4 marta 2021 goda «O nekotoryh voprosah, voznikajushhih v svjazi s primeneniem sudami antimonopol'nogo zakonodatel'stva» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021 «On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by courts») // Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2021. No. 5. (In Russian).
4. Prikaz FAS Rossii ot 15 fevralja 2021 g. № 108/21 «Ob utverzhdenii Plana zakonoproektnoj dejatel'nosti FAS Rossii na 2021 god» (Order of the FAS Russia dated February 15, 2021 No. 108/21 «On approval of the Plan of legislative activities of the FAS Russia for 2021») // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus». (In Russian).
5. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O zashhite konkurencii» (Draft Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Protection of Competition») URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428 (Accessed: 20.06.2021). (In Russian).

6. Reshenie FAS Rossii ot 10 avgusta 2020 g. po delu № 11/01/10-24/2019 (The decision of the FAS Russia of August 10, 2020 in the case № 11/01/10-24/2019) URL: https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/b70e9d96-8d39-46f5-9d7d-342da95b354b/?query=11/01/10-24/2019 (Accessed: 20.06.2020). (In Russian).
7. Savel'ev A. I. Napravlenija regulirovanija bol'shih dannyh i zashhita neprikosnovennosti chastnoj zhizni v novyh jekonomicheskih realijah (Big Data Regulations and Privacy in New Economic Realities) // Zakon. 2018. No. 5. P. 122–144. (In Russian).
8. Strategija razvitija konkurencii i antimonopol'nogo regulirovanija v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (utv. protokolom Prezidiuma FAS Rossii ot 3 ijulja 2019 g. № 6) (Strategy for the development of competition and antimonopoly regulation in the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by the protocol of the Presidium of the FAS Russia dated July 3, 2019 No. 6) // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus». (In Russian).
9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2018 g. № 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskih zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» (red. ot 21 ijulja 2020 g.) (Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» (as amended on July 21, 2020) // SZ RF. 2018. No. 20. Art. 2817; 2020. No.30, Art. 4884. (In Russian).
10. Jekosistemy: podhody k regulirovaniju. Doklad dlja obshhestvennyh konsul'tacij. Bank Rossii, aprel' 2021 g. (Ecosystems: Approaches to Regulation. Public Consultation Report. Bank of Russia, April 2021) URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (Accessed: 20.06.2021). (In Russian).
11. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen. Bundesgesetzblatt. Teil I. 1998. Nr. 59 vom 02.09.1998. (Act against Restraints of Competition. Federal Law Gazette. Part I. 1998. No. 59 from 02.09.1998) URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html (Accessed: 20.06.2020). (In Russian).
12. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique (Law №. 2016-1321 of October 7, 2016 for a Digital Republic) URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746/ (Accessed: 20.06.2021). (In Russian).
13. Neuntes Gesetz zur Änderung des Gesetzes gegen Wettbewerbsbeschränkungen (9. GWB-Novelle) vom. 1 Juni 2017 (Ninth law amending the law against restraints of competition (9th GWB amendment) of. 1 June 2017) URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/Gesetz/neuntes-gesetz-zur-aenderung-des-gesetzes-gegen-wettbewerbsbeschraenkungen.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (Accessed: 20.06.2021).
14. Newman J.M. Antitrust in Zero-Price Markets: Foundations // University of Pennsylvania Law Review. 2015. Vol. 164. P. 149.
15. Online Platforms and the Digital Single Market. Select Committee on European Union. 10th Report of Session 2015–16 URL: https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldeucom/129/129.pdf (Accessed: 20.06.2021).
16. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). Brussels, 15.12.2020 URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN (Accessed: 20.06.2021).
17. Shelanski H.A. Information, Innovation, and Competition Policy for the Internet // University of Pennsylvania Law Review. 2013. Vol. 161. P. 1665.

Сведения об авторах

Дехтярь Иван Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии; e-mail: ivandehtyar@mail.ru

Конина Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии; e-mail: elenapalagina4@rambler.ru

Information about the authors

Dekhtyar Ivan Nikolayevich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy; e-mail: ivandehtyar@mail.ru

Konina Elena Nikolaevna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy; e-mail: elenapalagina4@rambler.ru

CC BY

УДК 346.6/9

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.14

А. С. Кирпа

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

Целью настоящей статьи является изучение вопросов законодательного регулирования инновационных кластеров в системе финансового и налогового права. Исследуются отдельные аспекты проблематики в области налогового стимулирования инновационных кластеров. Приоритетной целью исследования является проведение актуального анализа законодательных трендов, сопровождающих инновационные кластеры. Исследование вносит вклад в формировании подходов в отношении ценности, эффективности и адресности финансово-правовых стимулов, влияющих на развитие инновационных кластеров.

При этом авторы исходили из междисциплинарного подхода, поскольку проблема правового статуса инновационных кластеров неизбежно затрагивает предмет регулирования различных отраслей права и имеет как конституционно-правовые, так и финансово-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые и иные аспекты.

Для наиболее верного и единообразного понимания элементов рассматриваемых общественных отношений авторами уделяется внимание категориально - понятийному аппарату, отражающему межотраслевые связи и двойственную правовую природу изучаемых отношений, возникающих в результате функционирования инновационных кластеров. Обобщение и систематизация основных направлений, трендов государственной политики по вопросам развития правового регулирования инновационных кластеров позволило раскрыть актуальность и значимость финансовой поддержки со стороны публичной власти, как стимула инновационного развития экономики.

Взаимодействие наук существенно повышает результативность финансово-правовых исследований. Инновационные кластеры также рассматриваются в контексте соотношения права и экономики. Только междисциплинарные подходы с бесспорным учетом законодательного зарубежного опыта, включая правоприменительную практику, должны быть положены в основу научно-правового осмысления правового статуса инновационных кластеров, стимулирования деятельности инновационных кластеров как локомотивов современной экономики, разработки финансово-правовых инструментов, способствующих эффективной реализация кластерной политики в современном правовом поле.

Проведенный анализ публикаций показывает отсутствие научных монографических исследований, посвященных изучению финансово-правовой сущности инновационных кластеров. Автор считает, что в современных условиях развития цифровой экономики, создающей новые вызова для инноваций, изучение финансово-правовой сущности инновационных кластеров является важным и своевременным.

Для наиболее верного и единообразного понимания элементов рассматриваемых общественных отношений авторами уделяется внимание категориально-понятийному аппарату, отражающему межотраслевые связи и двойственную правовую природу изучаемых отношений, возникающих в результате функционирования инновационных кластеров. Обобщение и систематизация основных направлений, трендов государственной политики по вопросам развития правового регулирования инновационных кластеров позволило раскрыть актуальность и значимость финансовой поддержки со стороны публичной власти, как стимула инновационного развития экономики.

Также в статье отмечены неразвитость законодательно-правового поля кластеризации экономики и негативное влияние законодательного фактора на ее полноценное развитие. Законодательство в сфере инноваций (кластеризации) не носит системного характера, в нем доминируют многочисленные разрозненные подзаконные нормативно-правовые акты, в том числе регионального уровня.

Большое внимание автором уделено финансово-правовой сущности и природы инновационных кластеров, как организационно-правовой формы привлечения инвестиций. Финансово-правовая сущность инновационных кластеров обусловлена следующими важными факторами. Правовое регулирование инвестиционных кластеров охватывает широкие сферы общественной жизни страны и является частью общего финансово-правового регулирования денежных потоков – инвестиций, которые входят в финансовую системы государства. Инновационные кластеры привлекают инвестиции, которые являются одной из системообразующих категорий финансового права. К основным направлениям финансово-правового регулирования инвестиционных кластеров также принадлежат бюджетный вектор, реализующийся через действенность государства как инвестора через бюджетные ассигнования. Очевидно налоговое регулирование инновационных кластеров, характеризующееся поощрительно-стимулирующей и мобилизационной направленностью. Исследуются практический опыт применения законодательства в рассматриваемой области, а также наиболее эффективные методы стимулирования инновационных кластеров. Исследование осуществлено на основе общенаучных междисциплинарных и специфических методов (формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный).

Ключевые слова: финансы, финансовое право, инновации, налоговые льготы, инновационная деятельность, инновационный кластер.

Для цитирования: Кирпа А. С. Финансово-правовые аспекты инновационных кластеров // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 118–123. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.14

Angelina S. Kirpa

FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS OF INNOVATION CLUSTERS

The purpose of this article is to study the issues of legislative regulation of innovation clusters in the system of financial and tax law. Some aspects of the problems in the field of tax incentives for innovation clusters are studied. The priority goal of the study is to conduct an up-to-date analysis of legislative trends that accompany innovation clusters. The study contributes to the formation of approaches to the value, effectiveness and targeting of financial and legal incentives that affect the development of innovation clusters.

At the same time, the authors proceeded from an interdisciplinary approach, since the problem of the legal status of innovation clusters inevitably affects the subject of regulation of various branches of law and has both constitutional and legal, financial, legal, civil, administrative and other aspects.

For the most correct and uniform understanding of the elements of the social relations under consideration, the authors pay attention to the categorical and conceptual apparatus, which reflects intersectoral relations and the dual legal nature of the studied relations arising from the functioning of innovative clusters. Generalization and systematization of the main directions, trends of state policy on the development of legal regulation of innovation clusters made it possible to reveal the relevance and importance of financial support from public authorities as an incentive for innovative development of the economy.

The interaction of sciences significantly increases the effectiveness of financial and legal research. Innovation clusters are also considered in the context of the relationship between law and economics. Only interdisciplinary approaches with indisputable consideration of foreign legislative experience, including law enforcement practice, should be the basis for scientific and legal understanding of the legal status of innovation clusters, stimulating the activity of innovation clusters as locomotives of the modern economy, developing financial and legal instruments that contribute to the effective implementation of cluster policy in the modern world. legal field.

The conducted analysis of publications shows the absence of scientific monographic studies devoted to the study of the financial and legal nature of innovation clusters. The author believes that in the modern conditions of the development of the digital economy, which creates new challenges for innovation, the study of the financial and legal essence of innovation clusters is important and timely.

For the most correct and uniform understanding of the elements of the social relations under consideration, the authors pay attention to the categorical and conceptual apparatus, which reflects intersectoral relations and the dual legal nature of the studied relations arising from the functioning of innovative clusters. Generalization and systematization of the main directions, trends of state policy on the development of legal regulation of innovation clusters made it possible to reveal the relevance and importance of financial support from public authorities as an incentive for innovative development of the economy.

The article also notes the underdevelopment of the legislative and legal field of economic clustering and the negative impact of the legislative factor on its full development. Legislation in the field of innovation (clustering) is not systemic, it is dominated by numerous disparate by-laws, including those at the regional level.

Much attention is paid by the author to the financial and legal essence and nature of innovative clusters as an organizational and legal form of attracting investments. The financial and legal essence of innovation clusters is determined by the following important factors. The legal regulation of investment clusters covers wide areas of the country's public life and is part of the general financial and legal regulation of cash flows – investments that are included in the financial system of the state. Innovation clusters attract investments, which are one of the backbone categories of financial law. The main areas of financial and legal regulation of investment clusters also include the budget vector, which is realized through the effectiveness of the state as an investor through budget allocations. Obviously, the tax regulation of innovation clusters is characterized by an incentive-stimulating and mobilization orientation. The practical experience of the application of legislation in the area under consideration, as well as the most effective methods of stimulating innovation clusters are studied. The study was carried out on the basis of general scientific interdisciplinary and specific methods (formal-legal, comparative-legal, structural-functional).

Key words: finance, financial law, innovation, tax incentives, innovation activity, innovation cluster

For citation: Kirpa A. Financial and legal aspects of innovation clusters // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 118–123. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.14

Сегодня кластеризация экономической деятельности является одним из основных трендов и инструментов продвижения инновационной экономики во всем мире. Инновационные кластеры объединяют интересы публичные и частные в сфере развития бизнеса, создания стартапов и поддержки инноваций. Следует выделить наиболее успешные модели инновационных кластеров, показывающие длительный эффект и результат.

Американская модель, которая существует более пяти десятков лет, является наиболее совершенной и широко используется как базовая. В США впервые концепция кластеризации инновационной деятельности была реализована в Силиконовой долине, которая была создана на базе Стэнфордского университета, и до сих пор не имеет аналогов по своей конкуретностобности и значению для развития новейших технологий. Первый start-up Долины - компания Hewlett Packart была создана выпускниками Стэнфорда на средства венчурного инвестора, профессора того же университета. Сегодня средства, инвестируемые основанными в Силиконовой Долине компаниями, составляют треть национальных

инвестиций в экономику США, а сами компании фактически владеют 10% всех патентов, зарегистрированных в США. [3]

Характерной чертой американских инновационных структур является то, что они в меньшей степени основаны на государственном финансировании, а в большей – на корпоративном, частном и фондовом инвестировании.

Европейские инновационные образования имеют свои терминологические особенности: во Франции они называются полюса конкурентоспособности, в ФРГ – инновационные и технологические центры, в Голландии – научные парки, в Бельгии – исследовательские парки и т. д., в Великобритании – бизнес-инкубаторы, научные парки и инновационные центры. Европейские территориальные образования, как раз, характеризуются весомой государственной поддержкой, которая реализуется посредством прямого финансирования и установления налоговых льгот. Европейский подход весьма схож с российским, в котором доля государственной поддержки также достаточно высока.

Крупнейшие инновационные проекты России («Сколково» и «Национальная технологическая инициатива» - «НТИ», долина «Воробьевы горы») реализуются в основном за счет субсидий бюджетных средств, в формате государственно-частного партнерства. Научно-технологическая долина МГУ «Воробьевы горы» – уникальный литерный инновационный проект на базе кампуса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Над концепцией проекта работает фонд «Национальное интеллектуальное развитие». Стоимость долины – 149,9 млрд руб. за счет субсидий бюджетных средств в формате государственно-частного партнерства [5].

В последнее время распространилась тенденция к определению подобных инновационных образований через категорию «инновационных кластеров». Воспринимаясь в начале очередным терминологическим веяниям, теперь оно сформировалось в концепцию, которая была внедрена на уровне Европейского Союза и закрепилась в рабочем документе Еврокомиссии «Концепция кластеров и кластерной политики и их роль для конкурентоспособности и инноваций» [2].

Анализ публикаций за последнее десятилетие показывает, отсутствие научных монографических исследований, посвященных вопросам финансово-правового регулирования инновационных кластеров. Тема инновационных кластеров является межотраслевой, опирается на достижения экономики и права. В процессе исследования были изучены труды отечественных и зарубежных ученых. Отбирая источники зарубежного права, авторы использовали акты различных правовых систем. Зарубежные источники исследовались исключительно для лучшего понимания отечественного опыта развития инновационных кластеров, но не с целью выявить дефекты и противоречия зарубежного законодательства.

История развития общества не раз доказывала, что эффективное функционирование экономики напрямую зависит от государственного регулирования отдельных ее элементов. Нынешняя обстановка в государстве указывает на недостатки существующей системы и требует немедленного вмешательства и совершенствования. Последние два года богаты на события. Вынужденные меры по самоизоляции в связи с пандемией вируса указали на неготовность экономики нашего государства к потрясениям такого рода. Что в свою очередь, указывает на повышенную потребность в инновациях, абсолютно во всем сферах. В нынешних реалиях это нужно воспринимать как вызов государственному регулированию инвестиционной и инновационной сфер.

Законодательство Российской Федерации характеризуется необходимостью совершенствования методов налогового регулирования инвестиционной и инновационной сфер и повышением инвестиционной активности на территории нашего государства. Дальнейшее развитие невозможно без обеспечения благосостояния населения, характеризующегося высоким уровнем и создания устойчивой экономической системы. Достижение данных целей напрямую зависит от повышения инвестиционной привлекательности государства и перехода экономики на инновационную модель развития, что, в свою очередь, невозможно без эффективной системы инструментов налогового регулирования.

Политика государства направлена на совершенствование и повышение уровня функционирования двух данных сфер, взаимосвязанных и взаимообусловленных. Выражается это в невозможности стимулирования инвестиционной и инновационной деятельности по отдельности, так как качество и эффективность обеих снижаются. Инвестирование необходимо осуществлять в приоритетные области, с целью придания экономике инновационной направленности.

Государственное регулирование данных сфер возможно как прямым методом, так и косвенным. Прямой предполагает непосредственное финансирование государством инвестиционных проектов, развитие наукоемких производств и высоких технологий. Косвенный метод - стимулирует данную деятельность с помощью налоговых методов – налогов и законного от них освобождения.

Осуществляется он на основе налогов и их функций. В отношении инновационных кластеров, налоговое регулирование проявляется в предоставлении субъектам, их осуществляющим, специальных налоговых ставок, льгот, каникул, а так же инвестиционного налогового кредита.

В этой связи представляет интерес Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 «О Парке высоких технологий» и Указ Президента Республики Беларусь от 30.08.2012 № 392 «Об отдельных вопросах налогообложения резидентов Парка высоких технологий». Согласно этим нормативным правовым актам резиденты Парка высоких технологий освобождаются: от налога на прибыль; налога на добавленную стоимость по оборотам от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав) на территории Республики Беларусь; уплаты ввозных таможенных пошлин и налога на добавленную стоимость, взимаемых таможенными органами, при ввозе на таможенную территорию Республики Беларусь товаров по перечню, утвержденному этим Указом.

Нельзя недооценивать значение налогового регулирования инновационных кластеров. Что касается собственно налогового стимулирования инновационных кластеров, то, по нашему мнению, его нужно понимать как процесс формирования и реализации налоговых рычагов в направлении активизации инновационной деятельности.

В мировой практике функционирования механизма налогообложения наиболее распространены такие формы налогового стимулирования инноваций: дифференциация налоговых ставок в зависимости от социально-экономического значения отрасли и ее продукции; налоговые каникулы или полное освобождение от налогов вновь созданных субъектов хозяйственной деятельности в начале их деятельности; налоговый кредит; снижение налогооблагаемой базы; предоставление налоговых каникул и другое. Зато отечественная налоговая система использует только небольшую часть из приведенного арсенала форм стимулирования инновационной деятельности.

На данный момент экономика нашего государства не может эффективно функционировать старыми способами, должны быть усовершенствованы и разработаны новые способы ее функционирования. А для этого необходима законодательная база. При этом отечественная налоговая система регулирования и стимулирования не достаточно эффективна и разработана.

Например, преференции, предусмотренные по налогу на прибыль, обладают высокой фискальной значимостью и регулирующим потенциалом. Однако в полной мере они не реализуется, хотя играют существенную роль в воздействии на повышение привлекательности инновационных кластеров.

Так же большое экономическое значение имеет инвестиционный налоговый кредит. Он достаточно эффективен в вопросе осуществления инвестиционной и инновационной сфер. Государство, предоставляя инвестиционный налоговый кредит, дает возможность налогоплательщику направить денежные средства на осуществление своей деятельности, а государство с его помощью решает задачи государственной инвестиционной и инновационной политики. Однако особой привлекательности данный инструмент налогового регулирования не приобрел.

Налоговые каникулы также является одной из форм налогового стимулирования, которые активно используются в мировой практике в зависимости от сфер применения и тому подобное. Обычно это временное, частичное или полное отсрочка уплаты налогов на определенный период времени. Налоговые каникулы могут вводиться и для субъектов хозяйствования, и для особых видов деятельности, и для некоторых территорий.

Еще одной особенностью налоговых правоотношений в сфере инвестиционной деятельности является налоговое освобождение субъекта (участника) инновационной деятельности. Прежде всего, отметим, что понятие «налоговое освобождение» используют в науке финансового права довольно часто, хотя единства в понимании этого правового явления ученые в настоящее время не достигли. В налоговом законодательстве применяется категория «Налоговые льготы». В свою очередь, отсутствие единого определения рассматриваемого понятия создает проблемы при применении норм налогового права.

Налоговое освобождение инноваций – это легитимированный государством фискальный способ избежать налогообложения субъектами инновационной деятельности или уменьшить его объемы, который требует от них конкретных, определенных в законодательстве действий или реализации установленных условий в процессе созданий инновационных технологий, и применяется только согласно четко определенным законодательством основаниям [4].

Активизация инновационной деятельности (которая является насущной необходимостью для экономического развития в современных реалиях), на наш взгляд, невозможно без трансформации отечественной системы налогообложения, поэтому усилия государства должны быть направлены на реальные результаты налоговой реформы и формирование такой налоговой системы, которая способствовала бы развитию инноваций.

Наряду с этим необходимо отметить, что применение большой части налоговых инструментов дает положительный результат первые 3–5 лет, далее они начинают приносить обратный эффект. Это указывает на то, что с определенной периодичностью необходимо осуществлять поиск новых налоговых инструментов – разрабатывать собственные, и перенимать зарубежный опыт.

Влияние финансово-правовых стимулов на развитие инновационных кластеров оценивается весьма противоречиво. Можно выделить два подхода. Сторонники первого подхода считают результат влияния финансово-правовых стимулов

краткосрочным и исключают возможность ожидания долгосрочного результата. Прямые государственные субсидии благоприятствуют фирмам в краткосрочной перспективе, но препятствуют их инновационной деятельности в долгосрочной перспективе, вместе с тем выделяя отдельные фискальные инструменты, например, налоговый кредит, обеспечивающий всеобъемлющий результат (Jing Jing Zhang, Jiancheng Guan, 2018) [7].

Второй подход выражает абсолютную перспективность и результативность фискальных стимулов на развитие инновационных кластеров (Tan Yigitcanlar, Jamile Sabatini-Marques, Eduardo Moreirada-Costa, Md Kamruzzaman, Giuseppe Ioppolo, 2019) [8].

Все имеющиеся дискуссии объединяет единство в рентабельности инвестиций в инновации, поскольку специфика инновационной экономики состоит не только в способности генерировать новые идеи непрерывно по новой цене, но и в качестве человеческого потенциала.

Активизация развития инноваций, технологий обуславливает необходимость создание целостной системы его финансового обеспечения, согласование публичных интересов, бизнеса, субъектов хозяйствования по расширению аккумулирования свободных денежных средств. Для этого необходима надлежащая инновационная мотивация. Основной задачей Российской Федерации на данный момент является совершенствование источников пополнения бюджета, особенно ранее не востребованных. Инновационная сфера обладает в этом вопросе огромным потенциалом.

Важнейшим способом реализации политики государства является налоговое стимулирование инновационной сферы, которое следует осуществлять в совокупности с иными мерами. Необходимы изменения в налоговой системе, которые были бы направлены на снижение налогового бремени. Именно налоговое стимулирование является одним из важнейших условий реализации нынешней политики государства и создания благоприятной обстановки для деятельности инновационных кластеров.

Под сущностью налогового стимулирования понимается применение к деятельности инновационных кластеров таких налоговых инструментов, как налоговые ставки, льготы, каникулы, применяемые с целью воздействия со стороны государства на экономические и социальные процессы в обществе. Налоговым законодательством Российской Федерации предусмотрен достаточно обширный перечень налоговых льгот и преференций. Применение существующих мер налогового льготирования инновационных кластеров не вполне эффективно, что обусловлено отсутствием комплексной системы их использования и недостаточной разработанности самих льгот. Эти несовершенства препятствуют осуществлению, заданной государством политике, осложняют деятельность субъектов инновационных кластеров. А так же способствуют развитию злоупотреблений и бюрократии в данной сфере.

Таким образом, на современном этапе развития экономики России крайне необходимо принять меры, направленные на поддержку и стимулирование развития инновационных кластеров, что невозможно без совершенствования ее налогового регулирования и стимулирования. В связи с этим важной задачей является проведение реформирования и изменения налогового законодательства, в части предоставления налоговых льгот субъектам, осуществляющим данную деятельность. То есть необходимо активное вмешательство государства в правовые вопросы процедуры осуществления инновационной деятельности, особенно в условиях цифровизации мира.

Список литературы

1. Инновационные кластеры: доктрина, законодательство, практика / А. А. Мохов, А. Е. Балашов, О. А. Шевченко и др.; отв. ред. А. А. Мохов. М.: КОНТРАКТ, 2018. 100 с.
2. Мешков И. Основные черты кластерной политики ЕС URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/english/2020/1-2020/17.pdf (Дата обращения 28.02. 2022)
3. Симсон О. Инновационные партнерства на региональном уровне (Инновационные кластеры) URL: https://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/ 123456789/3736/1/Simson_250_264.pdf (Дата обращения: 28.02.2022)
4. Смирнов Д. А. Особенности налогообложения на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности // Развитие научных идей профессора Н. И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н. И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны (Саратов, 2 октября 2018 г.); ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: СГЮА, 2020. – 240 с.(с. 218-222).
5. Шестак В., Тютюнник И. Финансово-правовое обеспечение инновационной активности URL: https://financetp.fa.ru/jour/article/view/594/459 (Дата обращения 28.02.2022)
6. Янковский Р. М. Правовое регулирование государственной поддержки инноваций в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 21–29.
7. Jing Jing Zhang, Jiancheng Guan. The time-varying impacts of government incentives on innovation // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 135. October 2018. P. 132–144.
8. Tan Yigitcanlar, Jamile Sabatini-Marques, Eduardo Moreirada-Costa, Md Kamruzzaman, Giuseppe Ioppolo. Stimulating technological innovation through incentives: Perceptions of Australian and Brazilian firms// Technological Forecasting and Social Change. Vol. 146. September 2019. P. 403 – 412.

References

1. Innovatsionnye klastery: doktrina, zakonodatel'stvo, praktika (Innovation clusters: doctrine, legislation, practice) / A. A. Mokhov, A. E. Balashov, O. A. Shevchenkoб, ed by A. A. Mokhov. Moscow: KONTRAKT, 2018. 100 p. (In Russian).
2. Meshkov I. Osnovnye cherty klasternoi politiki ES (The main features of the EU cluster policy) URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/english/2020/1-2020/17.pdf (Accessed: 28.02.2022). (In Russian).
3. Simson O. Innovatsionnye partnerstva na regional'nom urovne (Innovatsionnye klastery) (Innovation partnerships at the regional level (Innovation clusters) URL: https://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/ 123456789/3736/1/Simson_250_264.pdf (Accessed: 28.02.2022). (In Russian).
4. Smirnov D. A. Osobennosti nalogooblozheniya na territoriyakh so spetsial'nym rezhimom predprinimatel'skoi i investitsionnoi deyatel'nosti (Features of taxation in territories with a special regime for entrepreneurial and investment activities) // Razvitie nauchnykh idei professora N.I. Khimichevoi v sovremennoi doktrine finansovogo prava: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh III Saratovskikh finansovo-pravovykh chtenii nauchnoi shkoly N.I. Khimichevoi, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya Niny Ivanovny (Saratov, 2 oktyabrya 2018 g.); FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». Saratov: SSLA publ., 2020. S. 218–222. (In Russian).
5. Shestak V., Tyutyunnik I. Finansovo-pravovoe obespechenie innovatsionnoi aktivnosti (Financial and legal support of innovative activity) URL: https://financetp.fa.ru/jour/article/view/594/459 (Accessed: 28.02.2022). (In Russian).
6. Yankovskii R. M. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi podderzhki innovatsii v Rossiiskoi Federatsii (Legal regulation of state support for innovation in the Russian Federation) // Predprinimatel'skoe pravo. 2017. No. 3. P. 21–29. (In Russian).
7. Jing Jing Zhang, Jiancheng Guan. The time-varying impacts of government incentives on innovation // Technological Forecasting and Social Change. Volume 135. October 2018. P. 132–144.
8. Tan Yigitcanlar, Jamile Sabatini-Marques, Eduardo Moreirada-Costa, Md Kamruzzaman, Giuseppe Ioppolo. Stimulating technological innovation through incentives: Perceptions of Australian and Brazilian firms// Technological Forecasting and Social Change. Volume 146. September 2019. P. 403–412.

Сведения об авторе

Кирпа Ангелина Сергеевна – старший преподаватель кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: kirpa1994@yandex.ru

Information about the author

Kirpa Angelina S. – Senior Lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute North-Caucasus Federal University; e-mail: kirpa1994@yandex.ru

CC BY

УДК 159.92(470)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.15

О. В. Погожева
С. М. Плиев

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И НОРМАТИВНОГО ХАРАКТЕРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ[1]

В статье рассмотрены подходы к психолого-педагогическому сопровождению подростков в образовательном пространстве в России и Республике Южная Осетия. Психолого-педагогическое сопровождение подростков в образовательной среде рассматривается, с одной стороны, как предмет профессиональной деятельности педагога, психолога, педагога-психолога, социального педагога, и, с другой стороны, как инструмент оказания психологической, социальной, педагогической поддержки. Особенно это касается профилактики и предупреждения развития девиаций у подростков. За последнее время значительно изменились показатели отклоняющегося поведения детей и подростков, причем как в количественном, так качественном и соотношении. Статистические данные по преступлениям, совершёнными подростками в Ставропольском крае, говорят о тенденции снижения по отдельным видам преступлений. Однако, проводимое исследование показывает, что подросток испытывает, в том числе, и деформацию определённых форм нормосознания, то есть изменение внешней стороны поведения влечет за собой, в том числе, деформацию внутренней личностной сферы с ослаблением системы внутреннего контроля и саморегуляции. Таким образом, анализ статистических данных, а также данных полученных экспериментальным путем показывают, что в настоящее время, происходят не только количественные, но и качественные характеристики девиантного поведения у подростков. Во многом, они приобретают форму деликтов, то есть таких проступков, за совершение которых государство устанавливает различные формы юридической ответственности: от дисциплинарной до уголовно-правовой. Причины девиантного поведения достаточно разнообразны. В целом, их можно подразделить на: причины, обусловленные социальным окружением, континуум жизнедеятельности подростка; физиологические факторы: отягощенная наследственность, патологии центральной нервной системы, особенности пубертатного периода и многое другое. Поэтому, перспективным направлением современных психологических исследований является поиск психологических инноваций в контексте психологического сопровождения подростков, нацеленных на развитие несовершеннолетними аттитюдов к систематической работе над собой Определяющую роль в данном процессе играет диагностика подростков, своевременное выявление тех, кто своим поведением нарушает нормы общественного устройства.

В статье исследованы цели, задачи, выявлены основные проблемы институционального и нормативного содержания психологического сопровождения обучающихся в рамках образовательного процесса в России и Южной Осетии.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, образовательный процесс, пубертатный период, аддиктивное поведение, девиантное поведение.

Для цитирования: Дехтярь И. Н., Конина Е. Н. Вопросы применения положений антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 124–130. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.15

Olga V. Pogozheva
Soslan M. Pliev

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF TEENAGERS: INSTITUTIONAL AND REGULATORY PROBLEMS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA AND SOUTH OSSETIA[1]

The article discusses approaches to psychological and pedagogical support of adolescents in the educational space in Russia and the Republic of South Ossetia. Psychological and pedagogical support of adolescents in the educational environment is considered, on the one hand, as a subject of professional activity of a teacher, psychologist, teacher-psychologist, social pedagogue, and, on the other hand, as a tool for providing psychological, social, pedagogical support. This is especially true for the prevention of the development of deviations in adolescents. Recently, the indicators of deviant behavior of children and adolescents have changed significantly, both in quantitative and qualitative terms. Statistical data on crimes committed by teenagers in the Stavropol Territory indicate a downward trend in certain types of crimes. However, the conducted research shows that a teenager experiences, among other things, a deformation of certain forms of norm consciousness, that is, a change in the external side of behavior entails, among other things, a deformation of the internal personal sphere with a weakening of the system of internal control and self-regulation. Thus, the analysis of statistical data, as well as data obtained experimentally, show that at present, there are not only quantitative, but also qualitative characteristics of deviant behavior in adolescents. In many ways, they

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-513-07003 МОН РЮО. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia within the framework of the scientific project No. 20-513-07003 of the Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia.

take the form of torts, that is, such offenses for which the state establishes various forms of legal responsibility: from disciplinary to criminal law. The reasons for deviant behavior are quite diverse. In general, they can be divided into: causes caused by the social environment, the continuum of the adolescent's life activity; physiological factors: burdened heredity, pathologies of the central nervous system, features of the puberty period and much more. Therefore, a promising direction of modern psychological research is the search for psychological innovations in the context of psychological support of adolescents, aimed at developing attitudes by minors to systematic work on themselves, the diagnosis of adolescents plays a decisive role in this process, timely identification of those who violate the norms of social structure by their behavior.

The article examines the goals and objectives, identifies the main problems of the institutional and normative content of psychological support of students in the educational process in Russia and South Ossetia.

Key words: psychological support; educational process; puberty; addictive behavior; deviant behavior.

For citation: Pogozheva O., Pliev S. Psychological support of teenagers: institutional and regulatory problems in the educational space of Russia and South Ossetia // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 124–130. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.15

В настоящее время Республика Южная Осетия, будучи молодым суверенным государством, реализует свою собственную независимую политику в различных сферах общественных отношений, координируя и гармонизируя свою деятельность с Российской Федерацией в контексте формирования модельной институциональной и нормативной базы в области образования, науки и культуры, в сфере воспитания, социальной поддержки населения. И, как известно, Российская Федерация в полной мере содействует этому процессу.

Все вышеуказанное наглядно демонстрирует международное сотрудничество, которое сложилось между профессорско-преподавательским составом Юридического института СКФУ, СОГУ, ЮОГУ, специалистами Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства Образования Ставропольского края, Министерства науки и образования Республики Южная Осетия, Управлением образованием Администрации города Ставрополя и др. В результате совместной работы были разработаны и внедрены нормативно-правовые акты Республики Южная Осетия в сфере образования, сформирована нормативно-институциональная оценка качества образования, также в рамках выполнения государственного задания были проведены серьёзные научно-практические исследования [6].

Сегодня продолжается международное сотрудничество и в аспекте указанной проблемы. Так с 2020 г. совместно с коллегами из Южной Осетии ведется разработка научных и практических рекомендации, которые могут быть использованы в дальнейшей деятельности органов государственной власти и образовательных организаций Российской Федерации и Республики Южная Осетия по проблемам психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних в образовательном процессе, с учетом взаимного положительного опыта Южной Осетии и Российской Федерации.

Целью исследования является изучение и совершенствование институциональных и нормативных баз в Российской Федерации и Южной Осетии, которые могут обеспечить качественный процесс психологического сопровождения несовершеннолетних.

Психологическое сопровождение в образовательном пространстве представляет собой актуальную, значимую психолого-педагогическую и правовую проблему. Она затрагивает субъект-объектную сферу общественных отношений, в которой субъектами выступают: специалисты, осуществляющие психологическое сопровождение; участники, педагогического процесса в образовательной ситуации; другие задействованные лица (например, родители). При этом объектом психологического сопровождения являются общественные отношения по обеспечению полноценного развития и сохранения психологического здоровья населения как естественного права, обеспечиваемого государством в институциональном и нормативном порядке.

Следует сказать, что психолого-педагогическое сопровождение направлено на выявление и разрешение проблем в образовательном процессе, в контексте воспитания обучающихся. Особая роль отведена специалистам – педагогам, психологам, которые в рамках своей деятельности должны создавать максимально эффективные условия для обучения и психологического развития детей и подростков, а также решения сопутствующих проблем личного характера, которые возникают (или могут возникнуть) в процессе его обучения [4].

В специальной научной литературе – психологии, педагогике и юриспруденции вопрос психологического сопровождения подростка в образовательном процессе вызывает активный интерес, что обусловлено институциональным и правовым характером рассматриваемого феномена. Специалисты по-разному подходят к определению термина «психолого-педагогическое сопровождение». Хотелось бы привести позицию Битяновой М. Р., по мнению которой: «Психолого-педагогическое представляет собой особую помощь, которая предоставляется ребенку в процессе его обучения, в целях разрешения или предупреждении возникающих проблем» [2]. Иное определение было предложено Шипицыной Л. М.: «Психологическое сопровождение – это совокупность приёмов, средств и способов, посредством которых создаются и обеспечиваются

условия, необходимые для принятия подростком оптимальных решений в различных ситуациях, которые складываются в процессе его жизнедеятельности». По мнению автора, процесс сопровождения является комплексным, поскольку представлен в единстве взаимодействия специалистов различных областей (психолога, педагога, врачей и т. д.) и сопровождаемого, результатом которого является помощь в разрешении проблем личностного развития [9].

С точки зрения психологов (В. А. Горянина, А. А. Деркач, Л. М. Митина, В. С. Мухина) психологическое сопровождение понимается в качестве поддержки психически здоровых людей, у которых на определённом жизненном этапе возникают трудности, с которыми они самостоятельно, без помощи специалистов не могут справиться.

Как видно из приведенных позиций, ученые едины в том, что понятие «сопровождение» и «поддержка» в рассматриваемом контексте имеют единообразный смысл, в основу которого заложено осуществление анализа конкретной ситуации подростка, в которой он находится, а также диагностика уровня его психического развития, применения соответствующих методов активного-социально-психологического обучения и индивидуальных методов работы [5].

Анализируя вышеприведенные положения, хотелось бы резюмировать следующее: психологическое сопровождение подростков в образовательном процессе представляет собой комплексную деятельность психолога, а также других специалистов, которая проявляется в изучении и анализе психологического и психического состояния подростка, отслеживании динамики его состояния его развития; создании оптимальных условий, обеспечивающих эффективное психическое развития подростка в процессе его жизнедеятельности; в осуществлении консультирования по вопросам касательно его психологического состояния, а также оказании психологической поддержки в процессе его обучения. Посредством осуществления психологического сопровождения подростку оказывается комплекс мер и условий, которые способствуют переходу личности от помощи из вне к самопомощи, что влияет на формирование у подростка жизненной позиции «Я могу сам справиться со своими жизненными проблемами».

Психологическое сопровождение подростков включает в себя в качестве неотъемлемого элемента профессиональную деятельность психолога. Из этого следует, что цель психологического сопровождения подростков должна быть направлена на формирование потенциала личности психолога с его четкой профессионально-психологической устойчивостью, в том числе, с позиции обеспечения прав и обязанностей субъекта деятельности.

В качестве задач психологического сопровождения, обучающихся Белоус Е. Н. выделяет [1]:

– проведение анализа социально-психологических условий деятельности обучающихся;
– изучение характерных особенностей развития и формирования подростка в образовательной среде;
– обоснование факторов, на основе которых обеспечивается положительная динамика учебной деятельности;
– определение основ психологического обеспечения учебной деятельности.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно выделить как минимум три направления (проблемы) в данной исследовании.

Первое – это работа специалистов-психологов в образовательных учреждениях.

Второе – дети как субъекты психологического сопровождения.

Третье – это, собственно, сам процесс психологического сопровождения.

Стоит заметить, что все три указанные проблемы характерны как для российского, так и для юго-осетинского образовательного пространства.

Психологическое сопровождение несовершеннолетних в образовании преследует цель – защиты прав детей и формирования благоприятных условий для сохранения и укрепления психологического здоровья участников образовательного процесса, создание междисциплинарных комплексных программ, психологического, педагогического, социального и правового характера, цель которых – преодоление психолого-педагогических и социальных проблем детей и подростков в образовательном процессе. При этом, например, согласно Положению о службе практической психологии в системе Министерства Образования РФ, задачи в этой сфере перед государством и его институтами ставятся следующие [8]: психологический анализ социальной ситуации развития в образовательных учреждениях, выявление основных проблем и определение причин их возникновения, путей и средств их разрешения; содействие педагогическому коллективу в гармонизации социально психологического климата в образовательных учреждениях; участие в комплексной психолого-педагогической экспертизе профессиональной деятельности специалистов образовательных учреждений, образовательных программ и проектов, учебно-методических пособий, проводимой по инициативе органов управления образованием или отдельных образовательных учреждений, содействие распространению и внедрению в практику образовательных учреждений достижений в области отечественной и зарубежной психологии, содействие в обеспечении деятельности специалистов научно-методическими материалами и разработками в области психологии.

В своей деятельности специалисты по психологическому сопровождению должны руководствоваться следующими законодательными актами, среди которых:

– Конституция РФ 1993 года (с поправками, внесенными в ходе Общероссийского голосования 01.07.2021 г.);
– Всемирная Декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (Нью-Йорк, 30 сентября 2000 г.);
– Декларация ООН о правах инвалидов (Принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 г.);
– Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (Принята 14 декабря 1960 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки в культуры на ее одиннадцатой сессии);
– Конвенция ООН о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.);
– Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями на 30 декабря 2021 г.);
– Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изменениями на 11 июня 2021 г.);
– Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями на 24 апреля 2020 г.);
– Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изменениями на 1 июля 2021 г.);
– Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27.12.2018 N 501-ФЗ (с изменениями на 30 апреля 2021 г.);
– Указ Президента РФ от 01.09.2009 N 986 (ред. от 15.01.2019) «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» (с изменениями на 15 января 2019 г.);
– Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 20.09.2013 N 1082 «Об утверждении положения о психолого-медико-педагогической комиссии»;
– Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 июля 2015 г. N 514н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»;
– Постановление Главного Государственного санитарного врача Российской Федерации Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи»;
– Письмо Минобразования РФ «О психолого-медико-педагогическом консилиуме образовательного учреждения» от 27.03.2000 г. No 27/901-6;
– Концепция психологической службы в системе образования Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Министерством образования и науки Российской Федерации 19.12.2017);
– Федеральный базисный учебный план, утвержденный приказом Министерства образования Российской Федерации от 10.04.2002 N 29/2065-п «Об утверждении учебных планов специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии» (с изменениями на 3 ноября 2017 г.);
– Устав (Основной Закон) Ставропольского края от 12 октября 1994 г. N 6-кз (с изменениями на 22 декабря 2020 г.);
– Закон Ставропольского края № 20-кз от 10.04.2008 г. «Об административных правонарушениях в Ставропольском крае» (с изменениями на 7 июня 2021 г.);
– Закон Ставропольского края № 52-кз от 29.07.2009 г. «О некоторых мерах по защите прав и законных интересов несовершеннолетних»;
– Закон Ставропольского края от 30 июля 2013 г. №72-кз «Об образовании» (с изменениями на 26 июля 2021 г.);
– Закон Ставропольского края от 25 декабря 2014 г. № 126-кз «Об Уполномоченном по правам ребенка в Ставропольском крае» (с изменениями на 2 ноября 2021 г.);
– Закон Ставропольского края «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства» (с изменениями на 8 февраля 2021 г.);
– Распоряжение Правительства Ставропольского края от 17 ноября 2004 г. N 474-рп «Об исполнении Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в Ставропольском крае;
– Приказ Министерства образования Ставропольского края № 1304-пр от 28.12.2011 г. «Об утверждении плана мероприятий по профилактике суицидального поведения среди обучающихся образовательных учреждений»;
– Совместный Приказ Министерства здравоохранения Ставропольского края, Министерства образования Ставропольского края,

Министерства социальной защиты населения Ставропольского края от 22.10.2012 г. № 01-05/768/983-пр/428 «О ежегодном добровольном тестировании учащихся, студентов образовательных учреждений Ставропольского края, воспитанников и учащихся учреждений социального обслуживания на предмет раннего выявления немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ»;
– Проект Федерального закона N 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации».

Таким образом, стоит отметить, что нормативное регулирование процесса психологического сопровождения в РФ достаточно развёрнутое.

Для реализации задач проекта в рамках Гранта «Психологическое сопровождение несовершеннолетних в образовательном процессе в Республике Южная Осетия и Российской Федерации» была проведена встреча с психологами школ города Цхинвал, с целью обсуждения сложностей по работе с детьми и их психологическому сопровождению.

В основном специалисты отметили следующие проблемы в их работе: профессиональный статус психолога в школе (привлечение к деятельности, не связанной с психологической работой), режим работы и рабочее время (отсутствие собственных знаний по этому вопросу и нарушение норм со стороны администрации), взаимодействие специалистов сопровождения и воспитания (не регламентирован порядок), отсутствие соответствующего учебно-методического обеспечения, необходимость нормативного порядка закрепления прав и обязанностей участников образовательного процесса (например, возникают сложности с психо-диагностическим направлением деятельности) и другие.

Представляется, что согласно задаче по гармонизации нормативных актов в России и Южной Осетии, есть смысл юристам предложить и разработать соответствующие нормативные акты и документы в Южной Осетии, с учетом специфики потребностей данного государства. Именно четкий нормативный и институциональный регламент позволит решить и проблемы, о которых сказали психологи.

Оказание различной психологической помощи в деятельности психолога осуществляется через соответствующие направления работы: психологическая профилактика, психологическое просвещение, консультирование, психологическая диагностика, коррекция и развитие и другое. В работе специалиста можно отметить стадии субъектного воздействия на участника образовательного процесса: поступление ребёнка в школу, переход детей из начальной школы в среднее звено, период перехода в старшие классы. В любой стадии деятельность психолога важна. Но, особенно хотелось бы остановиться на необходимости работы психолога с подростками в период пубертата. Именно в этот период ребёнок переживает возрастной криз (12 – 18 лет). Как отмечает Гурьева В.: «Критический характер развития в пубертате объясняется незаконченностью в формировании разных органов и систем, а также повышенной реактивностью, обуславливающей чрезвычайную чувствительность к психотравмированию. Считается, что пубертат – не банальная перипетия, а критическая фаза с богатыми возможностями и критическими осложнениями. Показателем критически протекающего пубертатного криза является частота психических расстройств и поведенческих нарушений в этом возрасте» [3]. При этом, автор отмечает, что критический возраст приобретает такую свою характеристику тогда, когда ребенок попадает в определённые социальные условия. При этом не только внешняя обстановка развития определяет сложности пубернтатного периода, но и физиологические процессы, которые переживает подросток в этот период. Континум жизнедеятельности ребенка претерпевает свои изменения в каждой стадии его развития. Так, Гурьева В. отмечает, что: «Трудности разграничения нормального и патологического созревания связаны с тем, что пубертат и в норме оформляется как кризисное состояние» [3].

За последнее время значительно изменились показатели отклоняющегося поведения детей и подростков, причем как в количественном, так качественном и соотношении.

Статистические данные по преступлениям, совершённых подростками в Ставропольском крае, говорят о тенденции снижения по отдельным видам преступлений. По состоянию оперативной обстановки в Ставропольском крае Органами внутренних дел ГУ МВД России по Ставропольскому краю за 2017–2018 года наблюдался рост особо тяжких преступлений, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии – с 40,7 % до 50 % – с 16 до 24 соответственно, а с 2019 г. – по 1 полугодие 2020 г. зарегистрировано снижение уровня показателя совершение несовершеннолетними преступлений [7].

Однако, проводимое исследование показывает, что подросток испытывает, в том числе, и деформацию определённых форм нормосознания, то есть изменение внешней стороны поведения влечет за собой, в том числе, деформацию внутренней личностной сферы с ослаблением системы внутреннего контроля и саморегуляции. Таким образом, анализ статистических данных, а также данных полученных экспериментальным путем показывают, что в настоящее время, происходят не только количественные, но и качественные характеристики девиантного поведения у подростков. Во многом, они приобретают фор-

му деликтов, то есть таких проступков, за совершение которых государство устанавливает различные формы юридической ответственности: от дисциплинарной до уголовно-правовой. В целом, психологи, педагоги, работники правоохранительной системы указывают, в большей степени, на деградацию личности подростка, когда он теряет социально-значимые личностные ценностные ориентиры, когда вступает в конфликт между собственными внутренними потребностями и слабо развитой социальной адаптацией, оптимальным выбором траектории своего поведения в аспекте социально-приемлемой формы поведения и отождествления субъекта со здоровой личностью.

Тем не менее, несмотря на снижение статистики в сфере девиантного поведения подростков в виде их противоправных деяний, аддиктивное поведение продолжает оставаться предметом озабоченности государства, общества и семьи. Сегодня меняются качественные характеристики девиантного поведения, оно всё больше принимает вид скрытых, асоциальных девиаций и аддикций.

С позиции современной психологической науки основные детерминанты в развитии личности подростка, с признаками аддиктивного поведения имеют ряд скрытых, «завуалированных», личностных и поведенческих изменчивостей. Их наличие обусловлено взаимосвязью психического и физического здоровья подростка, в зависимости от континуума его жизнедеятельности, особенно если государство, общество, семья живут в период социально- экономических, политических, геополитических, актуальных сейчас – эпидемиологических (пандемия, самоизоляция), стрессорных условиях. Тревожность, страх, беспокойство, агрессия, провоцируют формирование девиантного, аддиктивного поведения у подростков (его скрытой формы), когда «уход в себя», в несуществующий мир Интернета, гаджетов и других современных аддикций, способствуют разблокировке тревожных психических состояний на уровень кажущихся спокойных плат, которые обманчиво обеспечивают личности покой душевных конституций.

Также в последние время наблюдается активизация отдельных лиц, незаконных организаций, чья деятельность направлена на детей и подростков. Это массовые акции, осуществляемые с помощью сети Интернет, которые подталкивают подростка к правонарушениям, преступлениям, и, в большей степени, к саморазрушающемуся поведению, вплоть до суицида через использование преступных психологических технологий воздействия на подростка, скоординированных с помощью сети Интернет, направленных на подростков в период пубертата, когда их стремление к признанию, самореализации, самоидентификации, желании быть в группе особенно проявлено.

Всё вышеуказанное провоцирует подростков на насильственные преступления, которые носят характер вандализма, слепой ярости и необузданного протеста. Молодые люди стали чаще вовлекаться в экстремистские группировки и националистические движения. По данным правоохранительных служб РФ, террористические группы, действующие на Северном Кавказе, незаконные организации (ИГИЛ) вовлекают в свою деятельность подростков, которые готовы участвовать в террористической деятельности, зачастую, не в полной мере осознавая незаконность своих действий и высокий риск выполнения определённых заданий. Как правило, это подростки из социально неблагополучных семей, либо страдающие определёнными психическим отклонениями.

Таким образом, видим, что причины девиантного поведения достаточно разнообразны. В целом, их можно подразделить на: причины, обусловленные социальным окружением, континуум жизнедеятельности подростка; физиологические факторы: отягощенная наследственность, патологии центральной нервной системы, особенности пубертатного периода и многое другое. Поэтому, перспективным направлением современных психологических исследований является поиск психологических инноваций в контексте психологического сопровождения подростков, нацеленных на развитие несовершеннолетними аттитюдов к систематической работе над собой, рефлексивного отношения к собственной личности.

И от того как мы, путем нашего взаимодействия, взаимодействия специалистов различных направлений (психологов, педагогов, юристов) будем решать эту проблему, зависит будущее наших государств, тех людей, которые будут жить и формировать будущую общественную платформу.

Список литературы

1. Белоус Е. Н. Задачи обеспечения психологического сопровождения спортивной деятельности URL: http://www.firstjob.ru/?ScienceView&ID=193. (Дата обращения: 10.02.2022).
2. Битянова М. Р. Практическая психология в образовании. М.: Генезис, 2000. 304 с.
3. Гурьева В. Психогенные расстройства у детей и подростков. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 208 с.
4. Долгова В. И., Крыжановская Н.В., Непомнящая Н.А. Актуальные проблемы психолого-педагогического сопровождения личности // Концепт. 2016. Т. 44. С. 1–8.
5. Долгова В. И., Рокицкая Ю. А. Диагностико-аналитическая деятельность психолога в сфере образования. М.: Перо, 2016. 241 с.
6. Погожева О. В., Джиоева Ц. Г. «Искусство дипломатии» в формате модернизации национального образования в России и Южной Осетии // Материалы международной конференции: Публичная дипломатия: формирование эффективных моделей системного сотрудничества в кавказском регионе. Ставрополь: СКФУ, 2020. С. 11–14.

7. Преступность в регионах - Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru//;http://regionschartstotal.ru// (Дата обращения: 10.02.2022).
8. Приказ Минобразования РФ от 22.10.1999 № 636 «Об утверждении Положения о службе практической психологии в системе Министерства образования Российской Федерации» // Вестник образования. 1999. Декабрь.
9. Шипицына Л. М., Хилько А. А., Галлямова Ю. С., Демьянчук Р. В., Яковлева Н. Н. Комплексное сопровождение детей дошкольного возраста / Под науч. ред. проф. Л. М. Шипицыной. СПб: Речь, 2003. 240 с.

References

1. Belous E. N. Zadachi obespechenija psihologicheskogo soprovozhdenija sportivnoj dejatel'nosti (Tasks of providing psychological support for sports activities) URL: http://www.firstjob.ru/?ScienceView&ID=193. (Accessed: 10.02.2022). (In Russian).
2. Bitjanova M. R. Prakticheskaja psihologija v obrazovanii. (Practical psychology in education). Moscow: Genezis, 2000. 304 p. (In Russian).
3. Gur'eva V. Psihogennye rasstrojstva u detej i podrostkov (Psychogenic disorders in children and adolescents). Moscow: KRON-PRESS, 1996. 208 p. (In Russian).
4. Dolgova V. I., Kryzhanovskaja N. V., Nepomnjashhaja N. A. Aktual'nye problemy psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdenija lichnosti (Psychogenic disorders in children and adolescents) // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept», 2016. Vol. 44. P. 1–8. (In Russian).
5. Dolgova V. I., Rokickaja Ju. A. Diagnostiko-analiticheskaja dejatel'nost' psihologa v sfere obrazovanija. (Diagnostic and analytical work of the psychologist in the field of education). Moscow: Pero, 2016. 241 p. (In Russian).
6. Pogozheva O. V., Dzhioeva C. G. «Iskusstvo diplomatii» v formate modernizacii nacional'nogo obrazovanija v Rossii i Juzhnoj Osetii. Materialy mezhdunarodnoj konferencii: Publichnaja diplomatija: formirovanie jeffektivnyh modelej sistemnogo sotrudnichestva v kavkazskom regione. («The art of diplomacy» in the format of modernization of national education in Russia and South Ossetia. Materials of the international conference: Public Diplomacy: Formation of effective models of systemic cooperation in the Caucasus regio). Stavropol', 2020. P. 11–14. (In Russian).
7. Prestupnost' v regionah – Portal pravovoj statistiki. (Crime in the regions – Portal of legal statistics) URL: http://crimestat.ru//; http://regionschartstotal.ru// (Accessed: 10.02.2022). (In Russian).
8. Prikaz Minobrazovanija RF ot 22.10.1999 № 636 «Ob utverzhdenii Polozhenija o sluzhbe prakticheskoj psihologii v sisteme Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii» (Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 636 dated 10/22/1999 «On approval of the Regulations on the service of practical psychology in the system of the Ministry of Education of the Russian Federation») // Vestnik obrazovanija. 1999. December. (In Russian).
9. Shipicyna L. M., Hil'ko A. A., Galljamova Ju. S., Dem'janchuk R.V., Jakovleva N.N. Kompleksnoe soprovozhdenie detej doshkol'nogo vozrasta (Comprehensive support of preschool children / Under the scientific editorship of prof.) / ed by L. M. Shipicyna. St. Petersburg: Rech', 2003. 240 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Погожева Ольга Владимировна – доктор психологических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: olga-pogozheva@mail.ru.

Плиев Сослан Муратович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова (Цхинвал, Южная Осетия); e-mail: aza.plieva@mail.ru.

Information about the authors

Pogozheva Olga V. – Doctor of Psychological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Constitutional and International Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University; e-mail: olga-pogozheva@mail.ru.

Pliev Soslan M. – Phd in Political Studies, Associate Professor, Chair of Political Science and Sociology named after A. A. Tibilov, South Ossetian State University; e-mail: aza.plieva@mail.ru.

CC BY

УДК 342.95

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.16

А. Ю. Соколов
О. А. Лакаев

ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Актуальность настоящей статьи определяется ее теоретической и практической значимостью. Теоретическое значение исследования правовой политики в сфере антимонопольной деятельности в условиях цифровизации экономики обусловлено тем, что отсутствует достаточная научная проработка вопросов совершенствования института антимонопольного регулирования с учетом тенденции перехода хозяйствующих субъектов к злоупотреблениям в сфере конкурентных отношений с использованием новых цифровых технологий; текущее состояние развития теории административного права показывает формирование начального этапа исследовательской деятельности, направленной на оптимизацию правовой политики в сфере защиты конкуренции в условиях цифровизации экономики с точки зрения количественных и качественных показателей. Практическое значение данного исследования связано с тем, что от должного научного обоснования правовой политики в сфере защиты конкуренции в условиях цифровой трансформации зависит дальнейшее развитие норм российского антимонопольного законодательства и законодательства об административной ответственности за правонарушения, посягающие на установленный порядок конкуренции, поскольку совершенствование системного подхода к выработке и реализации указанной политики может способствовать внедрению последующих нововведений в названное законодательство. В данной статье выявлены основные недостатки правовой политики в сфере антимонопольной деятельности в условиях цифровизации экономики, обусловленные акцентированием внимания субъектов правовой политики на самих технологиях, а не на системном подходе к ее выработке, предполагающем учет позитивных и негативных факторов их применения и комплексное взаимодействие органов государственной власти в данной сфере. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе проведенного анализа современной правовой политики в сфере защиты конкуренции в условиях цифровой трансформации определены ее дальнейшие перспективы, связанные с повышением уровня системности и всесторонним развитием ее доктринальных основ, что может способствовать формированию нормативно-правовой базы, соответствующей вызовам четвертой промышленной революции и стимулировать последующие исследования в обозначенной сфере.

Ключевые слова: правовая политика, антимонопольное регулирование, цифровизация экономики, защита конкуренции, цифровые технологии.

Для цитирования: Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Основы правовой политики в сфере антимонопольного регулирования в условиях цифровизации экономики // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 131–136. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.16

Aleksandr Yu. Sokolov
Oleg Lakaev

FUNDAMENTALS OF LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ANTIMONOPOLY REGULATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

The relevance of this article is determined by its theoretical and practical significance. The theoretical significance of the study of legal policy in the field of antimonopoly activity in the conditions of digitalization of the economy is due to the fact that there is insufficient scientific study of the issues of improving the institute of antimonopoly regulation, taking into account the tendency of economic entities to abuse in the field of competitive relations using new digital technologies; the current state of development of the theory of administrative law shows the formation of the initial stage of research activities aimed at optimizing legal policy in the field of competition protection in the conditions of digitalization of the economy in terms of quantitative and qualitative indicators. The practical significance of this study is due to the fact that the proper scientific justification of the legal policy in the field of competition protection in the context of digital transformation depends on the further development of the norms of the Russian antimonopoly legislation and legislation on administrative responsibility for offenses infringing on the established order of competition, since improving the systematic approach to the development and implementation of this policy can contribute to the introduction of subsequent innovations in the said legislation. This article identifies the main shortcomings of the legal policy in the field of antimonopoly activity in the conditions of digitalization of the economy, due to the emphasis of the subjects of legal policy on the technologies themselves, and not on a systematic approach to its development, which assumes consideration of positive and negative factors of their application and complex interaction of public authorities in this area. The scientific novelty of the article lies in the fact that, based on the analysis of modern legal policy in

the field of competition protection in the context of digital transformation, its further prospects are determined, associated with increasing the level of consistency and comprehensive development of its doctrinal foundations, which can contribute to the formation of a regulatory framework corresponding to the challenges of the fourth industrial revolution and stimulate subsequent research in this area.

Key words: legal policy, antimonopoly regulation, digitalization of the economy, protection of competition, digital technologies.

For citation: Sokolov A., Lakaev O. Fundamentals of legal policy in the field of antimonopoly regulation in the conditions of digitalization of the economy // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 131–136. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.16

Антимонопольное регулирование является одним из основных направлений межотраслевого административно-правового регулирования в экономической области в условиях рыночной экономики. В период функционирования социалистического народного хозяйства антимонопольная деятельность не осуществлялась ввиду отсутствия соответствующей идеологической основы. Конкуренция на товарных рынках рассматривалась как атрибут капиталистической модели хозяйствования. Управление экономическими процессами полностью охватывалось компетенцией органов государственного управления, что способствовало формированию разветвленной системы предприятий-монополистов и негативно влияло на внедрение научно-технических достижений в деятельность субъектов хозяйствования [1, с.227]. Таким образом, основы правовой политики в сфере антимонопольного регулирования стали закладываться лишь на заре экономических преобразований, с которых начался переход России к рыночной экономике.

Вместо административно-командной модели управления экономикой постепенно был внедрен иной способ осуществления управленческой деятельности, для которого не характерно прямое вмешательство в хозяйственную деятельность предприятий, не основанных на праве государственной собственности. Государственное управление претерпело существенную трансформацию, итогом чего стал пересмотр набора его функций, осуществляемых в направлении экономического развития, и интенсивность их реализации. Усилена регулирующая функция, направленная на создание условий, с одной стороны, для развития предпринимательства, а с другой – для сдерживания хозяйствующих субъектов от использования экономических приемов, направленных на монополизацию соответствующих сегментов рынка и формирование иных факторов, снижающих эффективность функционирования рыночной экономики.

Н. М. Конин отмечал, что решительная борьба с различными проявлениями недобросовестной конкуренции и рыночного монополизма являются необходимой предпосылкой и важнейшим условием поступательного развития эффективной модели рыночной экономики [5, с.211]. При этом антимонопольное регулирование, являясь сферой деятельности органов исполнительной власти, уполномоченных обеспечивать защиту конкуренции, не отличается и не может отличаться стабильностью, подвергаясь перманентному совершенствованию. Оно не носит опережающий характер, поскольку представляется затруднительным смоделировать возможные «инновации», используемые участниками рынка для создания режима функционирования, не охваченного законодательством о защите конкуренции, но объективно препятствующего развитию конкуренции. Субъекты хозяйствования, в первую очередь, заинтересованы в получении максимальной прибыли от своей деятельности, что заставляет их искать пути выхода за пределы регулирующего воздействия со стороны государства. Это требует соответствующей реакции законодателя. В результате действующее законодательство о защите конкуренции претерпело ряд существенных изменений, вызванных последовательным принятием четырех так называемых «антимонопольных пакетов».

Очевидным является тот факт, что указанные «пакеты» не могут окончательно сформировать механизм антимонопольного регулирования. Тем более в настоящее время наблюдается прорыв в развитии новых цифровых технологий, который получил наименование «четвертой промышленной революции». Она характерна не только для экономически развитых государств. Современные глобализационные процессы позволили ей получить мировой масштаб. Ее идеолог К. Шваб, рассматривая четвертую промышленную революцию как новый этап в развитии человечества, полагает, что ее основой выступает растущая доступность новых цифровых технологий. Цифровизация способна дать неоспоримые преимущества экономике, но при этом важно учитывать опыт предыдущих промышленных революций. Для этого необходимы: распределение получаемых от нее благ на основе принципа справедливости; контроль рисков и возможных негативных последствий; формирование системы гарантий соблюдения интересов индивидов [14, с.31].

М. Хуатэн, оценивая текущие результаты и дальнейшие перспективы цифровой трансформации Китая, отмечает, что интеграция цифровых технологий и экономики обеспечивает изменение способов производства, инфраструктуры, условий конкуренции, зарождение и оформление новых правил конкурентной борьбы [13, с.85 – 86]. Очевидно, что эти процессы не обходят стороной и Российское государство, где антимо-

нопольная деятельность в эпоху цифровизации требует дальнейшего совершенствования. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны и ранее. В частности, в Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О защите конкуренции» [11] были введены положения, которые касаются функционирования электронных площадок, создаваемых для организации и проведения торгов и заключения договоров по их результатам.

Однако в целом действующее антимонопольное законодательство основано на идеях, которые сформировались еще в XX в., и его текущее совершенствование обеспечивает оптимизацию прежних механизмов защиты конкуренции. Их универсальность с учетом цифровой трансформации сомнительна. Полная адаптация действующих правил антимонопольного регулирования к новым цифровым реалиям в области экономики с практической точки зрения маловероятна. Нарастающие темпы цифровизации экономики, ставшие результатом пандемии коронавируса и связанные с резким переходом многих хозяйственных процессов, в первую очередь торговли и услуг, в цифровой формат, обусловливают необходимость коррекции правовой политики в сфере антимонопольного регулирования.

Общетеоретическое понимание правовой политики предполагает отнесение к ней научно обоснованной, комплексной и целенаправленной деятельности субъектов государственной и муниципальной власти, выраженной в реализации юридических средств в каждой области функционирования социума, которые направлены на наиболее полное обеспечение прав и свобод индивида, укрепление законности, дисциплины и правопорядка в государстве [6, с.21]. Правовая политика в антимонопольной сфере является одним из ее наиболее важных направлений, поскольку применяемые в деятельности уполномоченных государственных органов правовые средства защиты конкуренции обеспечивают гомеостазис экономической системы, способствуя ее поступательному развитию, что важно для всех областей государственного управления ввиду их зависимости от экономического положения страны. Она направлена на упорядочение функционирования всех субъектов хозяйствования. С ее помощью организуется правопорядок в экономическом пространстве посредством недопущения вытеснения рыночной конкуренции, гарантируется право граждан и действующих на рынке организаций на защиту со стороны государства от необоснованного завышения цен на товары и услуги [4, с.196].

Формируемая и реализуемая в антимонопольной сфере правовая политика должна соответствовать ее единым принципам, то есть основополагающим началам, на которых должны быть выстроены общие подходы государственных органов к приданию стратегической направленности деятельности по правовому регулированию общественных отношений. В качестве основных принципов правовой политики в научной и учебной литературе рассматривают системность, научную обоснованность, реалистичность, целенаправленность, последовательность [10, с. 27–28]. Содержание указанных принципов юридической науке хорошо известно. Вместе с тем необходимо подчеркнуть отдельные аспекты реализации данных принципов в деятельности субъектов антимонопольной политики в контексте цифровой трансформации общества.

Основной упор должен быть сделан на выстраивании системности и научной обоснованности правовой политики в исследуемой сфере.

Много внимания субъектами, которые уполномочены ее формировать, в настоящее время уделяется самим технологиям, но не системности в деятельности государственных органов. В политико-правовых документах государства определяются направления применения достижений научно-технического прогресса. Особенно обращает на себя внимание Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [8], в которой запланировано масштабное внедрение цифровых технологий для целей оптимизации управленческих процессов во всех отраслях и сферах осуществления экономической деятельности. В ней предполагается сосредоточить усилия на технологической модернизации экономики и управления ей, стимулировании использования новых технических средств при осуществлении хозяйственной деятельности. То есть речь идет, в первую очередь, о позитивном регулировании. Примечательно, что в большинстве случаев руководителями соответствующих направлений национальной программы и ответственными исполнителями назначены должностные лица Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Однако «цифровая экономика» должна быть ориентирована не только на внедрение новых технологий, но и создание такой системы, при которой их применение не будет усугублять существующие на сегодняшний день негативные явления, которые имеют место в том числе и в сфере антимонопольного регулирования.

Системность правовой политики в данной сфере в условиях цифровизации экономики должна обеспечивать правопорядок, повышение уровня благосостояния граждан, улучшение экономического положения всех хозяйствующих субъектов. Для этого при формировании правовой политики в указанном направлении должны прорабатываться направления противодействия возможным злоупотреблениям со стороны недобросовестных субъектов экономической деятельности,

использующих цифровые технологии вопреки интересам граждан, других хозяйствующих субъектов, общества и государства в целом. Большую роль при этом должен играть антимонопольный орган, который, однако, ни разу не был упомянут в числе органов публичного управления, задействованных в реализации названной национальной программы.

Вместе с тем системность правовой политики в сфере антимонопольного регулирования в условиях цифровизации экономики не может быть обеспечена при наличии разрозненных действий вырабатывающих ее субъектов. Безусловно, только комплекс взаимосвязанных правовых средств, применяемых субъектами правовой политики в данной сфере, с определением места и роли каждого из этих субъектов, может обеспечить реализацию принципа ее системности. Для этого необходимы политическая воля, интенсификация реализации координационной функции публичного управления и совместной работы всех заинтересованных субъектов правовой политики. В таких условиях применение цифровых технологий может обеспечить построение экономики нового уровня развития, которая будет более эффективно выполнять стоящие перед ней задачи, а злонамеренное использование цифровых платформ, сетевых эффектов и иных вредных для экономики форм внедрения новых технологий будет уверенно определяться уполномоченными органами как нарушение законодательства о защите конкуренции.

Принцип научной обоснованности также приобретает особую актуальность в условиях цифровизации различных происходящих в социуме процессов. Нормативно-правовое регулирование и основанная на нем правоприменительная практика должны быть в необходимой степени доктринально обоснованы. При этом важен синтез знаний из различных областей науки. Без исследования процессов, происходящих в новой цифровой реальности, без установления связанных с цифровыми технологиями возможностей влияния на рынок товаров и услуг, в том числе деструктивного влияния, разрушающего систему налаженных на предыдущих этапах развития социальных связей, невозможно выстроить адекватную новым технологическим вызовам модель правотворческой и правоприменительной политики. Что касается последней, то она во многом детерминирована правотворчеством, поскольку правоприменитель связан традиционными схемами правового регулирования тех или иных отношений. С одной стороны, соответствующие правила абстрактны и рассчитаны на возможность их применения к широкому кругу ситуаций, полный перечень которых не может быть определен правовой нормой, но с другой – правоприменитель не всегда может приспособиться к изменениям условий, в которых эти правила действуют.

Показательны в этом отношении материалы практики Верховного Суда РФ, отражающие наиболее существенные проблемы правоприменения по делам о нарушениях антимонопольного законодательства. Обзоры судебной практики в части применения законодательства о защите конкуренции с 2016 по 2021 год показывают отсутствие ситуаций, связанных с использованием цифровых технологий во вред рыночной конкуренции, за исключением нарушений правил организации и проведения электронных аукционов. К тому же такие нарушения являются процедурными и не связаны с «инновационными» способами ограничения конкуренции на рынке товаров и услуг. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» [9] также не показывает возможности использования норм законодательства о защите конкуренции для выявления и устранения новых способов ограничения конкуренции, основанных на применении цифровых технологий.

Основой для совершенствования правотворческой и правоприменительной политики в рассматриваемой сфере должны выступать соответствующие научные разработки. В то же время последние научные исследования, несмотря на их высокий уровень, в большей степени ориентированы на оптимизацию существующих механизмов антимонопольного регулирования и применения административной ответственности за нарушения законодательства о защите конкуренции. Так, И.Н. Дехтярь сосредоточивает свое внимание на обособлении производства по делам о нарушениях антимонопольного законодательства в системе административной юрисдикции [3], чем обусловлено рассмотрение вопросов исключительно процессуального регулирования без анализа содержания деяний, ограничивающих конкуренцию путем злонамеренного использования цифровых технологий. К. С. Кротов, обозначая перспективы совершенствования института административной ответственности за правонарушения в сфере защиты конкуренции, упоминает и о нарушениях в сфере цифровой экономики, но не формулирует конкретных предложений в этом направлении [7, с.199].

Вместе с тем появляются и специальные исследования, направленные на обоснование нового этапа развития антимонопольного законодательства в условиях цифровизации экономики. В издании, подготовленном с участием должностных лиц Федеральной антимонопольной службы, подробно рассматриваются проблемные вопросы применения законодательства о защите конкуренции, соответствующие зарубежные практики, способы использования цифровых технологий для достижения доминирующего положения на

рынке и устранения конкурентов, большое внимание уделяется обоснованию необходимости гармонизации антимонопольных правил и требований о защите интеллектуальной собственности, с тем чтобы последние не препятствовали развитию конкуренции [2]. Собственно, изложенные в данной работе идеи и послужили основой для подготовки указанным органом так называемого «пятого антимонопольного пакета» [12], размещенного на сайте проектов нормативных правовых актов.

Необходимо признать, что разработка проекта изменений и дополнений в законодательство о защите конкуренции в условиях развития цифровой экономики до представления его окончательного варианта может занять весьма длительный промежуток времени в связи со сложностью и спорностью рассматриваемого вопроса. Можно заметить и эволюцию во взглядах разработчиков проекта нового «антимонопольного пакета»: в первом его варианте от 28 марта 2018 г. базис законопроекта, на котором были основаны последующие нововведения, составили нормы-дефиниции, определяющие понятия «сетевого эффекта», «ценового алгоритма» и «доверенного лица». В доработанной версии разработчики отказались от понятия «ценового алгоритма» и ввели в проект дефиницию «цифровой платформы». Подбор разных базисных понятий для целей законодательного регулирования защиты конкуренции в условиях цифровизации экономики говорит об отсутствии устойчивой научной платформы предлагаемых преобразований.

Таким образом, правовая политика в сфере антимонопольного регулирования в условиях цифровизации экономики требует дальнейшего совершенствования с точки зрения обеспечения реализации принципов системности и научной обоснованности. Незавершенность системного подхода обусловливает разнонаправленный характер деятельности различных субъектов государственной власти в данной сфере, перекос мер по стимулированию внедрения цифровых технологий без достаточного учета возможных негативных последствий для экономики. Системный подход, в свою очередь, взаимосвязан с научным обоснованием правовой политики: только всестороннее развитие доктринальных основ антимонопольной политики в условиях цифровой трансформации с участием широкого круга специалистов в сфере правового обеспечения защиты конкуренции может способствовать формированию нормативно-правовой базы, соответствующей вызовам четвертой промышленной революции.

Список источников и литературы

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 352 с.
2. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 311 с.
3. Дехтярь И. Н. Производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства как вид административно-юрисдикционного производства: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 275 с.
4. Добросоцкий В. И. Государственное регулирование экономики: учебник. М.: МГИМО-Университет, 2017. 414 с.
5. Конин Н. М. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.
6. Краснов Ю. К. Правовая политика России на современном этапе: учебное пособие. М.: Прометей, 2019. 182 с.
7. Кротов К. С. Административная ответственность за правонарушения в сфере защиты конкуренции: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 249 с.
8. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»». URL: https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/ (дата обращения: 04.12.2021).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 5.
10. Правовая политика в современной России: учебное пособие / под ред. А. В. Малько. М.: Директ-Медиа, 2014. 375 с.
11. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
12. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428 (дата обращения: 05.12.2021).
13. Хуатэн М., Чжаоли М., Дели Я., Хуалей В. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М.: Интеллектуальная литература, 2019. 250 с.
14. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

References

1. Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. A.Yu. Sokolova (Administrative Law of the Russian Federation). Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. 352 p. (In Russian).
2. Antimonopol'noe regulirovanie v tsifrovuyu epokhu. Kak zashchishchat' konkurentsiyu v usloviyakh globalizatsii i chetvertoi promyshlennoi revolyutsii: monografiya / pod red. A. Yu. Tsarikovskogo, A. Yu. Ivanova, E. A. Voinikanis (Antimonopoly regulation in the digital age. How to protect competition in the context of globalization and the Fourth Industrial Revolution). Moscow: Publishign House of High Economy School, 2018. 311 p. (In Russian).

3. Dekhtyar' I. N. Proizvodstvo po delam o narusheniyakh antimonopol'nogo zakonodatel'stva kak vid administrativno-yurisdiktsionnogo proizvodstva (Proceedings on cases of violations of antimonopoly legislation as a type of administrative and jurisdictional proceedings). Saratov, 2018. 275 p. (In Russian).
4. Dobrosotskii V. I. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: uchebnik (State regulation of the economy). Moscow: MGIMO-Universitet publ., 2017. 414 p. (In Russian).
5. Konin N. M. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik (Administrative Law of Russia). Moscow: Prospekt, 2010. 448 p. (In Russian).
6. Krasnov Yu. K. Pravovaya politika Rossii na sovremennom etape: uchebnoe posobie (Legal policy of Russia at the present stage). Moscow: Prometei, 2019. 182 p. (In Russian).
7. Krotov K. S. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya v sfere zashchity konkurentsii (Administrative responsibility for violations in the field of competition protection): thesis. Saratov, 2020. 249 p. (In Russian).
8. Pasport natsional'nogo proekta «Natsional'naya programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii»» (Passport of the national project «National program «Digital Economy of the Russian Federation»»). URL: https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/ (Accessed: 04.12.2021). (In Russian).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 «O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v svyazi s primeneniem sudami antimonopol'nogo zakonodatel'stva» («On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by courts») (04.03.2021) // Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 2021. No. 5. (In Russian).
10. Pravovaya politika v sovremennoi Rossii: uchebnoe posobie / pod red. A. V. Mal'ko (Legal policy in modern Russia). Moscow: Direkt-Media, 2014. 375 p. (In Russian).
11. The Federal Law No. 135-FZ «O zashchite konkurentsii » («On the protection of competition») (26.07.2006) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3434. (In Russian).
12. Federal portal of draft normative legal acts. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428 (Accessed: 05.12.2021). (In Russian).
13. Khuaten M., Chzhaoli M., Deli Ya., Khualei V. Tsifrovaya transformatsiya Kitaya. Opyt preobrazovaniya infrastruktury natsional'noi ekonomiki (China's digital transformation. Experience in transforming the infrastructure of the national economy). Moscow: Intellektual'naya literatura, 2019. 250 p. (In Russian).
14. Shvab K., Devis N. Tekhnologii Chetvertoi promyshlennoi revolyutsii (Technologies of the Fourth Industrial Revolution). Moscow: Eksmo, 2018. 320 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; e-mail: aysockolov@mail.ru

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; e-mail: olegoleg81@mail.ru

Information about the authors

Sokolov Alexandr Yu. – Doctor of Law, director, Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; e-mail: aysockolov@mail.ru.

Lakaev Oleg A. – PhD in Law, Senior Researcher, Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; e-mail: olegoleg81@mail.ru.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCES

CC BY

УДК 81`28+811.221.18+811.161.1

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.17

И. Д. Бекоева
Т. Ю. Тамерьян
Т. Г. Рахматулаева

ПРЕДВЫБОРНЫЙ ДИСКУРС: НОВЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ[1]

Статья посвящена исследованию специфики реализации персонального юго-осетинского предвыборного дискурса с позиции формирования эталонных для данной разновидности политической коммуникации стратегий на этнической почве в режиме билингвального осетинско-русского языкового кода. Изыскание осуществлено в русле междисциплинарного подхода, интегрирующего в рамках антропоцентрического направления достижения дискурсологии, коммуникативистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии и социологии. В соответствии с заявленными направлениями рассматриваемый материал описывается на методологических платформах дискурсивного, контекстуального и концептологического анализа, сравнительно-сопоставительного и описательного методов, многофункциональных ракурсов интроспекции и интерпретации. Эмпирическими данными для исследования социолингвичтических, этнолингвистических и лингвокогнитивных характеристик юго-осетинской предвыборной кампании 2017 г. послужили тексты выступлений, встреч с избирателями и инициативными группами, дебатов, заявлений, предвыборной программы, материалы официальных сайтов Южной Осетии, также скрипты видеозаписей претендента на пост президентв республики Южная Осетия Л. Х. Тибилова.

Актуальность и новизна изыскания обусловлена неисследованностью данного сегмента юго-осетинского политического дискурса, который находится в процессе становления, повышенным интересом к данной сфере общественной жизни самоопределившегося государства.

Авторами осуществлен детальный анализ текстовых фрагментов персонального дискурса Л. Х. Тибилова, одного из участников предвыборной гонки, как продуцента универсально значимых этнических ценностей и их когнитивных моделей, репрезентированных в доминантных политических концептах и идеологемах, а также эталонно репрезентированных коммуникативных стратегий и тактик посредством одноканальных осетиноязычной и русскоязычной коммуникаций, применения смешанного канала билингвальной коммуникации в его внутрижанровых разновидностях. В работе описана статусная, ритуальная и этноязыковая специфика примения кандидатом интеграционной и ориентационной стратегий как превалирующих инструментов воздействия на электорат.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, стратегия, тактика, этническая модель, политический концепт, билингвизм.

Для цитирования: Бекоева И. Д., Тамерьян Т. Ю., Рахматулина Т. Г. Предвыборный дискурс: новые этнические модели // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 137–144. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.17

Irina D. Bekoeva
Tatyana Yu. Tameryan
Tatyana G. Rakhmatulaeva

PRE-ELECTION DISCOURSE: NEW ETHNIC MODELS

The paper covers a range of issues related to the study of personal South Ossetian pre-election discourse specificity from the standpoint of formation standard strategies for this type of political communication on ethnic grounds in the mode of the bilingual Ossetian-Russian language code. The research was carried out in line with an interdisciplinary approach that integrates the achievements of discourse studies, communication studies, linguistic conceptology, cultural linguistics and linguistic sociology within anthropocentric paradigm. In accordance with the stated directions, the material under consideration is described on the methodological platforms of discursive, contextual and conceptological analysis, comparative and descriptive methods, multifunctionality of introspection and interpretation. The empirical data for sociological, ethnological and cognitive study of the 2017 South Ossetian pre-election campaign linguistic features were the texts of speeches, meetings with voters and initiative groups, debates, statements, election

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07002 (10-МК/19).
The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project № 19-512-07002 (10-МК/19).

program, materials from the official websites of South Ossetia, as well as scripts of video recordings of the South Ossetian presidential candidate in the republic. Ossetia L.Kh. Tibilov. The relevance and novelty of the research is due to the lack of research on this segment of the South Ossetian political discourse, which is in the formation process, an increased interest to the self-determined state public life. The authors carried out a detailed analysis of the text fragments of L. Kh. Tibilov's personal discourse as a pre-election race participant and producer of universally significant ethnic values and cognitive models, represented in the dominant political concepts and ideologemes, as well as reference communication strategies and tactics through Ossetian and Russian-language single-channel communications, or the mixed channel of bilingual communication and its genre varieties. The paper describes the status, ritual, ethnical and linguistic characteristics of the candidate's integration and orientation strategies as prevailing tools for influencing the electorate.

Key words: pre-election discourse, strategy, tactics, ethnic model, political concept, bilingualism.

For citation: Bekoeva I. D., Tameryan T. Yu., Rakhmatulaeva T. G. Pre-election discourse: new ethnic models // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 137–144. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.17

Исследование югоосетинского персонального предвыборного дискурса осуществляется в интердисциплинарной парадигме когнитивной лингвистики, политической лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики.

Интерес к коммуникации власти обусловлен неизученностью данной разновидности политического дискурса в новой югоосетинской реальности.

Статья нацелена на описание доминантных тенденций построения предвыборного дискурса Л. Х. Тибилова, кандидата в президенты частично признанного государства Южная Осетия в кампании 2017 г., посредством анализа репрезентации билингвальных коммуникативных статегий претендента, оказавших модифицирующее воздействие на общественное сознание граждан.

Предвыборный дискурс, вбирающий характеристики институциональной, персональной и ритуальной коммуникации, несет не только универсальные, но и этноспецифичные черты картины политического мира, репрезентированной в сознании граждан Южной Осетии.

Материалом для описания послужили текстовые фрагменты выступлений и интервью участников югоосетинской предвыборной кампании, объективированные в устных высказываниях и графически зафиксированных текстах, а также скрипты раундов предвыборных дебатов, отражающих ключевые идеологемы, экстраполированные в предвыборных платформах и программах кандидатов в президенты в качестве наиболее значимых этнополитических позиций дискурса молодой страны. Основным методом исследования является метод дискурсивного анализа.

Впервые проблематику изучения лексико-стилистических приемов пропаганды в выступлениях лидеров национал-социалистической партии и Третьего Рейха – А. Гитлера и Й. Геббельса – поднял Виктор Клемперер в исследовании «LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen» (1947) поднял [9]. В 1948 г. дискурс тоталитарных режимов был описан в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Дальнейшее изучение языка политики нашло продолжение в работах авторов, исследовавших способы манипулирования общественным сознанием для достижения власти как основной цели политической коммуникации [3].

Роберт Мидоу в границах общей теории коммуникации определил шесть подходов к описанию языка политической коммуникации – системный, лингвистический, символический, функциональный, организационный и экологический [26].

Остановимся на собственно лингвистических подходах к изучению политической коммуникации, среди которых ведущими являются дескриптивный и критический [22]. Дескриптивный подход предполагает описание языкового поведения участников политической коммуникации, языковых средств, стратегий и тактик, применяемых политиками [21], а также анализ содержательного аспекта политических текстов [24; 28]. В рамках критического подхода язык рассматривается как средство достижения власти и социального контроля [29].

Когнитивный подход, реализуемый в рамках антропоцентрической парадигмы, наиболее эффективен в практике исследовании политической коммуникации. Он позволяет перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников коммуникации [21, с. 18] посредством анализа фреймов, сценариев, концептов и метафорических моделей в рамках политического дискурса [2; 23; 25].

Наиболее общее представление о языке политики предложено в исследовании А. Н. Баранова и Е. Г. Казакевича, в соответствии с которым, он представляет собой знаковую систему особого рода, используемую в политической коммуникации для выражения общественного мнения, принятия и обоснования политических решений [2, с. 6].

Иной подход транслирует П.Б. Паршин, трактующий язык политики как идиополитический дискурс, исходящий из своеобразия «того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [16, с.194].

Политический язык формируется под влиянием содержания передаваемой информации, детерминируемой обстоятельствами, в которых происходит ее передача или распространение, с учетом наличия коммуникантов, общающихся на политические темы и преследующие конкретные политические цели [26, с. 196].

Политический дискурс трактуется в узком и широком ракурсах. Т. А. ван Дейк характеризует его как класс жанров, ограниченный определенной социальной сферой [7, с. 46].

Политический дискурс включает все компоненты, присутствующие в сознании говорящего и слушающего, способные повлиять на порождение и восприятие речи: тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом коммуникативного акта, политическая ситуация, в которой создается и актуализируется определенный текст [20, с. 50].

В настоящем исследовании мы исходим из широкого представления о политическом дискурсе, предполагающем включение в политическую коммуникацию речевых образований, содержание которых может быть отнесено к политике, субъекта и объекта коммуникативных актов.

Предвыборный дискурс как лингвокультурный феномен реализуется в разных аспектах политической коммуникации – институциональном, ритуальном и риторическом. В статье рассматриваются основные стратегии и тактики, репрезентированные в базовых жанрах югоосетинской политической коммуникации – встречах с избирателями, предвыборных рекламных роликах и дебатах; анализируются особенности тактико-стратегического построения предвыборного дискурса кандидата в президенты, экс-президента Республики Южная Осетия Тибилова Л. Х., принимавшего участие в предвыборной кампании 2017 года: Первые дебаты в прямом эфире, как новая для Южной Осетии форма предвыборной агитации, состоялись в 1996 году [17].

Политическая коммуникация в РЮО, предвыборная в том числе, формирующаяся главным образом по моделям российской политической системы, апеллирует также к западно-европейской политической традиции парламентаризма и института президентского управления. Вместе с тем президентские выборы в Южной Осетии, проведенные с опорой на общемировые стандарты, не могли не заложить основу формирования этнической специфики создания собственных приоритетов политического развития [17].

Электорат Южной Осетии представлен сегментарно, поскольку каждый избиратель репрезентирует фамильно-патронимические и территориальные объединения, в силу чего предвыборные встречи актуализируют модель общинного схода, предполагающую фиксированную последовательность действий, социальную, возрастную и статусную иерархичность участников коммуникации.

В предвыборной риторике Леонида Харитоновича Тибилова ведущие идеологические акценты расставлены на концептах единства народа Южной Осетии, сплочённости и общественного согласия в деле построения молодого государства, этнической целостности южных и северных осетин, этнического самосознания, исторической гордости и сохранении традиций.

Посредством фокусирования внимания избирателей на исторических и этнокультурных ценностях кандидат в президенты реализует тактику демонстрации своего этнического индекса, служащую коммуникативной цели воодушевить народ на новые свершения, осознать связь поколений славных предков.

Еще будучи президентом Республики Южная Осетия (19.04.2012–21.04.2017) Л. Х. Тибилов выступил с инициативой о проведении референдума с целью восстановления исторического названия страны. Именно эта общая идея должна выступить, по мнению действующего в тот период президента и кандидата на новый срок, скрепой гражданского общества страны вне зависимости от политических предпочтений и национальностей.

В сердце нашего народа живет историческая память, неотделимая от его самосознания. Мы ощущаем свою неразрывную связь со многими поколениями нашего народа, которые с гордостью хранили ***имя аланских предков,*** *пришедшее из глубины далеких веков. Страна должна носить имя тех, кто ее создал. Вслед за возрождением* ***аланской государственности*** *должно возродиться и древнее имя* ***Алании*** [11].

Как известно, северные и южные осетины являются единым народом, потомками ираноязычных племен, этногенез которых восходит к скифо-сармато-аланским племенам Северного Кавказа, получившим в византийских источниках название аланы [8].

Идея переименования государства и возврата исторического названия осетин – аланы – переводит пафос выступлений Л.Х. Тибилова на качественно более высокий уровень, акцентирующий необходимость восстановления исторической справедливости как отправной точки идеологического курса развития страны на внутреннем и внешнем направлениях. Предопределяя исход референдума, он применяет этноним аланы как уже официально признанное название этноса, реализуя таким образом тактику этнической самоидентификации осетин, относящих себя к потомкам древних народов:

Уважаемые граждане Южной Осетии, ***аланы!***

Именно как «аланов» нас знает и снова может услышать весь мир;

За словом ***«аланы» – история более древняя, предмет гордости народа, славе подвигов и давности преданий о котором – восемь столетий*** *[13].*

Аланы *– это наши предки, мы потомки великих* ***аланов, сарматов, скифов*** [12].

Вместе с тем в предвыборной риторике кандидата звучит трагическая нота, отражающая современную геополитическую ситуацию – северные и южные осетины являются после распада СССР разделенным этносом. В 2015 г. руководство Южной Осетии во главе с президентом Л. Х. Тибиловым также инициировало референдум о присоединении к России, однако волеизъявление народа на современном этапе политического развития пока не получило практической

реализации. Закономерно, что одной из долгосрочных задач, включенных в предвыборную политическую платформу кандидата на новый срок, было исторически обусловленное стремление к сближению двух ветвей этноса:

*Народ Южной Осетии своим подвигом, своей героической борьбой за свободу и независимость заслужил, подтвердил свое право на бесценное наследие – **древнее имя своих предков,** которое он **разделяет с народом братской Республики Северная Осетия – Алания в составе Российской Федерации*** [1].

Поскольку уже 1995 г. к официальной номинации республики Северная Осетия было добавлено историческое название Алания, закрепленным свидетельством единства осетинского этноса, по мнению южных осетин, должно послужить аналогичное уточнение в номине юго-осетинского государства.

***Алания**… Эту мечту и я, и многие осетины носят в своем сердце, так что 9 апреля у нас будут не только выборы, но и референдум о **возвращении гордого названия Государство Алания**. Названия, которое еще больше **сплотит** всех аланов, названия, которое знает весь мир* [13].

Комментируя своевременность предложения о возрождении историзма названия Алания и в самоопределившемся государстве, Л. Х.Тибилов поясняет:

*<…> я как действующий президент обязан был не упустить этот шанс и предоставить нашему народу возможность **вернуть древнее название** нашего государства **– Алания,** сохранив при этом название – **Республика Южная Осетия*** [5].

Леонид Тибилов транслирует ценности, составляющие стержень осетинской культуры, поддержание которых является гарантом сохранения этноса. Это – прежде всего культ предков и почитание хистæр – старших:

*<…> **жители Южной Осетии** намерены вернуть себе гордое историческое название **Алания** – в честь **наших предков**;*

*В любых условиях сохранить свою гордость, **свой народ, свою страну** – вот что **ценят аланы** <…>;*

*<…> **уважать традиции нашего великого народа и наших старейшин*** <…> [13].

Тактическая ориентация президента на лакунарный, непереводимый на русский язык концепт ***фарн***, являющийся сложным ментальным образованием, ядро которого структурируется недискретными представлениям о мире, спокойствии, избили и счастье [14], формирует этноспецифический элемент, объединяющий наивную и политическую картины мира осетин:

*В сложные времена новейшей истории **мудрость народа** и **фарн** наших **предков** дали нам силу преодолеть раскол общества и обеспечить стабильность ради сохранения своей государственности [18].*

Большинство южных осетин имеет двойное гражданство и проживает в России, в том числе в республике Республики Северная Осетия-Алания. На предвыборных встречах с ними кандидат в президенты Л. Х. Тибилов актуализировал потребность в поддержании культурных и языковых оснований этнической идентичности, являющуюся ядерным образованием в структуре сознания наряду с межэтническими идентичностями осетин, что обусловило выбор осетиноязычного канала связи.

*Фæнды мæ банысан кæнын, цыдæриддæр Хуссар Ирыстоны арæзтæуы, уый у **Уæрæсейы Федерацийы** æххуысы фæрцы. Владимир Путинимæ нæ фембæлды æз фехъуыстон ныфсы ныхæстæ, уыцы æххуыс нын дарддæр дæр кæй цæудзæн. Тынг ахсджиаг у, уыцы æххуыс бынатыл æмбæлын кæй райдыдта, æмæ республикæйы цыдæр-тæ кæй фæзынд.* – «Хочу отметить, что всё, что делается в Южной Осетии – делается благодаря помощи Российской Федерации. На состоявшейся встрече с Владимиром Путиным я получил заверения, что эта помощь будет продолжена. Очень важно, что она стала доходить до адресата, и в Республике что-то появилось» [10].

Другим решающим фактором, определяющим тактический вектор встречи с избирателями-южными осетинами на территории РФ явилось фокусирование на неразрывной, уходящей в века, связи с Россией и признательности граждан и руководства молодого государства за всестороннюю поддержку и помощь:

*<…> **договоренности с Россией** – это уверенность в завтрашнем дне;*

***Россия поможет** завершить восстановительный процесс, чтобы республика перешла на следующий этап развития. В основном были затронуты вопросы развития экономики;*

***Президент России подтвердил,** что данные предложения будут приняты. Речь идет о том, что **продолжится работа** над улучшением югоосетинских дорог, мы продолжим строить объекты социального назначения, здравоохранения, культуры и спорта [18].*

Идеологический концепт единство (иудзинад) в юго-осетинском политическом дискурсе имеет особую значимость [19]. Немногочисленная закавказская республика, выбравшая путь политической самоорганизации и только частично признанная как новое государство проходит в данный период этап становления государственности, закладывающий основу новой эпохи в истории народа Южной Осетии, особенно трагично переживающего последствия военных событий с Грузией, память о которых еще свежа. Патриотизм и сплоченность дешифруется в местоимении мы, вербализующем первый элемент когнитивной модели «мы – народ Южной Осетии»:

***Мы** пережили горечь потерь и вынесли всю тяжесть лишений. **Мы** выстояли и победили* [4].

***Мы** все понимаем, как важно сохранить достигнутое и не дать республике снова уйти в пучину коррупции и внутренних конфликтов, делая нас более уязвимыми перед внешним врагом* <…> [13].

Другой аспект экспликации концепта единства представленный стратегической моделью *«мы – граждане Южной Осетии и руководство страны»*, демонстрирует тактический ход Л. Тибилова, манифестирующий идею служения власти народу и сплоченности граждан.

Интеграционные стратегии кандидата включают и третью, имплицитную, модель «мы – южные осетины».

***Все мы** понимаем, что референдум необходимо провести. Его проведение продиктовано временем и поведением некоторых народов Северного Кавказа. Решение не только своевременное, но возможно, даже несколько запоздалое, как говорят наши ученые. **Мы** не имеем права терять нашу историю* [5].

Основываясь на анализе выступлений Л. Х. Тибилова в средствах массовой информации, мы зафиксировали приверженность кандидата к последовательной тактике соблюдения билингвальной паритетности в зачине высказывания, апеллирующем сначала к осетинской идентичности аудитории. Повтор зачина на русском языке трактуется нами в качестве стратегии отождествления себя с русскоговорящими сегментами электората и демонстрацией историко-политических связей Россией и Северной Осетией в том числе, входящей в ее состав:

***Зынаргъ æмбæстæгтæ!** Дорогие соотечественники! **Зынаргъ телекæсдзытæ!** Дорогие телезрители!*

Наиболее показательна в плане реализации различных режимов билингвальных каналов общения встреча Л. Х. Тибилова с инициативной группой кандидата в президенты. Текст выступления имеет двухмодульную структуру. Первая часть выступления, эксплицированная клишированными единицами, с семантикой благодарности в адрес аудитории, принятыми в осетинской культуре, реализуются средствами родного языка. Второй фрагмент, представленный отчетом политика о результатах своей деятельности на посту президента РЮО, реализуется средствами русского языка.

Модуль 1. *Нодзы дæр бузныг зæгъын смахæн, уеппæтæндæр. Стыр бузныг, мæнæ ацы хъуыды мæнæ кæй загъдтад згъæ – раразмæ кæнæм Тыбылты Леониды кандидатæй дыггаг рæстæгмæ, дыггыг фондз азмæ. Бирæ йыл хъуыдыкодтон мæхæдæг, кæй зæгъын йæ хъæуы, рмæст абон нæ фæзындис ацы хъуыды. Фæлæ ’нцон нæ уыдис ахæм хъуыды райсын, уымæн æмæ тынг ’нцон нæу президентæй кусын. Президентæй кусын, чи зоны, ’нцон у уæд æмæ дæ куысты куы нæ уай, алыбонон командировактæ куы аразæй дæхицæн, æмæ республикайæн йæ æддейæ куы вæйнын байдауыс, æмæ уырдыгæй телефонæй куы фæдзурыс дæ адæммæ, зæгъгæ, мæнæ уый саразут, кæннод уый.* («Хотелось бы еще раз всем вам выразить благодарность. Спасибо вам за то, что вы озвучили эту мысль – выдвинуть Тибилова Леонида кандидатом на второй срок, на следующие пять лет. Я и сам долго думал над этим. Что говорить, эта мысль возникла не сегодня. Нелегко было принять эту мысль, потому что нелегко работать президентом. Может быть, президентом легко быть, если ты отсутствуешь на работе, если ты устраиваешь себе ежедневные командировки, находишься за пределами Республики и звонишь оттуда, приказывая своим подчиненным выполнить то или иное»).

Модуль 2. *Республикой заочно управлять нельзя. Народ есть народ. И мы должны быть с народом. Это первое, которое я считаю необходимым для руководителя страны. Ведь руководить страной, защищать ее интересы, быть на страже территориальной целостности и суверенитета, находить пути социального-экономического развития, понятное дело, это почетно, и вместе с тем очень ответственная миссия* <…> [6].

Проведенное исследование показало, что юго-осетинский предвыборный дискурс конституируется на основе универсальных признаков политической коммуникации, в которые встраиваются в качестве ключевых, маркирующих особенности развития регионального политического дискурса, этноспецифические черты, заключающиеся прежде всего в приверженности к соблюдению традиционного для осетин, и южных осетин в частности, коммуникативного поведения, учета гендерных и статусных ролей, особенностей темперамента, ментальности и типа исторической памяти.

Языковые особенности применения осетинского языка в политическом дискурсе характеризуются тем, что в этой закавказской республике имеет хождение кударский говор иронского диалекта осетинского языка. Политическая элита страны, как и большинство граждан, являются носителями осетинско-русского координативного двуязычия. Данный фактор был использован кандидатом в президенты Л. Х.Тибиловым как действенный стратегический прием воздействия на избирателей с целью получения эмоционального отклика у разных категорий электората.

Механизмы переключения кодов и модели актуализации осетинской и русской языковых систем обусловливаются в персональном дискурсе претендента на пост президента конкретными ситуациями общения, интенциональными и прагматическими факторами, зависят от однородности целевой аудитории.

Жанровое разнообразие юго-осетинского предвыборного дискурса в полно мере отражает общепринятую политическую традицию: это предвыборные встречи с избирателями, предвыборные дебаты, рекламные ролики, политические заявления и предвыборная программа. Рассмотренные в исследовании материалы демонстрируют наличие этнолингвокультурной специфики политической коммуникации в Южной Осетии, реализуемой посредством соблюдения сценарности политического события и ролевого воплощения для участников политической коммуникации.

Системообразующим элементом юго-осетинской политической картины мира в дискурсе Л. Х.Тибилова является концепт «единство», отражающий одну из базовых ценностей народа. С учетом билингвальности юго-осетинской политической коммуникации данный концепт получает двуязычную реализацию (единство/иудзинад) и эквивалентное смысловое наполнение.

Резюмируя рассмотренные фрагменты предвыборной коммуникации Л. Х. Тибилова с позиции ее эффективности, мы приходим к заключению, что несмотря на неблагоприятный исход выборов для данного кандидата, коммуникативные ожидания которого не взаимодействовали с электоратом в унисонном регистре, предпринятые им интеграционные стратегии в этнической и внешнеполитической плоскостях, эксплицирующие доминантный концепт единства, могут служить эталонными примерами корректной ориентации избирателей в информационном пространстве предвыборного дискурса.

Когнитивный стиль коммуникативного поведения претендента на пост президента страны был предопределен статусными и этническими предписаниями проведения кампании Л. Х. Тибиловым как старшим из кандидатов, уже занимавшим пост президента, в преддверии выборов, что соотносится с традиционной ритуальностью осетин. Тем не менее, определяющим исход выборов в Южной Осетии в 2017 послужил фоновый фактор – политическая напряженность и потребность к осуществлению активных перемен, зародившейся в сознании граждан республики.

Список литературы

1. Багаев М. Государство Алания. Восстановление исторической справедливости URL: https://south-ossetia.info/gosudarstvo-alaniya-vosstanovlenie-istoricheskoj-spravedlivosti/. Официальный сайт «Республика Южная Осетия» (Дата обращения: 24.02.2017).
2. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 64 с.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
4. Выборы в Южной Осетии: программы кандидатов 7 апреля 2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/04/07/vybory-v-yuzhnoy-osetii-programmy-kandidatov (Дата обращения: 07.04.2017).
5. Выборы в Южной Осетии: Тибилов идет под лозунгом «Алания вперед» 15 марта 2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/03/15/vybory-v-yuzhnoy-osetii-tibilov-idet-pod-lozungom-alaniya-vpered (Дата обращения: 15.03.2017).
6. Выступление Леонида Харитоновича часть 3. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P463bzoYDRs (Дата обращения: 01.02.2017).
7. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
8. Дзадзиев А. В., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. URL: https://myth_ossetian.academic.ru/50/Алантæ. (Дата обращения: 07.04.2017).
9. Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога: пер. с нем. / А. Б.Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.
10. Леонид Тибилов встретился с гражданами РЮО, проживающими в Северной Осетии. Республика Южная Осетия. Официальный сайт: URL: https://south-ossetia.info/leonid-tibilov-vstretilsya-s-grazhdanami-ryuo-prozhivayushhimi-v-severnoj-osetii/ (Дата обращения: 27.03.2017).
11. Леонид Тибилов: Референдум о восстановлении исторического названия нашего государства будет проведен на всей территории РЮО в воскресенье 9 апреля 2017 года. Государственное информационное агентство «Рес» Республика Южная Осетия URL: https://cominf.org/node/1166510814 (Дата обращения: 06.02.2017).
12. Мы не хотим быть проблемой. Мы подождем. Предвыборный репортаж из Южной Осетии, которая ушла из грузинской гавани, да так и осталась в открытом геополитическом море. № 36 от 7 апреля 2017 URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/07/72060-my-ne-hotim-byt-problemoy-my-podozhdem (Дата обращения: 07.04.2017).
13. Обращение к народу Республики Южная Осетия. 7 апр. 2017 г. URL: http://presidentruo.org/obrashhenie-k-narodu-respubliki-yuzhnaya-osetiya-6/ (Дата обращения: 07.04.2017).
14. Осетинско-русский словарь / Составители: Бигулаев Б.Б., Гагкаев К.Е., Гуриев Т.А., Кулаев Н.Х., Туаева О.Н. Владикавказ: Алания, 2004. URL: http://iratta.com/lib/15498-osetinsko-russkiy-slovar-sostaviteli-bigulaev-bb-gagkaev-keguriev-ta-kulaev-nh-tuaeva-on-vladikavkaz-2004.html. (Дата обращения: 07.04.2017).
15. Парламентские дебаты: традиции и новации: Сов. полит. яз.: (От ритуала к метафоре) / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. М.: Знание, 1991. 64 с.
16. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta Linguisticae applicatae / Проблемы прикладной лингвистики. 2001. М.: Азбуковник, 2001. С. 181–298.
17. Президентские выборы в Южной Осетии. Небольшая история большого события. URL: https://cominf.org/node/1166489131 (Дата обращения: 07/09/2011).

18. РЮО – 9 апреля – Выборы президента республики Южная Осетия. Кандидаты в президенты. Тибилов: договоренности с Россией – это уверенность в завтрашнем дне. 21 марта 2017, URL: https://sputnik-ossetia.ru/20170321/3878648.html (Дата обращения: 21.03.2017).
19. Тамерьян Т. Ю., Рахматулаева Т. Г. Концепт единство/иудзинад в северо- и юго-осетинском политических дискурсах: сопоставительный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 89–96. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-4-89-96.
20. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УГПУ, 2003. 251 с.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Е. И. Шейгал; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. М.; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
22. Chilton P. A. Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher. Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. P. 3214-3221.
23. Dijk van T. A. What is Political Discourse Analysis? //Belgian Journal of Linguistics, Volume 11, Issue 1, Jan 1997, p. 11-52. DOI: https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij.
24. Edwards G. C. III. Changing Their Minds? Donald Trump and Presidential Leadership. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2021. 376 p.
25. Gee J. P. Social linguistics and literacies: Ideology in discourses (2nd ed.). London: Taylor & Francis, 1996. 224 p.
26. Graber D. A. Political Languages. In D. Nimmo, & K. Sanders (Eds.) // Handbook of Political Communication. 1981. P. 195–224.
27. Meadow R. G. Political Communication Research in the 1980s March 1985 URL: https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1985.tb01892.x (Accessed: 07.04.2017).
28. Prakash S. B. The Living Presidency: An Originalist Argument against Its Ever-Expanding Powers. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 337 pp.
29. Wodak R., Meyer M. Critical discourse studies: history, agenda, theory and methodology. In book: Methods of Critical Discourse Studies. Edition: 3rd revised edition. Chapter: 1. Publisher: Sage November 2015. P. 1–23.

References

1. Bagaev M. Gosudarstvo Alanija. Vosstanovlenie istoricheskoj spravedlivosti (State of Alania. Restoration of historical justice) URL: https://south-ossetia.info/gosudarstvo-alaniya-vosstanovlenie-istoricheskoj-spravedlivosti/. Oficial'nyj sajt «Respublika Juzhnaja Osetija» (Accessed: 24.02.2017). (In Russian).
2. Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: tradicii i novacii. (Parliamentary Debates: Traditions and Innovations). Moscow: Znanie, 1991. 64 p. (In Russian).
3. Blakar R. M. Jazyk kak instrument social'noj vlasti (teoretiko-jempiricheskie issledovanija jazyka i ego ispol'zovanija v social'nom kontekste) (Language as an instrument of social power (theoretical and empirical studies of language and its use in a social context) // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija // Language and modeling of social interaction). Moscow: Progress, 1987. P. 88–125. (In Russian).
4. Vybory v Juzhnoj Osetii: programmy kandidatov 7 aprelja 2017 (Elections in South Ossetia: Candidate Programs April 7, 2017). URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/04/07/vybory-v-yuzhnoy-osetii-programmy-kandidatov (Accessed: 07.04.2017). (In Russian).
5. Vybory v Juzhnoj Osetii: Tibilov idet pod lozungom «Alanija vpered» 15 marta 2017 (Elections in South Ossetia: Tibilov goes under the slogan «Alania Forward» March 15, 2017). URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/03/15/vybory-v-yuzhnoy-osetii-tibilov-idet-pod-lozungom-alaniya-vpered (Accessed: 15.03.2017). (In Russian).
6. Vystuplenie Leonida Haritonovicha chast' 3. (Elections in South Ossetia: Tibilov goes under the slogan «Alania Forward» March 15, 2017). URL: https://www.youtube.com/watch?v=P463bzoYDRs (Accessed: 01.2.2017). (In Russian).
7. Dejk van T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija: per. s angl. / T. A. van Dejk. (Language. Cognition. Communication: translation from English). Moscow: Progress, 1989. 312 p. (In Russian).
30. Dzadziev A. V., Dzucev H. V., Karaev S. M. Jetnogafija i mifologija osetin (Ethnography and mythology of the Ossetians). Vladikavkaz, 1994. URL: https://myth_ossetian.academic.ru/50/Alantæ. (Accessed: 07.04.2017). (In Russian).
8. Klemperer V. Jazyk Tret'ego rejha. Zapisnaja knizhka filologa: per. s nem. / A.B.Grigor'eva (Language of the Third Reich. Philologist's Notebook: Translated from German). Moscow: Progress-Tradicija, 1998. 384 p. (In Russian).
9. Leonid Tibilov vstretilsja s grazhdanami RJuO, prozhivajushhimi v Severnoj Osetii. Respublika Juzhnaja Osetija. Oficial'nyj sajt: (Leonid Tibilov met with citizens of the Republic of South Ossetia living in North Ossetia. Republic of South Ossetia. Official site). URL:https://south-ossetia.info/leonid-tibilov-vstretilsya-s-grazhdanami-ryuo-prozhivayushhimi-v-severnoj-osetii/ (Accessed: 27.03.2017). (In Russian).
10. Leonid Tibilov: Referendum o vosstanovlenii istoricheskogo nazvanija nashego gosudarstva budet proveden na vsej territorii RJuO v voskresen'e 9 aprelja 2017 goda. Gosudarstvennoe informacionnoe agentstvo «Res» Respublika Juzhnaja Osetija (Leonid Tibilov: A referendum on the restoration of the historical name of our state will be held throughout the Republic of South Ossetia on Sunday April 9, 2017. State Information Agency «Res» Republic of South Ossetia). URL: https://cominf.org/node/1166510814 (Accessed: 06/02/2017). (In Russian).
11. My ne hotim byt' problemoj. My podozhdem. Predvybornyj reportazh iz Juzhnoj Osetii, kotoraja ushla iz gruzinskoj gavani, da tak i ostalas' v otkrytom geopoliticheskom more. № 36 ot 7 aprelja 2017 (We don't want to be a problem. We will wait. Pre-election report from South Ossetia, which left the Georgian harbor and remained in the open geopolitical sea. # 36 dated April 7, 2017). URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/07/72060-my-ne-hotim-byt-problemoy-my-podozhdem (Accessed: 07.04.2017). (In Russian).
12. Obrashhenie k narodu Respubliki Juzhnaja Osetija. 7 apr. 2017 g. (Appeal to the people of the Republic of South Ossetia. Apr 7 2017 Nov.). URL: http://presidentruo.org/obrashhenie-k-narodu-respubliki-yuzhnaya-osetiya-6/ (Accessed: 07.04.2017). (In Russian).

13. Osetinsko-russkij slovar' (Ossetian-Russian dictionary) / Compiled by Bigulaev B.B., Gagkaev K.E., Guriev T. A., Kulaev N. H., Tuaeva O. N. Vladikavkaz: Alanija, 2004. URL: http://iratta.com/lib/15498-osetinsko-russkiy-slovar-sostaviteli-bigulaev-bb-gagkaev-ke-guriev-ta-kulaev-nh-tuaeva-on-vladikavkaz-2004.html. (Accessed: 07.04.2017). (In Russian).
14. Parlamentskie debaty: tradicii i novacii: Sov. polit. jaz.: (Ot rituala k metafore) / A. N. Baranov, E. G. Kazakevich (Parliamentary Debates: Traditions and Innovations: Sov. polit. lang.: (From ritual to metaphor). Moscow: Znanie, 1991. 64 p. (In Russian).
15. Parshin P. B. Issledovatel'skie praktiki, predmet i metody politicheskoj lingvistiki (Research practices, subject and methods of political linguistics) // Scripta Linguisticae applicatae / Problemy prikladnoj lingvistiki. Moscow: Azbukovnik, 2001. P. 181–298. (In Russian).
16. Prezidentskie vybory v Juzhnoj Osetii. Nebol'shaja istorija bol'shogo sobytija (Presidential elections in South Ossetia. A little history of a big event). URL: https://cominf.org/node/1166489131 (Accessed: 07.09.2011). (In Russian).
17. RJuO – 9 aprelja – Vybory prezidenta respubliki Juzhnaja Osetija. Kandidaty v prezidenty. Tibilov: dogovorennosti s Rossiej – jeto uverennost' v zavtrashnem dne. 21 marta 2017 (RSO – April 9 – election of the president of the republic of South Ossetia Presidential candidates. Tibilov: Agreements with Russia are confidence in the future. 21 March 2017). URL: https://sputnik-ossetia.ru/20170321/3878648.html (Accessed: 21.03.2017). (In Russian).
18. Tamer'jan T. Ju., Rahmatulaeva T. G. Koncept edinstvo/iudzinad v severo- i jugo-osetinskom politicheskih diskursah: sopostavitel'nyj aspekt (The concept of unity / Judzinad in the North and South Ossetian political discourses: a comparative aspect) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2019. No. 4. P. 89–96. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-4-89-96. (In Russian).
19. Chudinov A. P. Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii (Metaphorical mosaic in modern political communication). Ekaterinburg: USPU publ., 2003. 251 p. (In Russian).
20. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa (Semiotics of Political Discourse). Moscow, Volgograd: Peremena, 2000. 367 p. (In Russian).
21. Chilton P. A. Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher. Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. P. 3214-3221.
22. Dijk van T. A. What is Political Discourse Analysis? //Belgian Journal of Linguistics, Volume 11, Issue 1, Jan 1997, p. 11–52. DOI: https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij.
23. Edwards G. C. III. Changing Their Minds? Donald Trump and Presidential Leadership. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2021. 376 p.
24. Gee J. P. Social linguistics and literacies: Ideology in discourses (2nd ed.). London: Taylor & Francis, 1996. 224 p.
25. Graber D. A. Political Languages. In D. Nimmo, & K. Sanders (Eds.) // Handbook of Political Communication. 1981. P. 195–224.
26. Meadow R.G. Political Communication Research in the 1980s March 1985 URL: https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1985.tb01892.x (Accessed: 07.04.2017).
27. Prakash S. B. The Living Presidency: An Originalist Argument against Its Ever-Expanding Powers. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 337 pp.
28. Wodak R., Meyer M. Critical discourse studies: history, agenda, theory and methodology. In book: Methods of Critical Discourse Studies. Edition: 3rd revised edition. Chapter: 1. Publisher: Sage November 2015. P. 1–23.

Сведения об авторах

Бекоева Ирина Давидовна – и.о. доцента Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова; e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

Тамерьян Татьяна Юльевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов Северо-Осетинский государственного университета им. К. Л. Хетагурова; e-mail: tamertu@mail.ru

Рахматулаева Татьяна Гамзатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Северо-Осетинского государственного университето им. К. Л. Хетагурова; e-mail: t.rach@yandex.ru

Information about the authors

Bekoeva Irina – Acting Associate Professor, South Ossetian State University; e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

Tameryan Tatyana – Doctor of Philology, Professor, Chair of Foreign Languages for Natural Sciences faculties, North Ossetian State University; e-mail: tamertu@mail.ru

Rakhmatulaeva Tatyana – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of French Language, North Ossetian State University; e-mail: t.rach@yandex.ru

CC BY

УДК: 811.161.1.

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.18

В. М. Грязнова

ИДЕЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ И ТЕКСТОВ XVIII–XIX вв.)

Цель статьи – выявить специфику мифологической идеи судьбы и ее выражение в понятиях и в значениях слов, вербализующих ее (на материале толковых и энциклопедических словарей) и в произведениях русской литературы XVIII–XIX вв.). В работе выявляется, что доминантой синонимического ряда, репрезентирующего идею судьбы, является лексема судьба. Анализ содержания данной номинации в значениях, смыслах и образах, представляющих ее в наивной картине мира русского человека, является предметом работы. На основе собранного материала автор показывает, что судьба в названный период, с одной стороны, мыслилась русским человеком как безличная, всемогущая, внешняя и чуждая человеку сила, а с другой стороны, как транслирующая ее волю определенная ипостась божества судьбы. Автор демонстрирует, что семантический компонент ‘фатальная неизбежность’ мог реализовываться в прагматической части значения определенного личного имени, входящего в лексико-семантическую группу «судьба», либо как сема ‘лишение‘, что свойственно для слов слепец, безумец, сидень, либо как сема ‘приобретение’, что свойственно для слов лунатик, ипохондрик, апоплектик, прихотник, ленивец (результат воздействия непреодолимой, непознанной силы, имеющей своего представителя или исполнителя, транслирующего ее волю). Далее автор выявляет вербализацию в общественном сознании русского человека изучаемого времени обыденных представлений о судьбе как о слепом счастливом случае, дарующем человеку благо, которые выражают веру в существование индивидуализированного божества судьбы, помогающего человеку и, возможно, базируются на древнейших представлениях русских о чуде. В целом анализ материала позволяет сделать автору вывод об этноспецифичности и амбивалентности идеи судьбы в русском общественном сознании XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, предопределение, судьба, фатализм, счастливый случай.

Для цитирования: Грязнова В. М. Идея предопределения в русской языковой картине мира (на материале словарей и текстов XVIII–XIX вв.). // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 145–151. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.18

Violetta M. Gryaznova

THE IDEA OF PREDESTINATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (BASED ON DICTIONARIES AND TEXTS OF THE XVIII–XIX CENTURIES)

The purpose of the article is to identify the specifics of the mythological idea of fate and its expression in the concept and in the meanings of words that verbalize it (based on the material of explanatory and encyclopedic dictionaries and in the works of Russian literature of the XVIII–XIX centuries). The paper reveals that the dominant of the synonymic series representing the idea of fate is the lexeme fate. The analysis of the content of this nomination in meanings and images, representing it in the naive picture of the world of the Russian person is the subject of the work. Based on the collected material, the author demonstrates the semantics of impersonal-fatalistic perception of the idea of fate both on the material of literary texts and in the content of definitions of certain personal nouns in the normative dictionaries of the XVIII-XIX centuries. The author demonstrates that the semantic component ‘fatal inevitability’ could be realized in the pragmatic part of the meaning of a certain personal name included in the lexical and semantic group ‘fate’, could be implemented in the value of a personal name or as component ‘deprivation‘ that is characteristic of lexemes a blind man, the madman, or as component ‘acquisition’, which is typical for the words sleepwalker, whimsical, sloth (the result of exposure to a compelling, unknown force, with his representative or executor, a her will). The author further shows the verbalization in the public consciousness of the Russian people of the time studied of everyday ideas about fate as a blind case that gives a person good, which express the belief in the existence of an individualized deity of fate that helps a person. This understanding of predestination is expressed in a number of contexts in the literature of the XVIII-XIX centuries, as well as in dictionary interpretations of such lexemes as happiness, lucky, happy, in the normative dictionaries of this time, perhaps they are based on the oldest Russian ideas about a miracle. In General, the analysis allows the author to conclude that the idea of fate is ethnospecific and ambivalent in the Russian public consciousness of the XVIII – XIX centuries.

Key words: Russian language picture of the world, predestination, fate, fatalism, lucky chance.

For citation: Gryaznova V. The idea of predestination in the Russian language picture of the world (based on dictionaries and texts of the XVIII–XIX centuries) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 145–151. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.18

Значение слова в естественном языке с неизбежностью отражает знания и представления людей, живущих в конкретных исторических, социальных и культурных условиях, об окружающем мире и его оценку. В силу того, что отражение действительности в сознании человека не является зеркальным, а имеет преобразующий характер, его часто называют образно – картина мира. И это активное человеческое начало в отражении мира возможно благодаря языку как компоненту человеческого сознания. Вербальная творческая интерпретация отдельных фрагментов концептуальной картины мира приводит к формированию «языковой картины мира», являющейся важнейшим компонентом нацио-нальной культуры и не совпадающей с концептуальной картиной мира.

Именно отображение, а не отражение действительности в языковой картине мира демонстрирует значимость картины мира для носителя языка: при отображении семантизируются и вербализуются только безусловно значимые объекты, явления и их свойства. Это связано с тем, что языковая картина мира тесно связана с человеческим фактором в языке, т. к. ориентирована на человека. В языке отражаются те черты внеязыковой действительности, которые важны для носителей данной лингвокультуры. Так, анализ русской лексики выявляет этноспецифичные сквозные мотивы, повторяющиеся в значении слов, фразеологизмов и частотных в текстах русской литературы. Это мотивы судьбы, тоски, совести, простора, удали, воли, правды.

В этом аспекте особенный интерес представляет мифологическая идея судьбы, свойственная общественному сознанию русского этноса и его предков на протяжении веков, и ее выражение в значении слов и в произведениях русской литературы. Идея судьбы интересовала ученых разных гуманитарных наук. О ней писали литературоведы, лингвисты, философы, социологи и культурологи: П. П. Гайденко [5]; А. Н. Чанышев [16], М. Л. Гаспаров [7]; Т. В. Гамкрелидце, В. В. Иванов [6]; В. П. Горан [8; 9; 10]; А. Вежбицкая [3; 4]; Е. Е. Левкиевская [12]; М. Семенова [14]; А. Д. Шмелев [17]; А. Ф. Лосев [11]; Г. В. Мальцев [13].

А. Вежбицкая так пишет о важности судьбы для русского национального характера: «… такие понятия, как душа, судьба и тоска, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (как “высокая”, так и народная)» [4, с. 33]. А. Д Шмелев выдвигает особенную точку зрения относительно идеи предопределения: ученый полагает, что слово судьба «соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и идею, в соответствии с которой человек не контролирует происходящие с ним события. Только эти идеи присутствуют в понятии судьбы не одновременно, а сменяют друг друга, когда решается судьба. Пока судьба еще не решилась, будущее остается непредсказуемым, а человек может изменить свою судьбу и вообще может выступать как творец своей судьбы. Но как только судьба решилась, человек уже не властен над ходом событий, которые уже могут быть с той или иной степенью полноты предсказаны» [17, с. 212].

По мнению ученых, религиозные верования наших предков, древних славян, уже включали идею судьбы. Жизнь человека была предопределена таким женским божеством, как Мокошь (Макошь). Г. В. Мальцев пишет: «Мокошь – богиня счастливого случая, урожая, ночная пряха, которая вместе с помощницами Долей и Недолей прядет нити, определяя, подобно греческим мойрам и германским норнам, судьбы богов и людей. В виде молодой женщины с распущенными волосами Мокошь ходит по земле и примечает, кто как живет, как соблюдаются обычаи, т. е. законы. Культ Мокоши был распространен у восточнославянских народов» [13, с. 178].

Выявим содержание понятия «судьба» в толковых и энциклопедических словарях XVIII–XIX вв.

По данным словарей XVIII–XIX вв. это понятие вербализовалось следующими лексемами: судьба, жребий, доля, участь, предопределение, юдоль, голгофа, крест, предназначение, провидение, судьбина, фатум, фортуна, часть, что зафиксировано в энциклопедических и толковых словарях: П. Соколова, Сл. Академии Российской 1789–1794 г., Сл. Академии Российской 1806–1822 г., Сл. Академии Российской 1847 г., Сл. В. И. Даля, Сл. Ф. Г. Толля. Доминантой этого ряда определяем номинацию судьба.

В данных словарях можно выделить четыре трактовки понятия «судьба», вербализованного целым рядом квазисинонимических лексем, названных выше:

1) ‘определение, промысел всевышняго, Божеское, законы и порядок вселенной’ (САР–2, ч. 6, с. 478; Словарь Толля, т. 3, с. 709; Сл. Соколова, ч. 2, с. 709; Сл. Даля, т. 4, с. 622);
2) ‘участь, часть, счастие, состояние’ (САР–2, ч. 6, с. 478; Сл. 1847, т. 4, с. 246; Сл. Соколова, ч. 2, с. 709; Сл. Даля, т. 4, с. 622);
3) ‘жребий, доля’ (Сл. Соколов, ч. 2, с. 709; Сл. 1847, т. 4, с. 246; Сл. Даля, т. 4, с. 622);
4) ‘у древних высшее божество, богиня, Мойра. (Сл. Толля, т. 3, с. 560).

Необходимо указать, что в Сл. Толля описывается история возникновения понятия судьба, вербализованного одноименным словом, характеризуются ее истоки: «Судьба (Fatum), заранее определен ход событий и участи человека. У древн. считалась высшим божеством. Греки называли ее Мойра. У Гомера она не такое непреклонное существо, каким ее представляли римляне, заставляя разбрасывать из урны жре-

бий смертных как придется. Греческая трагедия основана на идее С. или фатализма. В христианстве роль С. заняло провидение». (Сл. Толля, т. 3, с. 560).

Анализ контекстов бытования лексемы судьба как наиболее частотной в приведенном выше синонимическом ряду в различных произведениях XVIII-XIX веков показывает, что судьба, с одной стороны, мыслилась русским человеком как безличная, всемогущая, внешняя и чуждая человеку сила, а с другой стороны, как транслирующая ее волю определенная ипостась божества судьбы. А. Вежбицкая полагает, что «оба эти значения выражают одно и то же мировоззрение» [3, с. 92].

В. Г. Белинский так писал о судьбе: «Что же такое эта судьба, которой трепещут люди и которой беспрекословно повинуются сами боги? Это понятие греков о том, что мы, новейшие, называем разумной необходимостью, законами действительности, соотношением между причинами и следствием, словом, – объективное действие, которое развивается и идет себе, движимое внутренней силой своей разумности, подобно паровой машине, – идет, не останавливаясь и не совращаясь с пути, встречается ли ей человек, которого она может раздавить, или каменный утес, о который она может разбиться» [1, с. 18]. У лексемы судьба существует и метонимическое значение ‘неповторимый жизненный путь человека, предопределенный фатально-непреодолимой, неотвратимой силой или определенной ипостасью божества судьбы’, которое в данной работе не рассматривается.

Акцентирование предопределенности судьбы как в широко понимаемом настоящем, так и в будущем, характеристика ее как безличной необходимости, имеющей мифологический божественный характер, тесно связанной с неизбежностью доли, жребия, обусловило фаталистическое восприятие судьбы в сознании русского человека, ее фатальную неизбежность. Так, В. И. Даль в своем толковании слова судьба характеризует ее как «предопределение, неминучее в быту земном». В. С. Соловьев также акцентирует фатальную неизбежность судьбы: «Есть нечто, называемое судьбой, – предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный. Я разумею пока под судьбою тот факт, что ход и исход нашей жизни зависит от чего-то, кроме нас самих, от какой-то превозмогающей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиняться» [15, с. 179].

Во многих контекстах функционирования лексемы судьба в художественной литературе XVIII–XIX вв. выявляется семантический компонент ‘фатальная неизбежность’ (примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (Электронный ресурс). – URL: http://www.ruscorpora.ru). «Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоразумия». [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803 – 1818)]. «Что же судьба сделала с моею чадолюбивою соседкою?» [П.Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)]. «Человек не властен в будущем. Судьба решит мой жребий…» [П. А. Плавильщиков. Ермак, покоритель Сибири (1803) // Сочинения Петра Плавильщикова, ч. 1. СПб., 1816, 1816]. «О судьба! ужасны твои потаенные громы!» [А. С. Грибоедов. Студент (1817)] «И пусть лучше судьба сократит жизнь мою, нежели доведет до того, чтобы я был не в состоянии подать иногда бедному несколько копеек». [Ф. В. Булгарин. Прогулка по тротуару Невского проспекта (1824)]. «Судьба сулила, однако ж, дяде моему погибнуть не в Варшаве». [А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)]. «Судьба уже отмечала лица жертв железным перстом своим». [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана (1831)]. «Бесстрастная судьба с ужасною улыбкою на устах мечет банк свой». [А. А. Бестужев-Марлинский. Он был убит (1835–1836)]. «Неужели судьба послала меня в мир для того, чтоб все, что было во мне высокого, принести в жертву ничтожеству?» [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]. «Судьба скоро опять разлучила нас и помешала нашему сближению». [Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова (1849)]. «А вы разве тоже думаете, что ничего не значит для мужчины, которого судьба, так сказать, бросала во все концы мира, – что ничего ему не значит встретить женщину, подобную вам, сохранившую всю… всю эту прелесть молодости, этот… этот ум, эту любезность – cette grâce?» [И. С. Тургенев. Провинциалка (1851)]. «Какой это своенравный, неуловимый деятель; а между тем у ней есть своя, строгая, беспощадная логика, сокровенная, загадочная, как самая мысль, не зависящая от нашей воли и потому неизбежная, как судьба». [А. А. Фет. Каленик (1854)].

В словарных дефинициях определенных личных существительных в нормативных словарях XVIII–XIX вв. мы также видим семантизацию безлично-фаталистического восприятия идеи судьбы.

Так, в толкованиях слов слепец, безумец в их прямых значениях находим семантический компонент ‘сверхъестественная сила, лишающая человека способности видеть, думать, ходить’: 1) слепец ‘лишенный чувства зрения’ (САР–1, ч. 5, с. 584; САР–2, ч. 6, с. 246; Сл. Соколова, ч. 2, с. 1267; Сл. 1847 г., т. 4, с. 152), 2) безумец ’лишенный ума’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 41), безумец ’человек, лишенный ума’ (Сл. Даля, т. 1, с. 189), сидень ‘лишенный способности ходить. Говорится о детях, которые долее обыкновенного времени лишены способности ходить’ (САР–2, ч. 6, с.139; Сл. Соколова, ч. 2, с. 1388), сидень ‘1) дитя, которое долее обыкновенного времени, не получив способности ходить, принуждено сидеть’ (Сл. 1847 г., т. 4,

с. 123). В содержании названных существительных, а именно в прагматическом культурообусловленном компоненте, находится сема ‘лишение‘ как результат действия безличной стихийности, неизбежной и фатальной силы, обладающей абсолютной властью над человеком, извне определяющей жизненный путь человека.

Семантический компонент ‘фатальная неизбежность’ мог реализовываться в прагматической части значения личного имени как сема ‘приобретение’ в результате воздействия непреодолимой мифической непознанной силы, имеющей своего представителя или исполнителя, транслирующего ее волю (лунатизм, апоплексия, ипохондрия, подагра): 1) лунатик ‘так называются подверженные странному роду болезни, состоящей в том, что они во время глубокого сна, встав, ходят, говорят, пишут и все дела делают…’ (САР–1, ч. 3, с. 1330; САР–2, ч. 3, с. 621; Сл. Соколова, ч. 2, с. 1334), лунатик ‘человек, подверженный болезни, в которой он, во время глубокого сна, говорит и действует, как наяву, сноброд’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 268), апоплектик ‘пораженный апоплексией’ (Сл. Соколова, ч. 1, с. 19), апоплектик ‘пораженный ударом, параличом, расположенный к нему по сложению, природе своей’ (Сл. Даля, т. 1, с. 20), 3) ипохондрик ‘подверженный ипохондрии’ (Сл. Соколова, ч.1, с.1052), ипохондрик ‘человек, подверженный этому недугу (ипохондрии)’ (Сл. Даля, т. 2, с. 351), 4) подагрик ‘одержимый подагрою’ (Сл. Даля, т. 3, с. 406).

Подобная семантизация содержания лексем лунатик, апоплектик, ипохондрик, подагрик свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в сознании носителя языка XVIII–XIX веков существовало идущее от наших предков убеждение: «болезни являются божественной карой за неправедную жизнь и поступки» [Мальцев, 2018, р. 180].

В определенных словарных дефинициях XVIII–XIX веков мифическая фатальная неизбежность представлена такими отрицательными склонностями человека (прихоти, лень), которые в бытовом представлении не зависят от него, даются ему от рождения, а не приобретаются, воспитываются: ленивец ‘кто подвержен, порабощен лености’ (САР–1, ч. 2, с. 1355, Сл. Соколова, ч. 1, с. 1340), прихотник ‘подверженный прихотям’ (Сл. Соколова, ч. 2, с. 886).

В то же время в толковых словарях XVIII–XIX веков существуют и иные дефиниции названных имен, в которых идея фатальной предопределенности: а) вообще не семантизируется или б) совмещается с качественной характеристикой человека:

а) прихотник ‘имеющий много прихотей’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 505), прихотник ‘прихотливый, у кого много прихотей’ (Сл. Даля, т. 3, с. 1196), ленивец ‘предающийся лености’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 271), ленивец ‘ленивый человек, праздный, тунеядец, бегающий от дела и труда, вялый, плохой работник’ (Сл. Даля, т. 2, с. 722), безумец ’поступающий против здравого рассудка’ (САР–2, ч. 1, с. 168), безумец ’вопреки здравому рассудку поступающий’ (Сл. Соколова, ч. 1, с. 75), сидень ‘кто много сидит, ведет сидячую жизнь // дитя, которое долго не становится на ноги, не ходит...’ (Сл. Даля, т. 4, с. 150) – во всех приведенных толкованиях существительные характеризуют человека как носителя признака;

б) подагрик ‘одержимый, страждущий подагрою’ (Сл. Соколова, ч. 2, с. 531), перхотун ‘человек, подверженный всегдашней перхоте, или привычку к тому сделавший’ (Сл. Соколова, ч. 2, с. 460), перхотун ‘кто беспереч перхает, крякает, харкает, у кого всегда першит’ (Сл. Даля, т. 3, с. 103), лунатик ‘сноброд, человек, одержимый лунатизмом, болезненным состоянием, в которой он, во время глубокого сна или бессознательно, ходит и нередко проказит’ (Сл. Даля, т. 2, с. 273) – в представленных дефинициях человек характеризуется двояко: как носитель признака или агенс, б) как объект действия внешней силы (‘подверженный перхоте’, ‘у кого першит’, ‘одержимый лунатизмом’).

Мистические представления носителя русского языка о безличных таинственных силах, управляющих жизнью человека, можно увидеть и в словарных дефинициях нормативных словарей, и в контекстах классической русской литературы. В тексте романа В.Ф. Одоевского «Русские ночи» есть пример, в котором в значении слова слепец средствами контекста актуализируется компонент ‘рок, фатум, который лишает человека зрения’: «На улице стоял человек, слепой, глухой и немой от рождения, лишь два чувства были оставлены ему природой: обоняние и осязание. Однажды добрый человек подал ему милостыню, слепец почуял, что-то была золотая монета» [В.Ф. Одоевский. Русские ночи (1843)].

Вера в судьбу и предопределение была свойственна многим литераторам XVIII–XIX веков: В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому, В.Ф. Одоевскому, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову. В стихотворении «Валерик» М.Ю. Лермонтов пишет: «Мой крест несу я без роптанья: То иль другое наказанье? Не всё ль одно. Я жизнь постиг; Судьбе, как турок иль татарин, За все я ровно благодарен; У Бога счастья не прошу И молча зло переношу».

Высказывания Печорина о фатализме (повесть «Фаталист») неоднозначны: с одной стороны, он отрицает предопределение и смеется над «мировоззрением древних», а с другой, утверждает, что «на лице человека, который должен вскоре умереть, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы». А. И. Бродский высказал такую

мысль: «На мой взгляд, без фатализма Лермонтов никогда не занял бы то место в русской литературе, которое он занимает уже двести лет. Лермонтов, конечно, фаталист» [2, с. 26]. В целом вербализацию фаталистического восприятия идеи судьбы в русской картине мира считают специфичной для русского менталитета.

С другой стороны, в ряде словарных толкований в лексикографических изданиях XVIII–XIX веков и в текстах произведений русской литературы находим выражение житейских, обыденных представлений о судьбе как о слепом случае, стихийном стечении обстоятельств в жизни человека, дарующих человеку благо. С таким пониманием предопределения связано представление о существовании индивидуализированного божества судьбы, помогающего человеку. Это словарные дефиниции лексем счастье, счастливец, счастливый, удачник, удачливый: а) счастливец ‘тот, кому благоприятствует счастие, кто пользуется счастьем’ (САР–2, ч. 6, с. 1388), счастливец ‘благоприятствуемый счастьем’ (Сл. Соколова, ч. 2, с. 1426; Сл. 1847 г., т 4, с. 255), счастие 1) ‘случайная удача’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 255), счастливый 1) ‘удачный, успешный’, 2) ‘благоприятствуемый счастьем’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 255), счастье |‘случайность, желанная неожиданность, талан, удача, успех, спорина в деле, не по рассчету, счасть’ (Сл. Даля, т. 4, с. 437), счастливый человек ‘кому все удается, удатный, удачливый’ (Сл. Даля, т. 4, с. 437), счастливец ‘счастливый человек, удатный, удачливый’ (Сл. Даля, т. 4, с. 437); б) удачник ‘таланник, кому счастье служит, везет, все удается ’ (Сл. Даля, т. 4, с. 471),

Контексты бытования названных слов подтверждают такую их семантизацию (примеры извлечены из НКРЯ). «Не всякого полюбит счастье, Не все родились для венцов» (А. С. Пушкин. Жуковскому). «Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье, затевая что-нибудь, он был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему» (Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат). «Ведь у вас все кости целы. Этакий счастливец! Ни кости, ни артерии. Да как вы выжили эти трое с половиною суток?» [В. М. Гаршин. Четыре дня (1877)]. «Представим себе теперь человека, с первой минуты появления своего на свет щедро осыпанного всеми благами, которыми только может судьба одарить смертного: знатностью, богатством, удачливостью и т. д. За что бы подобный счастливец ни взялся, ему успех во всем; чего бы он ни пожелал – все исполняется как по мановению волшебного жезла; пожелай он, кажется, невозможного – и для него сама природа изменит свои законы». [Кондратий Биркин (П.П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга вторая (1871)]. «Греческий проект», который считается принадлежащим князю, не шутя занимал Екатерину и был пугалом для Европы. Князь считал его вполне осуществимым: удачник и баловень счастья думал, что и на это огромное предприятие хватит у России «пушечного мяса». [В. В. Огарков. Григорий Потемкин. Его жизнь и общественная деятельность (1892)]. «Оставалось только перевезти его да заложить фундамент. Галактиону везде везло, – такой уж удачливый зародился. Даже поп Макар одобрял за «благопоспешность». Больше всего Галактион был доволен, что отец уехал на заводы заканчивать там свои дела и не мешался в дело». [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)].

Воплощение идеи судьбы как слепого счастливого случая, возможно, базируется на древнейших представлениях русских о чуде: нечто даруется человеку свыше без каких-либо усилий с его стороны (например, такова основная мысль сказки «По щучьему велению»).

Приведем контексты функционирования лексемы судьба в значении ‘слепой случай’ из художественной литературы изучаемого периода (примеры извлечены из НКРЯ (Электронный ресурс). – URL: http://www.ruscorpora.ru). «Большая часть посетителей молча подверглась этому испытанию, так, как прежде подвергалась всем прочим испытаниям, которыми судьба считала за нужное награждать их; впрочем, нашлись и такие, которые явно кричали против грубо пристрастного поступка содержателя». [А. И. Герцен. Кто виноват? (1841–1846)]. «Минуты дороги… вы видите, сама судьба его вам посылает». [М. Ю. Лермонтов. Два брата (1834–1836)]. «Елена Карловна была мила и любезна, Егор Петрович любезен и мил: мудрено ли, что судьба свела их в маленькой зале?» [И. А. Гончаров. Счастливая ошибка (1839)]. «Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь». [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]. «И тут судьба помогла мне самым неожиданным и странным образом». [А. А. Фет. Дядюшка и двоюродный братец (1855)]. «Судьба явно покровительствовала нашему сближению, потому что в дилижансе на этот раз не было никого, кроме двух помянутых старушек с узлами». [И. Л. Леонтьев-Щеглов. Корделия (Страничка жизни) (1889)]. «И судьба, как будто умышленно, покровительствовала ему, все предприятия этого человека носили на себе печать необыкновенного успеха». [А. И. Куприн. Впотьмах (1892)]. «Надо только уметь пользоваться тем, что посылает судьба». [А. И. Куприн. Просительница (1895)]

В ряде произведений русской классической литературы идея судьбы как слепого случая выражена особенно ярко. Это повесть «Выстрел» А. С. Пушкина. Приведем отрывок из нее: «…определился к нам молодой человек богатой и знатной фамилии (не хочу назвать его). Отроду не встречал счастливца столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое

имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились… <…> Мне должно было стрелять первому, но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел: противник мой не соглашался. Положили бросить жребий: первый нумер достался ему, вечному любимцу счастия». [А. С. Пушкин. Выстрел (1830)].

В целом анализ словарных дефиниций и текстов XVIII–XIX вв. показывает, что в русской картине мира судьба представляется, с одной стороны, как высшая сила, фатальная необходимость, предопределяющая все, что происходит в жизни, а с другой стороны, как случайность, слепой случай, стихийное стечение обстоятельств в жизни человека, что находит подтверждение в языке и речи этого времени.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М.: АН СССР, 1954. 863 с.
2. Бродский А.И. Фатализм и повествовательное искусство // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 20. С. 26–36.
3. Вежбицкая А. Судьба и предопределение // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 5. С. 82–150.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
5. Гайденко П. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. № 9. С. 88–98.
6. Гамкрелидце Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 2. Тбилиси: издательство Тбилисского университета, 1984. С. 440–1328.
7. Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара // Вестник древней истории. 1973. № 2. С. 211–219.
8. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 335 с.
9. Горан В. П. Идея судьбы и проблема категорий необходимости и случайности в раннегреческой философии: автореф. дис. д-ра филос. наук. Л., 1991. 28 с.
10. Горан В. П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. 208 с.
11. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2000, 528 с.
12. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
13. Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 608 с.
14. Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука-классика, 2001. 560 с.
15. Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. 421 с.
16. Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия. М.: издательство МГУ, 1970. 240 с.
17. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
18. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (Дата обращения: 21.01.2022).
19. САР–1: Словарь Академии Российской. Ч. 1–5. СПб: Императорская Академия Наук, 1789–1794.
20. САР–2: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб. При Императорской АН. 1806–1822.
21. Сл. Соколова: Соколов П. Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых. Т. 1–2. СПб. В типографии Императорской Российской Академии. 1834.
22. Сл. 1847 г.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1–4. СПб. В типографии Императорской АН. 1847.
23. Сл. Даля: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Москва: Прогресс Универс, 1994.
24. Сл. Толля: Толль Ф. Г., Зотов В. Р. (ред.) Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). СПб.: издание Ф.Г. Толля. Типография В. Безобразова и Комп.,1866. Т. 3. 1179 с.

References

1. Belinskij V. G. Poln. sobr. soch. (Complete works). Vol. 5. Moscow: USSR ACADEMY OF SCIENCES Publ., 1954. 863 p.
2. Brodskij A. I. Fatalizm i povestvovatel'noe iskusstvo (Fatalism and narrative art) // Veche. Zhurnal russkoj filosofii i kul'tury. 2009. Vol. 20, P. 26–36.
3. Vezhbickaja A. Sud'ba i predopredelenie. (Fate and predestination) // Put'. Mezhdunarodnyj filosofskij zhurnal. 1994. No. 5. P. 82–150.
4. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Knowledge). Moscow: Russian dictionaries Publ., 1997. 411 p.
5. Gajdenko P. P. Tema sud'by i predstavlenie o vremeni v drevnegrecheskom mirovozzrenii (The theme of fate and the idea of time in the ancient Greek worldview) // Voprosy filosofii. 1969. No. 9. P. 88–98.
6. Gamkrelidce T. V., Ivanov V. V. Indoevropejskij jazyk i indoevropejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologicheskij analiz prajazyka i protokul'tury. Part 2. (Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and protoculture). Tbilisi: publishing house of Tbilisi state University, 1984, P. 440–1328.
7. Gasparov M. L. Pojezija Pindara (Pindar's Poetry) // Vestnik drevnej istorii. 1973. No. 2. P. 211–219.
8. Goran V. P. Neobhodimost' i sluchajnost' v filosofii Demokrita. (Necessity and chance in the philosophy of Democritus). Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 1984. 208 p.
9. Goran V. P. Drevnegrecheskaja mifologema sud'by. (The ancient Greek myth of destiny). Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 1990. 335 p.

10. Goran V. P. Ideja sud'by i. problema kategorij neobhodimosti i sluchajnosti v rannegrecheskoj filosofii (The idea of fate and the problem of categories of necessity and chance in early Greek philosophy): thesis. Saint Petersburg, 1991. 28 p.
11. Losev A. F. Gomer (Homer). Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 400 p.
12. Levkievskaja E. E. Mify russkogo naroda. (Myths of the Russian people). Moscow: Astrel, ACT Publ., 2000. 528 p.
13. Mal'cev G. V. Kul'turnye tradicii prava. (Cultural traditions of law). Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2018. 608 p.
14. Semenova M. Byt i verovanija drevnih slavjan. (Life and beliefs of the ancient Slavs). St. Petersburg: Azbuka-classic Publ., 2001. 560 p.
15. Solov'ev B. C. Literaturnaja kritika (Literary criticism) Moscow: Sovremennik Publ., 1990. 421 p.
16. Chanyshev A. N. Jegejskaja predfilosofija. (Aegean pre-philosophy). Moscow: MSU publishing house, 1970. 240 p.
17. Shmelev A. D. Russkaja jazykovaja model' mira. (Russian language model of the world). Moscow: Languages of Slavic culture publ., 2002. 224 p.
18. NKRY: Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. (National corpus of Russian language). Available at: http://www.ruscorpora.ru (Accessed: 21.01.2022).
19. SAR–1: Slovar' Akademii Rossijskoj. (Dictionary of The Russian Academy of Sciences). Vol. 1–5. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1789–1794.
20. SAR–2: Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj. (Dictionary of the Russian Academy of Sciences, in alphabetical order). Vol. 1–6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1806–1822.
21. Sl. Sokolova: Sokolov P. Obshhij cerkovno-slavjano-rossijskij slovar', ili Sobranie rechenij kak otechestvennyh, tak i inostrannyh, v cerkovno-slavjanskom i rossijskom narechijah upotrebljaemyh. (General Church-Slavonic-Russian dictionary, or Collection of speeches both domestic and foreign, in Church-Slavonic and Russian dialects used). Vol. 1–2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1834.
22. Sl. 1847 g.: Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Akademii nauk. (Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Academy of Sciences). Vol. 1–4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1847.
23. Sl. Dalja: Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka v 4 t. (Explanatory dictionary of the living great Russian language in 4 vol.). Moscow: Progress Univers Publ., 1994.
24. Sl. Tollja: Toll' F.G., Zotov V.R. (red.) Nastol'nyj slovar' dlja spravok po vsem otrasljam znanija (spravochnyj jenciklopedicheskij leksikon). (Desktop dictionary for reference in all branches of knowledge (reference encyclopedic lexicon)). St. Petersburg: edition by F. G. Toll. Bezobrazov's printing house and Comp., 1866. Vol. 3. 1179 p.

Сведения об авторе

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного институту Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: violetta-sgy@mail.ru

Information about the author

Gryaznova Violetta – Doctor of Science (Philology), Professor, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University; e-mail: violetta-sgy@mail.ru

CC BY

УДК 811.161.1

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.19

Е. Н. Зубкова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПТИЦЫ» КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА[1]

В статье описан фрагмент русской языковой картины мира «Фантастические птицы», представленный одноименной лексико-семантической группой (ЛСГ), с точки зрения парадигматики, семантики и лингвокультурной специфики.

Цель настоящей статьи – проанализировать структурные и семантические связи номинаций типичных фантастических птиц, входящих в русском языке в лексико-семантическую группу «Фантастические птицы», и специфику полевой организации указанной ЛСГ в русском языке.

Актуальным является произведенный в рамках исследования компонентный и контекстный анализ экспликации семного состава содержания рассматриваемых лексем в русской лингвокультуре. Принципиально новым в работе представляется анализ парадигматических связей и однотипных изменений семантической структуры относящихся к ЛСГ «Фантастические птицы» заимствованных и русских номинаций, значения которых соответственно приобретают или актуализируют национальную специфику русской лингвокультуры.

В статье сделан вывод о том, что в русской лингвокультуре исходное мифологическое значение исследуемых номинаций трансформировалось в значение ‘фантастическая птица’, которое постепенно утрачивает связь с мифологией и приобретает значимые для носителей русского языка параметры характеристики, объем и степень выраженности которых связаны с расположением лексем в полевой структуре лексико-семантической группы «Фантастические птицы».

На основе контекстов бытования лексем, полученных с помощью метода сплошной выборки при работе с Национальным корпусом русского языка, автором установлено, что для русского языка характерно развитие на базе исследуемых номинаций имен собственных, являющихся словами-омонимами по отношению к данным лексемам, появление в структуре значения номинаций этноспецифичных сем, контаминация значений некоторых слов, образование на основе прямого значения изучаемых лексем однотипных видов когнитивной метафоры, отражающей сходство, смежность и ассоциативные связи области-цели и области-источника.

Материалы исследования получены в ходе работы с русскими словарями разных типов (энциклопедическими, мифологическими, этнолингвистическими, этимологическими, историческими, толковыми, словарями иностранных слов) и Национальным корпусом русского языка и охватывают период середины XI – начала XXI вв.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, семантическое поле, лексическое значение, номинации фантастических птиц, семантические процессы.

Для цитирования: Зубкова Е. Н. Лексико-семантическая группа «Фантастические птицы» как фрагмент русской языковой картины мира // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 152–158. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.19

Elena N. Zubkova

LEXICO-SEMANTIC GROUP «FANTASTIC BIRDS» AS A FRAGMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD[1]

The article describes a fragment of the Russian language picture of the world «Fantastic birds», represented by the lexico-semantic group of the same name, from the point of view of paradigmatics, semantics and linguocultural specificity.

The purpose of this article is to analyze the structural and semantic connections of the typical nominations of fantastic birds included in the lexico-semantic group «Fantastic birds» in the Russian language, and the specifics of the field organization of the lexico-semantic in Russian language.

The component and context analysis of the explication of the semantic composition of the content of the lexemes under consideration in the Russian linguoculture is actual. The analysis of paradigmatic connections and similar changes in the semantic structure of the borrowed and Russian nominations related to the lexico-semantic group “Fantastic Birds”, the meanings of which respectively get or actualize the Russian linguoculture national specifics, is fundamentally new in the article.

The article concludes that the original mythological meaning of the nominations has transformed into the meaning of ‘fantastic bird’, which gradually loses its connection with mythology and acquires characteristic parameters that are significant for Russian speakers, the volume and degree of expression of which is associated with the location of lexemes in the field structure of the lexico-semantic group «Fantastic birds» in the Russian linguoculture.

Based on the contexts of existence of lexeme which were obtained using the sampling method through the National Corps of the Russian language, the author found that the Russian language is characterized by the

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90001.
The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-312-90001.

development on the basis of the studied nominations of proper names, which are homonymous words in relation to these lexemes, the appearance of ethnospecific semes in the meaning structure of the nominations, contamination of the meanings of some words, the formation of the same type of cognitive metaphor based on the direct meaning of the lexemes, reflecting the similarity, contiguity and associative connections between the target area and the source area in the Russian language.

The research materials were obtained during the work with different types of Russian dictionaries (encyclopedic, mythological, ethnolinguistic, etymological, historical, explanatory, dictionaries of foreign words) and the National Corps of the Russian language and cover the period from the 11th to the 21st centuries.

Key words: lexico-semantic group, semantic field, lexical meaning, nominations of fantastic birds, semantic processes.

For citation: Zubkova E. Lexico-semantic group «fantastic birds» as a fragment of the russian language picture of the world // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 152–158. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.19

Мифологическое мышление представляет собой «творение в воображении или с помощью воображения иной действительности – субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определенных («священных») установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения» [5, с.15]. Мифологическое мышление, составляющее древнейшую неотъемлемую часть сознания и воплощаемое в мифологию, является важной частью национальной картины мира, отражающей реальность через языковое сознание этнического коллектива. Русская языковая картина мира, как и любая национальная, содержит элементы мифологического мышления.

С. М. Толстая подчеркивает, что сам факт именования предмета действительности является отражением картины мира [10, с.195]. Важно отметить, что признак, составляющий основу номинации, может быть не только не существенным, случайным, но даже нереальным. В каждом языке представлены, например, наименования предметов, реально не существующих, но имеющих место в языковом сознании в виде определенной мифологии. Так, неразделенность в ней реально существующего и сверхъестественного мира привела, в том числе, к появлению в русской лингвокультуре образов фантастических птиц.

БАС приводит следующее толкование значения лексемы ***фантастический***: «1. Являющийся плодом фантазии, воображения. <…> || Созданный творческой фантазией; сказочный, волшебный, такой, какого не может быть в действительности. <…>. || Включающий фантастику, сказочное, волшебное начало. <…>. || Не существующий в действительности, выдуманный, воображаемый. <…>» [8, с. 1250–1251]. С опорой на приведенное определение и данные этнолингвистического словаря «Славянские древности» [7, с. 345], под фантастическими птицами мы будем понимать группу животных персонажей, ранее относящихся к совокупности мифов какого-либо народа и полностью или частично утративших эту связь, а в настоящее время являющихся плодом фантазии народной культуры и не существующих в реальной действительности, которые отличаются способностью летать и неспособностью ползать.

Данная статья ставит своей целью проанализировать структурные и семантические связи типичных номинаций фантастических птиц (***алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, жар-птица, семаргл, сирена, сирин, стратим, феникс, финист***), входящих в русском языке в лексико-семантическую группу «Фантастические птицы».

Материалы исследования, охватывающие XI–н. XXI вв., получены в ходе работы с дефинициями, извлеченными из русских словарей разного типа (энциклопедических, мифологических, этнолингвистических, этимологических, исторических, современных толковых словарей и словарей иностранных слов), и данными Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка[1] (цитирование опирается на материалы НКРЯ).

Ведущими в работе являются следующие методы исследования: общенаучные теоретические методы (метод наблюдения, описания, обобщения), метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа значения слова при работе с лексикографическими источниками, метод сплошной выборки при работе с НКРЯ для отбора материала исследования, метод контекстного анализа смыслов лексемы при работе с контекстами бытования лексем.

Межсловную парадигматику составляет совокупность парадигматических отношений, которыми слова, как самостоятельные единицы лексической системы, связаны между собой в их номинативной функции. «Парадигматические связи слов основываются на том, что в значениях разных слов присутствуют одни и те же компоненты. Наличие общих сем, их повторяемость в семемах разных слов и делает соответствующие слова парадигматически соотнесенными по смыслу» [3, с. 32].

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – большая группа слов одной части речи, объединенная одним словом (идентификатором или устойчивым словосочетанием), значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и способно заменять их в некоторых контекстах [4, с. 95–96].

1 Прим.: Далее – НКРЯ.

Э. В. Кузнецова выделяет следующие лингвистические характеристики, которыми обладают слова, входящие в одну ЛСГ: 1) наличие в значениях данных слов единой категориально-лексической семы, которая в каждом слове уточняется с помощью дифференциальных сем; 2) иерархичность внутренней парадигматической структуры слов в пределах ЛСГ, все элементы которой привативно связаны с базовым словом или архисемой; 3) однотипности синтагматических характеристик слов; 4) регулярная многозначность [3, с. 75–81]. Ф. П. Филин отмечал: «Лексико-семантические группы слов представляют собою собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собою отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений» [11, с. 525]. Слова, которые входят в одну ЛСГ, обычно подвергаются общим семантическим процессам, например, развитию тождественные метонимических и метафорических значений.

Парадигматическая структура лексико-семантических групп часто имеет «полевой» характер. Семантическое поле – «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 99]. Слова, входящие в семантическое поле, имеют общую часть в толковании. Центр «поля» представлен наиболее употребительными, многозначными, общими по своим основным значениям словами, которые, в свою очередь, окружены более конкретными и менее употребительными лексемами. Периферию составляют специализированные по значению, редкие, стилистически маркированные слова, лексемы из смежных ЛСГ.

Мы считаем, что исследуемые номинации (***алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, жар-птица, семаргл, сирена, сирин, феникс, финист***) в своей совокупности составляют лексико-семантическую группу «Фантастические птицы» в силу следующих признаков: во-первых, они выделены из лексико-тематической группы «Птицы» по семантическому признаку ‘фантастическая птица’, во-вторых, в процессе исторического развития их семантика претерпела регулярные изменения сходного характера, в результате чего данные наименования оказались связанными между собой различными семантическими отношениями.

В состав исследуемой лексико-семантической группы входят славянские (2 номинации – ***жар-птица, семаргл***) и заимствованные лексемы (9 номинаций – ***алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, сирена, сирин, феникс, финист***).

Хронологические рамки появления данных лексем в русском языке различны. Русская по происхождению номинация жар-птица впервые была зафиксирована в «Словаре Академии Российской» 1790 г. [9, с. 38–39], но мы полагаем, на основе анализа основ ***жар***- и -***птица***, что данное слово в значении ‘(мифологическая) фантастическая птица’ в русском лексиконе появилось раньше. По данным текстов, славянская по происхождению номинация ***семаргл*** была образована в русском языке примерно в X в., при этом первую фиксацию лексемы в интересующем нас значении в словарях достоверно установить невозможно. Прямое и опосредованное заимствование остальных номинаций фантастических птиц из греческого или неустановленного языка относится к периоду X–XVIII вв.: ***алконост*** (X в.), ***сирин*** (XI в.), ***гриф*** (XII в.), ***феникс*** и ***финист*** (XIV в.), ***гамаюн*** (XVI в.), ***грифон*** (XVII в.), ***гарпия*** и ***сирена*** (I пол. XVIII в.). В русскую лингвокультуру понятия и соответствующие им номинации исследуемых фантастических птиц вошли с разной степенью глубины, о чем свидетельствуют данные словарей и текстов: ***алконост, гамаюн, жар-птица, семаргл, стратим, сирин*** и ***финист*** осознаются как обозначения фантастических птиц, относящихся к народной культуре (7 номинаций); ***гарпия, гриф, грифон, сирена*** и ***феникс*** функционирует в русской книжной лингвокультуре (5 номинаций).

Мы пришли к выводу, что ЛСГ «Фантастические птицы» тяготеет к оформлению в соответствующее лексико-семантическое поле. Ядро поля представлено гиперсемой «фантастические птицы», вербализованной словосочетанием-гиперонимом ***фантастическая птица*** с тем же обобщенным родовым значением.

Центр поля занимают родовые семантические компоненты, которые вербализованы лексемами искусственного характера с собирательным значением, обозначающими типы фантастических птиц: ***собственно птица*** (‘птица, не имеющая внешних признаков других живых существ’), ***птица-зверь*** (‘птица, имеющая внешние признаки зверя, неспособного к полету’), ***птица-человек*** (‘птица, имеющая внешние признаки женщины’), ***птица-зверь-человек*** (‘птица, имеющая внешние признаки зверя, неспособного к полету, и женщины’). Периферию занимают слова с видовыми конкретными по отношению к центру значениями, которые именуют членов видовых групп фантастических птиц. Например, ***жар-птица, стратим, феникс, финист*** как члены видовой группы ***собственно птица.***

По структуре лексическое поле ***«Фантастические птицы»*** состоит из существительных (15 элементов – ***птица-зверь, птица-человек, птица-зверь-человек, алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, жар-птица, семаргл,***

сирена, сирин, стратим, феникс, финист) и именных словосочетаний (2 элемента – ***фантастическая птица, собственно птица***).

По структурно-семантическому типу «Фантастические птицы» – это синкретичное поле, где каждый фрагмент поля – это гиперо-гипонимическая парадигма. Так, словосочетание ***фантастическая птица*** является гиперонимом-1 по отношению к словосочетаниям или словам центра ***собственно птица, птица-зверь, птица-человек, птица-зверь-человек***, которые являются его гипонимами. В свою очередь, слова или словосочетания ***собственно птица, птица-зверь, птица-человек, птица-зверь-человек*** являются гиперонимами-2 по отношению к словам периферии; а именно: собственно птица > ***жар-птица, стратим, феникс, финист;*** птица-зверь > ***гриф, семаргл;*** птица-человек > ***алконост, гамаюн, гарпия, сирена, сирин;*** птица-зверь-человек > ***грифон***. Периферийная сфера данной ЛСГ в целом гипонимична к словам центра, в силу этого может быть выстроена гиперо-гипонимическая парадигма каждого фрагмента поля.

Каждая из гиперо-гипонимических парадигм в свою очередь имеет внутренне семантическое устройство. Так, в ядерной части фрагмента ***фантастическая птица > собственно птица*** имеется антонимическая парадигма с интегральным признаком ‘различие по гендеру’: ***жар-птица*** (женский) – ***феникс, финист*** (мужской). Аналогично: ***гриф*** (женский) – ***семаргл*** (мужской) во фрагменте ***фантастическая птица > птица-зверь.*** В периферийной части изучаемой ЛСГ имеется антонимическая парадигма с интегральным признаком ‘различие по культуре-источнику’: ***сирена*** (заимствованная) – ***семаргл*** (русская).

Понятия и значения исследуемых номинаций фантастических птиц базируются на славянских, греческих или восточных этиологических, солярных, тотемических мифах или мифах о культурных героях и обнаруживают такие базовые семантические оппозиции, как: *чистый / нечистый, мужской / женский, земля / море, верх/ низ, запад / восток, жизнь / смерть.*

В структуре значения исследуемых наименований значительно выражен антропоцентрический компонент, проявляющийся в антропоморфизме, телеологичности и генеалогическом аспекте восприятия мира, возможности общения с данными природными объектами и акцентирующий четыре системы из восьми составляющих «системы человека», выделенных Ю. Д. Апресяном [1, с. 39–40], а именно: физическое восприятие (птица воспринимается зрением или слухом – ***алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, жар-птица, семаргл, сирена, сирин, феникс, финист*** (11 номинаций)), физические действия и деятельность (птица выступает субъектом или объектом действия – ***алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, жар-птица, семаргл, сирена, сирин, стратим, феникс, финист*** (12 номинаций)), речь (птица способна общаться с человеком посредством голоса и сообщать ему новую информацию – ***алконост, гамаюн, гриф, сирена, сирин*** (5 номинаций)), мышление и интеллектуальная деятельность (птица обладает всеобъемлющим знанием – ***гамаюн, гриф*** (2 номинации)).

Изученные номинации тяготеют к сохранению или приобретению феминности (10 номинаций, кроме номинаций ***семаргл*** и ***финист***) в основном за счет ее внешнего проявления. При этом большинство лексем (9 номинаций), кроме слов ***гарпия, жар-птица*** и ***сирена*** (образы которых характеризуются однозначной феминностью), имеют в русском языке мужской грамматический род и маскулинный звуковой символизм.

С точки зрения внешности большинство птиц (9 номинаций), кроме ***жар-птицы, феникса*** (только птицы) и ***финиста*** (птица, способная превращаться в мужчину), представляют собой объединение разных видов живых существ – птицы и женщины (5 либо 6 с учетом данных НКРЯ номинаций – ***алконост, гамаюн, гарпия, сирена, сирин*** (в НКРЯ и феникс)), птицы и зверя (2 либо 3 с учетом данных НКРЯ номинации – ***гриф, семаргл*** (в НКРЯ и грифон)), птицы, женщины и зверя (1 номинация – ***грифон***). О внешности стратима ничего не сказано ни в словарях, ни в текстах, извлеченных из НКРЯ.

Фантастические птицы могут обитать в следующих локусах: 1) в не существующем в реальности месте (6 птиц) – иной мир, рай, подземный мир, 2) в существующем в реальности месте (9 птиц) – конкретной стороне света (восток, запад, север), конкретном пространстве (море, пустыня, горы), неопределенной, но ограниченной территории (неведомая, далекая страна). В русском сознании данная категория фантастических персонажей с точки зрения локализации чаще всего является морской (6 номинаций) или обитающей в иной мире (в т.ч. райской) (6 номинаций).

Изученные лексемы, входящие в ЛСГ «Фантастические птицы», выполняют две, реже три семантические роли:

1) носитель признака (12 номинаций): данная семантика реализуется в лексической сочетаемости с прилагательными, называющими внешние качества и внутренние антропоморфные свойства, глаголами бытия, обладания, фазовыми, связей и отношений, именования (например, ***сирин*** как мифическая птица, ***жар-птица*** как имеющая красную, золотую окраску птица);
2) объект (12 номинаций): данная семантика реализуется в лексической сочетаемости с глаголами активного действия, деятельности,

состояния, деятельностного состояния при одновременной вербализации субъекта поиска, обычно выраженного лексемами, называющими человека или божественное существо (например, ***феникс*** как являющийся тем, кого сжигают, ***жар-птица*** как являющаяся средством перемещения по воздуху);

3) субъект (5 номинаций): данная семантика реализуется в лексической сочетаемости с глаголами бытия, обладания, активного действия, деятельности, деятельностного состояния (например, ***сирин*** как управляющая стихией птицей, ***жар-птица*** как похищающая чужую собственность птица).

Доминантными номинациями исследуемой ЛСГ являются лексемы ***жар-птица*** и ***феникс***. Отнесенность этих номинаций к центру лексико-семантического поля (ЛСП) «Фантастические птицы» подтверждается следующим: 1) в исследуемых нами словарях наибольшее количество дефиниций характерно для указанных лексем – соответственно 20 и 22; 2) в исследуемых нами словарях выявлено значительное количество групп семантических компонентов, составляющих структуру значения номинаций, из которых около трети входит в группу наиболее частотных для всего данного ЛСП – соответственно 17 и 15 групп; 3) в НКРЯ они представлены в значительном количестве документов – соответственно в 282 и 374; 4) в документах, представленных в НКРЯ, выявлено значительное количество групп языковых, узуальных и окказиональных семантических компонентов, из которых почти половина входит в группу наиболее частотных для данного ЛСП – соответственно 23 и 19 групп; 5) в НКРЯ для каждой лексемы выявлено значительное количество вариантов метафорического переноса – соответственно 24 и 7.

Для лексем, входящих в изучаемую ЛСГ, характерен ряд общих семантических процессов. Так, содержание номинаций подверглась процессам деэкзотизации (для заимствованных лексем), расширению смыслового диапазона, контаминации, метафорическому, метонимическому и ассоциативному переносам.

Полагаем, что исследуемые номинации в русском языке так и не перешли полностью из разряда собственных имен в нарицательные, то есть находятся в переходной зоне. Так, в дефинициях толковых словарей форма множественного числа указана только для лексемы ***жар-птица*** (в 1 словаре). Для остальных номинаций в толковых словарях дается исключительно форма единственного числа (***алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, семаргл, сирена, сирин, стратим, феникс, финист***), потому что носитель языка, как правило, обозначает названными лексемами индивидуальные объекты. О нахождении номинаций в переходной зоне (имя собственное / нарицательное) свидетельствует и авторское использование прописной буквы в контекстах бытования лексем, хотя в большинстве текстов названные лексемы пишутся со строчной буквы.

Одним из показателей ментализации в русской лингвокультуре нарицательных для современного русского языка заимствованных номинации фантастических птиц являются многочисленные случаи возникновения на их базе имен собственных, являющихся словами-омонимами по отношению к данным лексемам, в частности:

1) антропонимов (*«Я император птиц! – восклицал он. – Князь **Алконост**, хан **Гамаюн**, непокоренный Буревятник!* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)» [6]);
2) зоонимов (*«И совсем уж ослепительно: полицейский кучер Трофим, уводящий со двора казенных лошадей – Забаву и **Грифона*** [Л. Юзефович. Костюм Арлекина (2001)]» [6]);
3) фитонимов (*«ПЕРЕЦ ОСТРЫЙ: Венгерский желтый, Фок. 2.5 р. **Феникс**. 3 р. <…>* [Урожайная грядка (2003) // «Сельская новь», 2003.10.07]» [6]);
4) эргонимов (*«Содержание этого доклада теперь всем известно, потому что в 1919 году «**Алконост**» издал его вместе с другими статьями Блока отдельной книжкой* [Г. И. Чулков. Годы странствий (1930)]» [6]):
5) топонимов («*Неопасным был камень **Гамаюн** (Гамаюченский, Гамаюнский) на левом береге* [А. Иванов. Message: Чусовая. Части 1–3 (2007)]» [6]);
6) ктематонимов (*«В большую дорожную сумку я бросил все наши деньги, аптечку, свой раухер, блок памяти от «**Алконоста**» Якова и, наконец, ББГ-камеру* [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)]» [6]).

Это наименования произведений духовной культуры и их учреждений (издательств, проектов, интеллектуальных сообществ), предметов материальной культуры и связанных с ними учреждений (финансовых организаций, кафе, казино, вилл, космических станций, приборов), клички животный, прозвища, титулы и псевдонимы людей, названия географических объектов. В большинстве из них основания для переноса стерлись, и переход нарицательного существительного в собственное имя осуществлен полностью.

Расширение смыслового диапазона реализуется, в том числе, за счет приобретения лексемами, входящими в ЛСГ «Фантастические птицы», следующих этноспецифичных сем: ‘сказочная’, ‘русская’, ‘имеющая женское лицо и тело (грудь)’, ‘имеющая красные и золотые (огненные) перья’, ‘имеющая прекрасную внешность’, ‘управляющая стихией’, ‘имеющая чудесный голос’, ‘вещая’, ‘быстрая’, ‘приносящая гибель’, ‘находящаяся около моря’, ‘находящаяся в не существующем в реальности месте’, ‘находящаяся в неведомой / далекой стране’.

Среди исследуемых нами номинаций фантастических птиц были выявлены такие согипонимы, реализующие классические отношения несовместимости, которые в определенных контекстах могут выступать как синонимы, в результате контаминации, влияния на семантику и грамматику друг друга.

Так, этимологическая близость номинаций ***сирена*** и ***сирин***, по-видимому, мало ощущается носителями русского языка, так как в структуре значения лексем актуализируются разные части греческого мифа: коварство привлекательной женщины-птицы, находящейся около моря (***сирена***) и чудесный вид и способности птицы-женщины, находящейся в не существующем в реальности месте (***сирин***). Кроме того, в семантическую структуру лексемы сирин в результате ментализации проникли элементы славянского мифа о другой птице (‘русская’, ‘живущая в дупле’, ‘являющаяся ночной птицей’), которые трудно связать с общим и для лексемы ***сирена*** греческим мифом.

С другой стороны этимологическая близость номинаций ***гриф*** и ***грифон*** сильнее ощущается носителями русского языка, вероятно, благодаря схожести орфографо-графической формы лексем, хотя в структуре значения номинации также актуализируются разные части греческого мифа: способность птицы, находящейся около моря, знать все и передавать это знание (***гриф***) и способность птицы, находящейся в не существующем в реальности месте, исчезать (погибать) и появляться (оживать) и становится прирученной (***грифон***). Более позднее заимствование ***грифон*** часто объясняется словарями через лексему ***гриф***.

В значительной степени носителями русского языка ощущается семантическая близость номинаций ***алконост, гамаюн*** и ***сирин***. Указанные лексемы подверглись семантическому сближению (особенно тесному для алконоста и сирина) и объединились в отдельную часть фрагмента русской языковой картины мира «Фантастические птицы», о чем свидетельствуют появление в структуре значения данных номинаций комплекса идентичных семантических компонентов (8 сем – для всех трех номинаций, по 9 – для ***алконоста*** и ***гамаюна***, ***гамаюна*** и ***сирина***, 12 – для ***алконоста*** и ***сирина***) и ряда заимствованных сем (3 семы – для лексемы ***алконост***, 1 сема – для ***гамаюна***).

Для исследуемых номинаций, входящих в ЛСГ «Фантастические птицы», характерно образование однотипных видов когнитивной метафоры, отражающей сходство, смежность и ассоциативные связи области-цели и области-источника. Так, для исследуемых номинаций характерно образование контекстных метафор, отражающих сходство области-цели и области-источника, по двум моделям: НЕКТО ЕСТЬ НЕКТО-1 (***гарпия, гриф, жар-птица, сирена, феникс*** – 19 вариантов) и НЕКТО ЕСТЬ НЕЧТО (***гарпия, гриф***, ***грифон, жар-птица, сирена, сирин, феникс*** – 29 вариантов). Областью-целью в данных переносных значениях являются человек, совокупность людей, вид животного (11 вариантов для первой модели), абстрактное понятие, конкретный предмет (14 вариантов для второй модели).

Согласно данным НКРЯ, образование контекстных метонимий для исследуемых номинаций осуществляется также по двум моделям: НЕЧТО ЕСТЬ НЕЧТО-1 (***алконост, гамаюн, гриф, жар-птица, феникс, финист*** – 9 вариантов) и НЕЧТО ЕСТЬ НЕКТО (***гриф, жар-птица*** – 2 варианта). Областью-целью в данных переносных значениях являются прозвище человека, изображение птицы, картина, фильм, сборник, журнал (7 вариантов для первой модели), авторы (1 вариант для второй модели).

Образование ассоциаций, согласно данным НКРЯ, менее характерно для исследуемых номинаций и возможно только по модели НЕЧТО ЕСТЬ НЕЧТО-1 (***сирин, феникс*** – 3 варианта). Областью-целью в данных переносных значениях являются псевдоним и прозвище человека.

Заключение. В значении всех номинаций, как славянских, так и заимствованных, входящих в лексико-семантическую группу «Фантастические птицы», актуализируются значимые для носителей языка параметры характеристики номинаций фантастических птиц и утрачиваются те, что были тесно связаны с исходной этноспецифической мифологией и не смогли найти подкрепление в русском языковом сознании. Образование у номинаций однотипных видов когнитивной метафоры, отражающей сходство, смежность и ассоциативные связи области-цели и области-источника, основывается как на возвращении к остаточным мифологическим компонентам (антропоморфичность, одушевленность, черты внешнего облика) в семантической структуре значения лексем, так и на превращении содержания номинаций птиц в иллюстрацию некого понятия (внутреннего качества), абстрактной идеи.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37– 67.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 215 с.
4. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2010. 171 с.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (Дата обращения: 07.07.2020).
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 4: Переправа через воду – Сито. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 16. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1964. 1612 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 4. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 1364 с.
10. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 200666668. 528 с.
11. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.

References

1. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija (The image of a person according to the language: an attempt of the system description) // Voprosy jazykoznanija. 1995. No. 1. P. 37– 67. (In Russian).
2. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika (Linguistic semantics). Moscow: Editorial URSS, 2000. 350 p. (In Russian).
3. Kuznetsova E. V. Leksikologiya russkogo yazyka (Lexicology of the Russian language). Moscow: High School publ., 1989. 215 p. (In Russian).
4. Leksicheskaya sistema yazyka: vnutrennyaya organizatsiya, kategorial'nyi apparat i priemy opisaniya (Lexical system of language: internal organization, categorical apparatus and methods of description). Moscow: URSS, 2010. 171 p. (In Russian).
5. Makovskii M. M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeiskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov (Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: The image of the world and the worlds of images). Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. 416 p. (In Russian).
6. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (The National Corps of the Russian language) URL: http://www.ruscorpora.ru (Accessed: 07.07.2020). (In Russian).
7. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' (Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary): V 5-ti tomakh / ed by N.I. Tolstoy. Vol. 4: Pereprava cherez vodu – Sito. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. 656 p. (In Russian).
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (Dictionary of the modern Russian literary language). In 17 vol. Vol. 16. Moscow–Leningrad: SA of USSR publ., 1964. 1612 p. (In Russian).
9. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (Dictionary of the modern Russian literary language). In 17 vol. Vol. 4. Moscow–Leningrad: SA of USSR publ., 1955. 1364 p. (In Russian).
10. Tolstaya S.M. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoi perspective (Space of the word. Lexical semantics in the general Slavic perspective). Moscow: Indrik, 2008. 528 p. (In Russian).
11. Filin F. P. Ocherki po teorii yazykoznaniya (Essays on the theory of linguistics). Moscow: Nauka, 1982. 336 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Зубкова Елена Николаевна – аспирант кафедры русского языка, гуманитарного институту Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: helen_zubkova@mail.ru

Information about the author

Zubkova Elena N. – postgraduate student, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University; e-mail: helen_zubkova@mail.ru

CC BY

УДК 81’42

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.20

Е. Э. Уланова

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА В СИТУАЦИИ ПЕРЕВОДА

Исследование феномена языковой личности (ЯЛ) актуально в современном научном мире поскольку объект исследования – человек – находится в центре лингвистической парадигмы. Исследование языковой личности синхронного переводчика необычайно интересно поскольку способствует самопознанию и самосовершенствованию. Языковое и коммуникативное сознание человека в ситуации перевода позволяет расширять рамки восприятия мира, знания о проявлениях языковых и неязыковых явлениях. В статье описывается концепция ЯЛ, разработанная Ю. Н. Карауловым, которая представляется нам достаточно разработанной для целей настоящего исследования. Актуальность настоящей статьи заключается в непосредственном рассмотрении ЯЛ с позиции антропоцентрической лингвистики, позволяющие анализировать деятельность переводчика непосредственно в ситуации перевода с учётом «незамечаемого фона», в котором реализуются дискурсивные проявления и создаются новые смыслы. Результатом наблюдения стало создание карты взаимодействия ЯЛ, а также лингвистическое описание языковых единиц и структур в том виде, в котором они присутствуют в сознании субъекта ЯЛ. После проведения анализа текстов-интервью двух синхронных переводчиков были выявлены и описаны особенности репрезентации ЯЛ с позиции лингвистических и экстралингвистических факторов. Практическая ценность представленного исследования заключается в описании отдельных фрагментов адекватного и неадекватного перевода, специфики речевого поведения синхронистов, использованных переводческих приёмов и решений. В целом, анализ показал устойчиво объективные результаты, отражающие действительные проявления ЯЛ синхронного переводчика.

Ключевые слова: языковая личность, синхронный перевод, языковое сознание, коммуникативное сознание, когнитивный анализ, профессиональная идентичность.

Для цитирования: Уланова Е. Э. Исследование языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 159–166. DOI. 10.37493/2409-1030.2022.1.20

Ekaterina E. Ulanova

STUDY OF LANGUAGE PERSONALITY OF A CONFERENCE INTERPRETER IN A MOMENT OF INTERPRETATION

The study of the phenomenon of linguistic personality (LP) is currently central in the modern field of linguistic science since the object of the research - a human being - is at the center of the linguistic paradigm. The study of LP of a conference interpreter is extremely challenging as it contributes to self-knowledge and self-improvement. Studying linguistic and communicative consciousness of a person in a moment of interpreting allows expanding the framework of the perception of the world, knowledge about the manifestations of linguistic and non-linguistic phenomena. The paper describes the concept of LP, sufficiently developed by Yu.N. Karaulov, which seems representative for the purposes of the above. The urgency of the research lies in the direct consideration of LP from the standpoint of anthropocentric linguistics, viewing the interpreter’s activities directly in the heat moment of the situation, taking into account nonliguistic «unnoticed background» of discursive representations and new meanings of the context. The result of the overview of the analysis was the creation of a LP map of interaction, as well as a linguistic description of linguistic units and structures in the form in which they are present in the consciousness of the LP subject. After analyzing two text-interviews of conference interpreters, we identified and described features of the representation of LP. The practical advantages of the presented research describe individual fragments of adequate and inadequate translation choice, specifics of interpreters’ speech behavior, and the translation techniques and approaches used. In general, the analysis showed consistently objective results reflecting the actual manifestations of the LP of a simultaneous interpreter.

Key words: linguistic personality, conference interpretation, linguistic consciousness, communicative consciousness, cognitive analysis, professional identity.

For citation: Ulanova E. Study of language personality of a conference interpreter in a moment of interpretation // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 159–166. DOI. 10.37493/2409-1030.2022.1.20

Феномен языковой личности (далее по тексту – ЯЛ) традиционно изучается с разных позиций: как индивид, автор текста, носитель определенной культуры, вплоть до исследований ЯЛ менталитета нации. Общеизвестно, что компонент ЯЛ является центральным в дискурс-анализе. «Языковая личность – вот та сквозная идея, которая пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека» [1, с. 3].

Идея познания ЯЛ синхронного переводчика интересует нас, в первую очередь, с точки зрения самопознания и самосовершенствования.

По мнению В.В. Катерминой, идея ЯЛ пронизывает все аспекты изучения языка [2]. Изучая проблему индивидуального в языке, нам представляется важным исследование проявления ЯЛ синхронных переводчиков ввиду интереса к анализу ЯЛ, чьи знания и опыт основываются на нескольких картинах мира.

Теория ЯЛ, разработанная Ю.Н. Карауловым, является отправной точкой нашего исследования ЯЛ синхронного переводчика. По Ю.Н. Карауловым, под ЯЛ понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [3, с. 154]. Мы склонны рассматривать данный феномен с позиций антропоцентрической лингвистики, обусловливающей анализ деятельности переводчика непосредственно в момент синхронного перевода.

Мы разделяем мнение В.В. Сдобникова о динамичности переводческого события: «это всегда некий процесс или совокупность процессов, движение, развертывание событий частного порядка во времени» [7, 102]. Одним из важнейших вопросов при изучении ЯЛ синхронного переводчика в ситуации переводческого события является механизм взаимодействия ЯЛ языка источника и ЯЛ языка перевода в сознании переводчика с учётом контекста ситуации перевода. Подобную схему взаимодействия можно наглядно представить в виде составленной нами схемы:

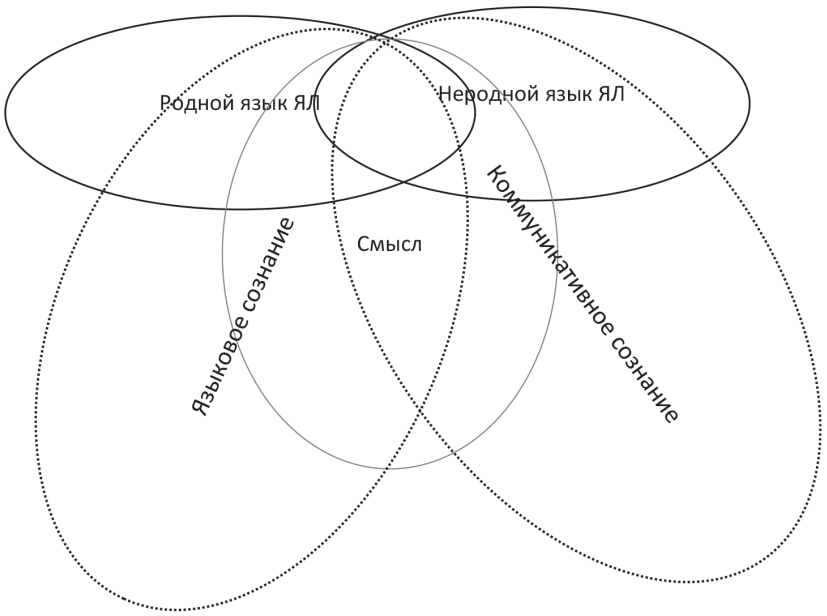

Рисунок 1. Карта взаимодействия языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода / Figure 1. Interaction map of the linguistic personality of a simultaneous interpreter in a translation situation.

ЯЛ синхронного переводчика регулируется, как мы считаем, жизненным и социальным опытом с учетом особенностей речевого поведения, характерного для определенной (-ых) картины мира. Принимая во внимание концепцию ЯЛ Ю.Н. Караулова, мы сопоставляем трехуровневую модель с картой взаимодействия ЯЛ синхронного переводчика. Соответственно, вербально-семантический уровень выражается через языковое сознание переводчика, коммуникативное сознание – через лингвокогнитивный уровень, а выражение смысла представляет собой самый высший, мотивационный, уровень иерархии ЯЛ.

В этой связи рассмотрение вербально-семантической составляющей структуры ЯЛ подразумевает скрупулёзный анализ и лингвистическое описание значений и употреблений языковых единиц, языковых структур в том виде, в котором они присутствуют в сознании субъекта ЯЛ, а также позволяет выявить характер их взаимодействия.

Изучение лингвокогнитивной составляющей, по мнению Т.С. Серовой, тесно связано с тезаурусом конкретной ЯЛ переводчика и во многом определяется национальной картиной мира [6]. В своем исследовании мы придерживаемся

когнитивного подхода к анализу проявлений ЯЛ синхронного переводчика [1]. Данный подход, в противопоставление анализу индивидуальных составляющих, позволяет рассматривать каждый из уровней ЯЛ с перспективы конкретной ситуации перевода и принадлежности ЯЛ переводчика к мультиязычной картине мира.

При детальном рассмотрении формы реализации ЯЛ синхронного переводчика мы сталкиваемся с рядом трудностей. Во-первых, сложность анализа обусловлена трудностью общей объективной оценки синхронного перевода. На сегодняшний день только начинают разрабатываться механизмы оценки синхронного перевода, которые будут учитывать индексы скорости, точности и выразительности подачи перевода [9].

Во-вторых, объективно исследовать сущность ЯЛ синхронного переводчика представляется крайне проблематично в связи с «отзеркаливанием» невербалики говорящего. Из теории коммуникации общеизвестно, что более 80% информации передаётся невербально. Часто синхронные переводчики стараются подхватить волну говорящего и передавать не только вербальную информацию, но и мимику, интонации.

В-третьих, мы предлагаем рассматривать ЯЛ синхронного переводчика как профессиональную идентичность, которая неотделима от идентификационной матрицы индивида. Изучение ЯЛ синхронного переводчика взаимообусловлено с процессом становления профессиональной языковой личности (далее – ПЯЛ, термин А. Ю. Багиян, Т. А. Ширяевой) [10]. Наше понимание взаимообусловленности объясняется тем, что ЯЛ синхронного переводчика включает в себя определённый набор характеристик, присущих данной профессии, которые формируются на протяжении развития профессиональной компетенции.

С целью познания структуры ЯЛ переводчика, мы используем метод конструирования, который предполагает анализ «незамечаемого фона» (термин Е. С. Гриценко) ЯЛ, включающий, с одной стороны, дискурсивные проявления различных разделов языка, а с другой – создание новых смыслов. Таким образом, в центре нашего внимания оказывается форма реализации ЯЛ переводчика.

В результате проведения дискурс-анализа двух переводов возникла очевидная разница в проявлении двух ЯЛ синхропереводчиков как с позиции лингвистических факторов, так и с позиции экстралингвистических факторов. Целью нашей статьи стало описание и объяснение лингвистического и экстралингвистического компонента ЯЛ переводчиков, анализ отдельных фрагментов перевода и объяснение неадекватных вариантов перевода.

Рассмотрим особенности вариантов перевода двух кабин с точки зрения передачи смысла:

Таблица 1 / Table 1

№	Оригинал	Кабина 1	Кабина 2
1	[00:00:35:06] **Interviewer:** Your predecessor **used to talk** often about finishing the day to get to **his family upstairs the stairwell, which is right over here** to have dinner with them. And I know that **the first lady, Melania,** has a **big job** back in New York taking care of. Does it make it a lonely place for you at the end of the day?	[00:00:38:21] Президенты часто **говорят** о том что в конце рабочего дня они отправляются в **соседние помещения** к семье на ужин. Я знаю, что ваша жена **первая леди Мелани** работает в Нью-Йорке очень активно. Вам не одиноко в Белом доме?	[00:00:35:08] Семья родственники которые ждут за дверью и они ждут присоединиться к нашему вечернему ужину и **первая ваша жена** она помогала вам вашей карьере?

В примере № 1 – журналист-оратор, начиная «светскую беседу» в самом начале интервью, задает вопрос о жизни в Белом доме. Первая кабина справилась с переводом данного предложения, используя грамматическую трансформацию генерализации и замены грамматической категории числа (*your predecessor → президенты*); не совсем удачной представляется замена обстоятельства места (*his family upstairs the stairwell, which is right over here → соседние помещения*). Оптимальным решением станет опущение указанного обстоятельства места.

Анализируя перевод примера № 1, выполненный второй кабиной, становится очевидным, что перевод не удался, потерян общий смысл всего высказывания. В начале переводчик-2 допускает пропуск повествования, а затем и полное искажение прослушанной информации. Размышляя над причинами данной неудачи, мы обратили внимание на время подачи перевода, зафиксированное программой распознавания речи Sonix (программа автоматически расставляет запятые в случае, если пауза между словами достигает выше 3 секунд). Согласно данным программы, начало перевода второй кабины приходится на 35:08, что соответствует отставанию в 0,2 секунды. Подобное отставание является слишком малым, ввиду чего переводчик просто не может уловить полностью смысл предложения. Данный пример перевода по сути является одновременным произнесением

перевода даже без минимальной нормативной задержки в 2-3 секунды. Именно по этой причине переводчик из второй кабины потерял общий смысл высказывания, в следствие чего, почти полностью исказил перевод.

Ещё одной трудностью перевода примера №1 уже для обоих кабин стала нехватка фоновых знаний. Оба переводчика затруднились передать имя собственное и/или социальный статус супруги основного оратора (Д. Дж. Трампа). Журналист-оратор задал вопрос о супруге 45-го президента США (*the First Lady, Melania*) и её роли в поддержке супруга. Первый переводчик не справился, допустил грубую фонетическую ошибку при произнесении имени Мелания, исказив его как Мелани. Очевидно, что имя супруги и её статус были также не известны переводчику-2 и поэтому были искажены (ср.: *first lady → первая жена*). Данное предложение не вызывало бы затруднений, если бы была известна фоновая информация о семейном статусе Дональда Дж. Трампа. В свою очередь, оправданием отсутствия фоновых знаний может послужить тот факт, что в рамках конкурса переводчики заранее не знали имя оратора.

Проблема «сорности» перевода характерна для многих начинающих синхронных переводчиков. Анализируя перевод синхрониста-2, можно заметить, что во многих примерах необоснованно употребляются «сорные» придаточные предложения (*то, что; так, что*…и пр.). Подобная ошибка увеличивает время произнесения перевода, а также усложняет восприятие на слух.

Перед переводчиком стоит задача не только максимально полностью передать содержание, но и сохранить особенности индивидуального стиля оратора. Исходя из этого, перевод синхрониста-1 не может быть признан полностью адекватным. Несмотря на достаточно высокий темп подачи перевода, переводчик рискнул исказить индивидуальный стиль оратора. Он выбрал бытовой стиль повествования, которому соответствует простая структура актуального членения предложений, наличие односоставных предложений, преобладание разговорных частиц и союзов (например, да нет…, ведь).

Таблица 2 / Table 2

№	Оригинал	Перевод-1	Перевод-2
2	**Trump:** [00:00:52:00] No, because I end up working longer and that's OK. I mean, I'm working long hours. I mean, the country has a lot of problems. **Interviewer:** [00:01:00:10] He says a lot of problems. And President Trump tonight on the controversial moves he's made already *(закадровый голос – наше прим.)*.	**Д. Трамп:** [00:00:52:16] **Да нет просто дольше работаю.** это вполне нормально остаюсь допоздна. в стране ведь много проблем. **Журналист:** [00:01:04:04] **Много проблем.** Поговорим с президентом Трампом о его первых **противоречивых** действиях.	**Д. Трамп:** [00:00:49:13] Да, я много работал. В стране очень много проблем. **Журналист:** [00:00:54:08] **Он сказал** слова много проблем и господин Трамп сегодня находится здесь у нас.

Соглашаясь с В. В. Сдобниковым о необходимости использования тактики стилистической адаптации текста [7], мы считаем, что данная тактика направлена не только на разноязычных коммуникантов (оратор ИЯ – аудитория ЯП), но и на переводчика как посредника в коммуникации. Переводчик обязан модифицировать речь ИЯ в стилистическом отношении исходя из общего контекста ситуации, но при этом сохранить индивидуальный стиль оратора. Так, в примере №2 переводчик спускается по шкале регистра речи оратора, выбрав бытовой стиль повествования перевода, что безусловно влияет на восприятие оратора реципиентом.

Оба переводчика допустили ошибку при переводе закадрового голоса журналиста (пример 2, таблица 2). Общепринятым правилом перевода закадрового голоса при синхронном переводе является переводческий комментарий. В примере №2 переводчики не учитывают особую направленность текста – видео-интервью – с целью оказания определённого воздействия на аудиторию. Переводчик не использует переводческие комментарии в переводе при смене говорящих ораторов. Как следствие, нарушается строгая логичность изложения и точное выражение мысли, усложняя аудиальное восприятие перевода.

Интересно отметить, что стилистическая адаптация текста может способствовать мониторингу за контролем над ходом коммуникации. В ходе многосторонней коммуникации распространено использование реплик, выражающих верификацию или согласие/несогласие. Вполне очевидно, что в случаях, когда реплика условно подтверждает слова говорящего, допустимо применять трансформацию опущения или переносить смысловое значение реплики в дальнейший перевод следующего высказывания (см. пример 3, таблица 3).

Важнейшим умением синхронного переводчика, в первую очередь, является вычленять семантические пики и логически классифицировать смысл услышанного. Сравним два варианта перевода примера 3. Синхронист-2 в примере 3 допускает ошибку избыточности повествования («посмотрим на то, что…»). Очевидно, что, пренебрегая приемом компрессии, второй переводчик просто не успевает следовать за мыслью оратора, т.к. тратит больше время на попытку изложить услышанный текст. Данное утверждение легко проверяется сравнением количества слов: в оригинальном тексте – 13, в переводе-1 – 4; в переводе-2 – 12. Результат подобного перевода будет однозначно неудовлетворительным.

Таблица 3 / Table 3

№	Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2
3	**Interviewer:** [00:01:06:08] Mr. President, I want to start we're five days in and your campaign promises. I know today you plan on signing the order to build the wall. **Trump:** [00:01:13:19] Correct. **Interviewer:** [00:01:14:09] Are you going to direct U.S. funds to pay for this wall? Will American taxpayers pay for the wall?	**Журналист:** [00:01:09:28] Начнем с предвыборных обещаний. сегодня вы подписываете приказ о строительстве стены. как это будет **профинансировано** нашими налогоплательщиками?	[00:01:06:03] Давайте посмотрим на то что вы обещали во время своей предвыборной кампании. и вы сейчас планируете построить эту стену. но как будет осуществляться финансирование этого проекта?

Более того, приём компрессии позволяет не только переводить в темпе оратора, но и осуществить основную задачу синхронного переводчика: озвучить то новое, что ещё не было сказано. Данная задача решается путем использования приёма ранжирования. Под данным приёмом мы понимаем умение выделять информацию третьестепенную, второстепенную и первостепенную. Приведём комментарий известного переводчика-синхрониста Андрея Фалалеева: «если человек говорит очень медленно, то мы можем переводить всё. Если скорость у него средняя, опускаем все третьестепенное. Скорость очень высокая – опускаем всё второстепенное тоже» [8].

Таблица 4 / Table 4

№	Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2
4	**Interviewer:** [00:02:49:08] When I ask about undocumented immigrants who are here in this country right now. They're protected as so-called **«dreamers», the children who were brought here, as you know, by their parents. Should they be worried that they could be deported?** Is there anything you can say to assure them right now that they'll be allowed to stay?	**Журналист:** [00:02:50:05] Теперь о нелегальных мигрантах которые попадают в нашу страну. есть у нас такой закон называется «**дримерс» о детях это легализация детей которые попали в страну с мигрантами родителями.** что будет с этим законом? **Смогут ли дети остаться?**	**Журналист:** Что касается нелегальных иммигрантов которые находятся сейчас здесь в стране **так называемых людей которые бегут за американской мечтой. как вы думаете есть ли возможность что их депортируют из страны?** Что вы можете им сказать?
5	**Trump:** [00:03:05:02] **They shouldn't be very worried. They are here illegally. They shouldn't be very worried. I do have a big heart. We're going to take care of everybody.** We're going to have a very strong border. We're going to have a very solid border where **you have great people that are here that have done a good job.** They should be far less worried, we'll be coming out with policy on that over the next period of four weeks.	**Д. Трамп:** [00:03:07:11] **Никаких причин для беспокойства. я щедрый человек. никого обвинять не будем,** но нужна надежная защита наших границ. **Если люди уже давно приехали зарекомендовали себя как семья с детьми можно будет их оставить в течени**е четырех недель. Мы разрабатываем политику.	**Д. Трамп:** [00:03:00:15] **Нет конечно им не надо беспокоиться, они здесь находятся по сути на легальных основаниях.** Мы стараемся просто укрепить свою границу. однако здесь есть люди из соседней страны которые работают которые участвуют в работе нашего общества.

В примерах 4-5 привлекают внимание переводческие решения в ситуации с прецедентной лексикой. В примере 4 (см. пример 1 в таблице 4) оратор-репортер задает вопрос об иммигрантах и их детях, называя их «dreamers». Каждый из синхронистов принял своё переводческое решение и по-разному осуществил перевод. Переводчик-1 использовал приём фонетической транскрипции, которую сопроводил переводческим комментарием, поясняющим возможно неизвестную реалию для аудитории. Переводчик-2 предпочел описательный перевод данной реалии, который, тем не менее, является неверным. Вероятнее всего переводчику была просто не знакома данная реалия американской культуры, которая происходит от названия «ДРИМ акта» (DREAM сокр. от Development Relief and Education for Alien Minors), американского законопроекта, предлагающего некоторые послабления в миграционной политике путем легализации нелегальных иммигрантов, которые были привезены в страну несовершеннолетними.

Примером ранжирования информации служит перевод вопросов (Should they be worried that they could be deported? Is there anything you can say to assure them right now that they'll be allowed to stay?). Переводчик-1 предлагает перевод лишь главного содержания, применяя грамматическую трансформацию (could they be deported –> смогут ли дети остаться?). Таким образом, переводчик делает акцент на новой информации, ранее ещё не звучащей в данном коммуникативном событии. Вторичная информация (worried; Is there anything you can say to assure them right now that they'll be allowed to stay?) не была переведена, что позволило переводчику сохранить темп оратора.

При ранжировании потока информации переводчиком используется тактика модификации семантической структуры текста (ТМСС). Основным способом реализации данной тактики является вычленение новой, наиболее существенной информации и опущения коммуникативно-нерелевантной информации. При сравнении двух переводов ниже (таб. 5) рассмотрим следующие отрывки в примере 6. Жирным шрифтом выделена лишь та информация, которая была переведена. Стоит также отметить среднюю скорость выступления, которая позволила переводчику сохранять темп речи оратора, но при этом успеть перевести как главную, так и второстепенную информацию.

Таблица 5 / Table 5

№	Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2
6	**Trump:** [00:03:49:02] So let me tell you, first of all, it was so misrepresented. That was **supposed to be a confidential meeting** and you weren't supposed to go out and talk the press as soon as you did. But the Democrats viewed it not as a confidential. **Interviewer:** **But you had tweeted about it.** **Trump:** [00:04:02:02] Sure you do. **And I do.** And I mean it. **But just say it was supposed to be a confidential meeting.** They turned it into a not a confidence. **Number two, the conversation lasted for about a minute. They made it somebody said it was like 25 percent of it wasn't it was hardly even discussed. I said it and I said it strongly** because what's going on with **voter fraud is horrible.** That's number one. Number two, I would have won the popular vote if I was campaigning for the popular vote. would have gone to California where I didn't go at all.	**Д. Трамп:** [00:03:51:29] Во-первых здесь дело в освещении той встречи оно должно было пройти конфиденциально. Однако демократы потом начали о ней рассказывать направо и налево. **Журналист:** [00:04:04:10] Но вы же потом в твит писали. **Д. Трамп:** [00:04:06:09] Конечно да. но изначально идея была что это будет закрытая встреча. это было первое. второе мы поговорили всего минуту а потом в новостях говорили что двадцать минут больше мы ничего не успели обсудить. но я выразил свою решительную позицию касательно того что фальсификации на выборах были просто ужасными я бы выиграл конечно по количеству чистых голосов если бы это было моей целью. Я ведь например не проводил кампанию в Нью-Йорке *я бы еще в другие штаты съездил,* и это было бы даже проще чем выиграть по голосам выборщиков.	**Д. Трамп:** [00:03:50:09] Ну дело в том что мы не должны делиться такими данными касательно голосов которые мы можем набрать. это конфиденциальная информация. **Журналист:** [00:04:05:00] Но это данные официальные. **Trump:** [00:04:07:13] Ну, это данные официальные но, скажем так, когда была кампания, было известно что количество голосов составляет порядка **25%, но я не хочу получить свою победу каким то простым способом.** Если бы я хотел получить простую победу я бы поехал в калифорнию и постарался собрать голоса там или в какие-то другие штаты, и возможно, таким образом я бы их получил. Однако давайте посмотрим кто из кого состоит электорат посмотрим на тех людей которые как они регистрируются на избирательных участках.

№	Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2
	I would have gone to New York, where I didn't campaign at all. I would have gone to a couple of places that I didn't go to and I would have won that much easier than winning the Electoral College. But as you know, the Electoral College is all that matters. It doesn't make any difference. With that being said, if you look at voter registration, you look at the dead people that are registered to vote who vote. You look at people that are registered in two states. You look at all of these different things that are happening with registration. You take a look at those registration you're going to find out.	Но выборщики же важнее *т. е. общее голосование здесь на втором плане*. Однако если мы посмотрим на мертвые души на процедуру регистрации там фальсификации потом на избирателей которые зарегистрированы в двух штатах одновременно. Если посмотреть на все эти нарушения *пересчитать и будет по этому поводу проверка то разрыв сократится.*	

Как справедливо замечает В. В. Сдобников, ещё одним способом реализации ТМСС, может быть привнесение в текст дополнительной информации [7], которую мы выделили курсивом в переводе первого синхрониста. В данном случае (см. пример 6), как мы полагаем, имеет место вольный перевод. Исходя из собственного опыта, мы полагаем, что вольный перевод применяется на личное усмотрение переводчика. Тем не менее, зачастую личные представления переводчика бывают не обоснованными ни контекстом ситуации, ни индивидуально-авторским стилем оратора. Более того, по мнению А. Поповича, вольный перевод определяется как «нежелательное перекодирование … путем прибавления таких тематических и стилистических элементов, которыми оригинал не обладал» [5, с. 191].

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ полных двух переводов интервью, мы получили следующее соотношение: количество предложений в оригинальном тексте – 45, перевод-1 – 33, перевод-2 – 22. Данные подтверждаются использованием переводческих операций, грамматические трансформации, перестановки, добавления, объединения, опущения, изменения порядка слов, обезличивание предложений.

В целом, в переводе, выполненным синхронистом-2, очевидна несогласованность содержания частей текста. По нашему мнению, это обусловлено тем фактом, что синхронист-2 «идёт близко за оратором», что мешает ему понять глубинный смысл содержания текста. Данный факт подтверждается сравнением времени озвучивания перевода двух кабин. Скорость подачи второй кабины значительно быстрее в среднем на 3–5 секунд. Таким образом, переводчик упускает основную мысль сообщения оратора. К тому же, пробелы в понимании содержания текста провоцируют фактические ошибки, большую потерю информации и меньший уровень её усвоения, несмотря на высокую скорость перевода.

Исходя из проведенного анализа, становится очевидным, что языковая личность синхронного переводчика занимает центральное место в ситуации перевода. Именно она детерминирует ментальные, психические, эмоциональные, прагматические характеристики во время перевода. Важно отметить, что базовые компоненты ЯЛ синхропереводчика остаются неизменными: общая эрудиция, фоновые знания, осознанность, богатый тезаурус, профессиональные навыки и умения и т.д. Тем не менее, новые ситуации перевода предлагают новые смыслы и новые интенции, которые продолжат расширять и совершенствовать ЯЛ синхронных переводчиков.

Итак, можно сделать вывод, что проявления языковой личности синхронного переводчика окончательно формируется непосредственно в ситуации перевода и завершаются осознанным переводом смысла и индивидуального стиля оратора.

Список литературы

1. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика. Тверь: Лаборатория деловой графики, 2010. 265 с.
2. Катермина В. В. Языковая личность автора в художественном тексте // Человек. Культура. Образование. 2016. №2 (20). (Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-avtora-v-hudozhestvennom-tekste (дата обращения: 15.06.2021).
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. № 1 (Электронный ресурс http://www.mediascope.ru/node/755 (дата обращения: 16.06.2021).
5. Попович А. Проблемы художественного перевода: Учебное пособие. Пер. со слов. М: Высшая школа, 1980. 199 с.

6. Серова Т. С. Тезаурусно-целевой подход в организации и введении лексики при обучении профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке в вузе // Иностранные языки в высшей школе. 1985. Вып. 18. С. 109–116.
7. Сдобников В. В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход: монография / В.В. Сдобников. 3-е изд., Москва: ФЛИНТА, 2016. С. 98-108. (Электронный ресурс URL: https://rucont.ru/efd/712416 (дата обращения: 15.06.2021).
8. Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Глазунья: самоучитель устного перевода с английского языка на русский. СПб.: Перспектива, 2020. 176 с.
9. Чемезов Я. Р. Применение индекса TQI для повышения качества перевода // Язык и культура. 2017. №37. (Электронный ресурс URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-indeksa-tqi-dlya-povysheniya-kachestva-perevoda (дата обращения: 30.05.2021).
10. Bagiyan A. Yu., Shiryaeva T. A. Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity: Approaches, Essence, Prospects // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. 2018. Vol. 17. No. 4. P. 214-228. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.21

References

1. Bushev A. B. The linguistic personality of a professional translator (Jazykovaja lichnost' professional'nogo perevodchika). Tver, 2010. 265 p. (In Russian).
2. Katermina V. V. Jazykovaja lichnost' avtora v hudozhestvennom tekste (The linguistic personality of the author in the literary text) // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2016. No. 2 (20). https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-avtora-v-hudozhestvennom-tekste. (Accessed: 15.06.2021). (In Russian).
3. Karaulov Yu. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' (Russian language and linguistic personality). Moscow: LKI publ., 2010. 264 p. (In Russian).
4. Kuzmina N. A. Intertekstual'nost' i precedentnost' kak bazovye kognitivnye kategorii mediadiskursa (Intertextuality and precedence as basic cognitive categories of media discourse) // Mediaskop. 2011. No. 1 URL: http://www.mediascope.ru/node/755. (Accessed: 15.06.2021). (In Russian).
5. Popovich A. Problemy hudozhestvennogo perevoda (Problems of literary translation): Textbook. Per. the words. Moscow: Higher School, 1980. 199 p. (In Russian).
6. Serova T. S. ezaurusno-celevoj podhod v organizacii i vvedenii leksiki pri obuchenii professional'no-orientirovannomu chteniju na inostrannom jazyke v vuze (Thesaurus-target approach in organizing and introducing vocabulary in teaching professionally oriented reading in a foreign language at a university) // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 1985. Issue 18. P. 109–116. (In Russian).
7. Sdobnikov V. V. Ocenka kachestva perevoda. Kommunikativno-funkcional'nyj podhod (Translation quality assessment. Communicative-functional approach): monograph / V.V. Sdobnikov. 3rd ed., Moscow: FLINT, 2016. P.98 – 108. URL: https://rucont.ru/efd/712416 (Accessed: 15.06.2021). (In Russian).
8. Falaleev A., Malofeeva A. Uprazhnenija dlja sinhronista. Glazun'ja: samouchitel' ustnogo perevoda s anglijskogo jazyka na russkij (Exercises for the synchronist. Glazunya: self-instruction manual for interpretation from English into Russian). St. Petersburg: Perspectiva publ., 2020. 176 p. (In Russian).
9. Chemezov Y. R. The use of the TQI index to improve the quality of translation (Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity): // Jazyk i kul'tura. 2017. No. 37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-indeksa-tqi-dlya-povysheniya-kachestva-perevoda (Accessed: 30.06.2021). (In Russian).
10. Bagiyan A. Yu., Shiryaeva T. A. Primenenie indeksa TQI dlja povyshenija kachestva perevoda Approaches, Essence, Prospects // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2018. Vol. 17. No. 4. P. 214–228.

Сведения об авторе

Уланова Екатерина Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, романо-германской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: arvin-elf@mail.ru

Information about the author

Ekaterina E. Ulanova – Ph.D. in Linguistics, Associate Professor, Chair of Romano-Germanic Philology, Kuban State University; e-mail: arvin-elf@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

CC BY

УДК 930.1(470.6)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.21

Т. А. Колосовская

НОВАЯ КНИГА О КАЗАЧЬЕМ ИСТОРИКЕ ГЕНЕРАЛЕ И. Д. ПОПКО[1]

[Рецензия: Трехбратов Б. А. Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. Краснодар: Традиция, 2021. 208 с., ил. ISBN 978-5-91883-395-7: 300 экз.]

Для цитирования: Колосовская Т. А. Новая книга о казачьем историке генерале И. Д. Попко. [Рецензия: Трехбратов Б. А. Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. Краснодар: Традиция, 2021. 208 с., ил. ISBN 978-5-91883-395-7: 300 экз.] // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 167–169. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.21

Tatiana A. Kolosovskaya

THE NEW BOOK ABOUT THE COSSACK HISTORIAN GENERAL I. D. POPCO[1]

[Review: Trekhbratov B.A. The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region. Krasnodar: Tradition publ., 2021. 208 p., ill. ISBN 978-5-91883-395-7: 300 copies.]

For citation: Kolosovskaya T. The new book about the cossack historian general I.D. Popco [Review: Trekhbratov B. A. The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region. Krasnodar: Tradition publ., 2021. 208 p., ill. ISBN 978-5-91883-395-7: 300 copies.] // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 167–169. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.21

Среди российских исследователей досоветского периода, оставивших свой след в изучении исторического прошлого Кавказа, выделяется фигура генерала Кубанского казачьего войска Ивана Диомидовича Попко (1819–1893). Он относился к представителям интеллектуальной элиты русской армии, которые успешно сочетали службу с исследовательской деятельностью и его имя заслуженно закрепилось в «пантеоне» известных историков-кавказоведов. Сфера научных интересов генерала была связана с изучением казачьих сообществ на Северном Кавказе, а результатом исследовательских практик стала серия статей и монографии, раскрывающих вопросы участия казаков в освоении кавказской окраины Российской империи.

Жизни и творчеству И.Д. Попко посвящено немало научных и публицистических работ. Формирование обширной историографии «попковедения» началось еще в дореволюционный период [1; 8]. В советское время интерес к его личности, как представителю генералитета старой армии, заметно ослабел и возобновление изучения его служебной биографии и исследовательских практик происходит уже на рубеже XX–XXI вв. Ведущую роль в возвращении имени Попко в современную историографию сыграл доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и Кубани Борис Алексеевич Трехбратов.

Он является автором без малого тысячи научных работ, статей, рецензий, затрагивающих социально-экономические, политические и культурные аспекты истории народов Северного Кавказа и юга России. Особое место в его творчестве занимает исследование жизни и деятельности И. Д. Попко.

Интерес к личности казачьего историка Б. А. Трехбратов проявил еще в начале 1970-х гг., когда работал над своей кандидатской диссертацией. Ее тема была посвящена проблеме формирования сельскохозяйственного пролетариата в Кубанской области в пореформенный период (1861–1904). В ней следовало показать вклад предшественников в изучение темы и Попко оказался в числе тех, чья творческая биография оказалась в фокусе исследования молодого специалиста.

1 Рецензия подготовлена в рамках реализации научного проекта РФФИ № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: историческое портреты, исследовательские практики и научное наследие».
The review was prepared as part of the implementation of the RFBR scientific project No. 19-09-00037 «Military Caucasian Studies of the Russian Empire: Historical Portraits, Research Practices and Scientific Heritage»

С тех пор из-под пера Бориса Алексеевич вышло множество работ, затрагивающих различные аспекты жизнедеятельности его знаменитого земляка [3; 4; 5; 6]. А в 2021 г., в издательстве «Традиция», в г. Краснодаре, была опубликована новая книга по этой тематике [7]. Изданная под редакцией руководителя Краснодарской краевой организации Российского Военно-исторического общества и ректора Кубанского государственного института культуры С. С. Зенгина, она стала своего рода итогом всех предыдущих исследований Б. А. Трехбратова, посвященных личности казачьего историка. В новой работе Борис Алексеевич обобщил свои предыдущие исследовательские материалы и предпринял попытку показать судьбу кубанского офицера в контексте общей истории края.

Основное содержание рецензируемой книги состоит из двух разделов. В первом разделе – историографическо-источниковедческом, автор излагает служебную биографию И. Д. Попко, показывает формирование его исторического мировоззрения, останавливается на характеристике отдельных эпизодов из жизни казачьего историка. Значительное внимание уделяется просветительской деятельности И. Д. Попко, его работе по созданию первых музеев на Северном Кавказе и вкладу в развитие народного образования на Кубани. Раздел включает материал, который ранее уже был опубликован в виде отдельных статей на страницах различных научных журналов и сборников. Тем не менее, его представление как единого целого позволяет воссоздать целостную картину эволюции исследовательских практик казачьего историка.

Большую ценность представляют включенные в первый раздел монографии историографические очерки, содержащие детальный анализ научной и научно-популярной литературы о И. Д. Попко. Особого внимания заслуживает отражение Трехбратовым работ советских ученых, их оценок результатов творческой деятельности казачьего историка. Справедливо подчеркивая фрагментарность их сведений, а также работу в жестких идеологических рамках, Трехбратов убедительно показывает, что, в целом, они давали положительную оценку творческой деятельности Попко, как исследователя народной жизни на Кубани.

Значительный интерес вызывает второй раздел монографии, в котором автор сосредотачивается на рассмотрении участия И. Д. Попко в разрешении волнений казаков станицы Полтавской Темрюкского отдела Кубанской области. В начале 1870-х гг., недовольные выделением из юртовых земель офицерских участков и не желая переселять 49 семей во вновь образованные станицы, полтавские казаки открыто заявили о своем неповиновении решению властей. Урегулировать конфликт поручили генерал-майору И. Д. Попко, который в то время проводил лагерный учебный сбор казаков около соседней станицы и зарекомендовал себя среди местной военной администрации в качестве знатока казачьей жизни.

Б. А. Трехбратов подробно характеризует событийную сторону вопроса, показывает участников волнений, их настроения, анализирует эффективность действия властей в сложившейся обстановке. При этом в центре повествования стоит фигура Попко, а благодаря многочисленным документальным свидетельствам, органично вплетенным в нить повествования, у читателя есть возможность взглянуть на происходящее глазами самого генерала. Особый интерес представляет проведенный Трехбратовым анализ доклада Попко «О смуте, происшедшей в станице Полтавской в 1873 г.». Документ показывает знание его автором тонкостей казачьих аграрных отношений и помогает современному исследователю разобраться в причинах полтавской общественной стачки.

Бесспорным достоинством монографии является использование автором широкого круга архивных источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Основным местом выявления материала стал личный фонд И. Д. Попко, хранящийся в Государственном архиве Ставропольского края (Ф. 377) и микрофильмированные копии документов из этого фонда, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края. «Будучи “всеядным” и любопытным “от природы”» [7, с. 53], как с иронией пишет сам о себе Борис Алексеевич, он обращался и к многочисленным документам из других архивных фондов, которые позволили ему через судьбу Попко показать отдельные эпизоды из истории экономического, социально-политического и культурного развития Кубани в досоветский период.

В заключении хотелось бы отметить, что рецензируемая монография Б. А. Трехбратова вряд ли представляет собой завершенную биографию И. Д. Попко. Это скорее собранные воедино добротные, содержательные, но все-таки отдельные сюжеты. Да, действительно, они закрывают целый ряд белых пятен в биографии казачьего историка, однако создание целостного труда о жизни и творчестве И. Д. Попко по-прежнему остается делом будущего. Новая книга является важным шагом на пути решения этой научной задачи.

Следует подчеркнуть также значимость рецензируемой монографии с точки зрения ее влияния на перспективы дальнейшего развития исследований по истории изучения Кавказа. Новая работа Б. А. Трехбратова помогает разрешению одной из актуальных проблем современной исторической науки, связанной с рассмотрением феномена военного кавказоведения. Участие офицеров Отдельного Кавказского корпуса (впоследствии Кавказской армии и Кавказского военного округа) в изучении и формировании представлений о Кавказе, о народах его населяющих, стало частью процесса зарождения и развития отечественного кавказоведения. По своему содержанию оно носи-

ло гуманитарный характер, выступало в качестве сближающей народы силы [2, с. 17–18]. Работы, посвященные творческим биографиям таких военных исследователей как И. Д. Попко, позволят дать справедливую историческую оценку тому вкладу, который внесли военные в формирование многоотраслевой кавказоведческой науки.

В целом, новая книга об И. Д. Попко займет достойное место в обширном библиографическом списке произведений, посвященных жизни и деятельности этой бесспорно выдающейся личности в истории региона. Она будет интересна каждому, занимающемуся прошлым Северного Кавказа и историей его изучения.

Список литературы

1. Городецкий Б. М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник.1913. Т. 17. С. 333–396.
2. Колосовская Т. А. Опыт изучения феномена российского военного кавказоведения: новые подходы и источники // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 17–24.
3. Трехбратов Б. А. Дореволюционная историография биографии историка, этнографа и генерала Кубанского казачьего войска И. Д. Попко // Культурная жизнь юга России. 2018. № 4 (71). С. 108–113.
4. Трехбратов Б. А. Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Трехбратов Б. А. Кубанские краеведы. Краснодар: б.и., 2005. С. 95–135.
5. Трехбратов Б. А. Неизвестное об известном: новые факты из творческой биографии генерал-лейтенанта И. Д. Попко // Культурная жизнь юга России. 2014. № 3 (54). С. 76–81.
6. Трехбратов Б. А. Псекупский период в службе Ивана Диомидовича Попко: проблемы историографии и источниковедения // Культурная жизнь юга России. 2019. № 2 (73). С. 108–112.
7. Трехбратов Б. А. Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. Краснодар: Традиция, 2021. 208 с.
8. Фарфаровский С. Литературная деятельность И. Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь: Тип. губ. правления, 1910. Вып. 2. С. 1–14.

References

1. Gorodeckij B. M. Literaturnye i obshhestvennye dejateli Severnogo Kavkaza (Literature and public figures of the North Caucasus) // Kubanskij sbornik. 1913. Vol. 17. P. 333–396. (In Russian).
2. Kolosovskaja T. A. Opyt izuchenija fenomena rossijskogo voennogo kavkazovedenija: novye podhody i istochniki (The Experience in Studying the Phenomenon of Russian Military Caucasian Studies: New Approaches and Sources) // Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istorija, politika, kul'tura. Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Pjatigorsk, 14–15 oktjabrja 2021 g.). V 2 parts. Part. 1. Rostov-on-Don: SSC of RAS publ., 2021. P. 17–24. (In Russian).
3. Trehbratov B. A. Dorevoljucionnaja istoriografija biografii istorika, jetnografa i generala Kubanskogo kazach'ego vojska I. D. Popko (Pre-revolutionary historiography of the biography of I.D. Popko – the Historian, Ethnographer and General of the Kuban Cossack army) // Kul'turnaja zhizn' juga Rossii. 2018. No. 4 (71). P. 108–113. (In Russian).
4. Trehbratov B. A. Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko (Life and Creative Legacy of Ivan Diomidovich Popko) // Trehbratov B. A. Kubanskie kraevedy. Krasnodar, 2005. P. 95–135. (In Russian).
5. Trehbratov B. A. Neizvestnoe ob izvestnom: novye fakty iz tvorcheskoj biografii general-lejtenanta I.D. Popko (Unrevealed about the well-known issues: new facts referred to the biography of Lieutenant General I.D. Popko as a writer) // Kul'turnaja zhizn' juga Rossii. 2014. No. 3 (54). P. 76–81. (In Russian).
6. Trehbratov B. A. Psekupskij period v sluzhbe Ivana Diomidovicha Popko: problemy istoriografii i istochnikovedenija (Psekupsky period in the service of Ivan Diomidovich Popko: problems of historiography and source study) // Kul'turnaja zhizn' juga Rossii. 2019. No. 2 (73). P. 108–112. (In Russian).
7. Trehbratov B. A. Sud'ba kubanskogo oficera v kontekste obshhej istorii kraja (The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region). Krasnodar: Tradition publ., 2021. 208 p. (In Russian).
8. Farfarovskij S. Literaturnaja dejatel'nost' I. D. Popko (The wrighting activity of I. D. Popko) // Trudy Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii. Stavropol, 1910. Vol. 2. P. 1–14. (In Russian).

Сведения об авторе

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: tkolosovskaia@ncfu.ru

Information about the author

Kolosovskaya Tatiana – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University; e-mail: tkolosovskaia@ncfu.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 9, № 1 (2022)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2022. – Т. 9. – № 1. – 170 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.03.2022
Дата выхода в свет 29.03.2022
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 19,76 Уч.-изд. л. 19,31
Бумага офсетная Заказ 19 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2